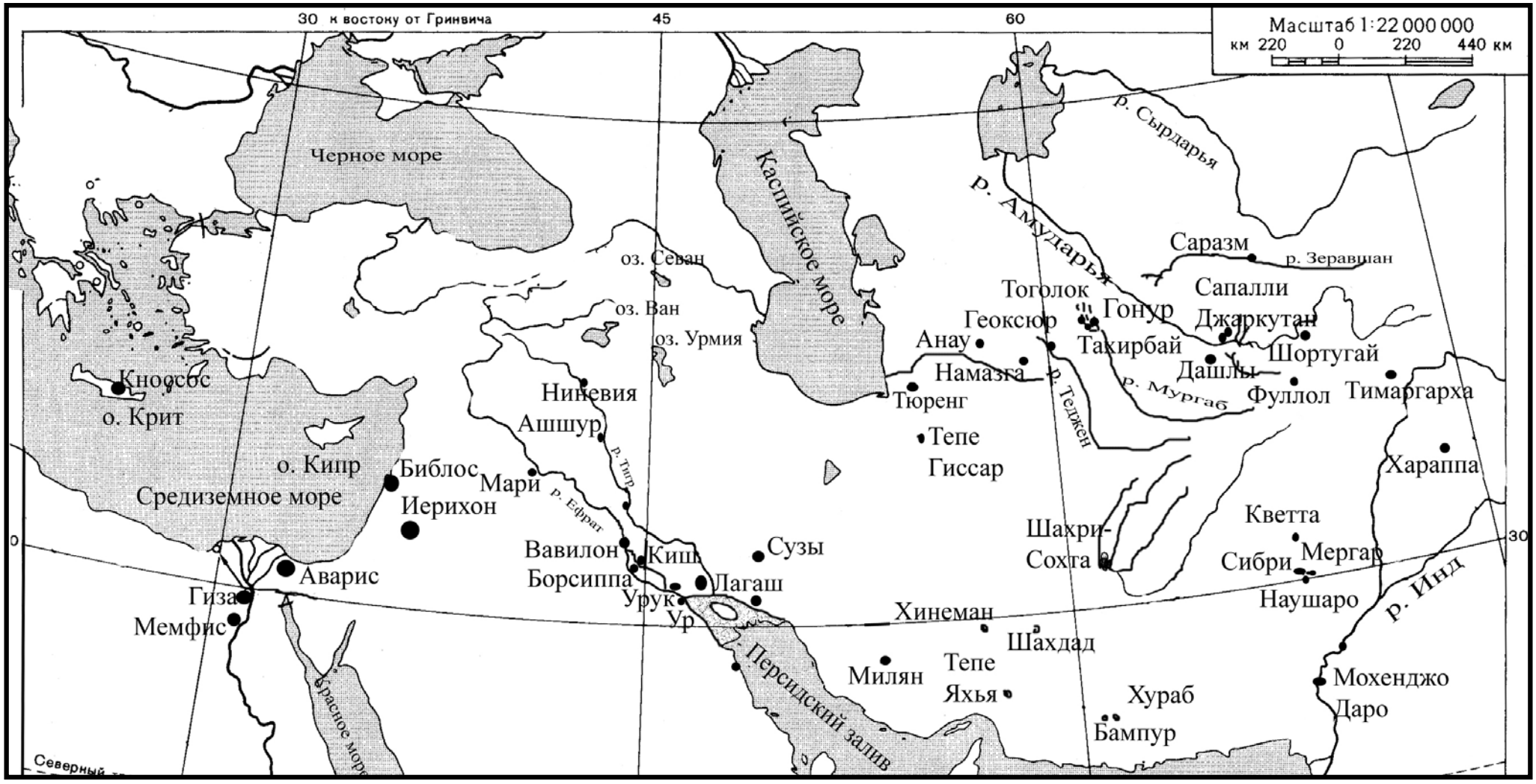
МАРГИАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Т Р У Д Ы

Том 7

Москва 2018


30 к востоку от Гринвича
45
60
Масштаб 1:22 000 000
км 220 0 220 440 км
Черное море
Каспийское море
р. Сырдарья
р. Амударья
оз. Севан
оз. Ван
оз. Урмия
Саразм
р. Зеравшан
Тоголок
Сапалли
Геоксюр
Гонур
Джаркутан
Анау
Такирбай
Шортугай
Намазга
Дашлы
р. Теджен
р. Мургаб
Фуллол
Тимаргарха
Ниневия
Тюренг
Ашшур
Тепе
Гиссар
р. Тигр
о. Крит
Кноссос
о. Кипр
Библос
Мари
Харапа
Средиземное море
Иерихон
р. Ефрат
Кветта
Шахри-
Сохта
Вавилон
Сузы
Сибри
Мергар
Аварис
Борсиппа
Лагаш
Наушаро
Гиза
Урук
Ур
Хинеман
р. Инд
Мемфис
Шахдад
Персидский залив
Милян
Тепе
Яхья
Мохенджо
Даро
Хураб
Бампур
Красное море
Северный

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Маргианская археологическая экспедиция

Алтайский государственный университет

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 7

Исследования Гонур-депе в 2014 -2015 гг.

Редакционная коллегия
Н.А. Дубова (ответственный редактор), Е.В. Антонова,
Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин

Москва 2018

УДК 05[902+572+599+391](31“636/637”/575.4)
ББК 63.4+63.3(0)31+63.5(5Тур)
Т78

Книга издается в рамках работы над научно-исследовательской темой
«Традиционные и современные механизмы адаптации (этнорегиональный аспект)»

Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 7. Исследования Гонур-депе 2014-2015 гг. /
Т78 Ред. Н.А. Дубова (отв. ред.), Е.В. Антонова, Р.Г. Мурадов, Р.М. Сатаев, А.А. Тишкин – М.: Старый сад, 2018 — 260 с.
ISBN 978-5-89930-158-2

Очередной том Трудов экспедиции освещает часть работ, проведенных в рамках Соглашения о сотрудничестве между ИЭА РАН и Министерством культуры Туркменистана на памятнике Гонур-депе в Юго-Восточных Каракумах. Кратко описываются археологические, в том числе стратиграфические работы, а также палеоантропологические, палеопатологические, археоэкологические, геохимические и магнитометрические исследования. Обсуждается социальная структура маргианского общества, торговля слоновой костью, методические вопросы определения возраста по костному материалу и некоторые этнографические сюжеты. Затрагиваются проблема локализации первичного очага носителей индоевропейских языков и ряд тем палеоантропологии Таджикистана. Издание предназначено для специалистов по археологии, антропологии, этнографии и истории Евразии.

Transactions of Margiana Archaeological Expedition. Vol. 7. Gonur Depe Studies 2014-2015 / N.A. Dubova (editor in chief), E.V. Antonova, R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin – M.: Staryi sad, 2018 — 260 p.
ISBN 978-5-89930-158-2

The next volume of the Transactions covers a part of the works carried out under the Cooperation Agreement between the IEA RAS and the Ministry of Culture of Turkmenistan at the Gonur-depe archaeological site in the southeast Karakum desert. Archaeological, including stratigraphic works, as well as paleoanthropological, paleopathological, archaeoecological, geochemical, and magnetometric studies are briefly described. The social structure of the Margiana society, the ivory trade, the methodological aspects of the age determination based on the bone material and some ethnographic themes are discussed. The problem of localization of the primary center of Indo-European speakers and a number of themes on the paleoanthropology of Tajikistan are touched upon. The publication is intended for specialists in archaeology, anthropology, ethnography and history of Eurasia.

УДК 05[902+572+599+391](31“636/637”/575.4)
ББК 63.4+63.3(0)31+63.5(5Тур)

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 7

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ 2014-2015 ГГ.

Подписано в печать 19.11.2018. Формат 90х60/8. Усл. печ. л. 26,0 Тираж 500 экз.
Издательство ООО «Старый сад»
Типография АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный университет»,
143000, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

ISBN: 978-5-89930-158-2
9 785899 301582

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2018
© Маргианская археологическая экспедиция, 2018
© Коллектив авторов, 2018

N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology
and Anthropology of Russian Academy of Sciences

Margiana Archaeological Expedition

Altay State University

Transactions of the Margiana Archaeological Expedition

Volume 7

Gonur Depe Studies in 2014-2015

Editorial board
N.A. Dubova (editor in chief), E.V. Antonova,
R.G. Muradov, R.M. Sataev, A.A. Tishkin

Moscow 2018

Content

FOREWORD..... 8

THE CONTINUATION OF THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AND RESEARCH AT GONUR DEPE

N.A. Dubova, M.A. Mamedov, R.M. Sataev
Works of the Margiana Archaeological expedition during 2014-2015 years.....10

N.A. Dubova, R.M. Sataev, A.V. Fribus, S.P. Grushin, V.V. Kufterin
The graveyard on the South-Western part of Gonur Depe (Area 12). Report 1.....29

R.M. Sataev
Preliminary results of the study of the North Gonur Palace stratigraphy 80

N.A. Dubova, S. Winkelmann-Witkowsky, M. Novak, A. Sollee, D. Meier, W.-Ch. D. Hübner
Summary on the collaborative research of Institute of Ethnology and Anthropology of RAS and Institute of Archaeological Sciences of Bern University (Switzerland) at Gonur Depe in 2014-2015 years.....87

CULTURAL AND TRADE RELATIONS OF BMAC

E.V. Antonova
Bactria-Margiana archaeological culture: material data and features of the social structure 93

D. Frenez
Manufacturing and trade of Asian elephant ivory in Bronze Age Middle Asia. Evidence from Gonur Depe (Margiana, Turkmenistan).....106

ANTHROPOLOGICAL AND ARCHAEOECOLOGICAL RESEARCH

V.V. Kufterin, N.A. Dubova, Yu.A. Nikiforofski, M.B. Berdymuradova, Sh.A. Emudbaeva, O. Saparmamedova
A new unusual palaeopathological find from Gonur: the skeleton from the tomb 4449.....134

N.N. Goncharova, N.A. Dubova, A.V. Basaeva, I.M. Sineva
Analysis of the possibilities of the age determining by the native hand bones in paleoanthropological studies: methodological aspects.....143

L.V. Sataeva
Archaeobotanical studies at Gonur Depe in 2015.....156

E.I. Aleksandrovskaya
Geo-chemical study of the soil from Gonur Depe (first results) 159
A.M. Yuminov, M.A. Romanenko
Red-braun paint from Gonur Depe 162
A.I. Nechvaloda
Skulls from Darnaichi (Early Medieval Tajikistan) 166
V.V. Kufterin
A new paleoanthropological find from Southern Tajikistan
(burial of the Bronze Age in the Obidara terrain) 181
A.Yu. Khudaverdyan, S.G. Obosyan
Anthropo-ecological study of the Late Bronze and the Early Iron Age
necropolis Bagheri Chala (Armenia). 186

PROBLEMS OF THE ARCHAEOLOGY OF EURASIA
A.A. Semenenko
On the possibility of locating a primary focus of Indo-European speakers
at the borders of Iran, Afghanistan, Central Asia and Hindustan 202
A.A. Semenenko
On the "non-standard" Rigvedian "chariots" (ratha) 221
E.A. Muradova
Irrigation system of the South-Western Turkmenistan 240

ETHNOGRAPHY OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA
Ya. Tirkishova
Folk culture: traditions and modernity 245
T. Nobatov
Marvelous sound of Dutar 252
Ya. Tirkishova
Decorations of ancient Goddesses 254

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК И ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОНУР-ДЕПЕ

Н.А. Дубова, М.А. Мамедов, Р.М. Сатаев
Работы Маргианской археологической экспедиции в 2014-2015 гг. 10

Н.А. Дубова, Р.М. Сатаев, А.В. Фрибус, С.П. Грушин, В.В. Куфтерин
Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12). Сообщение 1 29

Р.М. Сатаев
Предварительные итоги изучения стратиграфии дворца Северного Гонура 80

Н.А. Дубова, С. Винкельман-Витковска, М. Новак, А. Солее, Д. Мейер, Х. Хюбнер
Краткая информация о совместных исследованиях ИЭА РАН и Отдела археологии Бернского университета (Щвейцария) на Гонур-депе в 2014-2015 гг. 87

КУЛЬТУРНЫЕ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ БМАК

Е.В. Антонова
Бактрийско-Маргианская археологическая культура: вещественные данные и особенности структуры общества 93

Д. Френец
Торговля слоновой костью из бивней Азиатского слона и производство предметов из нее в эпоху бронзы в Средней Азии. Свидетельства из Гонур-депе (Маргиана, Туркменистан) 106

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Куфтерин, Н.А. Дубова, Ю.А. Никифоровский, ***М.Б. Бердымурадова, Ш.А. Емудбаева, О. Сапармамедова***
Новая необычная палеопатологическая находка на Гонуре: скелет из погребения 4449 134

Н.Н. Гончарова, Н.А. Дубова, А.В. Базаева, И.М. Синева
Анализ возможностей определения возраста по нативным костям кисти в палеоантропологических исследованиях: методические аспекты 143

Л.В. Сатаева
Археоботанические исследования на Гонур-депе в 2015 г 156

Е.И. Александровская
Геохимическое исследование почвы на Гонур-депе (первые результаты) 159
А.М. Юминов, М.А. Романенко
Красно-коричневая краска с Гонур-депе 162
А.И. Нечвалода
Черепа из Дарнайчи (раннее средневековье Таджикистана) 166
В.В. Куфтерин
Новая палеоантропологическая находка из Южного Таджикистана
(погребение эпохи бронзы в местности Обидара) 181
А.Ю. Худавердян, С.Г. Обосян
Антропо-экологическое исследование некрополя эпохи поздней бронзы
и раннего железного века Багери чала (Армения) 186

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ
А.А. Семененко
О возможности размещения первичного очага носителей
индоевропейских языков на пограничье Ирана, Афганистана,
Средней Азии и Индостана 202
А.А. Семененко
О «нестандартных» ригведийских «колесницах» (ратхах) 221
Э.А. Мурадова
Система ирригации в Юго-Западной Туркмении 240

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
Я. Тиркишова
Народная культура: традиции и современность 245
Т. Нобатов
Дутара дивное звучание 252
Я. Тиркишова
Украшения древних богинь 254

Foreword

This volume of the Transactions of the Margiana Expedition includes a part of the results of archaeological excavations carried out at Gonur Depe in 2014-2015. We describe the stratigraphic studies on the territory of the Kremlin and the Palace of Gonur North. Thanks to them the features of the construction periods of the central part of the site were identified. An analysis of the planography of burials on the local burial grounds of Gonur and an analysis of the features of the burial practice on them have been launched from the southwestern part of the site (Areas 12 and 16). A brief information on the joint excavations at Gonur Depe with specialists from the Bern University (Switzerland) is given. A detailed study of objects made of ivory found in Gonur is published. The origin of the raw materials, the place of the manufacture of artifacts and Bronze Age Migration features are discussed. An analysis of universal traits of the unwritten culture of the Margiana society (anthropomorphic images and ornamental patterns on ceramic products) was conducted with the aim of understanding its structure and world view.

In addition to the actual archaeological data, a significant block on the palaeoanthropological studies of Bronze Age and the Middle Ages populations of the Central Asian region is presented. Among them there is a detailed description of the interesting case of palaeopathology recorded at Gonur-Depe and the methodological development for determining the age by the native bones of the hand. Information on new findings of human remains from South Tajikistan, as well as Armenia, is published. In addition to anthropological data, natural science researches are presented: the first note presents the chemical composition of the soil on Gonur (due to a number of objective circumstances, unfortunately, very brief), the second one – an etude on the chemical composition of the red-brown paint. The last work continues a series of materials on the study of the production technology of Gonur artifacts, including mosaics.

V.I. Sarianidi, discoverer of the Margush country and founder of the Margiana expedition analyzing the material obtained for more than 60 years, repeatedly turned his attention to the Indo-European problem. Despite the fact that his point of view about the belonging of the first inhabitants of the ancient Murgab delta to the Aryans, does not have numerous supporters, this problem cannot be discussed now without the data that gave large-scale excavations in this territory, and at Gonur-Depe in particular. Therefore, the editorial board includes two papers directly related to the Indo-European perspective in this volume. We would be glad if other specialists will support the ideas expressed by the author or enter into a discussion with him.

One important note that we would like to make in advance before the main content of the book. It concerns the interpretation of the abbreviation BMAC, which is directly related to the majority of studies conducted by the Margiana expedition. The term "Bactria-Margiana Archaeological Complex" was proposed by V.I. Sarianidi in 1974. E.E. Kuzmina, rightly believing that the term "complex" improperly narrows the scope of an open historical and cultural phenomenon, reducing it to a set of archaeological types, proposed to call BMAC not "complex", but "culture" (Kuzmina, 2008. P. 47). This view was supported by E.V. Antonova. The editorial board of this volume also considers this amendment to be legitimate, drawing attention to the fact that the form of the adopted abbreviation does not change. Therefore, in this and the subsequent volumes of this series we will follow precisely this decoding of the BMAC – the Bactria-Margiana Archaeological Culture.

The publication is completed by three notes figuratively describing the ethnography of the Turkmen people, including those based on museum collections.

Предисловие

Очередной том Трудов Маргианской экспедиции освещает часть результатов археологических раскопок, проводившихся на Гонур-депе в 2014-2015 гг. Описываются стратиграфические исследования на территории кремля и дворца Северного Гонура и выявленные, благодаря им, особенности строительных периодов центральной части памятника. С юго-западной части памятника (Раскопы 12 и 16) начат углубленный анализ планиграфии погребений на локальных могильниках Гонура и анализ особенностей погребальной практики на них. Дается краткая информация о совместных со специалистами Бернского университета (Швейцария) раскопках на Гонур-депе. Публикуется обстоятельное исследование предметов, сделанных из слоновой кости, найденных на Гонуре, в котором обсуждаются вопросы происхождения сырья, места изготовления артефактов и особенности миграций эпохи бронзы. Анализ универсальных признаков бесписьменной культуры маргианского общества (антропоморфных изображений и орнаментальных узоров на керамических изделиях) проведен с целью понимания его структуры и мировоззрения.

Кроме собственно археологических данных, представлен значительный блок исследований, посвященных палеоантропологии населения эпохи бронзы и средневековья среднеазиатского региона. Среди них — подробная характеристика интересного случая палеопатологии, зафиксированного на Гонур-депе и методическая разработка по определению возраста по нативным костям кисти. Публикуется информация о новых находках костного материала из Южного Таджикистана, а также Армении. Кроме антропологических данных, естественнонаучные исследования представлены в томе первой заметкой о химическом составе почв на Гонуре (в связи с рядом объективных обстоятельств, к сожалению, очень краткой), а также текст о химическом составе красно-коричневой краски. Последняя работа продолжает серию материалов по изучению технологии производства гонурских артефактов, в том числе мозаик.

Открыватель страны Маргуш и основатель Маргианской экспедиции В.И. Сарианиди при анализе получаемого в течение более чем 60 лет материала неоднократно обращал свое внимание на индоевропейскую проблему. Несмотря на то, что его точка зрения о принадлежности первых насельников древней дельты Мургаба арийцам, не имеет многочисленных сторонников, без тех данных, которые дали широкомасштабные раскопки на этой территории, и на Гонур-депе в частности, в настоящее время указанная проблема обсуждаться не может. Поэтому редколлегия включает в данный том две работы, напрямую касающиеся индоевропейской проблематики. Мы были бы рады, если другие специалисты захотели бы поддержать высказанные автором идеи или же вступить с ним в дискуссию.

Завершают издание три заметки, образно характеризующие этнографию туркменского народа, в том числе основанные и на музейных коллекциях.

Одно важное замечание, которое хотелось бы сделать, предваряя основное содержание книги. Оно касается расшифровки аббревиатуры БМАК, напрямую связанной с большинством исследований, которые ведет Маргианская экспедиция. Термин «Бактрийско-Маргианский археологический комплекс» был предложен В.И. Сарианиди в 1974 г. Е.Е. Кузьмина, справедливо полагая, что наименование «комплекс» неправомерно сужает масштабы открытого историко-культурного явления, сводя его к совокупности археологических типов, предложила именовать БМАК не «комплексом», а «культурой» (Кузьмина, 2008. С. 47). Эту точку зрения поддержала и Е.В. Антонова. Редколлегия данного издания также считает эту поправку правомерной, обращая внимание и на то, что форма принятой аббревиатуры не меняется. Поэтому в этом и последующих томах данной серии мы будем следовать именно этой расшифровке БМАК — Бактрийско-Маргианская археологическая культура.

Продолжение археологических раскопок и исследований на Гонур-депе

Н.А. Дубова, М.А. Мамедов, Р.М. Сатаев

Работы Маргианской археологической экспедиции в 2014-2015 годах

Исследования Маргианской археологической экспедиции проводятся в рамках Соглашения о проведении раскопок на Гонур-депе между Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (далее — ИЭА РАН) и Министерством культуры Туркменистана. Работы, имевшие место в 2014—2015 годах можно разделить на несколько тесно связанных между собой блоков: 1) собственно археологические раскопки; 2) палеоантропологические[1], археоэкологические, исследования (археоботанические и зооархеологические); 3) изучение технико-технологических особенностей керамических изделий; 4) магнитометрические исследования памятника; 5) консервационные и реставрационные работы. Во время весеннего сезона 2014 г. раскопки на памятнике не проводились, имело место исключительно изучение костного материала (принадлежащего человеку и животным), полученного в предыдущие годы, а также другие камеральные исследования как на Гонур Депе, так и в Марыйском музее и Музее изобразительных искусств Туркменистана (г. Ашхабад)

В работах экспедиции принимали участие: д.и.н. Л.Б. Кирчо (Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург), д.и.н. С.П. Грушин (Алтайский гос. университет, г. Барнаул), археоботаник к.б.н. Л.В. Сатаева (Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа), к.б.н. В.В. Куфтерин (Башкирский гос. пед. университет, г. Уфа), к.и.н. А.В. Фрибус (Кемеровский гос. университет, г. Кемерово), М.М. Потапов (г. Москва), И.В. Панков (г. Санкт-Петербург), А.И. Гутков (г. Магнитогорск), магистрант И.А. Вальков (Алтайский Государственный университет, г. Барнаул, Россия). В соответствии с договором о сотрудничестве между ИЭА РАН и Университетом г. Берн (Швейцария) в составе экспедиции работала группа под руководством проф. С. Винкельман-Витковской (г. Галле, Германия), в которую входили геофизики Х. Хюбнер и К. Курц (оба из г. Фрайбург, Германия), археологи А. Солее (Университет г. Берн, Швейцария), Д. Мэйер, (Германия), С. Фон Пешке, К. Ленгенеггер (Швейцария), Ф. Перейра (Университет г. Фрайбург, Германия), а также студентки Университета г. Берн М. Люней и А. Кулл. В соответствии с Соглашением между ИЭА РАН и Министерством культуры Туркменистана в составе экспедиции работали инспектор Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв» М. Беглиев, аспиранты Института истории АН Туркменистана М. Аманов

1 Анализ палеоантропологических материалов с Гонур-депе проводится в рамках работы над проектом РФФИ (ОГН) №16-01-00288а

и А. Оразов, научный сотрудник Института истории АНТ О. Сапармамедова. Для проведения раскопок приглашалось от 10 до 25 рабочих – жителей близлежащих поселений.

Реставрационные работы проводили Н.А. Ковалева (реставратор высшей категории) и Г.Э. Вересоцкая (реставратор первой категории) (обе – ГосНИИ реставрации Министерства культуры РФ), аспиранты Института истории АН Туркменистана А. Оразов и М. Аманов, а также и М. Аннануров (Государственный историко-культурный заповедник «Абиверд»). К реставрационным работам были привлечены студентки Государственной академии художеств Туркменистана М. Абдуллаева (3 курс) и К. Араева (4 курс), а также студентка 5 курса Туркменского государственного института культуры М. Эмирова. Руководили всеми направлениями работ д.и.н. Н.А. Дубова (ИЭА РАН, г. Москва), к.и.н. М.А. Мамедов (г. Ашхабад) и к.б.н. Р.М. Сатаев (ИЭА РАН, г. Москва).

Археологические раскопки

На Раскопе 12, как в 2014, так и в 2015 г. продолжались работы за пределами сохранившегося участка обводной стены и внутри нее (ведение раскопа С.П. Грушин и А.В. Фрибус, принимал участие И.В. Панков). В северной части 12 раскопа (ведение работ – Н.А. Дубова), внутри обводной стены, продолжались раскопки могильника. Всего в 2014 г. было вскрыто 20 погребальных сооружений (6 подбойных, 13 ямных и одна циста), в 2015 г. – 88 (2 цисты, 55 ям, 27 подбойных, 1 котлован, 1 алтарик и 2 неясной формы). Описание работ на Раскопе 12 приводится в специальной статье «Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12). Сообщение 1» в данном издании.

Судя по полученным данным, южный участок раскопа 12, изученный весной и осенью 2015 г., представляет собой периферию небольшого жилого/производственного квартала, расположенного между обводной стеной и искусственным каналом, ограничивающим с северо-востока Раскоп 16. Жилая архитектура здесь почти не сохранилась, прослежены лишь небольшие фрагменты стен, дворы, площадки занятые печами, хозяйственными ямами (расположены к югу и востоку от помещений) и установленными вертикально и вверх дном хумами. После того, как этот участок был заброшен, он, вероятно, стал использоваться для устройства погребений.

После завершения расчистки юго-западной части Раскопа 12 и соединения его с Раскопом 16, работы были продолжены в северо-восточной части памятника на раскопе 18. Здесь был заложен новый участок площадью 8х8 м, ориентированный по линиям северо-запад – юго-восток и северо-восток-юго-запад. Новый участок был прирезан к части раскопа 18, которая примыкает вплотную к помещению № 170. Здесь было вскрыто три условных слоя. Верхний слой мощностью 30-15 см, представлен плотным лессовидным суглинком современного такыра, перекрытым отвалом старого раскопа. Второй и третий слои представлены охристого цвета уплотненным лессовидным суглинком, содержащим строительный мусор и бытовые отходы. Ниже уровня второго слоя была выявлена печь, отдельно стоящие хумы, а также единичные кости животных.

Среди, происходящих из культурного слоя остатков керамической посуды, визуально выделяются три большие группы: столовая – станковая тонкостенная; станковая толстостенная (крупные сосуды для хранения продуктов – хумы); кухонная – ручной лепки. В каждой группе фрагменты подразделялись на три группы по принадлежности к разным частям сосуда: венчику, стенке и днищу. Отдельно учитывались фрагменты орнаментированной керамики и сосудов сложной, нестандартной формы (ручки, сливы и т.д.).

Среди индивидуальных находок стоит упомянуть различные целые и фрагментированные предметы из разных материалов, бытового и культового назначения. В верхнем слое были обнаружены мелкие обломки бронзовых изделий, несколько мелких кремневых отщепов, кремневый наконечник стрелы (рис. 1,2), два фрагмента женских терракотовых статуэток (рис. 3а,б), каменная мозаичная вставка (рис. 4), целые каменная и бронзовая печати, а также часть еще одной бронзовой печати (рис. 5а,б,в). Продолжение раскопок на данном участке запланировано на последующие сезоны.

По согласованию со швейцарской группой участников (рук. С. Винкельман) экспе-

Рис. 1. Гонур-депе.
Кремневые отщепы из верхнего слоя Раскопа 18.

Рис. 2. Гонур-депе.
Кремневый наконечник стрелы из верхнего слоя Раскопа 18.

Рис. 4. Гонур-депе.
Мозаичная вставка из верхнего слоя Раскопа 18.

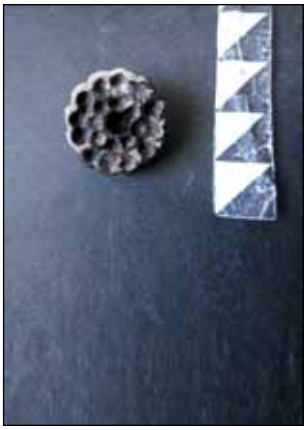


Рис. 5. Гонур-депе. Печати из верхнего слоя Раскопа 18:
а и в — бронза, б — камень.

Рис. 3а,б. Гонур-депе. Фрагменты терракотовых статуэток из верхнего слоя Раскопа 18.

диции к западу от Раскопа 13 был заложен новый Раскоп 23. В соответствии с методикой, применяющейся европейскими исследователями, раскопки проводятся не сплошной площадью, а в рамках отдельных траншей. В 2014 г. были пройдены 3 траншеи (A, B и C), две из которых (A и B) образовали площадь Раскопа 23. Разведочная траншея C, заложенная для проверки результатов магнитометрии (см. далее), полностью попала на нераскопанную часть Раскопа 14 (рис. 6).

В 2015 г. группа археологов Бернского университета под руководством С. Винкельманн-Витковской и Д. Мэйера продолжила исследования Траншеи A, заложенной в 2014 г. (Раскоп 23). Траншея была расширена в южном направлении. В ходе раскопок, производилась послойная, через каждые пройденные 10 см, фиксация на плане керамических изделий и выявляющихся контуров, а также описание обнаруженных предметов. В пределах исследованного участка было выявлено несколько последовательно сменявших друг друга ям (в большинстве своем для отходов), а также юго-западный угол строительной конструкции, назначение которой будет выяснено при продолжении раскопок в этой части памятника и присоединения Траншеи A к ранее (в 2005–2006 гг.) раскопанным помещениям на Раскопе 13, расположенным восточнее. Участниками экспедиции были описаны и зарисованы все значимые фрагменты керамики с этой части раскопа. Краткая информация о проведенных на Раскопе 23 исследованиях представлена в специальной статье в данном издании, а более подробная — в публикациях на немецком языке (Winkelmann 2014; Winkelmann-Witkowsky, 2015).

Кроме погребений на раскопе 12, за 2014 – 2015 гг. было расчищено, описано, сфотографировано и изучено еще несколько десятков могил. Основная их часть (кроме выявленных на вновь заложенном Раскопе 23, где работала швейцарская группа) была обнаружена вследствие размыва и разрушения стен архитектурно-строительных комплексов за прошедшее после их раскопок время. Так, с территории кремля и дворца было описано 11 погребений (все детские); на Раскопе 5 – 4 (все детские); на территории Храма огня – 1; на Раскопе 8 (центральная часть, неподалеку

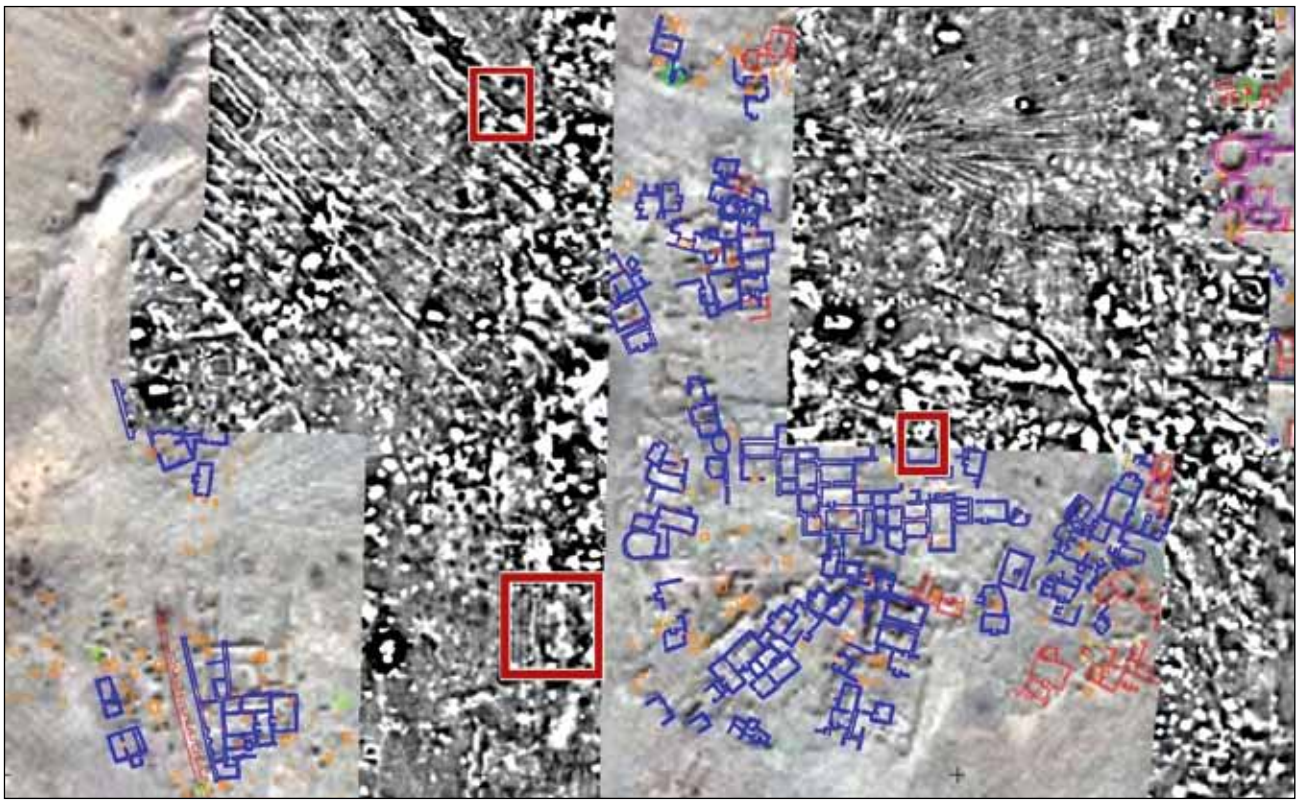


Рис. 6. Фрагмент магнитограммы (P 13 в центре и P 12 слева внизу), полученной Х. Хюбнером с коллегами. Траншеи, выбранные для раскопа швейцарской группы (показаны красными прямоугольниками): A — самый южный прямоугольник; B — восточный и C — самый северный.

Рис. 8. Гонур-депе. Погребений 4532 после расчистки.

от «центрального въезда» в комплекс с юга) – 2 (одно детское, 1 двойное – женщина и ребенок); на Раскопах 10 и 11 – по одному детскому погребению; на Раскопе 13 – 6 (2 детских, 3 взрослых, 1 скопление костей животных); на Раскопе 14 – 1 взрослое; на Раскопе 16 – два детских, а на 18-м – 7 детских захоронений и 1 поминальник.

Рис. 7. Гонур-депе. Погребение 4532 в начале расчистки.

Двойное погребение на Раскопе 8, получившее № 4435 оказалось неординарным. В яме (80 х 45 см, на глубине 10 см от сохранившейся высоты стены), а точнее в нише обводной стены была похоронена молодая женщина 18-22 лет, около таза которой (снаружи от взрослого костяка) находился младенец, проживший не более 2-4 месяцев. Учитывая молодой возраст женщины, можно предположить, что ребенок родился преждевременно и роды не были благополучными. Погребальный инвентарь отсутствует (погребение *in situ*).

Рис. 9. Гонур-депе. Погребений 4532. Бронзовые изделия и бусы перед лицом погребенной женщины.

Рис. 10б. Золотые серьги из погр. 4532 на Гонур-депе.

Благодаря применению металлоискателя, за пределами раскопов всего в 200 м к востоку от экспедиционного лагеря было выявлено непотревоженное погр. 4532 в грунтовой яме (200 х 90 см) (рис. 7). Глубина ямы небольшая (всего около 20 см), что свидетельствует о том, что оно было устроено в последний период обживания памятника. Продольная ось ориентирована с севера на юг. Погребенная женщина 25-55 лет (возраст определен в широких пределах из-за крайне плохой сохранности костных останков) была уложена на правый бог головой на север. Ноги согнуты в коленях так, что пятки подтянуты к тазу, а бедра лежат перпендикулярно позвоночнику. Руки согнуты в локтях и кисти находятся пере лицом (рис. 8). На запястьях обеих рук имеются бронзовые браслеты. Около правой кисти лежит круглое бронзовое зеркало, на котором находятся 3 бронзовые заколки для волос: одна с фигурным, вторая – с круглым серебряным, а третья – с четырехгранным навершием. Между подбородком и зеркалом находится бронзовый стаканчик. Рядом с заколками – 66 бусин из полудрагоценных камней (рис. 10а)[2] (сердолик, стеатит, бирюза и др.) и бронзы. Между пятками и южной стенкой могилы стоит миниатюрный белоглиняный сосудик. С северной стороны от него находится бронзовый косметический флакон с аппликатором, с западной — каменная биконическая бусина, с южной стороны – бронзовая косметическая лопаточка (рис. 9). Около зеркала найдено 2 золотые сережки (рис. 10б) и крупная (около 15 мм) бусина из зеленого полупрозрачного камня. Под бусинами зафиксированы следы ткани. Возможно, следы одежды. В северной части ямы, за головой погребенной стоит 6 керамических сосудов (все археологически целые): красноглиняный круглый с узким коротким горлом, сероглиняная банка средних размеров, красноглиняная, покрытая белым ангобом ваза на гофрированной в верхней части ножке, красноглиняная тарелка, сероглиняный конический сосуд средних размеров и еще одна красноглиняная ваза, но на гладкой ножке.

Весной 2013 г. архитекторами В.И. Артемьевым, А.М. Урмановой (г. Ташкент) и топографом М.А. Бочкаревой (ИИМК, г. Санкт-Петербург) на территории более 100 га, включающей площадь Гонура и окружающих его участков, были уточнены и взаимоувязаны разные части генплана с помощью лазерного тахеометра. Все план, ранее выполненные К. Шадурдыевым на бумаге, были полностью переведены в электронную форму. Все помещения и погребения, раскопанные в 2013-2015 гг., были нанесены Р.М. Сатаевым и М. Амановым на этот обобщенный топографический план Гонур-депе.

В ходе расширения площади раскопок Гонур-депе стала ощутимой необходимость продолжения стратиграфических исследований памятника с целью уточнения его внутренней периодизации. В связи с этим, в 2013 г. было начато изучение строительных периодов дворца (исп. Р.М. Сатаев). Стартовой площадкой был выбран северо-западный участок, что в первую очередь, было продиктовано плохой сохранностью вскрытых архитектурных объектов и наличием здесь законсервированных участков, позволяющих провести контрольные опробования. В результате проведенных работ была проведена ревизия сохранности (наличия и степени представленности) остатков строительных сооружений в этой части памятника, описано и обследовано: в 2014 г. 19 разрезов–зачисток, в 2015 г. – еще 19, уточнена конструкция нескольких новых структур, не вошедших ранее в описания дворца и кремля Гонура. Поскольку эти ис-

2 Здесь и далее отсутствующие на странице рисунки помещены на цветную вклейку

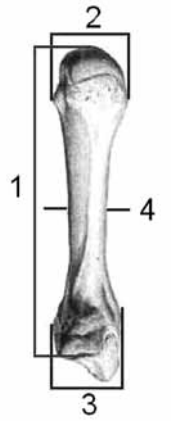
следования продолжаются и не очень близки к своему завершению, в данном издании, в специальном сообщении Р.М. Сатаева приводится только первая краткая информация об этих работах.

Палеоантропологические исследования

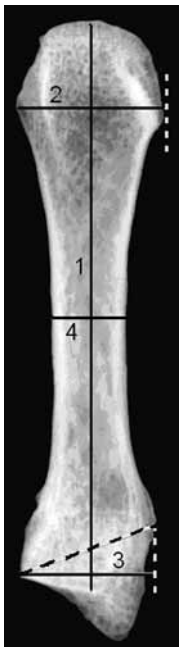
Н.А. Дубовой и В.В. Куфтериным с участием О. Сапармамедовой проводилось контекстное и внеконтекстное изучение палеоантропологических находок. Исследования преследовали своей конечной целью получение информации о физических характеристиках погребенных. В задачу палеоантропологического исследования входило: 1) выяснение особенностей трупоположения (ориентация, поза, последующие экзогенные нарушения первичного положения); 2) половозрастная идентификация погребенных; 3) морфометрия; 4) оценка мышечного рельефа длинных костей; 5) регистрацию мускулоскелетных маркеров стресса; 6) установление одонтологических особенностей; 7) фиксация патологических и пограничных с ними состояний.

Проводилась полевая и камеральная обработка палеоантропологических материалов, расчистка, описание, фотофиксация. Всего за 2014-2015 гг. было описано 150 погребальных сооружений (51 в 2014 г. и 99 в 2015 г.). Особенностью планиграфии могильника на Раскопе 12 является наличие значительного числа пустых грунтовых ям, нередко связанных в небольшие комплексы, а также устройство могил в непосредственной близости одна над другой, что описано в специальной статье в данном издании.

По комплексной программе исследованы скелетные останки 114 индивидов (из них 48 детей, 26 мужчин, 32 женщины и 8 взрослых неизвестного пола). Материал включает и тот, который был получен в процессе раскопок 2013 г. Особое внимание было уделено анализу образцов (кости запястья, пясти, предплюсны, плюсны, фаланги кистей и стоп) для изучения в камеральных условиях с акцентом на рентгенографию и анализ возрастной изменчивости. В полевых условиях собирались образцы, а в лаборатории НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В.



Остеометрические признаки на трубчатых костях кисти:
1 – длина кости,
2 – ширина головки,
3 – ширина основания,
4 – ширина тела.



Планиметрические признаки на трубчатых костях кисти:
1 – длина кости,
2 – ширина головки,
3 – ширина основания,
4 – ширина тела.

Рис. 11. Схема измерения фаланг кисти.

Ломоносова проводилось сравнение измерительных характеристик трубчатых костей кисти, получаемых при измерении нативных костей и рентгенографических изображений. В анализ вошли короткие трубчатые кости правых и левых кистей 40 индивидов. Всего исследовано 40 объектов: 21 правая и 19 левых кистей взрослых индивидов обоего пола. Программа измерений включала 76 признаков на каждой кисти: суставные длины коротких трубчатых костей кисти, широтные диаметры их оснований, головок и середины диафизов (рис. 11). Рентгенографирование костей проводилось в масштабе 1:1 с помощью аппарата цифровой микрофокусной рентгенографии «Пардус-150», приобретенного в рамках программы «Развитие» МГУ. Получены важные выводы ме-

тодического характера: планиметрические и остеометрические характеристики костей кисти высоко скоррелированы между собой. Более высокие связи отмечены для длин костей (выше 0,9), широтные размеры скоррелированы меньше. Установлено, что существуют закономерные различия измерений на рентгенограмме и непосредственно на кости: планиметрические *длины* костей больше, *широтные размеры* меньше (Гончарова и др., 2015. С. 377-378).

Для разработки методики определения возраста по костям кисти в палеоантропологических исследованиях было проведено изучение (рентгенографирование, измерение, оценка степени выраженности признаков на кости и на рентгенограмме, фотографирование) 60 индивидов из коллекции кафедры антропологии МГУ в сравнении с костными останками (кости кисти) с Гонур-депе общим объемом 40 индивидов. Проведены необходимые исследования и для всех индивидов, по разработанной методике рассчитан биологический возраст.

Продолжен сбор одонтологического материала. Как и в предыдущие сезоны, основной упор при палеоантропологической экспертизе был сделан на изучение детских и подростковых скелетов с целью сбора информации по темпам продольного роста в гонурской популяции и дальнейшему пополнению банка данных по особенностям патологического статуса этой группы древнего населения. Полученные результаты изложены в соответствующей статье Н.Н. Гончаровой с соавторами в данном издании. Авторами отмечается, что создана коллекция изображений костей, соответствующих разной степени развития возрастных маркеров. Эта коллекция является методическим пособием для определения возраста по нативным костям кисти. Делается заключение, что экспертная оценка возрастных изменений на проксимальных и дистальных фалангах более релевантна на разных возрастных промежутках. Подчеркивается, что на ранних этапах возрастной трансформации костей кисти рентгенографический метод обладает большей чувствительностью, чем способ визуальной оценки, так как позволяет заметить самые ранние этапы развития маркеров старения, плохо определяемые по нативной кости. Тем не менее, разработанная авторами методика является хорошим дополнением к уже существующим методам определения возраста по возрастным изменениям костной системы. При необходимости она может играть и самостоятельную роль в идентификации возраста, так как с ее помощью достаточно надежно определяются принятые в антропологии возрастные стадии adultus (20-30 лет), maturus I (30-45 лет), maturus II (45-55 лет), senilis (55-60лет). Для определения возраста по правой или левой кисти могут использоваться одинаковые оценочные стандарты, т. к. достоверных различий по среднему количеству возрастных изменений на правой и левой кисти не обнаружено.

Специальному анализу были подвергнуты скелетные останки 31 человека (материалы из руин дворцово-храмового комплекса и сателлитного поселения Гонур 20, полевые сезоны 2005–2010 гг.). Основным критерием отбора черепов выступала их удовлетворительная сохранность. На этой серии В.В. Куфтериным изучалась неметрическая вариация фенов черепа и посткраниального скелета с опорой на фенетический подход московской школы (Мовсесян и др., 1975; Мовсесян, 2005). В программу исследования было включено 34 признака. Проведено межгрупповое сопоставление с рядом древних и близких к современности групп. В показателях краниоскопии наблюдается тяготение гонурской серии к ряду групп эпох бронзы и железа Закавказья (Неркин Геташен 2 и 3, Кармир), что автор рассматривает как подтверждение вывода о прочных связях Закавказья с древневосточными культурами Передней и Средней Азии (Пиотровский, 1949). В то же время явных предпочтений среди степных серий (носители ямной, катакомбной, срубной культур и скифы Поднепровья) гонурские материалы не обнаруживают. Среди современных групп к Гонуру наиболее близки серии болгар и турок, что демонстрирует выраженные южноевропейские параллели в фенетическом комплексе жителей Древней Маргианы (Куфтерин, 2016). Анализ распределения маркеров анемии (поротический гиперостоз и cribra orbitalia) показал, что суммарная

частота встречаемости *cribra orbitalia* на 139 черепах приближается к нижним границам распределения маркера в ближневосточных популяциях неолита – железного века и к верхним – неолита Европы. С наибольшей частотой этот признак регистрируется в возрастной группе *infantilis* II (дети 7 – 14 лет) (Куфтерин, 2012, 2016). Распределение показателя *cribra orbitalia* на гонурском материале автор склонен рассматривать не как индикатор некачественного питания и антисанитарных условий жизни, а как показатель адаптации к высокому содержанию патогенных микроорганизмов в среде (что не удивительно в условиях крупного поселения протогородского типа) (Бужилова, 2001). Были изучены и остеологические маркеры физической активности (скелетные останки 19 мужчин и 43 женщин из 61 погребения). В плане внутригруппового анализа неметрических вариаций черепа и скелета надо отметить, что гонурская палеопопуляция может рассматриваться как группа, состоящая из больших отдельных семей (населения поселков-сателлитов?), имевших невысокий уровень близкородственных связей. О последнем, вероятно, свидетельствует относительно невысокая концентрация генетических аномалий черепа и посткраниального скелета в целом (Куфтерин, 2012, 2016).

Анализ темпов продольного роста у детей и подростков на основе исследования длинных костей 23 детей и подростков. Обычно палеопопуляции отличаются от современных стандартов, некоторым отставанием скоростей роста, что объясняется, помимо оптимального для данного возраста питания, устойчивой генетической детерминацией роста в детском возрасте (Федосова, 2003). В.В. Куфтериным установлены определенные отклонения данных по Гонур-депе от стандартов М. Мареш в редакции В. Федосовой. Они изменяются в диапазоне от 0,73–1,02 (среднее значение – 0,90). Большую задержку роста обнаруживает проксимальный, а не дистальный сегмент конечностей. В.В. Куфтерин подчеркивает, что преимущественный дистальный рост в детско-подростковой выборке Гонур-депе хорошо согласуется с типом пропорций взрослого населения, отличающегося удлиненными относительно плеча и бедра предплечьем и голенью, а также общей мезо- или долихоморфией (Бабаков и др., 2001; Dubova, Rykushina, 2004; 2007). Исследование темпов продольного роста у гонурских детей также подтверждает вывод о хорошей адаптированности рассматриваемой группы древнего населения к условиям окружающей среды, а в палеоэкологическом контексте скоррелировано с высоким уровнем жизни и демографическим благополучием гонурцев, отмечавшимся ранее (Куфтерин, 2012, 2016). Таким образом, можно говорить о том, что основные пропорции тела аридного адаптивного типа, выделенного Т.И. Алексеевой, складываются в раннем детстве.

Археоэкологические исследования

Археоэкологические исследования включали изучение остатков животных и растений происходящих из раскопок памятника.

Целью *зооархеологического – палеоэтнозоологического* исследования, проводившегося Р.М. Сатаевым, являлось выяснение особенностей хозяйственной эксплуатации животных древним населением Гонура (жителями отдельных «кварталов» – архитектурно-строительных комплексов). Задачи исследования включали: 1) установление генезиса остатков животных (кухонно-бытовые отходы, остатки животных использовавшихся при проведении ритуалов); 2) определение систематической принадлежности костных остатков; 3) определение возраста и пола животных; 5) фиксация следов разделки туши и обработки костей; 6) оценка экстерьера.

В рамках обозначенного выше исследования была изучена выборка костей животных, происходящих из культурного слоя, вскрытого на Раскопе 23 (Сатаев, 2016). Кости являются типичными кухонно-бытовыми отходами, накопившимися на обсуждаемом участке, в процессе жизнедеятельности жителями данного «квартала» Гонура. Значительное количество костей несут явные следы раскалывания, термического воздействия, погрызов собаками. Выборка включает 928 кости млекопитающих, а также единичные кости птиц и рептилий. До вида и рода было определено 837 кости (90,2%). Выявленные

виды являются типичными для памятника и включают из домашних форм: мелкий (овца и коза), и крупный рогатый скот, свинью, верблюда, осла, собаку; из диких видов: джейрана. Основная масса костей принадлежит домашним животным – 98.6% (825 костей), на долю единственного выявленного дикого вида – джейрана приходится лишь 1,6% (12 костей). Из домашних животных по количеству остатков лидирует мелкий рогатый скот – 81,7% (от количества остатков принадлежащих домашним видам). Среди остатков МРС определенных до вида (112 костей), преобладают кости овцы – 79,5%. Доля крупного рогатого скота в изученном материале составляет 13,1%, свиньи и верблюда по 1,9%, осла – 0,9%, собаки – 0,4%. Такое распределение долей еще раз подтверждает, что кости являются преимущественно кухонными отходами, к которым примешивались дериваты, происходящие из разрушенных ритуальных объектов. По сравнению с другими частями памятника, где ранее изучались остатки кухонно-бытового генезиса, можно констатировать, что исследованный материал является более «чистым», так как в нем остатки животных практически не использовавшихся в пищу (верблюд, осел, собака) представлены в минимальном количестве. Изучение состава элементов скелета показывает, что остатки МРС и КРС преимущественно представлены костями, происходящими от гастрономически наиболее ценных частей туши (реберно-позвоночной части и верхних частей передней и задней конечности). Результаты возрастных определений демонстрируют отсутствие избирательности по возрасту при выборе животных для убоя. В целом на основании полученных данных, можно сделать следующий вывод, что обитатели участка вскрытого на раскопом 23 не разводили ни МРС, ни КРС, используя животных, приводимых со стороны преимущественно на мясо, при этом, не исключено, что их они получали уже в виде разделанных частей туш – мясных кусков.

В ходе исследований осени 2015 г. были изучены остатки животных, происходящие из 19 погребений (18 погребений на Раскопе 12; 1 погребение на Раскопе 13), часть из которых являются ямами неясного происхождения. Также были исследованы кости из культурного слоя Раскопов 12 и 18, шурфов, заложенных на центральной дворцовой площади (см. статью Р.М. Сатаева в данном издании), и из заполнения раскопанной здесь печи. В совокупности материал из погребений включает 675 костей млекопитающих, из других объектов происходит 62 кости животных. Основное количество остатков принадлежит домашним видам, дикие представлены лишь 6 костями. В целом материал является типичным для памятника, дополняющим и подтверждающим представления о видовом составе используемых животных и характере их эксплуатации у древнего населения Гонура.

Среди артефактов и остатков животных, происходящих из раскопок, встречены изделия из кости и кости со следами обработки. Им было уделено отдельное внимание. Хотя форм изделий из кости, на Гонур-депе выявлено сравнительно немного, они использовались во всех сферах жизни, а кость как техническое сырье полностью не утратило свое значение, несмотря на широкое распространение здесь разнообразных металлических орудий. По всей видимости, существовали виды деятельности, где костяные изделия продолжали активно использоваться, например: при пошиве одежды. Кроме того, изолированные астрагалы и рога копытных могли выполнять сакральную функцию (Сатаев, 2016). В то же время можно констатировать широкое применение костей животных в качестве сырья для украшений, предметов искусства, ритуальных изделий, что позволяет говорить о том, что костяным изделиям принадлежало важное место и в духовной жизни населения Гонур-депе (Вальков, 2015).

На всех территориях, где раскопки проводились весной 2015 г. (Раскопы 12, 23, кремлевская стена, разведочная траншея на восточной части Раскопа 8), осуществлялись и археоботанические исследования. Кроме того, были подвергнуты более подробному анализу образцы из слоя сгоревших зерен, лежащих в основании гробницы 2900, расположенной в пом. 70 Раскопа 5 на севере памятника. Предварительные результаты этих исследования приводятся в специальной статье Л.В. Сатаевой.

Коме работ на Гонур-депе, по просьбе директора заповедника «Древний Мерв» Р. Джепбарова, Р.М. Сатаевым были изучены костные остатки животных из раскопок городища Кыз-кала (XIII в.). Хотя малый объем материала (всего 265 определимых остатка из 447) пока не позволяет делать корректные заключения об особенностях состава стада, можно отметить ряд особенностей. По количеству костей здесь доминирует крупный рогатый скот (46,8%), ему заметно уступает мелкий рогатый скот (26,4%) и лошадь (17,3%). Кроме указанных видов отмечен верблюд (7,5%) и домашний осел (1,5%). Из-за раздробленности костей информация о возрасте забоя животных очень ограничена, однако можно отметить, что остатки МРС принадлежат молодым животным (до 1,5 лет), а КРС и лошади – взрослым и старым особям, из чего можно сделать вывод, что КРС и лошадь в первую очередь содержались ради прижизненной продукции. Однако, учитывая кратность веса туш КРС и лошади по отношению к одной туше мелкого рогатого скота (для КРС – 6, лошадей – 5,5), можно отметить значительный вклад в мясной рациона жителей городища мяса КРС и лошади. Поскольку климат в рассматриваемое время по аридности практически не отличался от современного, состав стада и характер использования животных не соответствуют этим условиям. Поэтому, выявленные здесь особенности, по всей видимости, были обусловлены не внутренними изменениями хозяйственной системы, а монгольским нашествием.

По приглашению руководителя раскопок на Новой Нисе В.Н. Пилипко Р.М. Сатаевым были исследованы и остатки животных с этого памятника. Они происходят из культурных слоев разных исторических периодов (от времени существования Парфянского царства до XVII в. включительно). По сравнению с Гонур-депе и Древним Мервом, материал из раскопок Новой Нисы, отражает ситуацию в предгорной полосе Копетдага. Также нужно заметить, что не все слои представлены репрезентативным объемом костных остатков, а из-за сложности их демаркации могло иметь место частичное смешение костей из разных слоев (поэтому выбраны большие временные промежутки), однако полученные данные, пусть в общем приближении демонстрируют временные особенности формирования стада населением этого региона. Изученный материал происходит из мусорных сбросов, поэтому представляет значительный интерес для темы проекта. Для Аршакидского периода отмечаются следующие количественные отношения между основными домашними видами: КРС – 18,9%; МРС – 77,0%; лошадь – 4,0 %; доли процента приходятся на свинью и осла. Для Сасанидского времени соотношения следующие: КРС – 21,8%; МРС – 57,8%; лошадь – 7,9 %; свинья – 12,5%. Вторая половина X в.: КРС – 17,8%; МРС – 69,2%; лошадь – 4,4%; свинья – 8,6%. XII – XIII вв.: КРС – 26,6%; МРС – 41,3%; лошадь – 18,2%; верблюд – 10,4%; свинья – 3,0%; осел – 0,5%. XVI- XVII вв.: КРС – 15,9%; МРС – 69,43%; лошадь – 10,4%; верблюд – 1,7%; свинья – 2,6%. Приведенные данные показывают, что соотношения в стаде КРС и МРС во времени изменялось сравнительно слабо. Однако, как и в Мервском оазисе к XIII в., среди забиваемых на мясо животных вырастает доля КРС и лошади, что видимо также связано с монгольским влиянием. В целом, можно отметить, что в предгорной полосе Копетдага состав стада домашних животных с первых веков до н.э. до XVI–XVII вв. (за исключением XIII в.) вполне соответствует природно-климатическим условиям данной территории. Вероятнее всего такая стратегия в области животноводства была обусловлена сохранением традиций ведения хозяйства, которые себя оправдывали на протяжении предыдущих поколений, а также менее резкими климатическими изменениями, происходившими в этой части Южного Туркменистана (Сатаев и др., 2015).

Изучение технологических особенностей изготовления керамических изделий

Весной 2014 г. начаты, а в 2015 г. продолжены исследования керамических изделий, которые проводились А.И. Гутковым. Всего была обследована серия в 901 сосуд, из них несколько более 200 происходят с основной территории Северного Гонура,

11 — с саттелитного Гонур-депе памятника Гонур-20, а все остальные — с Теменоса (Южного Гонура). В камеральных фондах на самом памятнике изучена коллекция, насчитывающая 93 сосуда. Остальные 107 сосудов были исследованы и прорисованы в фондах Марыйского музея. Согласно методике А.А. Бобринского (1978), керамика предварительно мылась, рисовалась (главным образом профиль сосуда), фотографировалась в нескольких проекциях (внешний вид, обратная сторона, профиль; при необходимости и особенные детали сосуда). Затем каждый сосуд был обследован под микроскопом МБС-1 с целью детализации технологической картины. Определялись: ожелезненность, однородность или смешанный состав глины сосуда (концентраты глин), естественные примеси (пылевидная слюда, мельчайшие речные раковины и другие примеси). Выяснялись обстоятельства приведения глину в рабочее состояние (в каком виде, сухом или влажном, вводилась глина в рабочий состав). Делались определения на предмет присутствия в формовочной массе искусственно введенных компонентов – пылевидного и мелкого песка, органики, гипсовых включений.

Описаны особенности обработки поверхности сосудов (заглаживание, использование ангоба, влажная затирка поверхности). По возможности определялись средства обработки поверхности. К ним отнесены ткани растительного происхождения и инструменты твердого характера (изредка деревянные инструменты и камень). Часто в качестве моделирующего инструмента и средства заглаживания выступала рука и пальцы гончара. Особенности конструирования сосудов определялись по направленности течения глиняной массы в профиле сосуда и по самой поверхности сосуда.

При формообразовании обращалось внимание на следы использования гончарного круга и на признаки применения формемкостей для изготовления нижних частей сосудов, как больших, так и более мелких. Все отмеченные особенности будут подробно проанализированы и сопоставлены с таковыми керамики, происходящей с других территорий памятника, а также с имеющими данными по другим территориям. Надо отметить, что подобного рода исследования технологии изготовления керамических изделий на памятниках как предгорий Копетдага, так Маргианы и Бактрии ранее не проводились. Поэтому, кроме всего прочего, результаты исследований явятся бесценной базой для получения достаточно подробного представления о динамике изменений не только форм посуды, но и тонких особенностей технологического процесса ее изготовления.

Подробный анализ будет представлен А.И. Гутковым в специальной статье. Его предварительные выводы показали, что гончарная посуда на памятнике производилась на очень высоком технологическом уровне. В целом, это может косвенно свидетельствовать о том, что жители Гонура прибыли в этот регион с уже четко сложившейся системой гончарной технологии. В то же время часть керамики, надо признаться небольшая, имеет следы ручного конструирования без применения технологии гончарного круга. Она сконструирована с помощью лоскутной технологии. Зафиксированы и изделия, отличающиеся смешением принципиально различных технологических знаний и умений.

А.И. Гутков подчеркивает, что при изготовлении посуды гонурцы пользовались в основном ожелезненным пластичным глиняным сырьем. Применялась и неожелезненная глина. Правда, она применялась в концентратах (в смесях глин). Для изготовления некоторых сосудов в качестве исходного сырья употреблялась главным образом неожелезненная глина с небольшой добавкой ожелезненной. Гонурская гончарная посуда отличается также отсутствием искусственных примесей к глине и хорошим высокотемпературным обжигом. Керамика ручного лоскутного изготовления, как правило, низкотемпературного обжига. Для определения присутствия или отсутствия в ее составе искусственных примесей необходим дополнительный обжиг небольших фрагментов от каждого сосуда в муфельной печи. Эта работа будет проделана в дальнейшем, т.к. на момент исследования керамики в 2014 г. такой возможности не было.

Проведение разведочных работ на памятнике с помощью метода магнитометрии

На основании Соглашения о сотрудничестве между Университетом г. Берн (Институт археологических исследований, Швейцария) и ИЭА РАН (Маргианская археологическая экспедиции, Москва, Россия) в 2014 были проведены первые исследования в рамках проекта «Развитие города и использования земель на памятнике Гонур-депе (Туркменистан)». Долгосрочной основной целью проекта является реконструкция структуры поселения Гонур-депе с использованием неинвазивных методов исследования, которые служат для выявления еще не вскрытых раскопками объектов, как в известных границах памятника так и за их пределами.

В первый сезон магнитометрические исследования, проводимые компанией «GGH-Solutions GmbH» (г. Фрайбург, Германия) (Х. Хюбнер и К. Курц), были сосредоточены на территории самого городского поселения (рис. 12). Учитывая особенности памятника, были выбраны семь нераскопанных в полном объеме участков за пределами центральной цитадели. Здесь неинвазивные методы могли помочь в выборе наиболее перспективных участков для дальнейших раскопок. В настоящем издании, в статье, посвященной сотрудничеству с Бернским университетом, приводится более подробное описание магнитометрических исследований. В рамках этих работ выявлено несколько крупных аномалий. На месте двух из них весной 2015 г. были проведены раскопочные работы.

Разведочная траншея на Раскопе 8

Севернее «царского некрополя» на той части Раскопа 8, где он граничит с Раскопом 9, были выявлены хорошо выраженные как положительные, так и отрицательные магнитные аномалии круговой формы значительного диаметра (рис. 13). На месте аномалий была заложена траншея 15 х 4 м (исп. Р.М. Сатаев, С.П. Грушин, А.В. Фрибус). После прохождения двух штыков, учитывая, что в ее южной части не было выявлено признаков наличия каких-либо строительных или других структур, вызывающих неоднородность магнитного поля, она была сокращена до размеров 10 х 4 м. Траншея была доведена до глубины в 2,1 м, т.е. до уровня поверхности материкового уплотненного лессовидного суглинка. Траншеей был вскрыт мощный слой зольно-угольно-мусорных от-

Рис. 12. Процесс магнитометрического обследования западной территории Гонур-депе.

Рис. 13. Магнитограмма обследования территории около «царского некрополя» Гонура (по: Х. Хюбнеру). Кружками обозначены реперные точки, числами — номера нескольких царских гробниц.

ложений со сложной внутренней структурой, имеющий линзовидную форму (рис. 14). Учитывая отсутствие четкой слоистости и слабо выраженную стратификацию, можно предположить, что хотя поступление материала происходило последовательно (за счет локальных участков накопления – отдельных сбросов), эта толща сформировалась за сравнительно короткое время, по-видимому, в результате масштабного, целенаправленного заполнения отходами естественного понижения. Обращает внимание, что заполнение толщи включает, преимущественно, не бытовой, а строительный мусор – фрагменты кирпичей, глиняных обмазок, перемешанных с золой и угольной крошкой. Краткая информация об археоботанических материалах, происходящих из данной траншеи, приводится в статье Л.В. Сатаевой в данном издании. Можно предположить, что вскрытая толща была сформирована в результате очистки дворца от продуктов разрушения строительных сооружений и конструкций, образовавшихся в результате большого пожара. По всей видимости, магнитная аномалия была обусловлена скоплением здесь большого количества продуктов горения и материалов подвергшихся температурному воздействию (золы, обломков саманных кирпичей, обожженной глины).

Раскопки круглого алтаря на западном берегу большого южного бассейна

Вторая крупная аномалия, выявленная на магнитограммах, находилась на западном берегу большого южного бассейна. Там был заложен еще один шурф размером 5 х 5 м, при прохождении которого на 1 штык были обнаружены монументальные стены круглого сооружения, зачистка которых по контуру выявила большой круглый алтарь диаметром 6 м (рис. 14, 15). По всей видимости, его восточный край находился у самой воды, что в совокупности с одним из ритуальных очагов, не сложенных из кирпича, как все остальные подобные, а высеченных

Рис. 14. Гонур-депе. Траншея, заложенная на Раскопе 9 с мощным слоем зольно-угольно-мусорных отложений со сложной внутренней структурой, имеющим линзовидную форму.

Рис. 15а. Гонур-депе. Выявленный круглый алтарь между раскопами 9 (запад) и 8 в начале расчистки.

Рис. 15б. Гонур-депе. Выявленный круглый алтарь между раскопами 9 (запад) и 8 после расчистки.

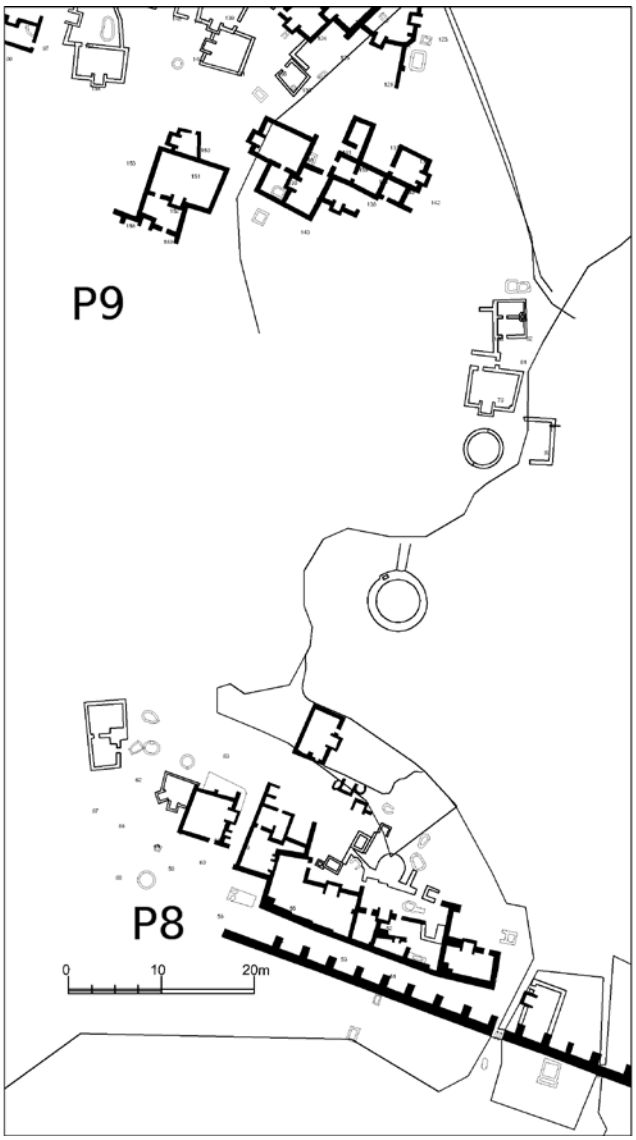


Рис. 16. Гонур-депе. Положение выявленного круглого алтаря между раскопами 9 (запад) и 8 на общем плане памятника.

Рис. 17. Реставрационная лаборатория Музея изобразительных искусств Туркменистана (г. Ашхабад, 2012.). Н.А. Ковалева и Г.Э. Вересоцкая рассказывают В.И. Сарианиди. А.М. Урмановой, В.И. Артемьеву и С. Винкельманн о процессе работы с мозаичными композициями из «царских гробниц» Гонура.

в материковой глине юго-западной части берега бассейна, это – еще одно подтверждение наличия Храма воды, обоснованного В.И. Сарианиди.

Консервационные и реставрационные работы

В 2014 г. Н.А. Ковалевой и Г.Э. Вересоцкой были продолжены консервационные и реставрационные работы надо уникальными гонурскими мозаиками, хранящимися в фондах Музея изобразительных искусств Туркменистана (г. Ашхабад). Были окончательно закреплены после тщательной очистки от загрязнений и доведены до экспозиционного вида три стенки «дарохранительницы» из царской гробницы 3230. Во время проведения Международной научной конференции «Опыт Туркменистана в деле изучения и музеефикации археологических находок» (12–14 ноября 2014 г., Ашхабад), проводившейся Министерством культуры Туркменистана, они были переданы руководству для выставления в одном из залов музея (рис. 16–18).

В 2014–2015 гг. Н.А. Ковалева продолжает работы по консервации живописно-мозаичной композиции «Коврик» из царской гробницы 3200 и по реконструкции схемы ее орнамента. Кроме того, ею же проводится уточнение, а нередко и разработка новых методов реставрации (и/или вторичной консервации) монументального декора. На основании данных изучения полевых фотографий, сохранившихся фрагментов, анализа ритмов композиций и из связей между собой, удалось восстановить пять частично своеобразных, а частично повторяющих композицию, фрагментов. Это – сочетание треугольников и квадратов, составленных из разных каменных вставок. Стало очевидным, что все подобранные реставратором композиции (за исключением некоторых малозначительных разночтений) в своей основе, бесспорно, представляют собой, единую конструкцию, своеобразный модуль (рис. 19). Все фрагменты мозаик, не вошедшие пока в состав восстановленных композиций, были разделены на группы, подобранные по изобразительной значимости. Эти обломки, возможно, помогут дополнить уже подобранные композиции (Ковалева 2016. С. 122).

Кроме композиции из гробницы 3200, Н.А. Ковалева начала исследование мозаик

Рис. 22. Гонур-депе, гробница 3210. Разрозненные детали к фризу «Противоборствующие грифоны» до реставрации.

из камерного инситного погребения 3245. Она назвала эту композицию «Профиль», т.к. в ее основе – прекрасная каменная вставка из белого обожженного камня с изображением профиля женского лица (Сарианиди, 2005. Рис 105; Сарианиди, 2009. Рис. 136). Справа вверху к нему примыкает крупный фрагмент со следами черной краски, справа внизу – фрагмент, на котором сохранились остатки изображения: вертикально расположенная неровная красная «лента», с также неровными черными контурами – очевидная часть одеяния фигуры. На одной из первых полевых фотографий этой мозаики, на фрагменте с изображением части одеяния Наталье Алексеевне удалось увидеть небольшой кусочек белой мозаичной вставки, которые интерпретируется ею как фрагмент руки персонажа (Ковалева, 2016. С. 123). Она обнаруживает сходство данной мозаичной композиции с каменными составными статуэтками (этого, одного из очень характерных артефактов для БМАК) и с известным навершием серебряной булавки из «погребения агнца» (погр. 18 у стены Северного Гонура; Sarianidi, 1996) или миниатюрное плоскостное повторение этих скульптур, выполненное в технике мозаики с живописью (Ковалева, 2016. С. 123, 124) (рис. 20а,б).

Г.Э. Вересоцкая в те же годы продолжала разбор и систематизацию разрозненных фрагментов мозаичного декора из гробница 3210. Ею выполнены прориси мозаичных фрагментов и уже смонтированных композиций фризов; по возможности подобран фотоматериал полевых съемок обнаруженных мозаик; подобраны, укреплены и склеены детали отдельных модулей мозаики; сделана попытка систематизации разрозненных фрагментов мозаичных модулей при помощи выполненных прорисей для возможной реконструкции утраченных участков фризов (рис. 21) «Противоборствующие грифоны», «Крылья», «Змеи, поедающие козлят», «Рыбы-крылья» и, так называемая «Центральная композиция» (Круг, обвитый змеями,

Рис. 23. Разбор и классификация мозаичных фрагментов из гробницы 3220 в помещении реставрационной лаборатории Музея изобразительных искусств Туркменистана (Ашхабад, 9 ноября 2015 г.).

поедающими козлят). В процессе изучения и описания разрозненных мозаичных модулей голов грифонов с открытой пастью, были замечены особенности в изображении некоторых из этих персонажей, которые были выделены в отдельную группу. Это – пять деталей (т.е. голов): две, имеющие левый поворот и три – правый. Все головы выполнены из одного минерала; во-вторых, у каждой из пасти торчит тонкое жало или язык и, в-третьих, на щеках, за открытой пастью имеется продолговатое углубление – «мешочек», некогда заполненное (раскрашенное) черным пигментом. Подобные характерные «мешочки» имеют все гонурские змеи из фриза «Змеи, поедающие козлят». Еще три головы, также выделенные в отдельную группу змей (драконов?), имеют заметно более крупные размеры. Они также имеют подобные «змеиные» мешочки за щеками.

Г.Э. Вересоцкая сделала несколько предварительных прорисовок композиций с сохранившимися фрагментами и с новыми деталями, которые были подобраны к второго фриза с грифонами из разрозненных элементов. После изучения полевых фотографий и исследования всех деталей была составлена схема реконструкции этой композиции. Исследование фрагментов под микроскопом позволило выполнить реконструкцию цветной раскладки на крыльях грифонов и парящих над ними крылатых фантастических существ. Также была сделана экспериментальная модель реконструкции для уточнения и выбора цвета и тональных оттенков рисунка (Вересоцкая, 2016. С. 187).

Проведенная разборка части обширной коллекция разрозненных мозаичных вставок из гробницы 3210 (рис. 22) позволила реставраторам прийти к первым предварительным выводам. Определенная часть мозаичных модулей была укреплена и склеена, что позволило восстановить утраченные формы и размеры более крупных мозаичных вставок. В процессе работы над мозаиками были замечены многие технологические особенности в системе монтирования фрагментов, что является очень важным моментом и в дальнейшем позволит более точно провести работу по восстановлению и реконструкции сложных композиционных схем мозаичного декора.

Например, обнаружены укрепленные с лицевой стороны профилактической заклейкой, фрагменты орнаментального декора, условно названного «змеиные полоски». Орнамент составлен из двух рядов извивающихся полос. Тыльник со следами потрескавшейся мастики имеет белый цвет. Видно, что мозаичные модули различались по толщине и были заточены по краям на конус, что уже является характерной особенностью мозаичных деталей. Волнообразные края деталей стыкуются точно, будучи подогнанными друг к другу. Возможно, что имела место индивидуальная подгонка деталей.

Теперь, после разработанной реставраторами системы разбора и систематизации фрагментов, необходимо проделать большую часть работы и попытаться разобрать модули фрагментов по уже известным композициям. В результате этого станет возможным определить количество однотипных композиций декора и композиционную схему их расположения на стенах погребального помещения, для реконструкции утраченного древнего облика царской гробницы.

Кроме этой, основной работы, Н.А. Ковалева и Г.Э. Вересоцкая провели несколько мастер-классов. Они рассказали студентам Академии художеств Туркменистана и Института культуры об основных принципах консервационно-реставрационной технологии полевой и камеральной обработки мозаик из археологических раскопок. Г.Э. Вересоцкая, М. Аннануров и А. Оразов проводили также разбор и классификацию фрагментов мозаик из захоронения 3220 (рис. 23).

Все бронзовые, а также поврежденные костяные и керамические изделия были отреставрированы реставратором заповедника «Древний Мерв» М. Беглиевым. Весь материал, согласно описи, передан на постоянное хранение в Марыйский музей. Поскольку в 2014 г. силами экспедиции удалось капитально отремонтировать здание базы, одно из ее помещений решено отвести как под хранилище экспедиционного оборудования. Часть керамических изделий планируется разместить в экспозициях, организованных в охранных домиках, сооруженных над особо ценными объектами Гонур-депе.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105-132.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Бужилова А.П. Анемия у древнего населения как один из индикаторов окружающей среды: анализ остеологических маркеров // ВтА. 2001. Вып. 7. С. 227-236.

Вальков И.А. Изделия из кости в системе жизнеобеспечения населения Гонур-депе // Этнос и среда обитания. Вып. 4. М.: Старый сад, 2015. С. 187-194.

Вересоцкая Г.Э. Реставрация фрагмента стенки ларца-дарохранительницы и исследование технико-технологических особенностей материалов мозаики конца III тыс. до н.э. из царской гробницы № 3230 Гонур Депе (Туркменистан) // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 315-323.

Вересоцкая Г.Э. Сарианиди Виктор Иванович. Короткие встречи // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016а. С. 178–187.

Гончарова Н.Н., Синева И.М., Дубова Н.А., Березина Н.Я. Размеры трубчатых костей кисти: сравнение остеометрических и планиметрических данных // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 10. Минск, 2015. С. 364–378.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М: Старый сад, 2004. С. 254-281.

Ковалева Н.А. Виктор Сарианиди – последний Крылатый Лев Маргианы // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 108–125.

Куфтерин В.В. Биоархеологические аспекты исследования детских погребений Гонур-депе (по материалам 2009 – 2010 гг.) // Этнос и среда обитания. Вып. 3. М.:Старый сад, 2012. С. 46-65.

Куфтерин В.В. Особенности биологической и социальной адаптации населения страны Маргуш // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2016. С. 272–294.

Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 51. С. 58–77.

Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М., 2005.

Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Л., 1949.

Сатаев Р.М., Дубова Н.А., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В. Система жизнеобеспечения населения эпохи бронзы юга Средней Азии в сравнении с таковой средневековья и современности: междисциплинарный подход // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Барнаул, Омск: Изд. дом «Наука», 2015. С. 266-269.

Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 197 с.

Федосова В.Н. Анализ процессов роста и развития в палеопопуляциях // Горизонты антропологии. М., 2003. С. 521-530.

Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. С. 317-336.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, Kapon Editions, 2007. P. 296-329.

Sarianidi V.I. The Biblical lamb and the funeral rites of Margiana and Bactria // Mesopotamia. 1996. Vol. XXXI. P. 33-48.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2007.

Winkelmann S. Gonur Depe, Turkmenistan. Bericht über die 1. russisch-schweizerische Kampagne 2014 // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2014. Zurich, 2014. S. 135-166.

Winkelmann-Witkowsky S. Bericht über die Ausgrabungen der Berner Archäologen 2015 in Gonur Depe, Turkmenistan // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2015. Zurich, 2015. S. 179-210.

Н.А. Дубова, Р.М. Сатаев,
А.В. Фрибус, С.П. Грушин, В.В. Куфтерин

Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12)[1]. Сообщение 1.

В процессе археологических раскопок Гонур-депе (Юго-Восточный Туркменистан, 2300-1600 до н.э.) весной 2005 г. на небольшом возвышении к юго-западу от дворца, но внутри обводной стены всего дворцово-культового комплекса, резко выделяющемся над плоским такыром, руководителем Маргианской экспедиции[2] В.И. Сарианиди был заложен новый раскоп, получивший порядковый номер 12. Прежде чем начать описание специфической группы погребений, выявленных на этой территории, т.к. этот материал еще не был опубликован, необходимо хотя бы кратко остановиться на общей характеристике имеющихся здесь построек, погребальных сооружений и сопутствующих объектов.

Как показали раскопки, на этом месте располагалось естественное возвышение, на котором был выстроен небольшой строительный комплекс. Хотя вскрытая архитектура и возвышается над окружающей равниной, возведенные на этом месте стены покоятся на материке, в котором местами прослеживаются небольшие бытовые сооружения в виде мусорных ям, устроенных в предшествующее время. На этом основании В.И. Сарианиди сделал вывод, что в самый ранний период это место эпизодически обживалось обитателями дворцово-культового ансамбля, и лишь затем здесь были возведены помещения. Последующие работы, а также радиоуглеродные даты (табл. 1) показали, что в целом он может быть датирован 2300-1950 до н.э.

Условная граница между Раскопом 12 и позднее выделенным Раскопом 16 (в центре которого расположено «ритуальное погребение животных» – трех баранов и осла – Дубова, 2008) проведена по внешней стороне двух вновь выявленных участков обводной стены (см. далее). Здесь мы упоминаем об этом потому, что дальнейшие раскопки, показавшие наличие нескольких обособленных групп погребений, фактически соединили эти два раскопа в один.

Фиксацию и описание раскопанных объектов в 2005-2008 гг. проводил лично В.И. Сарианиди. С 2008 г. в этом ему оказывала помощь Н.А. Дубова, а в 2012-2013 гг. еще и М.Ы. Беглиев (Заповедник «Древний Мерв», г. Байрамали). Раскопки в 2014-2015 г. проводили Н.А. Дубова (ИЭА РАН, г. Москва), С.П. Грушин (Алтайский государственный университет, г. Барнаул) и А.В. Фрибус (Кемеровский государственный университет). Топографические работы до 2008 г. выполнялись К. Шадурдыевым (г. Байрамали), затем – Сатаевым (ИЭА РАН, г. Москва). Весной 2013 г. В.И. Артемьевым, А.М. Урмановой (г. Ташкент) и М.А. Бочкаревой (ИИМК, г. Санкт-Петербург) на территории более 100 га на самом Гонуре и вокруг него были уточнены и взаимоувязаны разные части генплана с помощью лазерного тахеометра. Ранее выполненные на бумаге планы были полностью переведены в электронную форму. В эти работы была включена и территория Раскопа 12, охваченная раскопками в 2013 г. Топографию территорий, раскопанных в 2014-2015 гг., выполнял Р.М. Сатаев, помощь которому оказывал М. Аманов (Ин-

1 Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ(ОГН) № 16-01-00288.

2 Маргианская археологическая экспедиция проводит свои работы в рамках Соглашения между Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Министерством культуры Туркменистана.

Таблица 1.

Радиоуглеродные даты, полученные для территории раскопа 12.

Лабораторный индекс	14C возраст, лет тому назад (BP)	Положение образца в памятнике	Датируемый материал	Интервалы калиброванного календарного возраста, лет до н.э. (cal BC)	
				1σ (68% вероятности)	2σ (95% вероятности)
UBA-8015	3787±37	Раскоп 12, пом. 15, погр. 3361	Уголь	2290-2140	2350-2040
Ле-9986	3940±60	Раскоп 12. из слоя, в котором устроено погр. 4180	Уголь	2570-2530(9,7%) 2500-2340 (58,5%)	2580-2270(92,4%) 2260-2200 (3,0%)
Poz-83486*	3735±35	Раскоп 12, погр. 4329	Зуб человека	2277-2030 calBCE	
PSUAMS-2311*	3660±20	Раскоп 12, погр. 4258	Зуб человека	2134-1957 calBCE	
PSUAMS-2312*	3700±20	Раскоп 12, погр. 4384	Зуб человека	2190-2029 calBCE	

** По: Narasimhan, Patterson et al., 2018.*

ститут истории АН Туркменистана, г. Ашхабад). Палеоантропологические исследования на этом раскопе до 2009 г. осуществлялись Н.А. Дубовой, в последующие годы ею вместе с В.В. Куфтериным. В 2012-2013 гг. в антропологических работах принимала участие О. Сапармамедова (Институт истории АН Туркменистана, г. Ашхабад). Отдельные уточнения планов в южной части Раскопа 12 были проведены весной 2018 г. с участием А. Оразова и М. Беглиева (Заповедник «Древний Мерв, г. Байрамали). Большую помощь в подготовке графических материалов к публикации оказали В.И. Артемьев (г. Ташкент) и Р.Г. Мурадов (г. Ашхабад), а также М. Вересоцкая (г. Москва).

Одним из первых объектов на Раскопе 12 был расчищен юго-западный фрагмент обводной стены комплекса. Эта стена лучше всего сохранилась в своих северной, южной и частично восточной частях. Западный ее участок оказался полностью размытым процессами естественной дефляции. Сохранилось два фрагмента юго-западной стены – северный и южный, промежуточный участок между которыми к моменту раскопок оказался полностью размыт и развеян. Оба сохранившихся участка принадлежат единой обводной стене, о чем свидетельствуют сохранившиеся выступающие во внутреннюю сторону опорные выступы-пилястры, устроенные для придания стене большей устойчивости и сохранности. Их форма и размеры полностью совпадают с таковыми, прослеженными на всем протяжении данной стены, окружающей комплекс. Нельзя не отметить, что два фрагмента, выявленные в 2005 г., не вписываются в правильный овал, который образуют северная, северо-западная, южная и восточная части стены. Они как бы охватывают с юго-запада некий значительный по площади выступ (рис. 1). Проводимые до настоящего времени целенаправленные поиски следов развеянных участков стены как к северу, так и к юго-востоку от вновь найденных, пока не принесли положительных результатов. Учитывая топографию местности, нельзя исключить, что обводная стена и не имела формы правильного овала. Возможно, она состояла из фрагментов разной протяженности. Вероятно, она была выстроена с учетом рельефа (см. горизонтали на рис. 1). В то же время на юге комплекса (около «царского некрополя») имеются однозначные свидетельства того, что эта стена строилась отдельными фрагментами, которые затем соединялись (Сарианиди, 2008. С. 59). Возможно, и эти два ее куска на юго-западе памятника говорят о том же.

Внешнюю, западную границу раскопанного южного микрокомплекса составляет длинная, глухая стена, идущая параллельно фрагментам обводной (рис. 2). Центральную и предположительно главную часть построек здесь занимают пом. 1, 3 и 6, которые сохра-

Рис. 1. Генеральный план Гонур-депе. 2013 г. Черными стрелками указана основная часть обводной стены, серыми — фрагменты обводной стены на Раскопе 12.

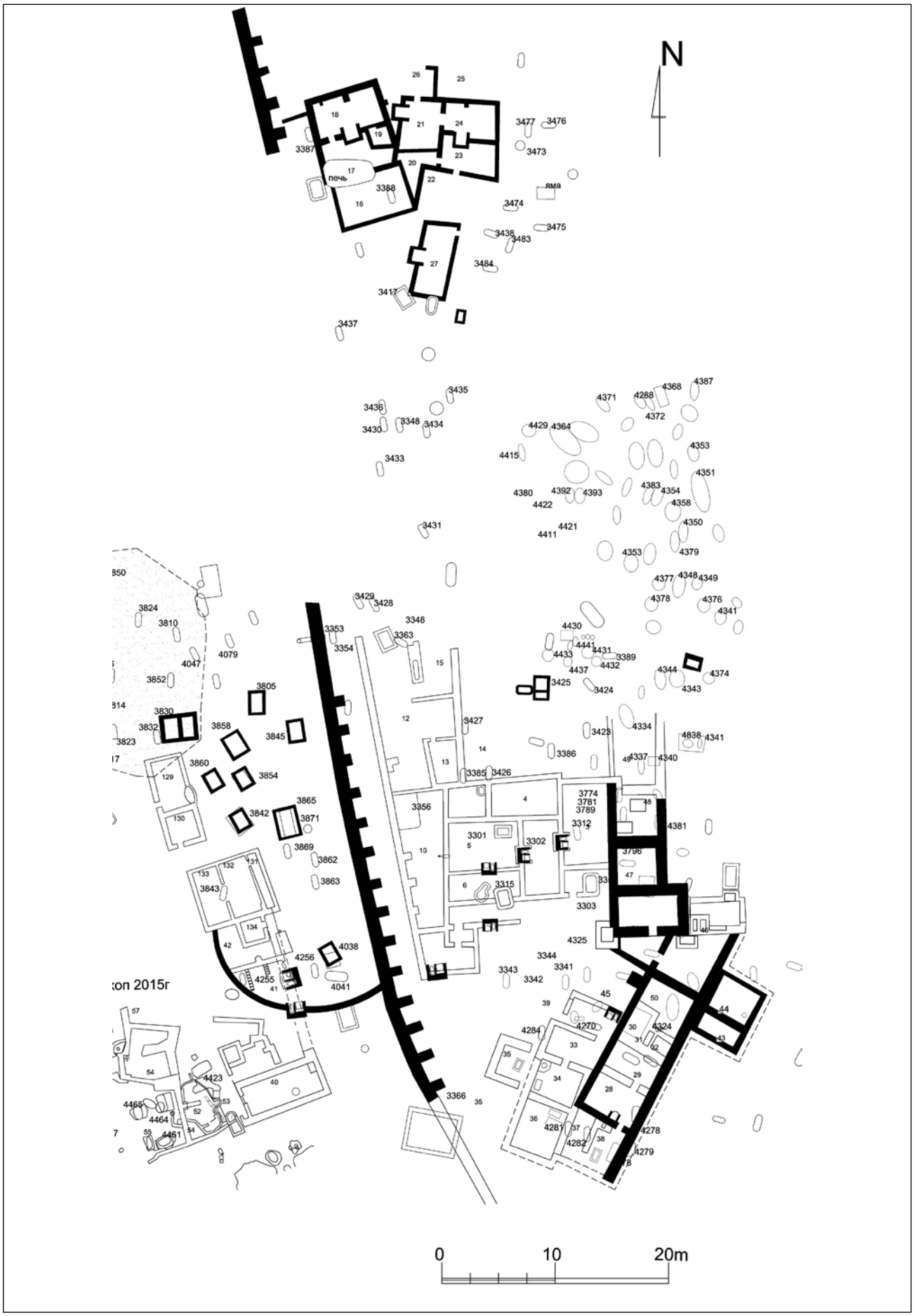


Рис. 2. Южный микрокомплекс Раскопа 12. 2005 г.

нили по одному культовому внутристенному очагу, где, как полагал В.И. Сарианиди, могло готовиться мясо для жертвоприношений. В таком случае какие-то культовые церемонии могли протекать в пом. 5, занимающем центральное место во всем рассматриваемом здании. Назначение двойного пом. 4 остается не совсем ясным.

В 2005 г. в южной части Раскопа 12 расчищены пом. 9 и 8, соединенные между собой сквозными проходами. Если назначение пом. 9 не вполне ясно, то пом. 8 представляет собой небольшой вестибюль, через который можно было попасть в следующее пом. 7 – своеобразный глухой коридор. К моменту раскопок его восточная часть не сохранилась и была нарушена впускными погребениями. На стене между пом. 6 и 7 покоится основание кирпичной погребальной цисты № 3315[3]. Циста была ограблена в древности. Тот факт, что циста непосредственно покоится на руинах стен былого коридора, указывает, что впускные захоронения были совершены спустя много лет после того, как рассматриваемый строительный комплекс пришел в запустение и был заброшен. Это же, как представляется, подтверждают и имеющиеся, приведенные далее радиоуглеродные даты.

Пом. 12-15, расположенные непосредственно к северу от выше рассмотренных, составляют лишь часть от былого и сильно развеянного микрокомплекса, назначение которого не определяется. На территории пом. 12 в разных местах и на разной глубине заполнения найдены нога от терракотовой статуэтки, каменная биконическая бусина, бронзовое четырехгранное долотцо и два интересных артефакта. Один из них — мраморная фигурка животного без головы, напоминающая эквида. На месте гривы и хвоста животного имеются продольные разрезы. Передний раскрашен красной, а задний — черной краской (рис. 3). Второй объект — это фрагмент керамического изделия, имевшего круглое или почти круглое тулово. На нем имеется два конусовидных налепа с отверстиями в вершинах. По их расположению и общей форме они вполне могут трактоваться как женские груди (рис. 4а,б).

3 Описание погребений будет дано в отдельном разделе данной статьи.

Рис. 3. Гонур-депе. Раскоп 12, верхний слой. Каменная фигурка эквида.

К северу, югу и востоку от описанных построек, а также внутри них раскопано около 100 погребений, по-видимому, не формирующих самостоятельный могильник, а в той или иной степени связанных с другими.

Пом. 16-27 расположены с внутренней стороны северного фрагмента обводной стены. Они формируют несколько небольших строений, видимо, перестраивавшихся несколько раз. Скорее всего, наиболее ранним является прямоугольное сооружение, включающее два помещения (17 и 18), связанные между собой

Рис. 4а,б. Гонур-депе. Раскоп 12, пом. 12. Фрагмент керамики с конусовидными налепами

Рис. 5. Гонур-депе. Раскоп 12, пом 16 и 17 с двухкамерным очагом.

проходом и имеющие во внутренней стенке двухкамерный ритуальный очаг (рис. 5). В северо-восточном углу пом. 17 сырцовой стеной позднее был отгорожен небольшой участок 2,0 × 1,6 м (пом 19). С наружной стороны западной стенки пом. 18 устроена округлая яма (№ 3387[4]) диам. 140 см и глубиной 100 см, на дне которой вкопан крупный хум (диам. 60 см) (рис. 6). В заполнении ямы находились крупные фрагменты еще двух хумов и 1 вазы на короткой ножке. В более позднее время к востоку от этих двух комнат построено здание, от которого сохранилось три или четыре комнаты (пом. 20-21, 23-24). Две их них (пом. 21 и 23) имеют двухкамерные ритуальные очаги.

Рис. 6. Гонур-депе. Раскоп 12, пом. 18. Округлая яма (№ 3387), на дне которой вкопан крупный хум

Рис. 7. Гонур-депе. Раскоп 12, пом. 20. Фрагмент терракотовой статуэтки

4 Грунтовые ямы, вне зависимости от того, находились там или нет костные останки человека или животных, включались в общую нумерацию погребальных сооружений.

Рис. 8а,б. Гонур-депе. Раскоп 12, пом. 20.
Фрагмент терракотовой статуэтки

Вероятно, имелось и помещение к северу от пом. 21, куда ведет проход и от которого сохранился фрагмент восточной стенки (пом. 26). Почти в то же время была выстроена отдельно стоящая комната (пом. 27) со встроенным в западную стенку двухкамерным ритуальным очагом и имеющая вход около своего северо-восточного угла. По прошествии небольшого времени с юга к пом. 17 было пристроено пом. 16, где не сделано никаких находок. Когда эти помещения перестали функционировать, над пом. 16 было устроено погребение 3388, а над юго-западным углом пом. 17 и прилегающей части пом. 16 была сооружена гончарная печь (3,9 × 2,5 м).

В пом. 20 найдено небольшое бронзовое долотцо. В верхних слоях этой территории, не привязанных к какому-либо помещению, найдены фрагменты двух мужских терракотовых статуэток (рис. 7,8), средняя часть заколки для волос из слоновой кости (рис. 9) и небольшая бронзовая стамеска (рис. 10). Хозяйственное назначение всех описанных сооружений представляется наиболее вероятным. К востоку, северу и югу от охарактеризованных помещений устроено значительное число погребений.

Весной 2013 г. в результате выветривания и размывания верхних слоев почвы, южнее выше описанных помещений были прослежены и далее раскопаны помещения 28-39, 43-45 внутри обводной стены и пом. 40-42 за ее пределами (рис. 11). Сохранность стен – от 30 до 50 см. Пом. 28-39 никак не связаны с ранее вскрытыми постройками на этой территории. Между ними находится свободное пространство, где, по-видимому, в последний период обживания Гонура были устроены довольно бедные погребения. Все погребения – впускные, нет оснований связывать их с периодом жилого, хозяйственного или ритуального использования территории.

Основная часть находок в пом. 28-39 – фрагменты керамики и небольшое количество костей животных. Наиболее ярким предметом в этой части раскопа явился каменный (из оникса) сосуд на высокой ножке (рис. 12). Он был найден в юго-западном углу пом. 28 на глубине 30-35 см от уровня пола. Ближе к центру того же помещения, в заполнении на глубине около 20 см от верхнего уровня стен найдена бронзовая перегородчатая печать с крестовидным орнаментом (рис. 13), а также два куска камня: один — небольшая продолговатая белая галька, а второй — довольно крупный, возможно, фрагмент какого-то изделия из стеатита. В пом. 33 в заполнении на высоте около 25 см от пола найден фрагмент терракотовой статуэтки – стопа странной формы (типа ласты) и прилегающая часть ноги (рис. 14). В верхних слоях над южными помещениями этой части раскопа находилась голова женской терракотовой статуэтки с короной. В заполнении пом. 35 найдены бронзовая булавка (рис. 15), кремневый наконечник стрелы (рис. 16) и глиняная биконическая бусина. В верхнем слое пом. 43 находился фрагмент булавки

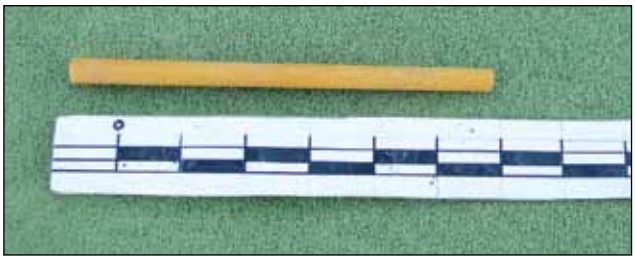


Рис. 9. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 20.
Фрагмент булавки из слоновой кости.

Рис. 10. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 20.
Бронзовая стамеска.

Рис. 11. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 41-42. Вид с юга.

из слоновой кости (рис. 17). В северо-западном углу пом. 45 без связи с погребениями найдено бронзовое кольцо в виде пружины в 1 оборот и бронзовый же простой браслет. В заполнении в юго-восточной части пом. 43 на глубине около 10 см от пола найдена костяная булавка. Следов погребений обнаружено не было. На стенах между пом. 44 и 43 прослежен контур белого цвета толщиной до 5 см и глубиной до 1 см (110 см с севера на юг на 90 см с запада на восток). Возможно это – остаток глиняной емкости, стенки которой были обмазаны раствором белого цвета.

В пом. 48, в его юго-западном углу на высоте 45-50 см от пола были найдены развалы раздавленных (частично археологически це-

Рис. 12. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 28. Каменный сосуд.

Рис. 13. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 28. Бронзовая перегородчатая печать.

Рис. 14. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 33. Фрагмент терракотовой статуэтки.

Рис. 16. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 35. Кремневый наконечник стрелы.

Рис. 15. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 35. Фрагмент бронзовой булавки.

Рис. 17. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 43. Фрагмент булавки из слоновой кости.

лых) керамических сосудов (большинство из них – средних размеров с подкосом у дна). Встречено немало крупных камней, в том числе стоящая наклонно зернотерка (рис. 18). Рядом с зернотеркой находился и каменный терочник, которым собственно зерно и растирали. Площадь этого скопления – 140 см с севера на юг и 150 см с запада на восток.

Особое положение занимает пом. 40, раскопанное за пределами южного фрагмента

Рис. 18. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 48. Вид с юга.

Рис. 19. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 40. Вид с востока.

обводной стены (рис. 19). Оно имеет подпрямоугольную форму и вытянуто с востока на запад и имеет размеры 6,6 × 3,1 м. Его связь с севернее расположенными комнатами, исследованными на Раскопе 16 в предыдущие сезоны (№№ 131-134), не прослеживается. В северо-восточном углу этой комнаты устроена тумба из двух рядов стандартного (45 × 20 × 12 см) сырцового кирпича размером 90 × 50 см. Наверху тумбы находилось скопление золы и углей, внутри которого найдено 2 бараньих альчика, лежавшие рядом друг с другом. В полуметре от этой тумбы к юго-западу на полу помещения найден раздавленный археологически целый крупный керамический сосуд с широким горлом. В северной стене помещения, в 1 м от северо-западного угла устроен бытовой очаг с хорошо сохранившимся сводом и дымоходом. В середине западной стенки помещения – устроена ниша шириной 60 см, на полу которого лежит толстый слой золы с углями (толщина до 15 см). Стенки и пол ниши не имеют сле-

Рис. 20. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 40. Колечко из слабообожженной глины.

Рис. 21. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 40. Глиняная фигурка быка.

Рис. 22. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 42. Вид с юго-востока.

дов обожжения, поэтому полагать, что это — очаг, нет оснований.

В южной стенке данной комнаты сохранились остатки задней стенки очага, топка которого располагалась в помещении далее к югу (следов этого помещения не было обнаружено). С запада к этой стенке примыкает специально сооруженная из глины емкость, имеющая ширину 75, а глубину 30 см. Внутри емкости находились несколько разрозненных костей животного (баран/коза), мелкие фрагменты керамики, кусочек бронзового шлака, бронзовый стержень, колечко (диам. 1 см) из слабо обожженной глины (рис. 20), а также несколько фрагментов от глиняных фигурок животных и шариков. Наилучшим образом сохранилась фигура быка (рис. 21) и фрагмент согнутой в суставе конечности.

Назначение пом. 28-39, так же как и пом. 43-45, являющихся их продолжением на север, ближе всего к хозяйственному, т.к. ни одного ритуального очага, никаких свидетельств проведения ритуалов не выявлено. Имеются только круглые и овальные ямы в полах помещений, а также несколько обычных ниш в стенах. В некоторых комнатах имелись предположительно впускные погребения (см. далее). Как было отмечено, только пом. 40 имеет свои особенности. Находки, сделанные там, говорят о том, что это пространство вряд ли могло быть чисто хозяйственным, тем более жилым. Скорее всего, здесь проводились некие ритуалы, обряды, возможно, связанные со скотоводством.

Осенью 2013 г. работы были продолжены к северу от описанного комплекса в пом. 45-51, а за пределами фрагмента обводной стены – пом. 41,42. Стены практически всех помещений явно были разрушены еще в период функционирования протогородского центра.

Своим устройством и находками выделяется всего несколько комнат. Так, в северо-западном углу пом. 42 (за пределами фрагмента обводной стены) устроена конусовидная емкость диаметром 70 см и глубиной 25 см. На полу в западной части этой комнаты лежит 5 сырцовых кирпичей. Между тремя из них в центре находится нижняя часть конечности животного, нижняя челюсть МРС и фрагмент керамического сосуда средних размеров (рис. 22, 23). В северо-восточном углу комнаты был найден фрагмент брон-

Рис. 23. Гонур-депе, Раскоп 12. Фрагмент пом. 42 со скоплением кирпичей и костями животных.

Рис. 24. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 42. Вид на погр. 4255.

зового браслета. В северной стенке устроен обычный овальный очаг, который на момент расчистки был заполнен грунтом, смешанным с овечьим навозом. Стенки очага и прилегающие части стен помещения закопчены дочерна. В западной стенке комнаты располагается разрушенная ниша шириной 60 см, обмазанная изнутри тонким слоем глины. Обращает внимание, что в заполнении этого, как и расчищенных в предыдущие сезоны соседних пом. 40 и 41, найдено достаточно большое количество фрагментированных костей животных.

Приведенные сведения не противоречат уже высказанному предположению, что данные комнаты, устроенные за пределами обводной стены, могли использоваться как для хозяйственных нужд, так и для проведения неких обрядов, ритуалов, связанных с животноводством.

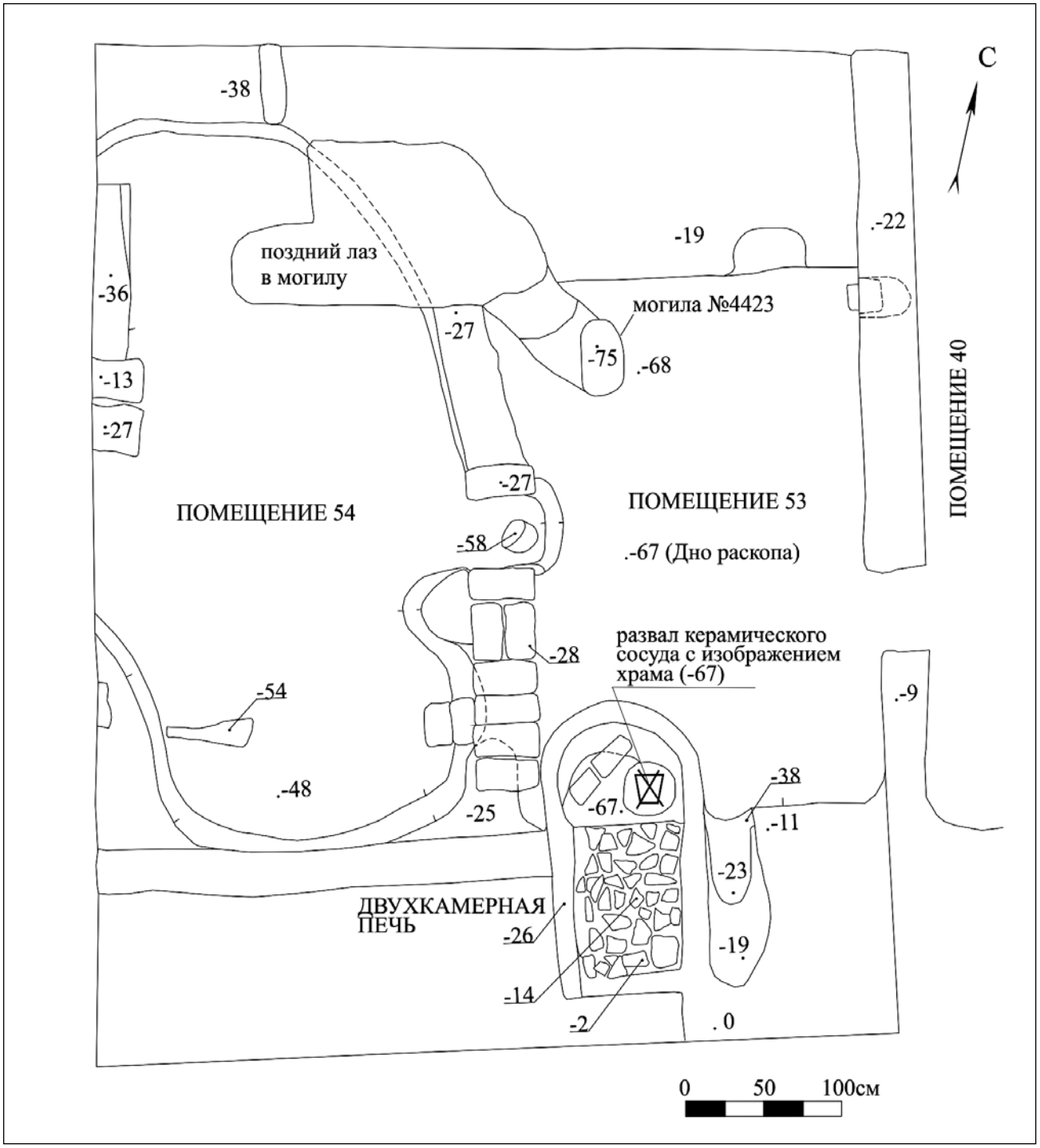


Рис. 25. Гонур-депе. Раскоп 12. Схема пом. 53-54.

Рис. 26. Гонур-депе, Раскоп 12. а) Вид на пом. 53-54 с юга; б) вид на те же пом. с юго-востока впроцессе раскопок.

За пределами обводной стены (на территории Раскопа 16) при работах осени 2008 – весны 2009 гг. было расчищено несколько комнат, относящихся ко второму строительному периоду (пом. 129-134) (рис. 2). Две из них расположены почти у самого края сохранившегося фрагмента обводной стены к западу от пом. 12-15 Раскопа 12. Пом. 129 – прямоугольное (4,6 × 2,5 м), а 130 – квадратное (2,5 × 2,5 м). Они не связаны между собой проходами. Первое имеет вход с западной стороны, а второе – с юга. В обоих случаях ширина входа 60 см. Никаких очагов или ниш в них не зафиксировано. Только в юго-восточном углу пом. 129 имеется овальная (1,5 м с севера на юг и 0,9 м с запада на восток и глубиной) конструкция из глины, обмазанная изнутри глиняной же обмазкой.

Второе здание, состоящее из четырех комнат (пом. 131-134), выстроено в 3,5 м к югу от первого. Три комнаты, кроме прихожей (пом. 134), расположены параллельно друг другу и ориентированы продольной осью с северо-запада на юго-восток. Прихожая связана с пом. 132 проходом в своей северной стенке и имеет внешний вход с востока. В проходе между пом. 133 и 132 (располагается в середине восточной стены) устроено погребение, получившее порядковый номер 3843. Перед ним (т.е. ранее – перед проходом), а также около середины восточной стены пом. 132 в пол вмазан керамический хум средних размеров (диам. 40 см). Проход из пом. 132 в соседнее с востока пом. 131 устроен в 0,5м от северо-восточного угла комнаты. Ширина всех проходов стандартная – 60 см. Справа от входа в пом. 132, в юго-восточном углу этой комнаты имеется выступ (0,25 м шириной и 0,6 м длиной). Находок, кроме мелких фрагментов керамических изделий, во всех этих помещениях сделано не было, что по-своему показательно. Возможно, здания использовались каким-то образом в связи с проведением захоронений рядом.

Других зданий или разрушенных стен на этом участке, относящемся формально к Раскопу 16, в 2008-2009 годах не было обнаружено. Только раскопки последующих лет позволили выявить таковые в южной части этой территории. Это, прежде всего, отнесенные к Раскопу 12 и выше упомянутые пом. 40-42, а также пом. 53-57, расчищавшиеся в 2014-2015 годах. К настоящему времени сохранившиеся постройки представляются следующими.

Сохранившиеся постройки устроены следующим образом. Комнаты 134 (Р 16) и 42 (Р 12) и двор 41 с западной стороны ограничивает полукруглая стена (сохранность 3-4 ряда кирпичей), снаружи которой какие-либо постройки и находки отсутствуют. Под этой полукруглой стеной, на полу «двора» 41 устроено подбойное погребение 4255, сохранившее кирпичный заклад (рис. 24). Стена была выстроена раньше других помещений (первый строительный период Гонур-депе) и, вероятно, является остатком какого-то сооружения типа круглых алтарей, выявленных на разных территориях памятника (Сариниди, 2010. С. 30-33). В ее южной части устроен двухкамерный ритуальный очаг. В более поздний период это круглая постройка уже не функционировала. Здесь было возведено сооружение, от которого сохранилось только выше описанное пом. 40, а также длинная стена (шириной 70 см), соединяющая северо-восточный угол пом. 40 с комплексом комнат 131-134. На этой стене, в той части, которая проходит по пом. 41, был устроен двухкамерный ритуальный очаг, а позднее, рядом с ним — погр. 4256.

За пределами обводной стены в 2014-2015 годах раскопан участок к западу от пом. 40, где выявлены пом. 53-54 (рис. 25, 26). Прямоугольное пом. 53 (3,6 × 2,3 м) имеет проход в пом. 40 стандартной ширины 50 см. Еще один проход, ведущий в пом. 54, был устроен в западной стенке. Позднее он был расширен до 100 см и заполнен слоем золы. В нем также было уложено два ряда сырцовых кирпичей. В восточной стенке сделана ниша, имеющая трапецеидальную форму (40 см ширина, 35 см высота) и проникающая вглубь стены на 50 см. В северной стене комнаты имеется еще одна открытая ниша (50 х 30 см). В юго-восточном углу этого помещения на небольшой платформе высотой 40 см сооружен двухкамерный ритуальный очаг. Он имеет прямоугольную форму (105 × 78 см). Топка отделена от духовки невысокой (15-20 см) перегородкой из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Духовка печи была покрыта крупны-

ми фрагментами керамики, топка имеет удлиненную форму (40 см ширина, 110 см длина). Ее стенки, пол и свод слабо обожжены и имеют светло-красный цвет.

Напротив топки устроено округлое углубление — выгреб (диам. 70 см и глубина 20 см), где в момент раскопок находились два сырцовых кирпича. Между кирпичами был найден фрагмент стенки довольно крупного сосуда (диаметр устья 20,5 см) с венчиком, на котором до обжига нанесено прочерченными линиями изображение фасада «постройки», оформленное в виде прямоугольника с двумя вертикальными линиями с внутренних сторон. Верхняя часть изображенного строения имеет вогнутую, серповидную форму с двумя приостренными «шпилями» по краям (изображение одного из них не сохранилось). Справа от основного рисунка помещены 4 косые линии, выполненные в схожей технике. Однако их смысл не вполне ясен из-за неполноты фрагмента. Этой находке, ввиду уникальности изображения именно на керамическом сосуде, посвящена специальная публикация (Фрибус, Грушин, 2016; Дубова и др., 2016). Авторы подчеркивают, что этот сосуд, очевидно, не мог являться предметом импорта. Изображенный на нем «храмик» в деталях повторяет широко распространенный на Ближнем Востоке сюжет, особенно часто встречающийся на стеатитовых изделиях из Восточного Ирана. В данном случае, это его местная, бактрийско-маргианская интерпретация, выполненная не в камне, а на керамике, в технике, типичной для Гонур-депе, очередной раз свидетельствующая о близости ритуально-мифологических представлений населения Маргианы, Бактрии и более южных территорий в конце III – нач. II тыс. до н.э.

Около того же двухкамерного очага найдена согнутая буквой «П» бронзовая проволока толщиной около 3 мм (рис. 27) и фрагмент стенки керамического сосуда с процарапанным изображением квадрата, внутри которого имеется штриховка в разных направлениях (рис. 28). Такого рода штриховки были неоднократно зафиксированы на Гонуре на так называемых игральных фишках из слоновой кости.

Северо-западный угол пом. 53 был разрушен впускным захоронением ребенка около тельством поздней стены. Соответственно, на исследованном участке зафиксировано два строительных горизонта.

Весной 2015 г. работы были продолжены к северу и западу от осеннего раскопа 2014 г. Поскольку стены там были представлены небольшими фрагментами, его описание было проведено в рамках трех секторов. Сектора

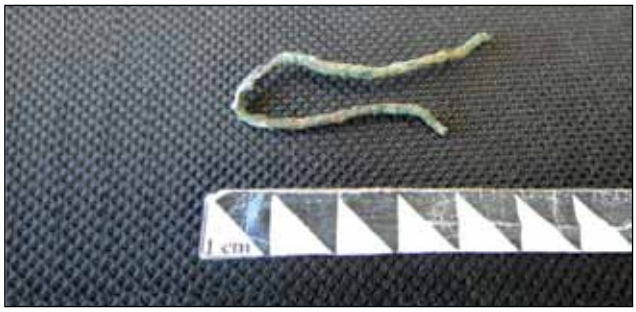


Рис. 27. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 53. Бронзовая проволока.

Рис. 28. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 53. Фрагмент керамического сосуда с геометрическим орнаментом.

Рис. 29. Гонур-депе, Раскоп 12, пом. 53. Бусины (каменные и из ракушек) из погр. 4423.

1,5 лет (№ 4423). Яма (50 × 30 см) неглубокая (не более 20 см от ДДП), продольная ось ориентирована с севера на юг. Ребенок лежал на правом боку, головой на север. Голова и грудная клетка его закрыты крупным фрагментом керамики. Около шеи находилось 39 бусин (24 сделаны из обожженного камня, а 15 – из мелких речных ракушек) (рис. 29).

Пом. 54 располагается к западу от описанного и имеет с ним общую стену. Размеры постройки 320 × 360 см. Пол имеет глиняную обмазку, постепенно переходящую на стены. Проход между обоими помещениями шириной 40 см засыпан слоем золы мощностью 15 см, сверху которого уложены кирпичи. Со стороны пом. 54 на этом участке оформлена ниша шириной 50 см, высотой 30 см. Стены ниши выступают вглубь помещения на 40 см и выложены кирпичом. К северу от ниши, также в восточной стенке помещения сооружена печь размерами 55 × 45 см. Под глиняной обмазкой пола, мощностью 10 см, был зафиксирован слой золы толщиной 5-7 см, ниже – слой суглинка.

В северо-западной части помещения в стенке раскопа фиксировались кирпичи, которые располагались выше пола на 15-20 см на золистом слое заполнения жилища. Таким образом, на исследованном участке выделяется четыре фазы его обитания. 1 фаза – ранняя, до начала возведения построек, представлена слоем золы и суглинка; 2 фаза связана со строительством пом. 54; 3 фаза характеризуется прекращением функционирования постройки и засыпкой помещения золой и мусором; 4 фаза связана со строи-

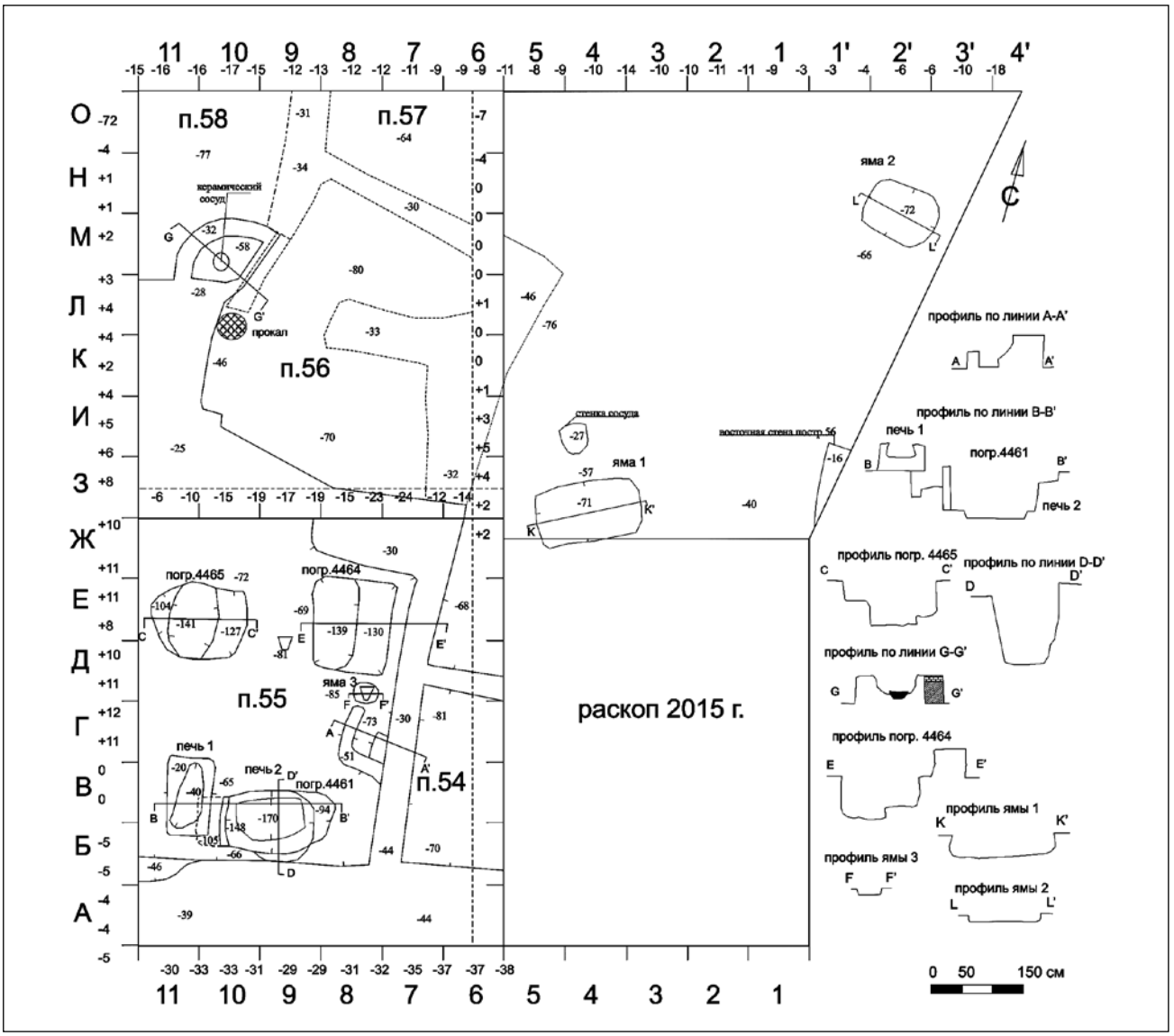


Рис. 30. Гонур-депе, Раскоп 12. Схемы и профили пом. 54-58.

были разбиты на квадраты 1 × 1. По линии СЗ-ЮВ они имели буквенное обозначение А-О, по линии СВ-ЮЗ – цифровое 1-11 (рис. 30).

Сектор «А», размеченный к северу от раскопа 2014 г., имел размеры 7 × 8,5 м и ориентирован длинной осью по линии СВ-ЮЗ. С востока примыкал вплотную к раскопанным в 2013 г. помещениям. Сектор охватывал кв. З-О/3-5.

Сектор «В» размечен к западу от раскопа 2014 г. Он имел размеры 7 × 6 м и был ориентирован длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Для фиксации стратиграфии между раскопами 2014 и 2015 г (сектор В) была оставлена бровка шириной 0,5 м. Сектор охватывал кв. А-З/6-11.

Сектор «С» размечен к северу от сектора «В» и к западу от сектора «А». Он имел размеры 7,5 × 6 м и был ориентирован длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Для фиксации стратиграфии между секторами «В» и «С», «С» и «А» были оставлены бровки шириной 0,5 м. Сектор «С» охватывал квадраты И-О/6-11. Раскопки осуществлялось по условным слоям (пластам) мощностью 15-20 см.

Результаты раскопок сектора «А».

После снятия первого слоя, представленного плотным суглинком (такыром), и зачистки, было выявлено два зольных пятна: одно — у северной стенки (трапециевидной формы, размером 1 × 2 м), второе – у западной стенки (округлой формы диаметром 1 м). Второй и третий пласты снятия были представлены мощными отложениями золы, угля и обожженных костей, а также большим количеством битой керамической посуды.

На глубине (–)26 см в северо-западном углу сектора выявлены остатки стены. Сохранилось только 5-10 см нижней части кирпичей, которые лежали на слое золы и культурных отложений. На глубине (–)27 см зачищена стенка крупного хума, рядом (на уровне -30 см) выявлена четырехугольная яма размерами 1,7 × 1 м, ориентированная длинной осью по линии З-В (глубина 41 см). Стены и пол ямы были обмазаны глиной. В заполнении ямы встречались находки, характерные для всего раскопа (преимущественно фрагменты керамики). Аналогичная яма была выявлена у северной стенки раскопа. Она имела четырехугольную форму с размерами 1,1 × 0,8 м, ориентирована длинной осью по линии З-В, глубина 21 см. Стены и пол ямы были обмазаны глиной. В заполнении ямы встречены находки, характерные для всего раскопа.

После снятия первого слоя и зачистки была обнаружена поздняя печь (№1) (глубина -20 см). Ее конструкция имела четырехугольную форму с размерами 1,25 × 1,75 см, вытянутую по линии СЗ-ЮВ. По центру четырехугольной площадки была оформлена топка в виде вытянутого по линии С-Ю желоба с размерами 0,4 × 1м, глубиной 0,2 м. Стенки, дно и пространство вокруг топки прокалены и имели яркий оранжевый цвет.

Сектор «В» выявил восточную часть пом. 55, которое имело общую стену с пом. 54, раскопанным в 2014 г. Размеры постройки: по линии С-Ю — 5,5 м; по линии З-В — 4 м. Но западная стена постройки осталась за пределами раскопа, поэтому размер по линии С-Ю не окончательный. Дно постройки отмечено на глубине 60-70 см. Верхняя точка фиксации восточной стены на отметке (-)30 см. По центру стены из кирпичей был оформлен небольшой отсек, открытый к северу и имеющий Г-образную форму с размерами 75 × 75 см (рис. 31). У входа фиксировалась небольшая ямка диаметром 30 см, глубиной 10 см, в которой стоял небольшой керамический сосуд.

На дне постройки у южной стенки устроена двухкамерная печь (№2) четырехугольной формы с размерами 2,25 × 1,2 м, вытянутая длинной осью по линии З-В. Печь имела поперечную перегородку из одного ряда кирпичей. Западный край печи уходил под печь №1, маркируя более ранний характер сооружения печи №2 относительно печи №1.

Размеры западной камеры 0,5 × 1,2 м, максимальная глубина (-)105 см от усл. «0» и 30 см от уровня пола. Стенки, дно прокалены и имели яркий оранжевый цвет. На дне камеры, лежали два кирпича.

Размеры восточной камеры 1,25 × 1,2 м, максимальная глубина (-)170 см от усл. «0» и 95 см от уровня пола. Стенки, дно были прокалены и имели яркий оранжевый цвет. На дне восточной камеры, фиксировалось большое количество древесного угля. В западной камере печи №2 было сооружено впускное ямное погребение (№ 4461). Оно имеет размеры 120

Рис. 31. Гонур-депе, Раскоп 12. Общий вид пом. 54-58 с севера.

Рис. 32. Гонур-депе, Раскоп 16, северная часть на границе с Раскопом 12.
Общий вид большого зольного пятна с востока.

(с запада на восток) × 90 см (с севера на юг) и глубину 40 см. С северо-востока фиксируется грабительский лаз размером 70 × 40 см. Около юго-восточного угла могильной ямы на краю ее стоял лепной сосуд с широким туловом. Разрозненные человеческие кости встречены в разных местах погребения на всей глубине заполнения. Череп лежал на основании почти в центре ямы на высоте 30 см от пола. Почти рядом с черепом на боку лежал светлоглинянный керамический сосуд конической формы. Рядом – фрагменты других керамических изделий и человеческие кости. На фрагментах лучевой кости фиксировались следы медных окислов, что свидетельствует о былом присутствии изделий из бронзы.

Кости принадлежали двум детям: одному младенцу до 1 года, и ребенку старше 2-3 лет. Кости младенца концентрировались около южной стенки (под полом) в 25 см к востоку от юго-западного угла ямы. Именно этому индивиду принадлежали фрагменты черепа. Останки второго ребенка найдены в разных местах.

Около западной стенки ямы, которая одновременно является внешней стеной очага, находилось небольшое скопление костей животных (МРС), перемешанных с золой. Среди костей человека в центре ямы найдено ребро МРС. В заполнении, а также выше могильной ямы встречены некрупные угли черного цвета, которые, вероятно происходят из печи-очага, около которого устроено погребение.

У северной стенки пом. 55 были совершены два погребения (№№ 4464 и 4465). Погр. 4464 устроено в подбойной могиле с уступом (общие размеры 175 см с севера на юг × 135 см с запада на восток), позже ограблено. Ширина уступа – 50 см, его глубина – 40 см. Глубина подбоя от древней дневной поверхности – 70 см. Череп человека лежал около края подбоя в 70 см от его северо-восточного угла; рядом с ним – кости предплечья в беспорядке. В 20 см к югу от черепа найдены фрагменты сырцового кирпича, по всей видимости, происходящие от заклада подбоя. В юго-восточном углу подбоя на расстоянии 20-25 см от стенок лежал миниатюрный сероглиняный сосудик (косметический флакон) (рис. 31А). Горлышко глиняного косметического флакона было запечатано серо-белым веществом. Внутри находился беловато-серый порошок.

В юго-западном углу помещения находилась половина красно-ангобированного сосуда среднего размера с широким горлом. Другие фрагменты того же сосуда найдены в верхнем слое заполнения могилы. В верхних слоях заполнения найдены обгоревшие зубы крупного животного. В заполнении — немногочисленные фрагменты керамических изделий. Рядом с могилой (на юго-востоке и западе) найдены 2 стакановидных керамических сосуда, возможно выброшенные из погребения грабителями. Около упомянутого кирпича вверх дном стояла нижняя часть круглого сосуда. В северной части найдены фрагменты еще двух керамических сосудов; в заполнении – еще трех. Суммарное число сосудов, находившихся в могиле – 7 экз. На глубине 25 см в заполнении подбоя находились длинные кости ног человека в разрозненном и фрагментированном состоянии. По всей видимости, погребенный лежал головой на север. Положение тела не определяется.

Погребение 4465 устроено также в подбое с уступом. Его размеры – 125 × 125 см. Глубина уступа – 50 см, ширина – 40 см. Глубина подбоя от древней дневной поверхности – 80 см. Ограблено. В заполнении найдены разрозненные кости человека, 2 небольшие керамические «биты» и конусовидный глиняный предмет с плоским основанием. Около северного края подбоя лежали фрагменты сырцовых кирпичей, видимо, от заклада подбоя. Положение погребенного мужчины 30-45 лет определить не представлялось возможным.

Сектор «С» выявил позднее пом. 56, которое было пристроено с севера к пом. 55 и имело с ним общую стену. Стены постройки 56 были отмечены на глубине (–)30-34. Сохранилось только 5-10 см нижней части кирпичей, которые лежали на слое золы и культурных отложениях, маркируя более поздний характер относительно пом. 55. Помещение имело подквадратную форму с размерами 4,5х4,5 м. В центре помещения имелась площадка, отходящая от восточной стены, размерами 1,75 × 75 см. К северо-востоку к пом. 56 было пристроено пом. 57, а к северо-западу – пом. 58, которые не были исследованы полностью. В последнем помещении в его юго-восточном углу была расчищена пристройка в форме 1/3 сегмента круга радиусом

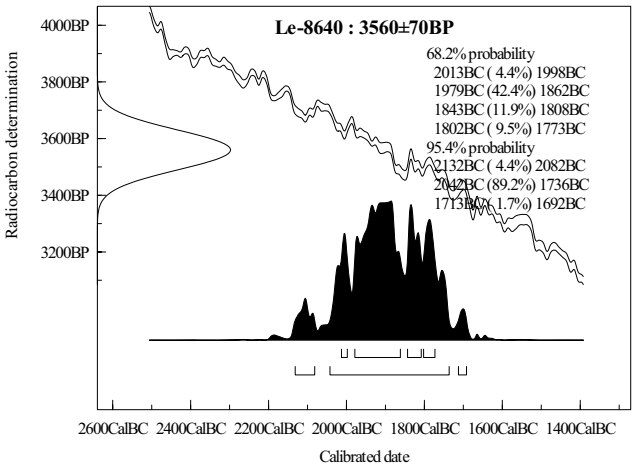


Рис. 33. Гонур-депе. Датировка погр. 3828 (обожженная яма над зольным пятном) на Раскопе 16.

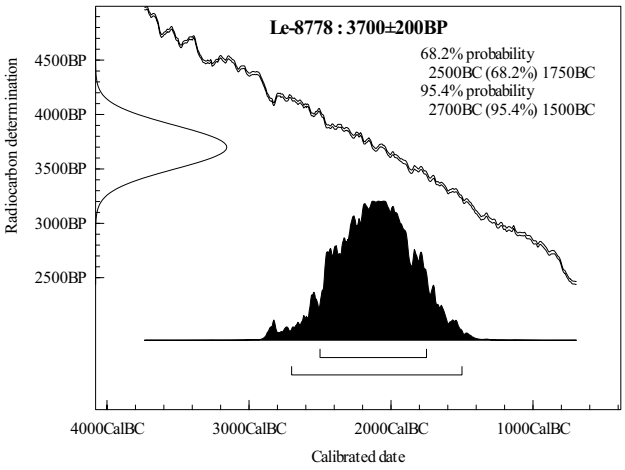


Рис. 34. Гонур-депе. Датировка погр. 3854 (циста вне зольного пятна) на Раскопе 16.

1 м, верхний край фиксировался на глубине (-)32 см, дно фиксировалось на глубине (–)58 см. Она имела чашеобразную форму с обмазкой, в центре пристройки в углублении стояла керамическая чаша.

После фиксации пом. 56-58 их стены были разобраны, в квадрате отмечен прокал диаметром 50 см, а после снятия бровок в квадрате на глубине (–)2 см был обнаружен крупный керамический хум.

Описанные выше работы сезонов 2014-2015 гг. позволили определить границу зоны обживания этой территории с запада и выйти фактически на берег искусственного оросительного канала, выявленного осенью 2007 г.

Компактные скопления могил на Раскопах 12 и 16

Как выше указывалось, уже при начале работ на этой территории внутри помещений было найдено определенное число погребений. В 2008—2011 годах, как последствие развеивания верхних слоев, также выявлялись и раскапывались отдельные могилы. В 2008 г. специальное внимание было уделено раскопкам в северо-восточной части Раскопа 16, где вне всех помещений было обнаружено большое зольное пятно черного цвета, с диаметром до 15 м, глубина которого доходит до 70 см (рис. 32). Над этим пятном, внутри него и под ним выявлено 64 погребения, составляющих достаточно обособленный от других территорий могильник. Основная их часть располагалась к северо-западу от одного из фрагментов выше упомянутой обводной стены.

Наиболее распространенными в этой части памятника являются подбойные могилы и грунтовые ямы (табл. 2). Имеется всего одна камерная могила (3865) и одна обожженная яма (№ 3828). По образцам угля из обожженной ямы и из погр. 3854 (циста) были получены радиоуглеродные даты (табл. 3, рис. 33, 34), которые показывают, что обожженная яма использовалась (т.е. в ней возжигался огонь), видимо, неоднократно: первоначально около 2100 до н.э., а затем вплоть до

Таблица 2.

Типы погребальных сооружений на северо-восточной части раскопа 16

Тип погребального сооружения	В связи с зольным пятном			Вне зольного пятна	Всего
	Внутри слоя	Над слоем	Под слоем		
Камерные могилы	-	1	-	1	2
Цисты	2	2	4	7	15
Подбойные (шахтные)	13	-	5	7	25
Грунтовые ямы	9	1	7	3	20
Обожженные ямы	-	1	-	-	1
Всего	24	5	16	18	63

Таблица 3.

Радиоуглеродные даты с территории северо-восточной части раскопа 16.

Лабораторный № образца	14C BP	Объект	Положение относительно зольного пятна	Материал	cal BC	
					1σ (68%)	2σ (95%)
Ле-8640	3560±70	Раскоп 16, погр. 3828	над зольным слоем	уголь	2013-1773	2132-1692
Ле-8778	3700±200	Раскоп 16, погр. 3854	вне зольного пятна	уголь	2500-1750	2700-1500

1700-1600 до н.э. Иными словами — на протяжении всего времени обитания на Гонур-депе. А циста была устроена в 2100-х годах до н.э., т.е. в первый период жизни на памятнике. Тот факт, что часть погребений была устроена в самом начале освоения этого оазиса, о чем свидетельствуют приведенные радиоуглеродные даты, т.к. показывает, что и эта территория Раскопа 16, так же, как и часть его центральных помещений (Сарианиди, Дубова, 2008. С. 43-44), начали осваиваться рано.

Обращает на себя внимание то, что большая часть погребений в цистах, а также в камерной могиле, устроены около обводной стены. Среди прочих выделяется несколько погребений, где найдены остатки животных. Это погребения №№ 3790, 3813, 3829 и 3832. Два из них совершены в цистах (3790 и 3832) а два — в грунтовых ямах.

Весьма необычно ямное погр. 3813, где находились две собаки в позе совокупления (рис. 35, 36). Яма – неправильной формы (максимальный размер — 170 см, глубина — 40 см) впущена в плотный лессовидный суглинок и сверху перекрыта толстым слоем золы. Обе собаки лежат на правом боку, головой на запад. Грудная клетка второй собаки лежит непосредственно на позвоночннике первой. Нижняя собака – самка, верхняя – самец. Челюсти у обеих замкнуты. Передние и задние конечности обеих собак согнуты. Передние конечности верхней собаки закинуты на шею нижней, а задние – подогнуты в область ее хвоста. Анатомический порядок скелетов несколько нарушен. Отдельные грудные и шейные позвонки, а также лопатка самца находятся не на своем месте. Это может быть связано с тем, что животные были засыпаны грунтом не сразу, и их разложение происходило в открытой яме. Размеры собак – средние. По своему экстерьеру они относятся к группе гонурских собак, условно называемыми нами

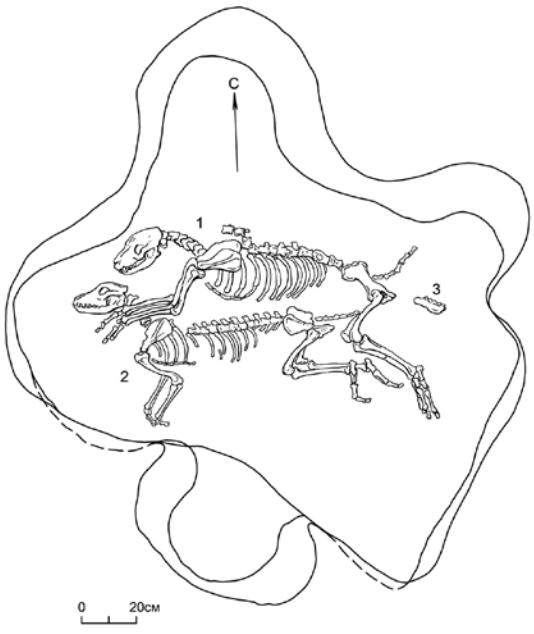


Рис. 35. Гонур-депе. Раскоп 16. Схема погр. 3813.

Рис. 36. Гонур-депе. Раскоп 16. Общий вид погр. 3813 с юга.

Рис. 37. Гонур-депе. Раскоп 16. Общий вид погр. 3830 с северо-востока во время расчистки.

пастушескими-сторожевыми. Около костей таза самца был обнаружен фрагмент нижней челюсти барана. Скорее всего, эта кость попала в могильную яму из культурного слоя.

Второе захоронение собаки (3829) сохранилось крайне фрагментарно. Оно располагается на площади неясного по своим функциям сооружения, типа арыка, дно которого выложено фрагментами керамики. Погребение занимает участок 130 × 70 см (глуб. 15 см от ДДП). Скелет животного располагается на правом боку, головой на запад. Рядом со скелетом были обнаружены отдельный угли, зола, фрагменты каменных и мелкие фрагменты бронзовых изделий. Около передних ног собаки лежит роговой стержень барана, а также фрагмент кости нижней конечности коровы. У задних ног находятся фрагмент плечевой кости и лопатка второй собаки. Возможно, погребение вскрылось в результате развеивания лессовидного грунта из-за неглубокого захоронения животных, что привело к нарушению его первоначального устройства. Нельзя полностью исключить и то, что это – не специальное погребение собаки, а остатки животного, оставшиеся на месте его смерти.

Наиболее интересным оказалось погребение двух баранов (3830). Оно устроено в двухкомнатной подземной камерной могиле (рис. 37, 38). Продольная ось ориентирована с запада на восток. Сложенная из сыр-

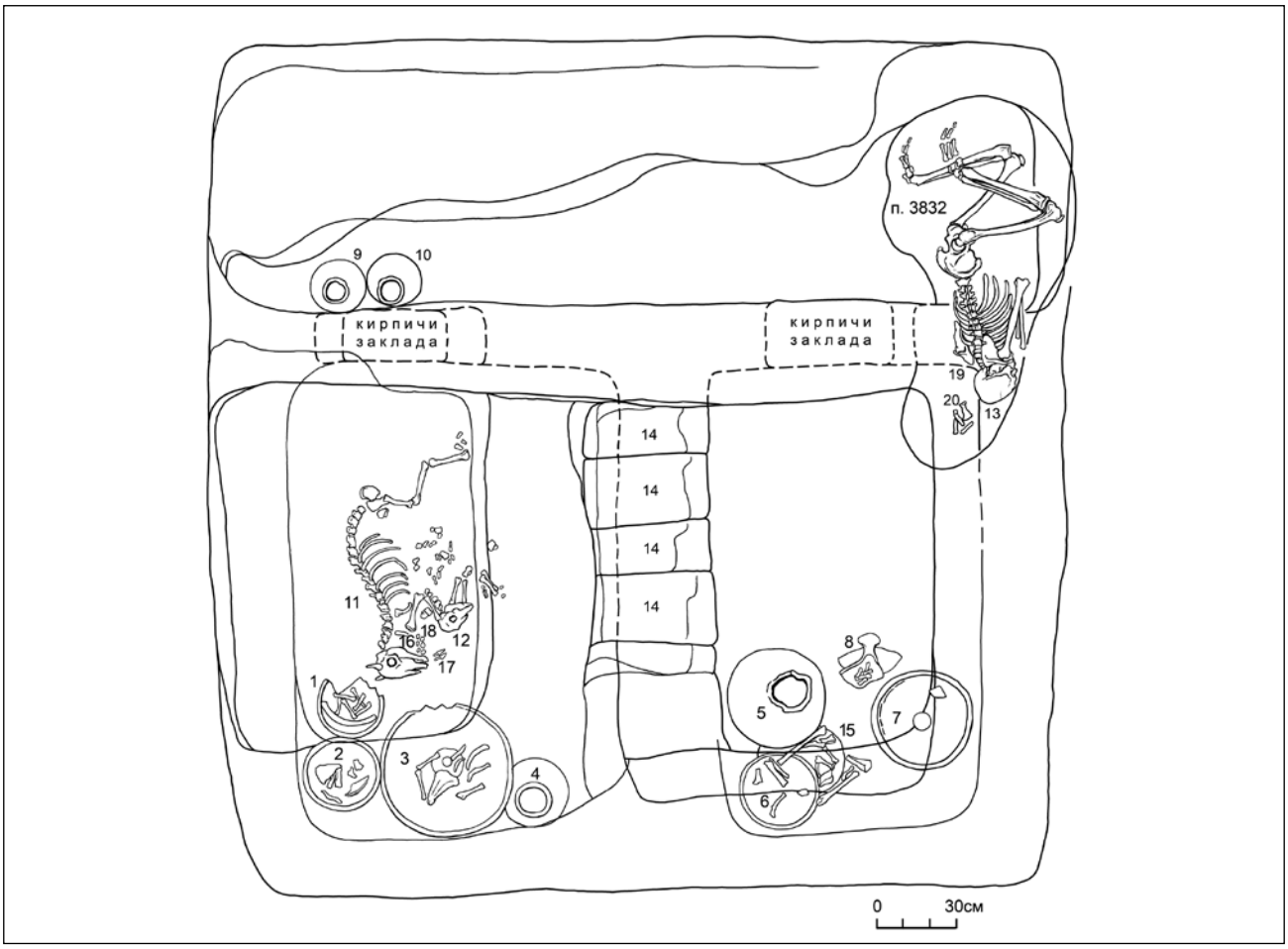


Рис. 38. Гонур-депе. Раскоп 16. Схема погр. 3830 и 3832.

Рис. 39. Гонур-депе, Раскоп 16. Погребение 3830.
а) Фрагменты керамики, укрепляющие стенку;
б) керамические сосуды в прихожей у входа в камеру.

цового кирпича камера размером 260×175 см разделена перегородкой, идущей севера на юг, на два почти равных помещения (175×100 см восточное и 175×120 — западное), оба глубиной 100 см. Перегородка имеет ширину в два кирпича, уложенных плашмя и укреплена слоем фрагментов керамики, вмазанных в кладку (рис. 39а). Стоит отметить, что такой способ укрепления сырцовых стен — не редкость на Гонур-депе, он встречался и ранее, в том числе и в постройках центральной части памятника. Проходы (ширина 70 см) в каждую комнату устроены в южных стенках и заложены сырцовыми кирпичами всухую. Перед входом в восточную камеру стоят две керамические банки (рис. 39б). Каждая из комнат имеет самостоятельное перекрытие, рухнувшее к моменту раскопок. Перекрытие устроено на высоте трех рядов кирпичей и состоит из двух кирпичей, поставленных наклонно, и еще одного между ними.

В центре восточной камеры на правом боку головой на север лежат два барана. Голова более молодого барана лежит около грудной клетки второго. В северной части этой камеры за головами баранов стоит 5 керамических сосудов (2 вазы на ножке, 1 банка, 1 миниатюрный серо-глиняный и 1 ши-

Рис. 40. Гонур-депе, Раскоп 16. Керамические изделия из погр. 3830.

Рис. 41. Гонур-депе, Раскоп 16.
Бусины из погр. 3830.

рокий (почти тарелка) на короткой ножке) (рис. 40). В этом, последнем из упомянутых, сосуде и в обеих вазах на ножке найдены мелкие кости барана, в том числе 1 альчик. У головы самца лежат два кремневых наконечника и 7 бусин, а также кусок каолина (рис. 41).

Важно отметить, что камера была устроена над могилой 3832, причем без ее разрушения (рис. 38, 42). Погребение находится под юго-западным углом камеры и было устроено, скорее всего, в подбое. Тело юноши 18-19 лет было уложено на правый бок головой на север. Кисти находятся у лица, бедра лежат под прямым углом к тазу и позвоночнику, пятки подтянуты к тазу. Между скелетом и нижним рядом кирпичей камеры 3830 находится слой песка толщиной 25 см.

Во второй (западной камере) находятся только сосуды (6 штук), среди которых выделяется огромный (диаметр 40 см) сероглиняный конический сосуд, на короткой ножке которого изображено небольшое дерево (рис. 43). Кроме сероглиняного сосуда, там

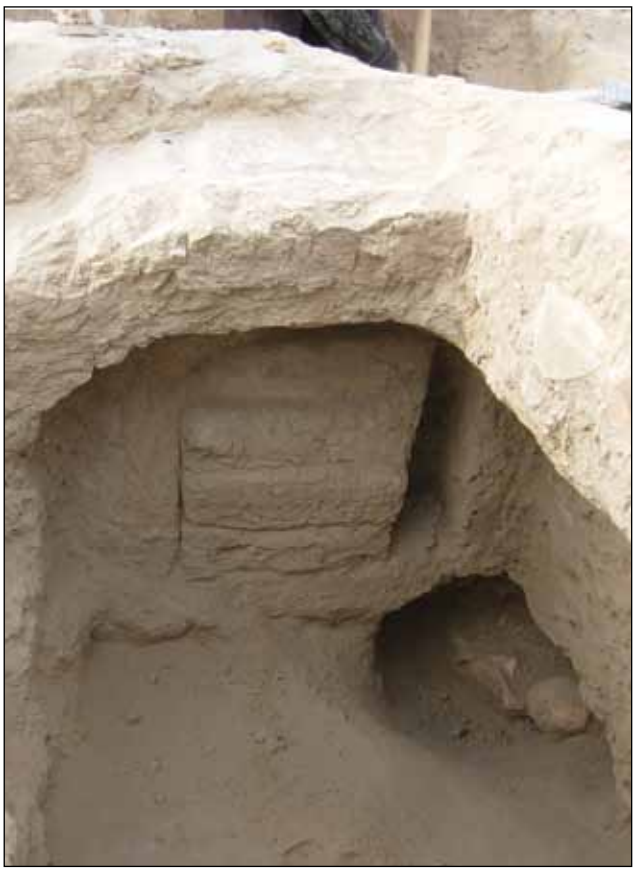


Рис. 42. Гонур-депе, Раскоп 16. Расположение погр. 3832 в углу пом. 3830.

Рис. 43. Гонур-депе, Раскоп 16. Сероглиняные сосуды из погр. 3830 (справа и впереди), 3817 (слева).

Рис. 44. Гонур-депе. Раскоп 16. Западная камера погр. 3830.

же стоит большой хум (высотой 40 см), куда помещен еще один круглый сосуд с узким горлом. Рядом стоит 1 ваза на ножке, 1 тарелка и 1 сосуд с подкосом (рис. 44).

Также на Раскопе 16, почти в центре зольного пятна, но над слоем золы устроено еще одно выделяющееся среди других погребение 3790. Оно совершено тоже в цисте (175 × 90 см; продольная ось северо-запад — юго-восток), но ее стенки сохранились лишь на один ряд кирпичей. Из этого можно сделать заключение, что захоронение проводились в поздний период обитания на Гонуре. В цисте похоронен козленок, который был уложен на правый бок головой на северо-запад (рис. 45). Все погребальные приношения

Рис. 45. Гонур-депе. Раскоп 16. Общий вид погр. 3790 с юго-запада.

Рис. 46. Гонур-депе. Раскоп 16. Плоские камни (предположительно колодки для изготовления обуви) из погр. 3790.

находятся в северном углу цисты. Ее западная половина — пустая. За спиной козленка лежат два плоских камня (рис. 46), а за теменем, около половины сырцового кирпича стоит небольшой круглый керамический сосуд. Под этим сосудом и фрагментом кирпича лежат три бронзовых предмета — острый крюк, длинная булавка типа шила и нож (рис. 47-49). Перед мордой животного вдоль продольной оси цисты лежит миниатюрная колонка из черного камня. У ее основания стоит керамический кубок на тонкой ножке. Между миниатюрной колонкой и стенкой цисты находится 5 керамических сосудов: 2 вазы на широких полых ножах и 3 круглых сосуда. У передних согнутых в суставах ног козленка положен альчик взрослого барана. Особое внимание обращают на себя упомянутые плоские камни, каждый из которых имеет один заостренный, а второй округлый конец. Один из камней — больше, а второй — меньше. Внешне они очень напоминают колодки для изготовления обуви, которые часто делают и из дерева. Знаменательно, что эти изделия вместе с бронзовыми орудиями, которые также вполне могли быть использо-

Рис. 47. Гонур-депе. Раскоп 16. Погр. 3790. Бронзовый крюк.

Рис. 48. Гонур-депе. Раскоп 16. Погр. 3790. Бронзовая булавки типа шила.

Рис. 49. Гонур-депе. Раскоп 16. Погр. 3790. Бронзовый нож.

ваны для шитья кожаных ботинок, были положены в качестве погребального инвентаря в могилу козленка. Была ли это заместительная жертва древнего обувщика? Или в этом заключается некий другой смысл?

Всего на описываемой территории Раскопа 16, которая граничит с Раскопом 12 (рис. 50, 51), кроме обычных человеческих погребений, устроен один кенотаф (циста 3817) и четыре погребения животных (3790, 3813, 3829 и 2830). Характерно, что погребение двух собак в позе совокупления (3813) и разрушенное погребение собак (3829) устроены в грунтовых ямах, погребение двух баранов находится в камерной могиле (3830), а козленок захоронен в цисте (3790).

Значительное число погребений обнаружено и расчищено далее к северо-востоку от описанного локального могильника, уже на территории Раскопа 12, примыкающей к этой части. Напомним, что первоначальная граница между раскопами 12 и 16 проходила по обводной стене, но в процессе раскопок, как уже отмечалось, они соединились и за пределами последней.

Особенностью помещений, вскрытых и расчищенных с внутренней стороны обводной стены, является то, что, в отличие от южнее расположенных комнат этой же постройки, здесь выявлено много погребений. Число устроенных могил увеличивается с юга на север. Стены помещений (самое северное из найденных – пом. 49) с северной стороны также разрушены. По всей видимости, захоронения в этой части начали совершаться тогда, когда помещения уже были заброшены. Постепенно и образовался небольшой могильник. Характерно, что подавляющее большинство этих могил, в отличие от большого некрополя Гонура, были не тронуты грабителями и дали интересный материал.

В настоящее время (могильник раскопан не полностью) на всех территориях раскопа расчищено и описано 336 погребений (табл. 4), в которых захоронено 295 человек. Важной особенностью этого локального могильника является наличие значительного числа могил, в которых не было найдено не только человеческих останков, но и костей животных, керамических и других изделий. В табл. 5 приведены сведения о та-

Таблица 4.

Типы погребений на Раскопе 12

Тип могильной ямы	N	%
Грунтовые ямы	164	48,81
Подбойные	119	35,42
Цисты	25	7,44
Камерные	2	0,60
В хумах	4	1,19
Обожженные ямы	3	0,89
Файер плэйс	1	0,30
Алтарик	1	0,30
«Котлован»	1	0,30
Очаг	1	0,30
Неизвестный	15	4,46
Всего	**336**	**100**

Таблица 5.

Погребения, где не найдены костные останки человека.

Тип могильной ямы	Кенотафы	Пустые	Имеются фрагменты костей человека или животных, карамика или другой инвентарь	Всего
Подбойные	3			3
Грунтовые ямы	3	27	20	50
Обожженные ямы		1	1	2
Цисты		2		2
Алтарик		1		1
Файр-плейс		1		1
«Котлован»			1	1
Всего	6	32	22	60

ких могилах, которые составляют 17,9% от общего числа погребений здесь. К категории кенотафов отнесены погребения, в которых полностью соблюден обряд захоронения, но человеческие останки отсутствуют. Таковые устроены как в ямных, так и в подбойных могилах. 32 могилы (или 53,3% от общего числа могил) оказались пустыми, т.е. не содержали ни костных останков человека или животных, ни погребальных приношений. Практически все они – ямные.

В этом, нашем первом сообщении о могильнике на юго-западе Гонур-депе, учитывая, что он будет раскапываться далее, приводится описание только нескольких погребений и комплексов, обративших на себя внимание. Подробный анализ всего локального могильника будет дан в последующих публикациях.

Ямное погребение 4254 (90×75, глубина 40 см). Его продольная ось располагается перпендикулярно к южной стене пом. 134 Раскопа 16. Погребенный мужчина средних лет (30-45) лежал на левом боку, головой на север в обычной позе с согнутыми ногами и кистями рук перед лицом. В области лба находилась обычная каменная биконическая бусина, а около левого виска – круглый амулет из белого камня (рис. 52а,б). На одной стороне амулета изображен кружковый орнамент, вокруг которого расходятся лучи (по всей видимости, символ солнца), а на другой – крестовидный рельефный узор в виде трех линий, прочерченный с помощью трехгранного инструмента.

Подбойное (с уступом) погр. 4259 (170×120 см при глубине 70 см), в котором хорошо сохранился заклад, устроено в центре пом. 29, под его полом (рис. 53а). Тело взрослой (40-50 лет) женщины лежало на правом боку, головой на запад (рис. 53б). Левая плечевая кость лежала вдоль грудной клетки, предплечье – по талии. Правая плечевая кость находилась под банковидным керамическим сосудом, а предплечье – также около талии. Кисти обеих рук были между бедренными костями. Ноги – согнуты в коленях, так, что они находились на уровне грудной клетки; пятки подтянуты к тазу. Между коленями и нижней челюстью находилось 2 сосуда – тот, что стоял на правом плече, и еще один – красноглиняный. Около этих сосудов лежал фрагмент грудной клетки молодого барана/козы. Еще один фрагмент реберной части барана находился в северо-восточном углу подбоя. У затылка помещена ваза на ножке, рядом с ней – миниатюрный приплюснутый круглый красно-ангобированный сосудик (внутри него лежали 3 обычные стеатитовые биконические бусины), предмет из кости животного без дна и каменный бочонковидный косметический флакончик. На темени (по-видимому, для крепления волос) лежали 3 целых и 2 фрагмента костяных булавок (рис. 54).

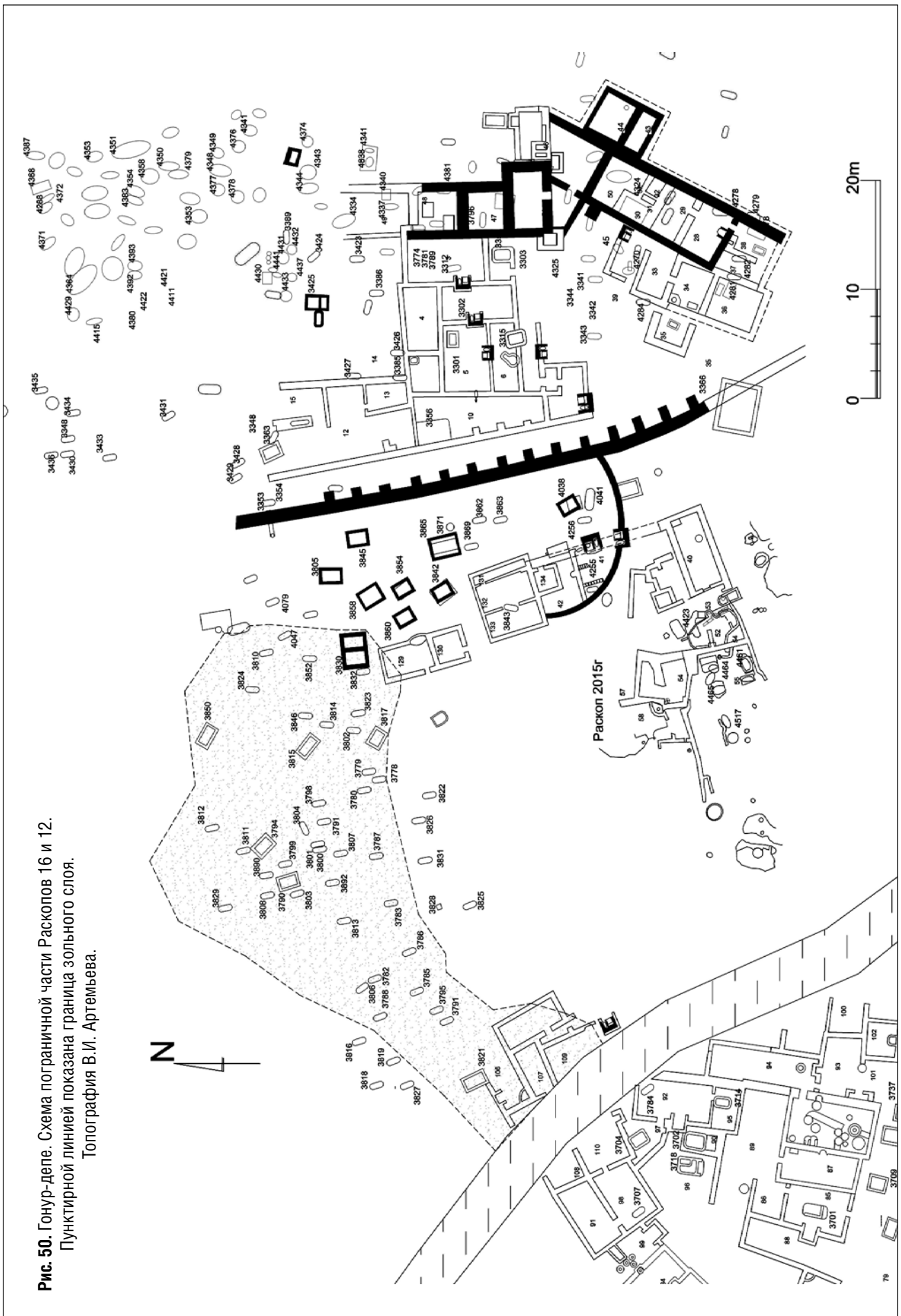


Рис. 50. Гонур-депе. Схема пограничной части Раскопов 16 и 12.
Пунктирной линией показана граница зольного слоя.
Топография В.И. Артемьева.

Рис. 51. Гонур-депе. Фрагмент северо-восточной части Раскопа 12.

В северо-восточном углу пом. 33 устроена циста 4270 (135 × 95 × 66 см), в западной стенке которой имеется большой грабительский лаз (120 × 90 см). Погребенная молодая (18-22 года) женщина лежала на спине, ее согнутые ноги стояли вертикально коленями вверх. Это можно было определить только по положению костей ног, частично таза, позвоночника и черепа. Большая часть человеческих останков находилась в грабительском лазе. Там же был найден 1 миниатюрный керамический сосуд и несколько фрагментов крупных керамических изделий. В результате того, что несколько кирпичей свода упали внутрь восточной части цисты до ограбления, сохранилась часть погребальных приношений. Это: 3 костяные булавки (одна из которых имеет навершие в виде сжатого кулачка), 1 серебряная сережка, 1 сильно поврежденная серебряная заколка для волос с ажурным навершием в виде восьми-лучевой звезды и др. орнаментами. Около головы находились бусы (из белого и серого камня, подвергшегося термической обработке) (рис. 55). Также около головы стояли 3 керамических сосуда (1 банковидный, 1 небольшой кубок на ножке и 1 ваза на ножке).

Во дворе (пом. 35) было устроено погребение в подбое с уступом 4277 (190 × 130 × 85 см), продольная ось которого ориентирована с северо-запада на юго-восток. Там была похоронена женщина 45-55 лет. Она лежала на правом боку, головой на северо-запад. Кисти рук находились около груди под нижней челюстью; локтевые суставы – на середине бедра. Около локтей стояло 2 миниатюрных сосудика, а в северной части подбоя – еще два, но обычных размеров сосуда (1 банковидный у темени, и 1 сужающийся кверху). В правой кисти была зажата каменная биконическая бусина с гравированным геометрическим орнаментом, раскрашенным красной краской.

Рис. 52а,б. Гонур-депе. Раскоп 12. Каменный амулет из погр. 4254 (лицевая и оборотная стороны)

Рис. 53а,б. Гонур-депе. Раскоп 12, пом. 29. Погр. 4259 в начале раскопок (а) и после расчистки (б).

Рис. 54. Гонур-депе. Раскоп 12.
Костяные булавки из погр. 4259.

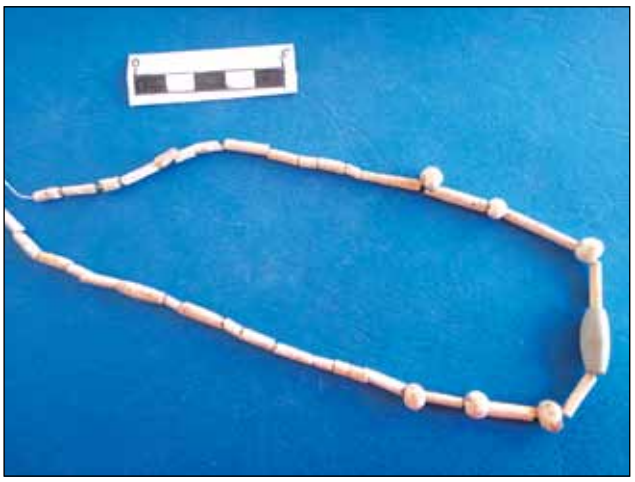


Рис. 55. Гонур-депе. Раскоп 12.
Каменные бусы из погр. 4270.

В пом. 50, самом южном из всех, раскопанных осенью 2015 г., находится погр. 4324. Эта циста 160 × 120 см, продольная ось которой ориентирована с севера на юг, расположена около западной стенки (почти в середине ее) комнаты, под углом к ней. Сохранившаяся высота кирпичей (западная стенка цисты) – не более 25 см (два ряда кирпичей). С южной стороны стенка цисты прослеживается, но кирпичи лежат в полном беспорядке. Верхний ряд кирпичей заканчивается на глубине 20 см от уровня пола. Судя по положению стоп, умершая женщина 25-35 лет лежала на спине головой на север. Ее ноги были согнуты в коленях, стоявших вертикально. Грудная клетка и верхний пояс конечностей почти полностью разрушен грабителями. Позвонки (особенно поясничной части) лежат в разных местах погребальной ямы. Пятки подтянуты к тазу. Почти около грудной клетки к северо-западу от нее, но на высоте 20 см от уровня пола лежал каменный косметический флакон с бронзовым аппликатором внутри. Рядом с головой находилось 2 фрагмента костяной булавки для волос. Под тазом женщины найдена каменная биконическая бусина. В северной стенке цисты (практически в ее середине) на высоте около 10 см от уровня пола найдена бронзовая перегородчатая печать, крест в центре которой образован символическими изображениями архаров (рис. 56). В заполнении могилы находились фрагменты 3-4 керамических сосудов, в том числе от крупного с очень толстыми стенками.

К северо-западу от пом. 50 расположено пом. 47. Оно особо ничем не примечательно, кроме того, что в нем, также около западной стены устроено погребение в подбое 4325. Могила имеет общие размеры 200 см с севера на юг и 160 см с запада на восток. Вход в подбой был защищен кирпичным закладом,

Рис. 57. Гонур-депе. Раскоп 12.
Заклад подбоя в погр. 4325.

Рис. 58. Гонур-депе. Раскоп 12.
Общий вид погр. 4325 с востока.

Рис. 59. Гонур-депе. Раскоп 12. Северная часть погр. 4325 с погребальными приношениями.

от которого на месте сохранилось 4 кирпича, поставленных вертикально (рис. 57). В северной части уступа, частично пересекая подбой, устроена яма (диам. 100 см). Она занимает всю северную половину уступа и имеет глубину 20 см. Внутренние стенки достаточно аккуратно обмазаны. Никаких находок в яме не было сделано. Погребенная женщина 35-50 лет лежит в южной половине подбоя на правом боку головой на север. Кисть правой руки находится перед лицом. Правое плечо (головка плечевой кости) упирается в подбородок. Левая рука лежит вдоль грудной клетки, ее предплечье – на талии. Пятки подтянуты к тазу, колени находятся на уров-

Рис. 60. Гонур-депе. Раскоп 12. Серебряная заколка для волос в погр. 4325 в процессе расчистки.

Рис. 61. Гонур-депе. Раскоп 12. Кирпичный заклад подбоя в погр. 4329.

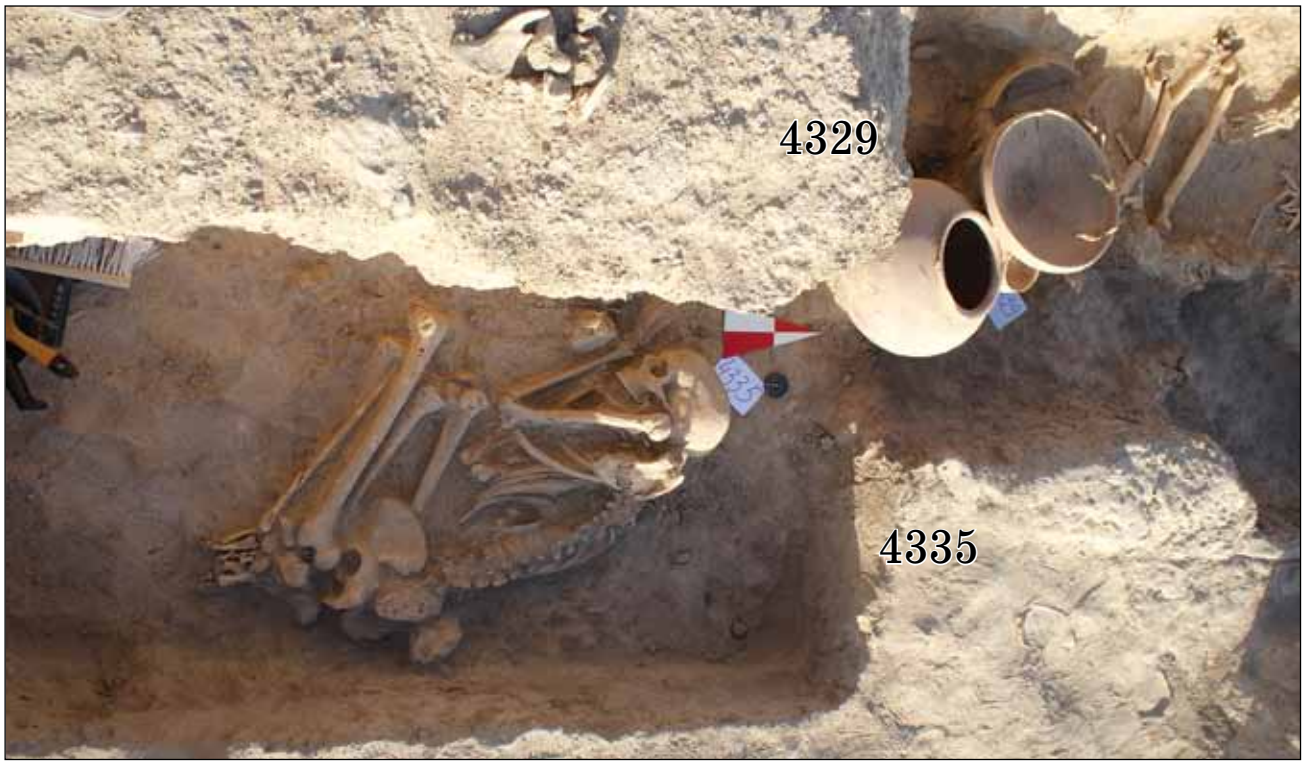


Рис. 62. Гонур-депе. Раскоп 12. Расположение погр. 4335 и 4329 в пом. 48 после расчистки.

не грудной клетки. Левое бедро перекрывает левую кисть (рис. 58). В 15 см к северу от правой кисти находится цилиндрический керамический миниатюрный сосуд, а перпендикулярно ему лежит костяная косметическая лопаточка. Рядом с ней – 2 биконические бусины с кружковым орнаментом. Около северной стенки подбоя стоит 4 сосуда: 1 банковидный, 1 небольшой с подкосом, 1 тарелка и ваза на короткой ножке. В вазе находились кости молодого барана/козы (рис. 59). На месте левого уха находилась фрагментированная серебряная сережка. Пересекая левую орбиту сверху вниз до нижней челюсти лежит серебряная гвоздевидная заколка для волос (рис. 60).

В этом же пом. 48 устроено 4 погребения – 2 в ямных и 2 в подбойных могилах. Подбой 4335 (160 см с севера на юг и 70 см с запада на восток; глубина 25 см от уровня пола комнаты) находится непосредственно к северу от скопления керамики около западной стены пом. 48. Погребение устроено таким образом, что значительная часть подбоя находится под этой самой стеной помещения (рис. 61). Северо-западный угол могилы упирается в юго-восточный край погр. 4329 (рис. 62). Погребенная женщина 25-40 лет лежит в северной части могильной ямы на правом боку, головой на север. Кисти рук находятся перед лицом, пятки подтянуты к тазу. Колени находятся у локтей. Погребальные приношения находятся перед лицом женщины. Это – 1 миниатюрный керамический сосудик, 1 бронзовый стержень и 1 каменная биконическая бусина. Интересно, что, кроме перечисленного, там же находился панцирь небольшой черепахи (рис. 63).

Погребение 4329 (200 см с севера на юг на 110 с запада на восток, глубина 35 см от уровня пола комнаты), так же как и только что описанное, устроено в подбое с уступом. Оно находится в северо-западном углу пом. 48, непосредственно под его западной стеной. Вход в подбой был заложен рядом из 7 (два около южного края разрушились) сырцовых кирпичей, поставленных наклонно на короткий край, который упирался в еще один ряд (2 целых и две половины) уложен-

Рис. 63. Гонур-депе. Раскоп 12. Северная часть погр. 4335 с погребальными приношениями.

Рис. 64. Гонур-депе. Раскоп 12. Общий вид погр. 4329.

ных плашмя кирпичей (рис. 61). В могильной яме находилось две женщины – первая 18-20 лет, вторая – 35-45 лет. Вторая женщина была похоронена несколько позже первой, но через небольшой промежуток времени. Мягкие ткани первой погребенной уже успели частично разложиться, о чем свидетельствует отклонение от нормального анатомического положения ряда костей. Так, таз более молодой женщины находится у пяток более взрослой; грудная клетка второй женщины перекрывает и частично

Рис. 65. Гонур-депе. Раскоп 12. Северная часть погр. 4329 с погребальными приношениями.

Рис. 66. Гонур-депе. Раскоп 12. Большой и миниатюрный с бронзовым аппликатором керамические сосуды в погр. 4329.

разрушила таковую первой. Обе лежат на правом боку, головой на север. Кисть правой руки первой женщины находится перед ее лицом (рис. 64). Около кисти стоит 1 керамический банковидный сосуд. За ее затылком – 2 миниатюрных керамических же сосуда: один цилиндрический, другой – овальный. Около ног обеих погребенных стоят 4 керамических сосуда: 1 широкая тарелка, 1 ваза на ножке, 1 стакан и 1 круглый красноангобированный с широким горлом. Внутри последнего находится миниатюрный сосуд той же формы с бронзовым аппликатором внутри (рис. 65, 66), а также 1 стеатитовая биконическая бусина, 1 белая каменная шаровидная и 13 (8 стеатитовых и 5 белокаменных) шайбовидных бусин. На месте ушей молодой женщины найдены золотые серьги

Рис. 67. Гонур-депе. Раскоп 12.
Золотые серьги из погр. 4329.

(рис. 67), под грудной клеткой – круглое бронзовые зеркало; около ее шеи – 11 белокаменных шаровидных бусин (рис. 68).

В пом. 49, расположенном к северу от предыдущего, устроено 5 рядовых погребений. Одно из них (ямное 4330, устроенное в северо-западном углу) принадлежит младенцу, родившемуся преждевременно. Еще одно, также ямное (4337) – двойное, одновременное. В качестве погребальных приношений уложено всего 2 керамических сосуда (1 банковидный и 1 тарелка). Больший интерес представляет одно, тоже ямное погребение (4338). Оно устроено около восточной стенки комнаты и имеет размеры 150×80 см при глубине 40 см (рис. 69). Погребенная женщина 40-55 лет лежит на животе головой на северо-запад. За головой стоит два керамических сосуда – 1 ваза на ножке и 1 кубок на ножке. Перед предплечьями лежат два миниатюрных керамических сосуда:

Рис. 68. Гонур-депе. Раскоп 12.
Каменные бусы из погр. 4329.

круглый из слоящегося красно-глиняного теста и один сужающийся кверху и книзу. Особенностью этой могилы является организация кенотафа-поминальника над северной частью могилы, на глубине 20 см от древней дневной поверхности. Он представлен четырьмя небольшими керамическими сосудами, в том числе одной вазой на ножке, лежащими компактно.

Вне помещений раскопано 55 погребений и, по-видимому, связанных с ними сооружений. Из них три кенотафа (все в подбойных могилах) и пять пустых, но специально подготовленных и тщательно обмазанных изнутри ям и одна такая же циста (не погребение). Наибольшее число погребений совершено в подбойных могилах (31 из 55) и лишь одно – в камерной (4366).

Обращает на себя внимание то, что на данной части Раскопа 12, так же как и на Большом некрополе Гонура, практически нет отдельных захоронений детей до 7-летнего возраста (inf I). Останки двух малень-

Рис. 69. Гонур-депе. Раскоп 12. Общий вид погр. 4338 с юга.

ких детей обнаружены только в двойных погребениях (4350, устроенном в цисте, и 4343, совершенном в грунтовой яме) (табл. 6). Также важно отметить, что, кроме обычных погребальных сооружений, встречено 5 специальным образом подготовленных ям (хорошо выдержанная форма входного отверстия в виде круга, тщательная обмазка

Таблица 6.

Погребения, раскопанные вне помещений на Раскопе 12

Тип могильной ямы	Грунтовая яма	Подбой	Циста	Камерная могила	Всего
Погребение взрослого (adultus – maturus – senilis)	3	23	3	-	29
Погребение ребенка (эмбрион – inf II)	3	-	-	-	3
Погребение подростка (juvenis)	1	3	1	-	5
Двойные погребения	1 (мужчина 35-50 лет и ребенок 3-4 лет)	1 (мужчина 25-35 лет и ребенок около 12 лет)	1 (женщина 20-25 лет и ребенок 4-5 лет)	-	3
Кенотаф	-	3	-	-	3
Не кенотаф и не погребение – пустая могила	5	-	1	-	6
Не ясный случай (?) и отдельные находки костей	3	1	1	1	6
Всего	16	31	7	1	**55**

Рис. 70. Гонур-депе Раскоп 12. Группа погребальных сооружений: погр. 4343 а грунтовой яме, пустая яма 4374 и алтарик.

изнутри), в которых не было никаких костных остатков, а в большинстве случаев – и других находок. Форма всех ям напоминает сосуды: их входное отверстие всегда на 10-15 см уже, чем диаметр средней части и дна. Все подобные ямы (табл. 7) находятся неподалеку или в непосредственной близости от реальных погребений: 4374 – около погр. 4343 (рис. 70); 4375 около погр. 4347 (рис. 71, 72); 4376 – около погр. 4349; 4377 – око-

Рис. 71. Гонур-депе Раскоп 12. Группа погребальных сооружений: погр. 4347 в грунтовой яме и пустые ямы 4375 и 4376.

Таблица 7.

Размеры специально подготовленных ям (не погребений), раскопанных вне помещений на северной части Раскопа 12

№	Расположение	Размеры	Глубина	Примечания
4374	Около юго-восточного угла алтарика (или печки) и около северо-восточного угла ямного погр. 4343	диам. 120 см	30 см	В северо-западной части - археологически целый керамический толстостенный сосуд
4375	Около северного края ямного погр. 4347	190 (З–В) х 170 (С–Ю)	20 см	В северо-восточной части устроена еще одна яма диаметром 120 см и глубиной 30 см
4376	В 0,5 м к югу от погр. в подбое 4349	диам. 115 см	70 см	
4377	Около западной стенки подбойного погр. 4348	диам. 115 см	70 см	В 1 м к югу от этой ямы – есть еще одна № 4378
4378	В 1 м к югу от такого же рода ямы № 4377 и в 1 м к северо-западу от цисты 3425	диам. 120 см	70 см	

ло погр. 4348 и 4377 – в 1 м от этой группы (рис. 73). Кроме того, яма 4374 (диам. 120 см, глубина 30 см) устроена около юго-восточного угла прямоугольной печки (или алтарика) размером 120 (с востока на запад) на 70 см (с севера на юг) при глубине 50 см с сильно обожженными изнутри стенками. Эта яма отличается от других еще и тем, что в северо-западной части находится фрагментированный керамический сосуд с толстыми стенками.

Еще одной важной особенностью данного могильника является устройство могил в непосредственной близости одна от другой, зачастую фактически друг над другом. Причем надо специально подчеркнуть, что в отличие от других территорий, при сооружении поздней могилы, более ранняя не разру-

Рис. 72. Гонур-депе Раскоп 12. Погребение в грунтовой яме 4347.

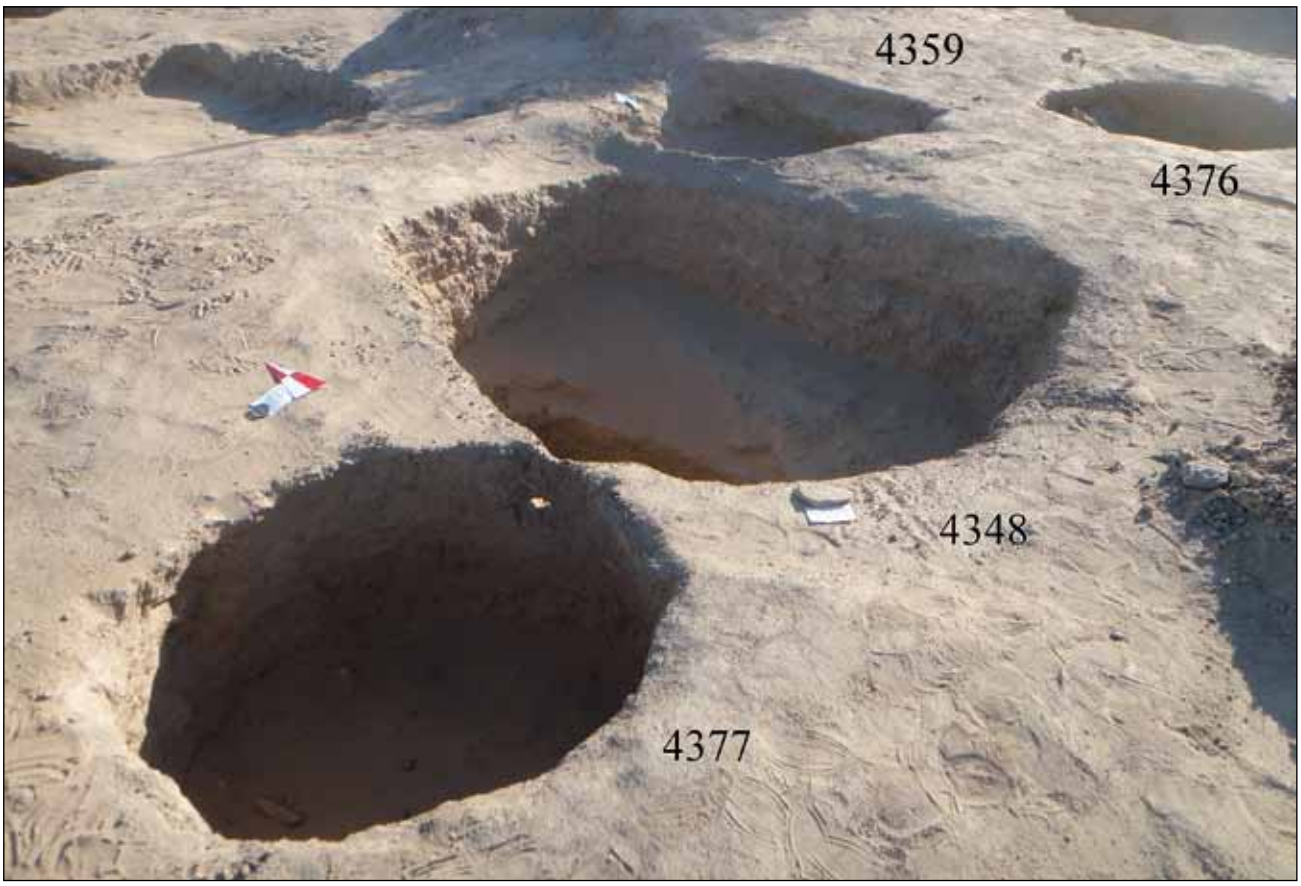


Рис. 73. Гонур-депе Раскоп 12 Группа погребальных сооружений:
погр. 4348 и 4359 в подбойных могилах и пустые ямы 4377 и 4376.

шалась и не разворовывалась. В том случае, если и раннее, и позднее погребения были ограблены, это происходило почти одновременно и значительно позже, чем устройство обеих могил.

Наиболее сложным комплексом является группа могил 4366-4370-4392-4393 и, возможно, к ним тяготеет и 4369 (рис. 74). Все они полностью ограблены, но последовательность организации захоронений восстановить удается. Самым глубоко расположенным (глубина дна от древней дневной поверхности – 150 см) из этих погребений является подбой 4392 (рис. 75). Могила имеет длину с севера на юг 160 см и ширину собственно подбоя 65 см. Определить ширину уступа и, соответственно, ширину всего котлована невозможно, т.к. сверху этой могилы устроены другие (см. далее). Глубина подбоя составляет 40 см. Погребенный мужчина 35-50 лет лежал на правом боку головой на север. Это можно определить по положению сохранившихся костей таза и нижних конечностей, которые явно в момент раскопок находились in situ. Около западной стенки подбоя (на уровне приблизительно грудной клетки и локтей, если руки, как обычно, были согнуты перед грудью, а кисти находились перед лицом) стоит банковидный сосуд, горло которого накрыто поставленным вверх ножкой кубком.

По всей видимости, следующим было устроено погр. 4393, пол которого находится на 25 см выше уступа погр. 4392. От этой могилы остались лишь фрагменты левой голени захороненного взрослого человека, определить половую принадлежность и более точный возраст ввиду плохой сохранности было невозможно. Продольная ось данного погребения была направлена с северо-запада на юго-восток. Если предположить, что кости голени лежали in situ, то головой погребенный был ориентирован именно на северо-запад. Ни размеры, ни тип погребальной камеры определить невозможно. Также нельзя полностью исключить, что эти кости происходят не из отдельного погребения, а были выброшены грабителями из погр. 4366, устроенного непосредственно на уступе погр. 4392. Но, поскольку голень

Рис. 74. Гонур-депе Раскоп 12 Группа погребальных сооружений: погр. 4366 в камерной могиле и 4369, 4370 и 4392 в подбоях и 4393 в могильной яме, тип которой невозможно было определить.

Рис. 75. Гонур-депе Раскоп 12. Группа последовательных погребальных сооружений: погр. 4392, 4393 и 4366 (разрушенная камерная могила).

находится на 25 см выше пола цисты (и, соответственно, уступа 4392), а расположение костей похоже на естественное, а не перемещенное, и первое предположение имеет право на существование.

Более определенно можно сказать, что верхняя часть погр. 4392 (и, возможно, и все погр. 4393) были разрушены в результате строительства камерной могилы 4366. Стенки камеры были сделаны не из кирпичей, а из плотно утрамбованной глины. Только сохранившийся в ее западной стенке вход был заложен всухую сырцовыми кирпичами, из которых сохранились все три ряда.

С наружной стороны этой западной стенки устроена своеобразная «прихожая», пол которой находится на том же уровне, что и пол камеры, совпадающий одновременно с уступом погр. 4392. Около входа в камеру снаружи лежит каменная миниатюрная колонка, вероятно, выброшенная грабителями. На полу прихожей найдены частично сохранившиеся костяки поросенка и барана. От барана сохранились лишь таз и обе задние конечности, но, по определению Р.М. Сатаева, в могилу, скорее всего, укладывались целые туши животных. Остатки были разрушены во время ограбления всех этих могил. К сказанному надо добавить, что задняя стенка подбойного погребения 4370 упирается непосредственно в только что описанную западную стенку камеры 4366, не разрушая ее(!!). Погребение 4370 также полностью ограблено. Оно имеет размеры 210 (с севера на юг) на 140 см (с запада на восток) и общую глубину 70 см. От человеческих останков сохранились только мельчайшие фрагменты, которые не позволили определить ни пол, ни возраст погребенного. Погребальных приношений не найдено.

Над практически квадратной цистой (140 × 140 см) 4388 было устроено погребение в подбое (4372) (рис. 76). Но в процессе нового захоронения эта могила не была ни разрушена, ни ограблена. У цисты частично сохранился кирпичный свод (в северной и южной частях). Стенки цисты имеют толстую (до 3 см) глиняную обмазку. Погребенный под-

Рис. 76. Гонур-депе Раскоп 12. Погр. 4372 и 4388.

росток лежал на правом боку, головой на север. Ноги были согнуты в коленях не сильно (пятки не подтянуты к тазу). В заполнении встречено 2 фрагмента костяной заколки для волос с простеньким гравированным орнаментом. Погребение 4372 устроено в подбое. Имеет размеры 210 см (с севера на юг) на 120 см (с запада на восток) при глубине уступа в 70 см. От похороненного здесь мужчины 25-30 лет на месте погребения в южной части подбоя остались только кости ног. Все остальные костные останки, как подростка из погр. 4388, так и мужчины из 4372, находились в полностью перемешанном состоянии в заполнении, в том числе и в пространстве цисты. То же касается и керамических изделий. Достаточно сложно определить, какие из них являлись приношениями в одном и в другом погребении. Учитывая возраст захороненных и места обнаружения керамических изделий, с определенной долей достоверности можно предполагать, что небольшой цилиндрический сосуд принадлежал погребению 4388, а конический, круглый сосуды и сосуд в виде пиалы – погр. 4372. Судя по найденным фрагментам, здесь присутствовало еще 3-4 сосуда средних размеров.

Интересен случай с погребениями 4350 и 4379. Циста 4350 (150×110 см при глубине 25 см) была устроена на этом месте первой. Там похоронили молодую женщину 20-25 лет и ребенка 4-5 лет (рис. 77). Оба были уложены на правый бок, головой на север. Таз ребенка находится около коленей женщины. Обе руки женщины протянуты к ребенку: правая находится под его затылком, а левая – около спины. Кисти рук ребенка – около его лица. Перед головой ребенка стоит два керамических сосуда: один красно-глиняный банковидный, второй – светлый расширяющийся к середине и резко сужающийся книзу. Рядом с теменем ребенка стоит керамическая тарелка. На запястьях ребенка найдено две каменные бусины – сердоликовая и из горного хрусталя (рис. 78). Они, видимо как и у современных детей, играли роль оберегов. Погребальные приношения женщины достаточно богаты: на шею была надета золотая цепочка в виде пружины с каменной подвеской (рис. 79). Около темени девочки (видимо, съехала вместе с прической с головы) находилась бронзовая диадема, некогда с укрепленным на ней также бронзовым султанчиком, три пластинки которого заканчиваются

Рис. 77. Гонур-депе Раскоп 12. Погр. 4350.

Рис. 81. Гонур-депе Раскоп 12. Погр. 4351.

белыми круглыми бусинами (рис. 80а,б). Перед лицом женщины, почти у головы ребенка лежал длинный бронзовый стержень.

Около западной стенки этой цисты находится подбой от могилы 4379 (размеры подбоя 170 × 75 см при глубине 30 см). Он несколько затронул цисту, но не разрушил ее, несмотря на то, что само погребение 4379 было полностью ограблено в древности. Именно по этой причине полные размеры котлована определить не удалось. В заполнении погребения сохранились мелкие фрагменты костей человека и керамики. По всей видимости, здесь был захоронен взрослый человек, пол которого по имеющимся фрагментам определить невозможно. Погребальные приношения не сохранились.

С севера к погребению 4350 примыкает могила 4351, устроенная практически над погр. 4382. Оба погребения устроены в ямах с подбоем таким образом, что уступ 4382 является полом подбоя 4351. Захоронения полностью ограблены в древности. Первоначально практически в квадратном (150 × 150 см) было сделано погр. 4382, в южной части которого к моменту раскопок сохранились фрагменты кирпичей от заклада подбоя. Ширина как подбоя, так и уступа равна 1 м, глубина подбоя – 30 см. Голени погребенного мужчины 30-45 лет упираются в южную стенку подбоя. Судя по положению тазовых костей, он лежал на правом боку, головой на север. В северной части подбоя стоит 1 керамический банковидный сосуд. В заполнении найдены фрагменты разного размера не менее 8 керамических сосудов: 1 конического, трех сужающихся книзу чаш, 1 вазы на ножке, двух толстостенных крупных, из которых один был лепным, и один круглый сосуд с округлым же носиком.

Несколько позднее, не разрушая данную могилу, здесь была вырыта другая – 4351 (рис. 81). Она имеет размер 160 × 140 см при глубине уступа от ДДП 60 см. В ее подбое погребенная женщина 45-45 лет лежит лицом ко входу в подбой(!), на левом боку головой на север. Ноги согнуты в коленях, так сильно, что колени находятся около предплечий; кисти рук – перед подбородком. Перед лицом стоит 1 керамический сосуд крайне плохой сохранности. Под затылком находится плечевая кость собаки. В южной части подбоя, а также в грабительском лазе, который сделан также с юга, найдено значительное число костей животных – МРС и собаки. В подбое, с юга, кроме длинных костей лежало 2 клыка собаки.

Еще одна группа из двух погребений устроена практически так же, как только что описанная – это подбойные погр. 4383 и 4354. Оба они полностью ограблены. Сначала было устроено погр. 4383 (190 × 150 см при глубине подбоя 30 см). При сооружении второй моги-

лы (4354) был разрешен уступ первой, поэтому ее размеры до конца не определяются, так же как и положение костяка в подбое. Все человеческие кости, принадлежащие женщине 25-35 лет, находятся в беспорядке. Их очень незначительное количество концентрируется в северной части подбоя. Могила 4354 имеет размеры 210 (с запада на восток) на 185 (с севера на юг) при устройстве уступа на глубине 55 см от ДДП. Незначительные костные останки взрослого человека (пол и возраст определить нет возможности) находились в заполнении в разных частях могилы, а также в грабительском лазе в северной части погребения.

В подбойном погребении 4346, устроенном неподалеку от описанной выше пустой ямы 4378 (140 см с севера на юг и 90 с запада на восток; уступ сделан на глубине 30 см от древней дневной поверхности, а глубина подбоя – 55 см), где была похоронена предположительно женщина 30-45 лет, найден фрагмент каменного изделия в форме змеи (рис. 82). Также в подбойной могиле с уступом 4355 (180 см с севера на юг и 130 с запада на восток; глубина уступа – 30 см, глубина подбоя – 40 см), являвшейся, по-видимому, кенотафом, т.к. никаких костных остатков там обнаружено не было, находилась круглая каменная печать с геометрическим орнаментом (рис. 83) и фрагментированная бронзовая диадема (рис. 84, 85).

В 1м к западу от погр. 4363 и 4385 в яме с подбоем было устроено погр. 4367, разрушенное грабителями. Костных останков не обнаружено. По всей видимости, это был кенотаф (рис. 86). Продольная ось ориентирована с юго-востока на северо-запад. Глубина пола подбоя от ДДП – 150 см; его длина – 140 см, ширина – 70 см. Позднее устройства кенотафа, к востоку от его южной части был вырыт колодец(?) или глубокая яма диаметром 100 см. Все приношения стоят компактно, почти в центре могилы. Они включают 2 керамических сосуда (1 банковидный, накрытый сверху красноглиняной тарелкой). Рядом с сосудами лежала бронзовая заколка для волос с навершием в виде человеческой кисти (плохой сохранности), каменная биконическая бусина, лепной сероглиняный ци-

Рис. 82. Гонур-депе Раскоп 12. Фрагмент каменного изделия из погр. 4346.

Рис. 84. Гонур-депе. Раскоп 12. Бронзовая диадема из погр. 4355 в процессе расчистки.

Рис. 83. Гонур-депе. Раскоп 12. Каменная печать из погр. 4355.

Рис. 85. Гонур-депе. Раскоп 12. Бронзовая диадема из погр. 4355 после реставрации.

Рис. 86. Гонур-депе. Раскоп 12. Общий вид погр. 4367.

линдрический миниатюрный сосуд, круглое бронзовое зеркало и бронзовый косметический флакон с бронзовым же аппликатором, который был вставлен в миниатюрный светлоглиняный сосудик с узким горлышком.

Вне связи с каким-либо погребением, но в верхнем слое северной части Раскопа 12 найдена небольшая лазуритовая вставка (рис. 87). Кроме раскопанных, здесь выявлен еще ряд контуров, которые говорят о том, что могильник продолжается далее на север. Расчистку этих погребений планируется проводить в следующие полевые сезоны.

В северной же части раскопа продолжено исследование могильника. Как выше уже говорилось, одной из особенностей данного

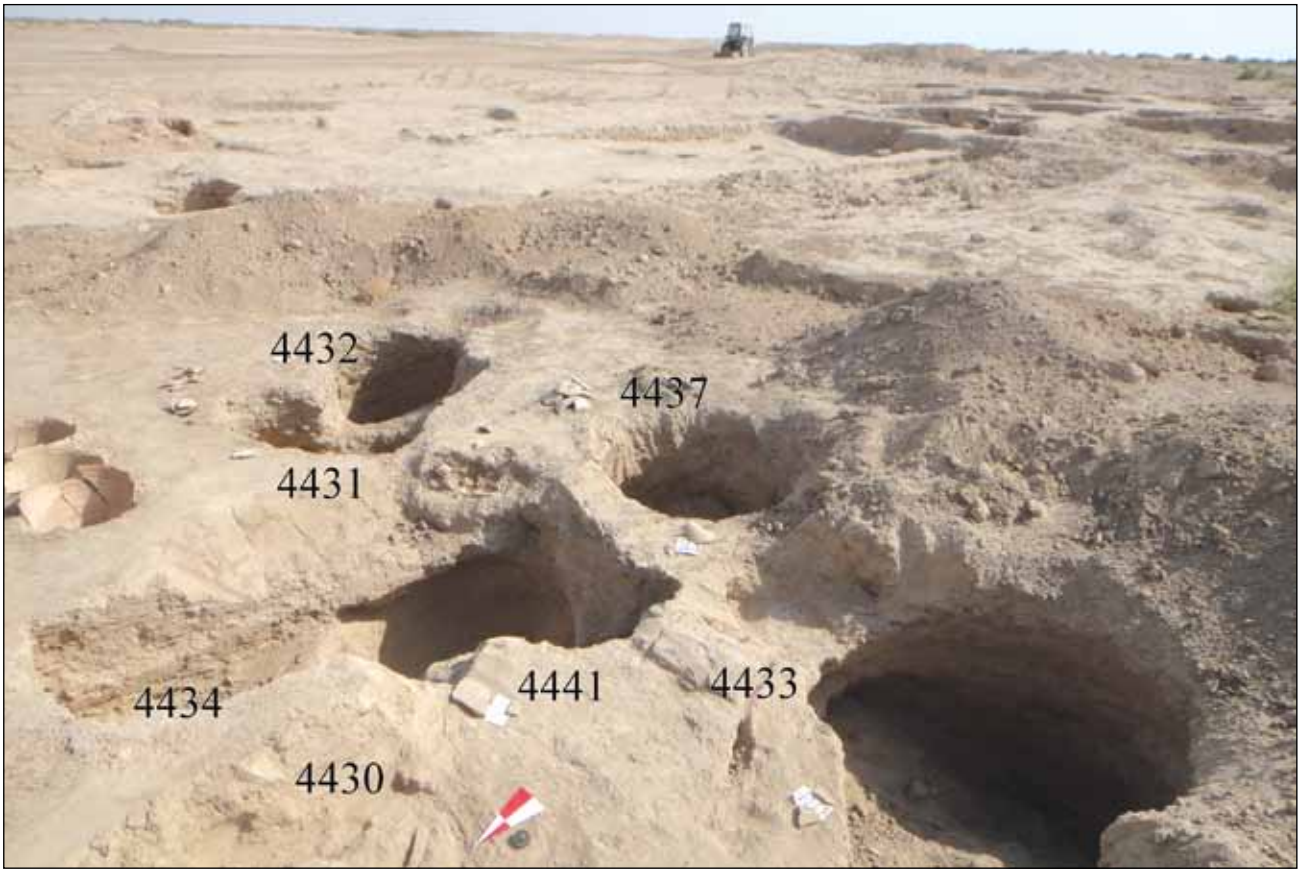


Рис. 88. Гонур-депе. Раскоп 12. Группа круглых ям и других конструкций около цисты 4430.

Рис. 89. Гонур-депе. Раскоп 12. Общий вид погр. 4438 в начале расчистки.

Рис. 90. Гонур-депе. Раскоп 12. Погр. 4438 после расчистки.

могильника является наличие в непосредственной близости от реальных захоронений специально приготовленных, тщательно обмазанных грунтовых ям, не содержащих какие-либо предметы или останки. Особого интереса заслуживает группа таких круглых ям и других конструкций около цисты 4430 (рис. 88). Циста имеет размеры 110 (с севера на юг) × 100 см (с запада на восток) и глубину 50 см. Она ограблена, стенки частично разрушены. Около ее западной стенки (снаружи) на уровне второго ряда кирпичей сверху к цисте примыкает емкость, стенки которой сделаны из толстой (до 2 см толщиной) глиняной обмазки (глубина ее 25 см). Внутри емкости находился сырцовый кирпич, а на внутренней поверхности стенок имеются следы обожжения. В заполнении находились разрозненные и фрагментированные кости человека (женщина 20-25 лет) и фрагменты 4 керамических сосудов. Среди кирпичей разрушенной южной стенки цисты также отмечены фрагменты керамических изделий. Циста 4430 была сооружена сверху круглой ямы 4441 таким образом, что ее восточная стенка разрезает яму пополам. В этой яме на уровне основания стенки цисты находились кости животных. Внутри цисты, в центре ее пола также имеются кости животных, частично принадлежащие тем же особям, что и в 4441. Вероятно, они попали туда в результате ограбления погребения и разрушения его стенок и пола. К юго-востоку от 4441 расположены еще две округлые ямы (4431 и 4432; диаметры 110 и 100 соответственно; глубины – 65 и 90). Их центры расположены на одной оси. Непосредственно под южной частью восточной стенки цисты находится еще одна яма 4434 (диаметр 100, глубина до 60 см к югу). Западная, северная и северо-западная стенки этой ямы обмазаны очень толстой, сцементированной глиняной обмазкой, по плотности совпадающей с кирпичом (толщина до 2,5 см). Пол и другие стенки не имеют таковой. Верхний край ямы с севера оформлен глиняным валиком. В заполнении верхнего слоя этой ямы встречены тазовые и длинные кости МРС, по всей видимости, связанные с таковыми из погр. 4441.

Рис. 91. Гонур-депе. Раскоп 12. Северная часть погр. 4438.

Рис. 92. Гонур-депе.
Раскоп 12. Глиняные изделия из погр. 4438.

В 1 м к востоку от восточной стенки цисты 4430 на ДДП в землю вкопаны (до середины тулова) три одинаковых сосуда диаметром 40 см. В 0,5 м к югу от ямы 4434 устроена еще одна яма диаметром 90 см и глубиной 1 м. В заполнении встречены только 3-4 мелких фрагмента керамики. В 2 м к юго-западу от 4430 имеется еще одна яма диаметром 110 см и глубиной более 2 м, заполненная грунтом, смешанным с фрагментами керамики и мелкими фрагментами костей животных.

Все перечисленные ямы явно связаны между собой. Несмотря на разную глубину, все они производят впечатление сделанных за небольшой промежуток времени (маловероятно, что одновременно). Самым поздним сооружением в этом комплексе, вероятно, является циста и примыкающая к ее западной стенке емкость, имеющая глиняные стенки. Учитывая наличие костей животных (видовой состав и число животных определяется), наиболее вероятно, что данный комплекс имел ритуальное (по всей видимости, поминальное) назначение.

Выделяется и подбойная могила 4438 (рис. 89, 90). Она устроена в котловане 160х150 см. На глубине 45 см от ДДП посередине котлована вдоль его продольной оси (с севера на юг) лежал ряд из 5 сырцовых кирпичей, один из которых (на севере) был уложен перпендикулярно всем остальным. На глубине 65 см от ДДП лежал ряд из 6-7 сырцовых кирпичей и их фрагментов, четыре из которых (в южной части) были уложены перпендикулярно продольной оси. Это ряд был смещен по отношению к первому на 30 см к западу. На глубине 75 см был выложен третий ряд из 4 кирпичей, короткие края которых практически упирались в западную стенку могилы. Кирпичи хуже сохранились (могила in situ) в северной части, где непосредственно под ними находились останки человека (его голова) и погребальные приношения. Мужчина 25-30 лет лежал на правом боку головой на север. Кисти рук находились перед лицом, бедренные кости – перпендикулярно позвоночнику, пятки – на небольшом расстоянии от таза. Спина – прямая. В северной части подбоя (за головой) находилось 4 керамических сосуда (рис. 91), в южной (у ног) – еще 3. В одной из керамических банок у ног погребенного была найдена каменная биконическая бусина. Около локтей мужчины грунт было окрашен в зеленый цвет. На правой руке находился бронзовый браслет, а рядом был найден небольшой фрагмент дерева.

Особый интерес имеют две глиняные (необожженные) грубо сделанные антропоморфные фигурки и две крошечные «пиалки-чашечки» (рис. 92), которые были найдены между теменем мужчины и керамическими изделиями, стоявшими у головы. В отличие от подобных фигурок, найденных ранее, эти образцы по полу не различимы. Нижняя часть одной из фигурок располагалась у головы другой. Чашечки лежали рядом со статуэтками, вверх дном.

Пока границы могильника полностью не выявлены, делать выводы об его общей структуре преждевременно. Но два отмеченных обстоятельства – наличие специально подготовленных пустых ям и расположение погребений небольшими группами – вызывают определенный интерес. Важно подчеркнуть, что на данной части раскопа во всех отмеченных случаях сооружение новой могилы поверх предыдущей не имело следствием ограбление более ранней. Поэтому можно полагать, что устраивающие более позднее погребение знали о существовании раннего. Это вполне могло иметь место в случае родственных захоронений. Но как показано выше, нередко друг над другом или в непосредственной близости друг от друга оказываются разные типы погребений (цисты, подбойные и ямные могилы). Это в некоторой степени противоречит не раз высказывавшейся В.И. Сарианиди мысли о том, что представители разных социальных слоев хоронили своих умерших в разных типах могильных ям. По всей видимости, выбор того или иного типа погребальной конструкции был связан не только с социальным положением родственной группы.

Работы на этом могильнике планируется продолжать в ближайшие полевые сезоны. Также в следующих ~~сообщениях~~ работах будет продолжена публикация сообщений об уже раскопанных погребальных сооружениях и их комплексах.

ЛИТЕРАТУРА

Дубова Н.А. Ритуальное захоронение животных на Гонур Депе // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 50-60.

Дубова Н.А., Сатаев Р.М., Фрибус А.В., Грушин С.П. К характеристике одного интересного изображения на керамическом сосуде с Гонур-депе // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 121–128

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Türkmendövlethabarlary, 2008.

Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры. М.: Старый сад, 2010.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур-депе (Раскоп 16) // ТрМАЭ. Т.2. М.: Старый сад, 2008. С. 28-49.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Керамический сосуд с изображением «фасада храма» с юго-западной территории (раскоп 12) Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М., 2016. С. 327-334.

Narasimhan V.M., Patterson N. & 90 coauthors more. The Genomic Formation of South and Central Asia // https://www.biorxiv.org/content/biorxiv/early/2018/03/31/292581.full.pdf [Препринт впервые опубликован онлайн 31 марта 2018]. Doi: http://dx.doi.org/10.1101/292581

Р.М. Сатаев

Предварительные итоги изучения стратиграфии дворца Северного Гонура

Расширение площади раскопок Северного Гонура, вскрытие новых удаленных от центра участков памятника, вызвало необходимость дальнейшего уточнения его внутренней хронологии, что в свою очередь инициировало начало самостоятельных исследований, направленных на изучение стратиграфии Гонура. В.И. Сарианиди полагал, что изучение стратиграфии памятника следует начинать с его дворца. Учитывая, что протогородской центр просуществовал не менее 800 лет, дворец со времени своего возведения (что, по-видимому, заняло немалый срок) претерпел целый ряд перестроек и перепланировок и каждый значительный этап строительной и хозяйственной активности оставлял свой след в виде очередного строительного горизонта.

Уже на основании первых сезонов раскопок кремля Гонура (1981 – 1983 гг.) В.И. Сарианиди делает вывод, что: «в истории существования всего этого монументального архитектурного комплекса отмечается три основных периода. Первый (и наиболее ранний) период соответствует времени строительства кремля на этом месте, когда основания большинства стен покоятся на материке. Второй период соответствует времени перестройки всего комплекса, после грандиозного пожара, следы которого прослеживаются на стенах многих (хотя и не всех помещений). Третий период соответствует времени полного запустения былого монументального комплекса, когда его былые помещения приспосабливаются для обживания рядовыми общинниками Гонур-депе.

Видимо имелся еще и четвертый период, но представленный не строительным горизонтом, а обрывками былых стен, а также строительством гончарных печей впущенных в руины предшествующих периодов, а также отдельными захоронениями (преимущественно детскими), могильные ямы которых впущены в уже накопившиеся к тому времени культурные наслоения обитателей третьего периода» (Сарианиди, 1996. С. 1,2).

Нужно отметить, что в приведенных выше высказываниях В.И. Сарианиди вполне определенно связывает периоды существования кремля Гонура с отдельными этапами его застройки и перестройки, фиксируемыми в виде строительных горизонтов. По сути, остатки стен и гончарных печей, возведенных в четвертом периоде, когда кремль прекратил существовать, также составляют четвертый строительный горизонт, который условно можно назвать «постдворцовым».

Кроме того, в 1998 г. в западной части пом. 407, расположенного вдоль внутренней стены северного обводного коридора в северо-восточном секторе кремля, ниже самых ранних стен и пола были выявлены части тонких стен, на уровне которых обнаружены два фрагмента расписной керамики геоксюрского типа (Сарианиди, 1998. С. 2). На основании этого В.И. Сарианиди делает предположение, что «подобно келлелийскому оазису и в гонурском имелись недолговечные строения, относящиеся к рубежу IV–III тыс. до н.э».

Участник раскопок кремля Гонура Б.Н. Удеумурадов, говоря о трех строительных горизонтах: «нижнего» (раннего или «основного»), среднего (промежуточного) и позднего (верхнего), констатирует: «Наличие этих горизонтов, равно как и хронологических этапов, достаточно четко подтверждается их вертикально-иерархической последовательностью (т.е. самой стратиграфией). Однако, как показали наблюдения в ходе работ, в пределах еще дернового слоя, местами фиксируются незначительные по сохранности (от 1 до 5 см) остатки еще более поздней архитектуры, нежели та, которую мы именуем верхней. В свою очередь под многими строениями т.н. раннего строительного горизонта отмечается наличие культурного слоя от 2-5 до 40-50(?) см, что косвенным образом может свидетель-

ствовать о наличии «докремлевской»(?) архитектуры» (Удеумурадов, 1996).

Обобщая представления первых исследователей Гонура о стратиграфии культурных наслоений дворца, можно говорить, что здесь прослеживаются пять строительных горизонтов. Наиболее ранний горизонт, который условно можно назвать «до-дворцовый», по-видимому, соответствует этапу начальной застройки данного участка. Не исключено, что в это период времени уже началось возведение кремля, и первые «недолговечные строения» лишь предваряли, сменившие их позднее, монументальные сооружения. Три следующих горизонта (которые можно условно назвать «дворцовыми»), выделяющиеся наиболее четко, фиксируют собственно этапы «жизни» дворца, как архитектурно-строительного комплекса. Последний строительный горизонт («пост-дворцовый»), представленный участками стен и гончарными печами, отражает особенности использования данного участка уже после прекращения эксплуатации руин и частичного их погребения осадками. По всей видимости, этот этап является завершающим для всего Гонурского поселения.

В 2013 г. в результате обсуждения с В.И. Сарианиди и Н.А. Дубовой вопросов связанных с хронологией дворца был принят план стратиграфических исследований на данном участке памятника, который предусматривал: 1) Анализ архивных материалов по раскопкам дворца (планов и разрезов) с целью определить на их основе положение и контуры к настоящему времени плохо сохранившихся или не сохранившихся построек (в первую очередь наиболее поздних). 2) Определение уровня древней дневной поверхности на всей площади занятой ныне кремлевскими и дворцовыми постройками. 3) Определение стратиграфической последовательности строительных уровней (периодов). 4) Создание планов дворца разных периодов его функционирования.

Предварительно весной 2013 г. В.И. Артемьев, А.М. Урманова и М.М. Потапов (в работах принимал участие С.В. Лаптев) произвели зачистку стен и шурфование некоторых помещений на территории юго-восточной части кремля. Это позволило уточнить отнесение ряда стен к тем или иным строительным периодам, что было, в частности, использовано архитекторами при составлении электронного, увязанного с ГИС, плана Гонур-депе.

Основные работы по стратиграфическому обследованию дворца были начаты во время осеннего сезона 2014 г. автором при участии М.М. Потапова, А. Оразова и М. Беглиева. Дворец условно был разбит на 4 участка: северо-западный; северо-восточный; юго-западный; юго-восточный. Центральная часть Дворца, подвергшаяся процедуре консервации, как объект подобного исследования была исключена. Стартовой площадкой был выбран северо-западный участок. В первую очередь это было продиктовано плохой сохранностью расположенных здесь архитектурных объектов, которые продолжают разрушаться.

На начальном этапе обследования участка был составлен ситуационный план, отражающий текущее состояние стен внутренних сооружений (наличие и степень их сохранности). На его основании были намечены наиболее перспективные в отношении изучения стратиграфии точки, где были заложены зачистки/разрезы. За древнюю дневную поверхность («материк») принималась кровля светло-коричневого (иногда светло серого) плотного, слоистого суглинка («древний такыр») или «чистого» (лишенного включений материала антропогенного генезиса) светло-бурого лессовидного суглинка.

В ходе выполнения работ на этом участке была проведена ревизия сохранности (наличия и степени представленности) остатков строительных сооружений, описано и обследовано 19 разрезов – зачисток (рис. 1), выявлены новые строительные объекты, отобран археологический материал, происходящий из культурных отложений заполняющих пространство между остатками строительных конструкций (керамика, разнообразные изделия, кости животных, древесный уголь и т.д.).

В пределах обследованного сектора представлены все три «дворцовых» горизонта. Первый строительный период представлен стенами, построенными на уплотненном лессовидном суглинке (древней дневной поверхности), его высотные значения колеблются от -0,22 до -0,15 м от условного «0» Гонура. Следующий строительный уровень имеет высотные отметки ≈ + 0,55. Третий уровень

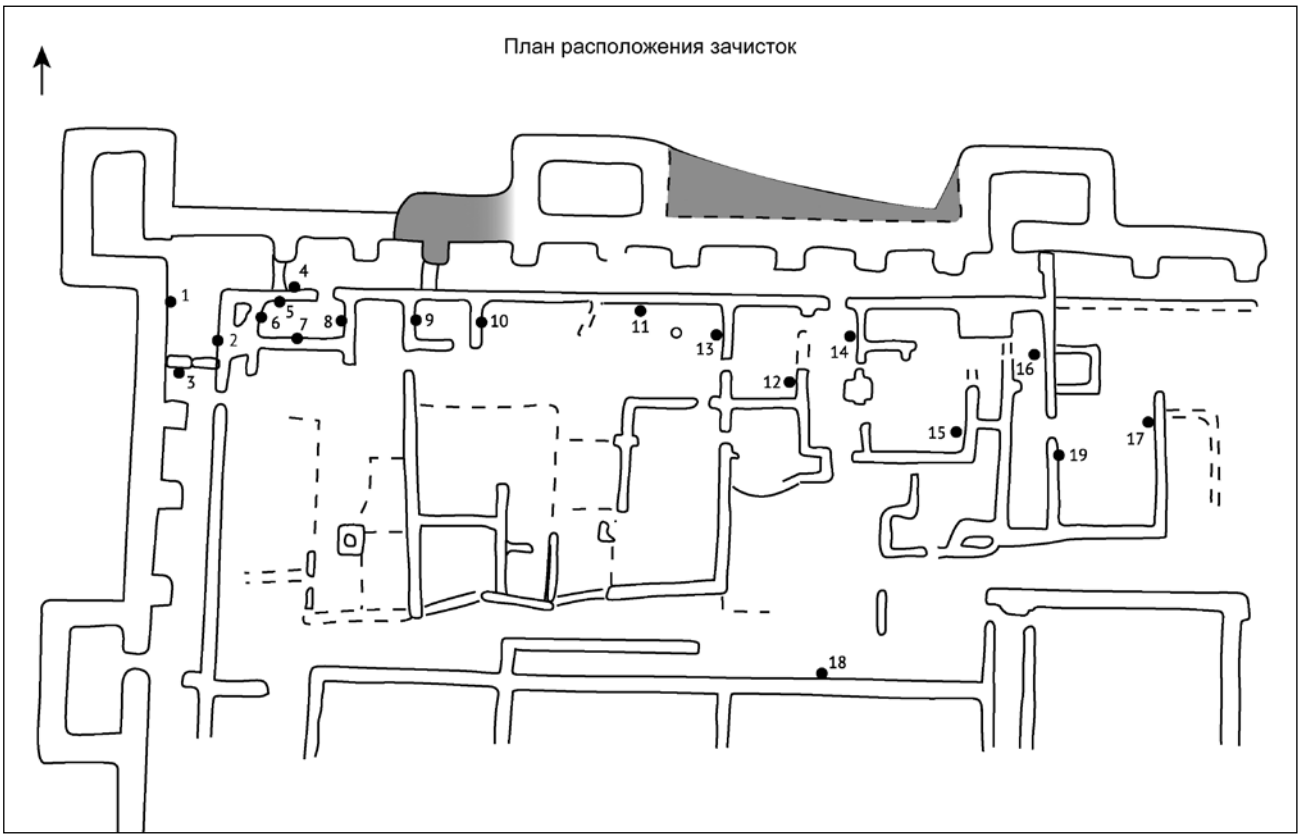


Рис. 1. Схема расположения шурфов-зачисток на территории северо-западной части кремля Гонура, 2014 г.

фиксируется на высоте ≈ +1,3. Кроме того, ниже основания внутренней стены кремля, принадлежащей первому «дворцовому» периоду, были выявлены остатки сгоревшей деревянной конструкции, которая, по всей видимости, относится к «до-дворцовому» этапу застройки данного участка. Промежуточные строительные горизонты, существование которых предполагал В.И. Сарианиди, здесь выявлены не были. На законсервированных участках были зафикисированы новые строительные конструкции, отнесенные к первому строительному периоду.

В 2015 г. исследования были продолжены в северо-восточном секторе дворца. На обследованном участке также было изучено 19 разрезов – зачисток, позволяющих оценить положение строительных горизонтов (рис. 2). Как и в северо-западном секторе, здесь были выявлены отдельные, ранее не вскрытые строительные объекты, которые, по-видимому, являются либо разрушенными основаниями строительных конструкций, либо их дополнительными деталями.

Результаты исследования показывают, что на данном участке представлены три «дворцовых» строительных горизонта, из которых два первых горизонта выделяются достаточно четко, третий фиксируется плохо.

К первому строительному периоду были отнесены стены, возведенные на материковом грунте, т.е. непосредственно на древней дневной поверхности. Это наружные и внутренние стены кремля, а также отдельных построек внутреннего пространства. Высотные значения основания фундамента стен этого строительного уровня, имеют сравнительно большой разброс от -0,45 до +0,25, т.е. колеблются в пределах 70 см, вероятнее всего это связано с неровностью древнего рельефа, за которым следовали строители. Явных следов целенаправленного выравнивания естественной поверхности, предназначенной под застройку, выявлено не было.

Нужно отметить, что сырцовые кирпичи, вскрытые в основании стен этого периода, имеют сравнительно крупные размеры. Их длина, ширина и высота варьирует поразному. Длина кирпича в подавляющем большинстве случаев составляет около 38 см (37–40 см). Лишь один раз была отмечена кладка из сравнительно коротких кирпи-

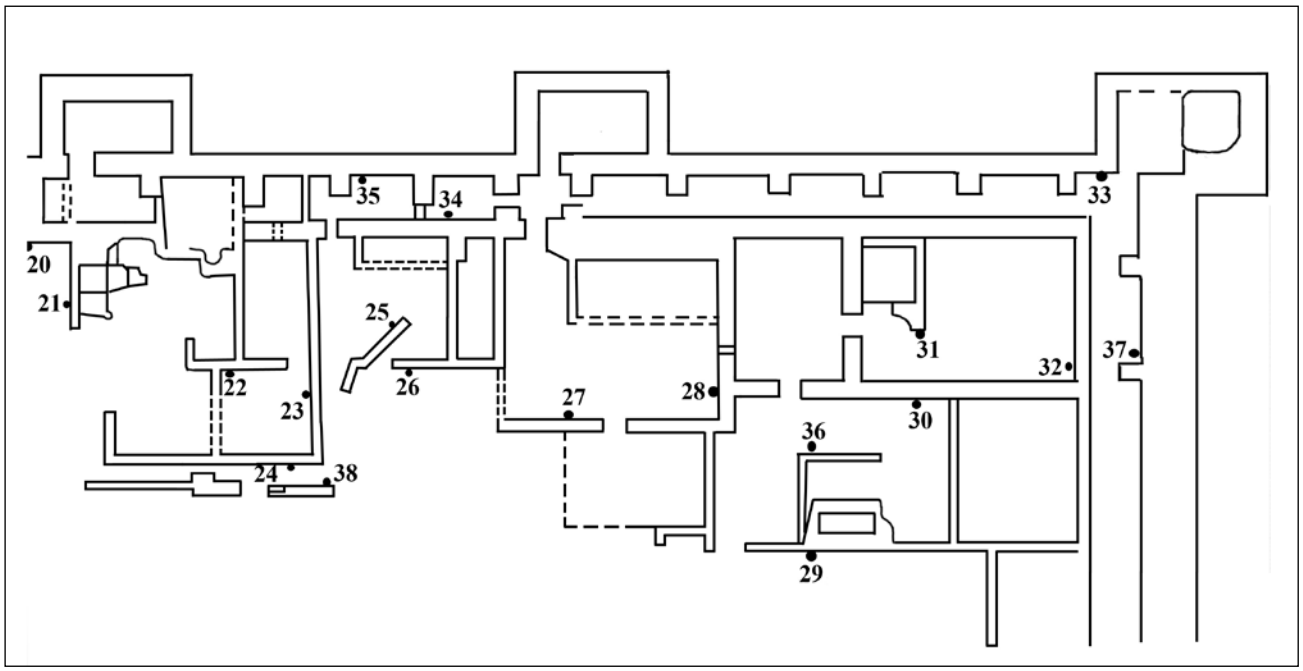


Рис. 2. Схема расположения шурфов-зачисток на территории северной части кремля Гонура, 2015 г.

чей, имеющих длину 29 см (участок внешней стены, примыкающей к северо-восточной башне дворца, зачистка 33). Ширина кирпичей, в основном, составляет около 25 см, но в отдельных случаях встречается кирпич шириной в 14 и 20 см. Высота кирпичей — наиболее постоянный признак, она колеблется лишь между 17–18 см. Заметим, что различия в размерах кирпичей (менее 5 см), скорее, отражают степень их деформации, а не существовавшие стандарты. Поэтому, пока можно говорить только о четырех фиксируемых вариантах размеров кирпичей: 1) L[1] – 38 см, В – 25 см, Н – 18 см; 2) L – 38 см, В – 14 см, Н – 18 см; 3) L – 38 см, В – 20 см, Н – 18 см; 4) L – 29 см; В – 25 см; Н – 18 см.

Ко второму строительному периоду отнесены стены, стоящие на культурном слое или перекрывающие руины ранних сооружений. Все они принадлежат постройкам внутреннего пространства дворца (зачистки 26, 29, 31, 38, 36). Стены второго периода возводились на культурном слое мощностью около 50 см (42–52 см). В случае, когда стена второго периода фиксировалась над остатками стены первого периода (зачистка 30), их разделяла прослойка культурных наслоений мощностью 36 см. Таким образом, между возведением и разрушением стен первого периода и возведением стен второго периода был достаточно длительный промежуток времени. Высотные отметки основания стен второго строительного периода, так же как и в случае со стенами первого периода, сильно варьируют (от - 0,6 до +0,98 см), поэтому, основным критерием выделения второго строительного периода является наличие подстилающей мощной прослойки культурного слоя. Так, в одном, случае (разрез 36) для основания стены второго периода была получена высотная отметка -0,6, сильно отличающаяся от таковых для других стен. Однако мощность культурного слоя, на котором стоит стена, составила 45 см, что вполне соответствует стратиграфическому положению стен второго периода

Кирпичи построек второго периода отличаются большим разнообразием. Длина колеблется от 38 до 22 см, ширина – от 15 до 27 см, высота – от 15 до 18 см (в основном близка к 18 см). Таким образом, как и в предыдущем случае, высота кирпичей является наиболее постоянным параметром. Возможно, это связано с оптимизацией трудозатрат на возведение стен, когда меньшая высота кирпича увеличивает количество слоев кладки, а большая – затрудняет манипуляции со строительным материалом.

Стены третьего периода фиксируются значительно хуже, чем первого и второго, что вполне объяснимо тем, что они, находясь

1 L – длина; Н – высота; В – ширина

ближе к поверхности, были наиболее подвержены воздействию разрушающих факторов среды в течение 4000 лет. Сложность их выделения связана также с тем, что постройки этого периода в первую очередь пострадали от разрушения, как после прекращения функционирования поселения, так и после проведения раскопочных работ. Поэтому они выявляются лишь в четырех зачистках. В основном, установленные стены третьего уровня являются надстройками над стенами первого периода и лишь в одном случае была выявлена стена, возведенная на мощном культурном слое (119 см). Высотные отметки основания кладок третьего периода варьируют в пределах +109–+155. Размеры кирпичей устанавливаются с трудом, из-за их плохой сохранности. Только в одной кладке, удалось определить их отдельные характеристики: L – 32 см, H – 18 см.

Отметим, что на обследованном участке не встречены постройки третьего периода, располагавшиеся над руинами стен второго периода, как и сооружения второго периода – над стенами первого. Вероятнее всего, фундаментальные строения первого периода (в первую очередь внешние и внутренние стены дворца), функционировали на протяжении достаточно длительного времени, сохраняя свое значение и в период последующей перестройки дворцово-храмового комплекса (второй строительный период).

Заметим, что возведение пилястр, укрепляющих внешние стены дворца (после большого пожара), приходится на первый период и не связано с его масштабной перестройкой. Второй строительный период, по-видимому, связан с обустройством внутреннего пространства дворца, не нарушающим его общую планировку, т.е. новые постройки, в основном возводились на свободных площадках. Третий этап строительной активности во дворце, скорее всего, был обусловлен перепрофилированием построек (возможно, в ходе освоения дворца простыми общинниками после его оставления элитой), что сопровождалось определенной перепланировкой внутреннего пространства. Конечно, такое заключение является лишь предположением, для подтверждения которого требуется изучение большего числа конструкций третьего периода.

Рис. 3. Общий вид территории дворцовой площади Гонур-депе, вымощенной сырцовым кирпичом.

На участке, расположенном к востоку от северного входа во дворец, у его внутренней стены, несколько глубже современной поверхности, была расчищена площадка, замощенная сырцовым кирпичом в два слоя (рис. 3). На расстоянии около 50 см от внутренней стены в площадке образовался провал, причиной которого являлась находящаяся под кладкой пустота (промоина). Из ее заполнения происходят фрагменты керамики, обломки костей животных, а также элемент настенной мозаики. К востоку от этой площадки, у внутренней стены, расчищена сложенная из кирпича конструкция типа ступенчатого подиума, возможно, основание башни или постамента, возведенное в первом периоде застройки дворца. Высота конструкции составляет 140 см, т.е. ее верхняя площадка фиксируется на уровне верхней кромки сохранившейся стены. Кроме того в восточной внутренней стене дворца (зачистка 32), на высоте 10 см от ее основания, обнаружена неглубокая ниша с установленным в ней сосудом, типа кувшина. К этому участку стены примыкает углубленная в пол полукруглая конструкция – ямка («ванночка»), обмазанная глиной. На участке пола, вокруг ванночки фиксируется трехслойная гипсовая обмазка.

Осенью 2015 г. было продолжено исследование замощенной кирпичами площадки у северного входа во дворец. Были определены границы этой строительной конструкции. Размеры площадки составили около 4 м с севера на юг и 7,2 м с запада на восток. Площадка ориентирована к стене кремля под углом около 70^0. Зачистка поверхности площадки и точная фиксация на плане положения кирпичей позволили предположить, что конструкция состоит из двух частей, которые можно условно назвать «центральной» и «периферийной», где «периферийная» часть как бы окружает «центральную» с трех сторон.

Основание кирпичей описываемой площадки находится на одном уровне или несколько выше основания кирпичей внутренней стены дворца, к которой она примыкает.

Рис. 4. Двухкамерная печь в восточной части территории дворцовой площади Гонур-депе, вымощенной сырцовым кирпичом.

При этом характер контакта между слагающими ее кирпичами и кирпичами стены дворца (кладки не стыкуются друг с другом, между ними имеются прослои рыхлого материала), скорее всего, указывает на то, что они были построены не одновременно. Также отличаются и размеры кирпичей, использованных для их строительства (длина кирпичей площадки достигает 64 см, а стен дворца – не более 40 см). В 60 см к юго-западу от края «центральной» кладки (почти на границе «центральной» и «периферийной» части конструкции) под кирпичами было выявлено захоронение новорожденного ребенка (погр. 4542), а также кости молодой свиньи. Под кирпичами «центральной» кладки отмечается слой плотного суглинка со следами разложившейся органики, мелкими древесными углями, фрагментами керамики и обломками костей животных[2].

В северной части площадки непосредственно у внутренней стены располагаются остатки сильно разрушенной двухкамерной печи первого периода, которая была построена уже поверх кирпичей площадки, т.е. является более поздней.

В юго-восточной части площадки выявлены остатки другой двухкамерной печи. Печь ориентирована по длинной оси в направлении СЗ – ЮВ, вход смотрит на СЗ, т.е. длинная ось печи направлена под углом к стене дворца (рис. 4).

Результаты изучение описанной выше площадки показывают, что данный объект представляет собой остатки раннего архитектурного сооружения, возможно

2 Планы выявленных конструкций здесь не приводятся в виду незавершенности работ. Их планируется продолжить в следующие полевые сезоны.

«до-дворцового» этапа застройки. На это, в частности, может указывать, расположение площадки и связанных с ней объектов под углом к стенам кремля, когда строительные конструкции дворца обычно ориентированы параллельно или перпендикулярно стенам. Исследования на этой территории будут продолжены.

В целом, стратиграфические исследования во дворце (в северо-западном и северо-восточном секторе), проведенные в 2014-2015 гг., показывают, что здесь достаточно хорошо выявляются три «дворцовых» периода строительной активности. Первый представлен стенами, возведенными на уплотненном лессовидном суглинке (древней дневной поверхности). К постройкам данного периода принадлежат наружные и внутренние стены кремля, а также ряд построек внутреннего пространства. Высотные значения этого строительного уровня, в основном, попадают в пределы от -0,30 до 0,00 от условного «0» Гонура. По всей видимости, строители следовали за неровностями рельефа, поскольку следов целенаправленного выравнивания или углубления древней поверхности под застройку выявлено не было. Обращает на себя внимание, что кирпичи, использовавшиеся для возведения стен этого периода, имели сравнительно крупные размеры (в первую очередь это касается их высоты), близкие к следующим показателям (хотя жесткие стандарты, по-видимому, отсутствовали): L – 40 см; B – 25 см; H – 17 см. Возможно, что размеры кирпичей зависели от назначения сооружения и от положения кирпичей в кладке.

Ко второму строительному горизонту относится целый ряд стен внутреннего пространства дворца, которые имеют высотные отметки фундамента ≈ +0,55. Постройки второго периода возводились на культурном слое разной мощности (в среднем около 50 см). Если фундамент стен второго периода фиксировался над остатками стен первого периода, их также разделяла прослойка культурных наслоений, мощность которых колеблется от 20 до 70 см. Т.е. между возведением и разрушением стен первого периода и возведением стен второго периода был достаточно длительный промежуток времени. Кирпичи второго периода в основном более тонкие, чем в фундаменте стен первого периода, их толщина обычно не превышает 13 см.

Стены третьего периода сохранились значительно хуже двух предыдущих и имеют высотные отметки: ≈ +130 – +160. Их плохая сохранность связана с тем, что постройки этого периода в первую очередь пострадали от разрушения, как после прекращения функционирования поселения, так и после проведения раскопочных работ. Это также обусловлено и тем, что кладка возводилась поверх разрушенных стен второго строительного периода, поэтому выявление нижней границы стен представляется более трудоемкой процедурой. Разница между высотными отметка фундамента построек второго и третьего периодов, составляет около 1 м.

Кроме того, в пределах изученных участков были выявлены следы конструкций более раннего – «до-дворцового» этапа освоения данного участка.

Таким образом, предварительные итоги стратиграфического исследования дворца подтверждают представления В.И. Сарианиди о существовании трех этапов застройки и функционирования этого архитектурно-строительного комплекса, а также его предположение о наличии на данном участке следов «до-дворцовой» архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

Сарианиди В.И. Отчет о работах Маргианской археологической экспедиции в 1996 г. 25 с. Рукопись. Личный архив В.И. Сарианиди.

Сарианиди В.И. Отчет о работах на Гонур-депе в 1998 г. 17 с. Рукопись. Личный архив В.И. Сарианиди.

Удеумурадов Б.Н. Некоторые итоги. 1996. Рукопись. Личный архив В.И. Сарианиди.

Н.А. Дубова, С. Винкельман-Витковска,
М. Новак, А. Солее, Д. Мейер, Х. Хюбнер

Краткая информация о совместных исследованиях Института этнологии и антропологии РАН и Отдела археологии Бернского университета (Швейцария) на Гонур-депе в 2014-2015 гг.

В соответствии с договором о сотрудничестве между ИЭА РАН и Университетом г. Берн (Швейцария) в составе экспедиции работала группа под руководством проф. С. Винкельман (г. Галле, Германия), в которую входили геофизики Х. Хюбнер и К. Курц (оба из г. Фрайбург, Германия), А. Солее (Университет г. Берн, Швейцария), Ф. Перейра (Университет г. Фрайбург, Германия), а также студентки Университета г. Берн М. Люней и А. Кулл. Подробный отчет о проведенных исследованиях опубликован С. Винкельманн-Витковской (Winkelmann, 2014; Winkelmann-Witkowsky, 2015).

Как было указано в статье Н.А. Дубовой, М.А. Мамедова и Р.М. Сатаева, работы проводились на новом Раскопе, получившем порядковый номер 23. Он был устроен к западу от Раскопа 13. Вся нераскопанная территория на этом пространстве сначала была обследована Х. Хюбнером и К. Курцем с помощью магнитометра (см. подробнее ниже). Магнитограммы в данном месте показали присутствие нескольких понижений удлиненной формы (что можно было трактовать как наличие каналов), нескольких обрывков кирпичных стен, присутствие очагов и погребений (рис. 1,2,3). Было заложено 3 самостоятельных

Рис. 1. Схема Гонур-депе с указанием площадей, изученных магнитометрически (отмечены серым) (по: Х. Хюбнеру).

Рис. 2. Гонур-депе. Общий вид траншеи А на Раскопе 23 с запада .

траншеи (две в непосредственной близости от Раскопа 13; одна – к западу от Раскопа 14). Ведение раскопа в 2014 г. осуществлялось А. Солее, в 2015 г. – Д. Мейером. М. Люней фиксировала небольшие находки, составляла их опись. А. Кулл производила зарисовки артефактов. Ф. Перейра принимала участие в ведении раскопа и в описании артефактов. Подробное описание выявленных структур готовится швейцарскими и немецкими специалистами. На этих территориях было раскопано, описано, сфотографировано Н.А. Дубовой и нанесено на планы 4 погребения (2 детских, 1 взрослое, 1 поминальник; все – ямные). Топографические работы с помощью теодолита выполнял М. Аманов (Институт истории АН Туркменистана, г. Ашхабад). Подтвердились выявленные магнитометром структуры – и арыки, и печи, и погребения. Арыки, судя по их профилю, оказались искусственными.

Рис. 3. Гонур-депе. Общий вид финальной стадии расчистки траншеи В на Раскопе 23. Вид с севера.

Среди находок, обративших на себя внимание, необходимо назвать две бронзовые перегородчатые печати, найденные на территории Раскопа: одна в виде двух шестилепестковых цветков, наложенных один на другой (сектор А, траншея А 003; в заполнении, на глубине 30 см от древней дневной поверхности) (рис. 4), а вторая – с геометри-

Рис. 4. Гонур-депе. Бронзовая перегородчатая печать, найденная на Раскопе 23 (заполнение сектора А; траншея А 003; глубина 30 см от древней дневной поверхности).

Рис. 5. Гонур-депе. Бронзовая перегородчатая печать, найденная в заполеннии сектора В, (траншея В1, пом. В1:В).

ческим орнаментом (сектор В, траншея В1, заполнение пом. В1:В) (рис. 5). В верхнем слое траншеи А найден керамический зооморфный слив от сосуда, представляющий собой голову козла/барана с большими глазами на гибко изогнутой шее (рис. 6). Эта находка пополнила коллекцию зооморфных сливов, ранее найденных на Гонуре. Также интересна (вне контекстная, к сожалению) находка трех фрагментов какого-то изделия с неясным рельефным изображением из обожженного камня (сектор А, восточная часть траншеи А2, около поверхности). Также интересны два бронзовых предмета: серп (рис. 7) и впервые найденная на Гонуре пила (рис. 8) (оба находились в секторе А, в тран-

Рис. 6. Гонур-депе. Зооморфный слив керамического сосуда, наденный на Раскопе 23 (в верхнем слое траншеи А).

Рис. 7. Гонур-депе. Бронзовый серп, найденный в секторе А (Раскоп 23, траншея А1; напротив нижнего ряда кирпичей северо-западной стены комнаты А2:А).

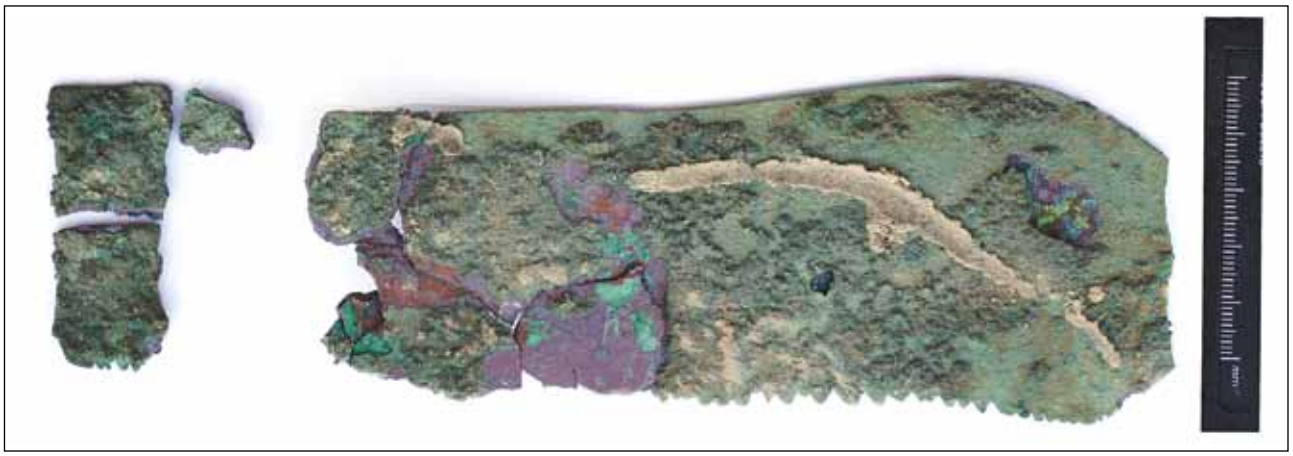


Рис. 8. Гонур-депе. Бронзовая пила, найденная в секторе А (Раскоп 23, траншея А1; напротив нижнего ряда кирпичей северо-западной стены комнаты А2:А).

Рис. 9. Гонур-депе. Фрагмент стенки керамического сосуда с налепом в виде фигуры птицы (сокола?) (Раскоп 23, сектор А, верхний уровень траншеи А5).

шее А1; напротив нижнего ряда кирпичей северо-западной стены комнаты А2:А). Не менее важны два фрагмента керамики: один с налепным изображением сокола (сектор А, верхний уровень траншеи А5) (рис. 9) и второй – с процарапанным по сырой глине гротескным рисунком антропоморфного существа с огромным носом (сектор А, северная часть траншеи А1, 50 см ниже древней дневной поверхности) (рис. 10), а также золотое кольцо(?) оригинальной формы (траншея А, период А-V, фаза 6а) (рис. 11).

Рис. 10. Гонур-депе. Фрагмент стенки керамического сосуда с процарапанным по сырой глине гротескным рисунком антропоморфного существа с огромным носом (Раскоп 23, сектор А, северная часть траншеи А1, около 50 см ниже древней дневной поверхности).

Проведение разведочных работ на памятнике с помощью метода магнитометрии

На основании соглашения о сотрудничестве между Университетом г. Берн (Института археологических исследований, Швейцария) и ИЭА РАН (Маргианская археологическая экспедиции, Москва, Россия) с 15 по 27 сентября 2014 г. были проведены первые исследования в рамках проекта «Развитие города и использования земель на памятнике Гонур-депе (Туркменистан)». Основной долгосрочной целью проекта является реконструкция структуры поселения Гонур-депе с использованием неинвазивных методов исследования, которые не зависят от проведения археологических раскопок и могут быть использованы в дополнение к ним для планирования, расширения изучения использования земель в пределах города, как ранее известных, так и расположенных в окрестностях.

Рис. 11. Гонур-депе. Золотое кольцо(?) оригинальной формы, найденное на Раскопе 23 (траншея А, период А-V, фаза 6а).

Темой первого сезона работ были геофизические исследования внутренней городской территории, которые были проведен компанией «GGH-Solutions GmbH в землеведении» (г. Фрайбург, Германия). Магнитометрическое обследование и картографирование нераскопанной городской территории было проведено на общей площади 92 680 кв.м. = 9,27 га. Для этих целей использовался Индукционный градиентометр с Datalogger 4032 DLG и четыре калиброванных зонда

FEREX con650 Фёрстера. Измерительные зонды расположены в общем массиве на расстояния 50 см друг от друга. Устройство для измерения находилось на высоте около 30 см над поверхностью земли на обследуемом участке вдоль заранее проведенных линий. Последовательность проверки вдоль этих линий позволяет получить сетку с ячейками 10 см × 50 см.

Калибровка участков была проведена с использованием электронного тахеометра Leica и системы глобального позиционирования (GPS) Trimble. Использовалась система измерений, существующая в местной русской системе координат. Впоследствии, система координат преобразуется с использованием системы глобального позиционирования на UTM сетки. В качестве основного плана памятника был использован электронный план, составленный маргианской Археологической экспедицией, а также космические снимки Google Maps.

В процессе обследования измеряется магнитное поле исследуемой площади, которое затем преобразуется в изображение. Метод измерения основан на том, что археологические особенности территории вызывают магнитные аномалии. Эти аномалии могут быть связаны, например, с археологическими объектами, такими как кирпичные стены, печи, ямы, могилы, каналы или канавы, а также недавние нарушения, вызванные современной дорожной сетью, колеёй, оставленной транспортными средствами, плугом и многим другим на глубину до двух метров. Все это выражается в магнитных аномалиях нормального фона. Средства и методы визуализации представлены в географической информационной системе как изображение в градациях серого (магнитной записи). Положительные аномалии представлены оттенками от светло-серого до белого цвета, а отрицательные – от темно-серого до черного. С помощью дополнительных детальных исследований установленных

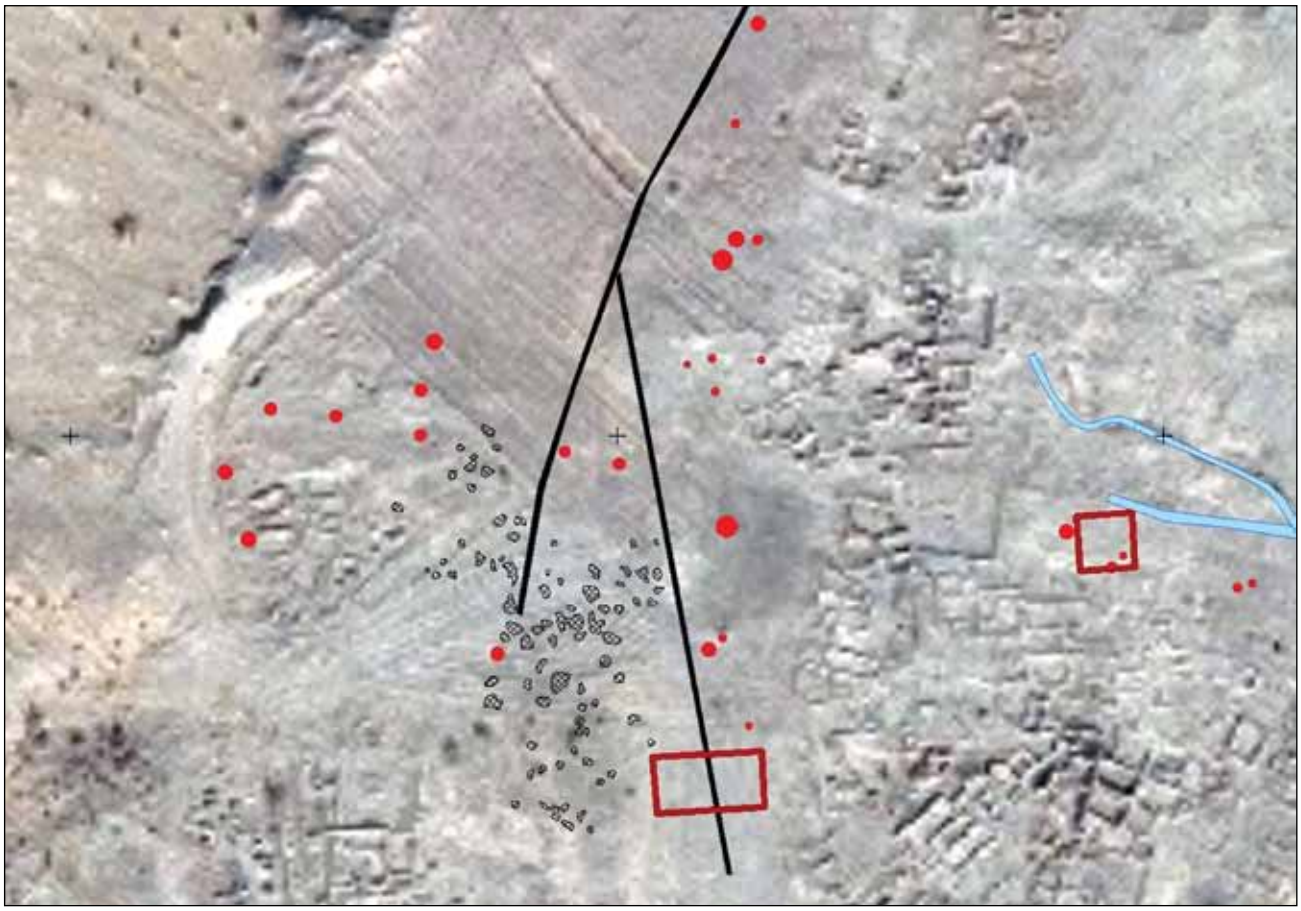


Рис. 12. Подробная интепретация результатов магнитометрического обследования западной территории Гонур-депе. Точками отмечены вероятные печи или алтари огня; мелкими полыми внутри знаками — вероятные погребения; линиями — выявленные каналы, а прямоугольниками — траншея А (внизу) и траншея В (справа) Раскопа 23 (по: Х. Хюбнеру).

аномалий с данными специфики памятника могут быть четко определены. В частности, анализируются амплитуды обнаруженных аномалий в магнитной записи и их формы. Так, например, для обнаружения объектов из обожженной глины, таких как сосуды, стены или печи с отоплением или охлаждением (так называемая термо-остаточная намагниченность – TRM) используются аномалии северо-южного направления с большими амплитудами (до 70 NT). Такие объекты как траншеи, ямы или каналы вызывают аномалии с отрицательными амплитудами. Они появляются на картинке в виде темных пятен.

Интерпретация данных магнитограмм по Гонур-депе осложняется наличием многочисленных недавних следов, таких как тракторные полосы, валы отодвинутой земли, скопления, склады фрагментов керамических и изредка каменных изделий, которые могут частично искажать результаты. Террикоины, имеющие высоту более 2 м, не дают возможности обнаружить основные структуры. Наилучшим образом подходят для геофизических исследований такие территории, где недавние повреждения поверхности полностью отсуствуют.

Учитывая эти особенности, были выбраны семь областей за пределами стены центральной части города, которые еще не были раскопаны в значительной степени и неинвазивные исследование которых могли бы ответить на несколько актуальных вопросов о степени перспективности их раскопок. Картирование и результаты предварительного исследования городских структур и их ближайших окрестностей обсуждаются в контексте каждой из областей ниже. Несмотря на то, что детальное изучение выявленных магнитных аномалий занимает определенное время, уже в процессе полевых исследований были получены первые результаты.

Удалось обнаружить 48 дипольных аномалий (черно/белых) с амплитудами до 60 nT/м. Они имеют направления Север-Юг и частично организованы в ряды. Эти аномалии могут быть интерпретированы как области, подвергшиеся высокотемпературному воздействию (печи, керамические печи). На западном фасе Гонура обнаружена система из двух арыков, каналов. Один из них, длиной 112 м, пересекает старый шурф Маргианской экспедиции, так же как и траншею А швейцарской группы. Вторая траншея имеет длину 12 м и пересекает траншею С швейцарской группы (рис. 12).

На обследованном участке 1 (западный фас) удалось найти две круглые структуры, которые хорошо могут быть интерпретированы или как алтари огня или бассейны. Также можно говорить, что определено местонахождение 87 новых могил (79 обычных и 8 со специфическими дипольными аномалиями в области царских погребений) и 48 гончарных печей.

Проведенные исследований на севере, западе и юге Гонур-депе показали, что имеются нераскопанные участки в пределах обводной стены, которые могут быть интерпретированы как бассейны. На север от обводной стены есть свидетельства существования зданий в форме стен и биполярных аномалий. Не найдено указаний на существование построек или других структур на северо-западе и западе от обводной стены комплекса, так же как и между Северным Гонуром и теменосом.

Таким образом, проведенные исследования уже на своей первой стадии дали возможность с помощью неинвазивных методов (т.е. без шурфования и раскопок) определить наиболее перспективные участки на нераскопанных территориях внутри обводной стены Гонур-депе: это территория к северу от царского некрополя и западный его фас.

ЛИТЕРАТУРА

Winkelmann S. Gonur Depe, Turkmenistan. Bericht über die 1. russisch-schweizerische Kampagne 2014 // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2014. Zurich, 2014. S. 135-166.

Winkelmann-Witkowsky S. Bericht über die Ausgrabungen der Berner Archäologen 2015 in Gonur Depe, Turkmenistan // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Jahresbericht 2015. Zurich, 2015. S. 179-210.

Культурные и торговые связи БМАК

Е.В. Антонова

Бактрийско-Маргианская археологическая культура: вещественные данные и особенности структуры общества

Несмотря на краткость периода раскопок памятников Бактрийско-Маргианской археологической культуры (БМАК), ее материалы хорошо известны отечественным и зарубежным исследователям. Эта культура была открыта В.И. Сарианиди в 70-х годах прошлого века. Вещественные памятники БМАК очень разнообразны, что указывает, в частности, на ее существование в эпоху интенсивных контактов на Ближнем и Среднем Востоке в конце III—начале II тыс. до н.э. Кажущаяся внезапность появления культуры породила гипотезу о возникновении ее где-то в западной части Ближнего Востока. Вместе с тем принадлежность ее создателей кругу раннеземледельческих культур документируется признаками сходства свойственного ей керамического комплекса, антропоморфной пластики и форм многочисленных печатей-амулетов с бытовавшими в анауской культуре эпохи энеолита-бронзы подгорной полосы Копетдага (Антонова, 2011). Первоначальная попытка автора этой статьи только интерпретировать формы металлических печатей-амулетов и особенности антропоморфных статуэток привела к более широкому исследованию. Речь может идти об особенностях общественной структуры создателей БМАК.

Главная особенность металлических печатей-амулетов — абсолютное преобладание в их формах геометрических мотивов. Эти вещи — немаловажная составляющая вещного комплекса БМАК, что заставляет обратиться к историческим обстоятельствам возникновения образа геометризованного пространства.

Первые шаги в понимании мира как упорядоченной системы были сделаны земледельцами — предшественниками создателей цивилизаций. «Мысль человека, даже не вооруженная достаточными знаниями, интуитивно распознает закономерность и известную упорядоченность явлений природы… Не было ли восприятие взаимоотношения человека с миром как ритма первым всеобъемлющим обобщением в истории человеческой культуры?» (Дьяконов, 1977. С. 16). По мнению И.М. Дьяконова, это могло иметь место в неолите, когда «…происходит всеобщая ритмизация изображений растений, животных и людей, которые впервые превращаются в повторяющийся ритмический орнамент» (Дьяконов, 1977. С. 16). Многочисленные изобразительные и древние письменные тексты подтверждают это предположение (Антонова, 1984. С. 59 сл.).

Особенность обществ ранних земледельцев Востока — их недифференцированность, целостность. В основе их организации лежат общинно-родовые отношения. В таких обществах информация передавалась устно по законам непосредственного общения. Визуальные знаки при этом могли быть условными, поскольку их значение обеспечивалось относительной краткостью информационных каналов.

Реконструкции важных сторон бесписьменной культуры земледельцев Востока проводятся с опорой на ее универсальные признаки. Объектами реконструкции определяющих сторон культуры оседлых земледельцев (не только переднеазиатских, но и обитавших на всей территории Старого Света) давно стали антропоморфные изображения — фигурки мифологических существ женского и мужского пола, а также орнаменты, которыми люди систематически наделяли свои вещи. Из вещей самые сохранившиеся обязаны долговечности материалов — обожженной глины, металлов, минералов.

Терракотовые антропоморфные статуэтки, обнаруженные на поселениях анауской культуры, представляют особый интерес: эта культура – один из этапов истории раннеземледельческих культур Южного Туркменистана (рис. 1). Начало БМАК по крайней мере отчасти восходит к этой культуре энеолита-бронзы. На протяжении многих столетий обитатели этого региона сохраняли и обогащали формы традиционных знаков, определявших их образ мира.

В анауской культуре раннего энеолита (конец V — начало III тыс. до н.э) в жилых постройках находят глиняные фигурки сидящих женщин. Иногда их удавалось обнаружить вмурованными в основания очагов (Антонова, 1990. С. 150), что, по всей вероятности, указывает на самую тесную связь этих предполагаемых защитниц с обитателями жилищ. Первоначально их лепили в обобщенной и тяжеловесной манере, но в позднем энеолите они теряют признаки примитивной грубости. В пору Намазга III (поздний энеолит, последняя треть IV тыс. до н.э.) фигурки женщин и появившиеся фигурки мужчин приобретают черты некоторого изящества. Сидящие и стоящие изображения с широкими плечами и тонкими талиями, иногда в головных уборах или с налепными прическами. Некоторые из них имели несколько круглых налепов на плечах. Представления и действия, которые скрывались за ними, можно восстановить по аналогии с распространенными по всему реги-

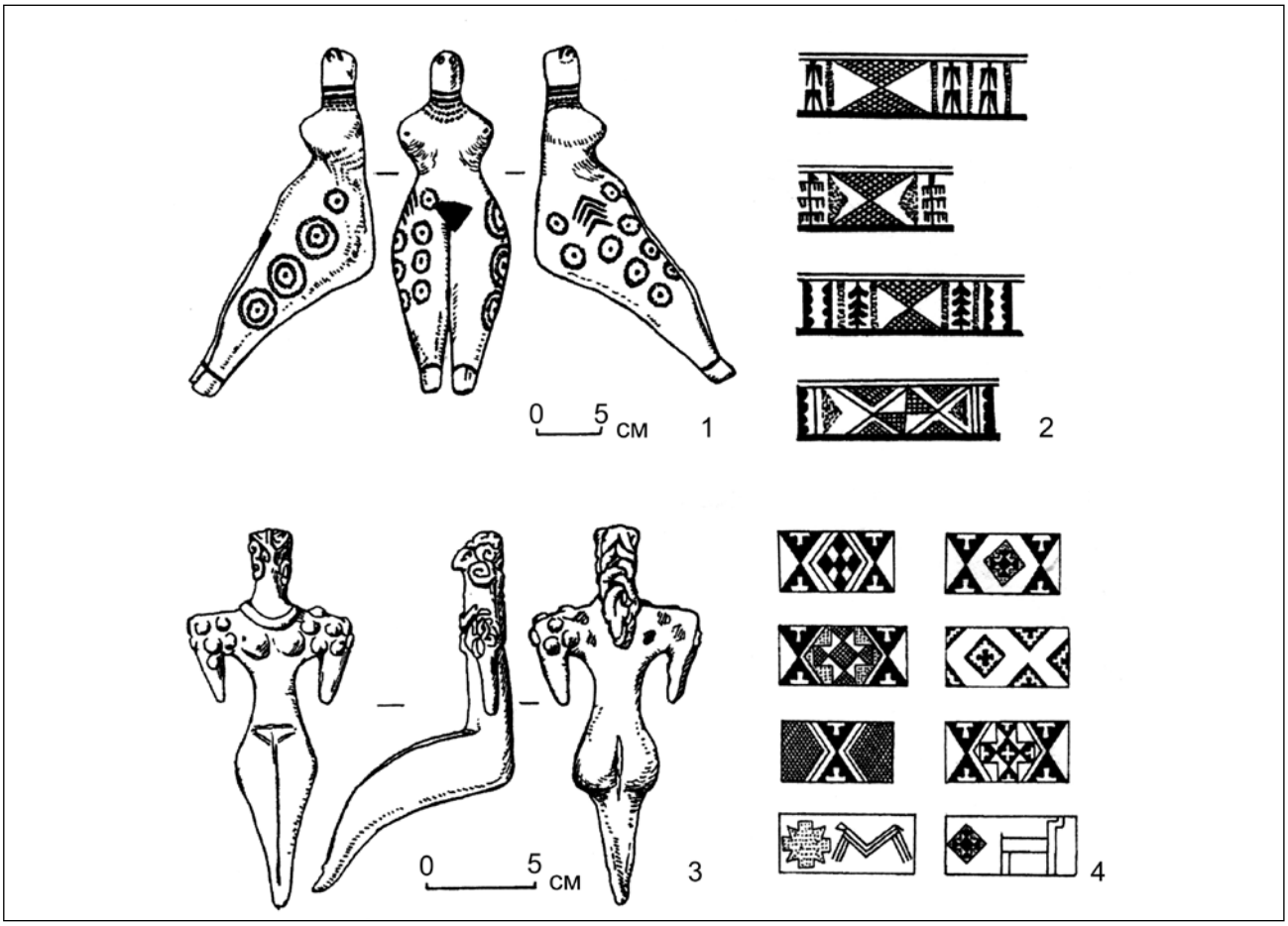


Рис. 1. *1*. Терракотовые статуэтки времени Намазга II; *2*. Орнаментальные мотивы на керамике времени Намазга II; *3*. Терракотовые статуэтки времени Намазга III; 4. Орнаментальные мотивы на керамике времени Намазга III.

ону раннеземледельческих культур. Антропоморфные статуэтки неправомерно связывают с образом «богини-матери». Это обобщающее наименование любых изображений антропоморфных существ женского пола, от палеолитических фигурок до изображений, изучаемых этнографами. Очевидно, что этот вневременной термин не несет объяснительного смысла. Для образцов, обнаруженных в комплексах дописьменных культур, скорее можно говорить о мифических женщинах-прародительницах.

Анауские фигурки женщин иногда бывали многогрудыми, что указывало на их свойства – это кормилицы. Это же свойство мифической прародительницы, вероятно, передавалось круглыми налепами.

Примечательно, что такие налепы бывали и на мужских фигурках. Вряд ли можно считать смелым предположение, что фигурки, как женские, так и мужские передавали мифологизированных предков. Именно такие предки были покровителями членов семейно-родовых общин (Антонова, 1990. С. 153-154). Возможно, налепы были знаком, имевшим общий смысл плодовитости, благодати. Нельзя исключать и существование представлений об андрогинности (двуполости) предков.

Период Намазга III – это время городской революции и «урукской экспансии» в Месопотамии, когда интенсифицировалась связь между Месопотамией и окружающим ее миром. Для всех частей Ближнего Востока – это и время перемен, связанных с усвоением новых для окраин земледельческой ойкумены явлений культуры.

Наступившая затем эпоха бронзы (Намазга IV–V, конец III – начало II тыс. до н.э.) отмечена многими новыми чертами. Все шире применяются технологии металлообработки. Важным и чувствительным для археологов сигналом является появление гончарного круга. В связи с этим облик керамики существенно меняется: вместе с появлением сосудов разнообразных форм исчезает традиция расписывать посуду. Одновременно значительные перемены претерпевают антропоморфные фигурки: они становятся совершенно плоскими, их нижняя часть превращается в отогнутый вперед треугольник, указывая на их происхождение от статуэток в сидячей позе (рис. 2). Руки простерты в стороны. Силуэт становится крестообразным, на переднюю поверхность нередко наносят изображение «дерева», на плечи и спину – условные знаки. Лица становятся плоскими с сильно выдающимися носами. Детали прически, груди у женских и признак пола у мужских были налепными. Примечательна особенность мужских фигурок – они имеют те же очертания, что женские, широкую нижнюю часть. Тела не только геометризованы, они несут знаки, восходящие к орнаментам глиняных сосудов. Таким образом передавалось их тождество образу мира. Особенности признаков пола мужских фигурок недвусмысленно передают персонажей в эротическом состоянии, признак женского пола указывает на плодовитость. Формы женских и мужских фигурок позволяют предполагать, что антропоморфизм в самом широком смысле был присущ как миру в целом, так и миру собственно людей. Макрокосм был тождествен микрокосму.

Образы «священного брака» с его различными контекстами – от космогонических представлений и сезонных обрядов до брачных ритуалов (Левинтон, 1980. С. 422-423) характерны для текстов и изобразительных памятников культур древнего Востока. К позднеурукскому времени относится замечательный каменный сосуд («ваза») из Урука с многофигурными резными изображениями, располагавшимися в нескольких ярусах. Снизу вверх помещены растения, животные, слуги (ритуально обнаженные) с дарами и сцена подношения даров около храма (Антонова, 1978. С. 145 сл.). Этот сосуд датируется временем городской революции в Месопотамии. Однако памятники одной из первых цивилизаций указывают вектор развития обрядов и верований создателей древнеземледельческих культур. Но, как известно, ни анауская культура, ни БМАК, не достигли того уровня, на котором находилась Месопотамия с произошедшей здесь городской революцией.

По мнению Ю.Е. Березкина, «Система верований в период Намазга V и ранее представляла собой скорее всего обычное, универсально распространенное в догосударственных

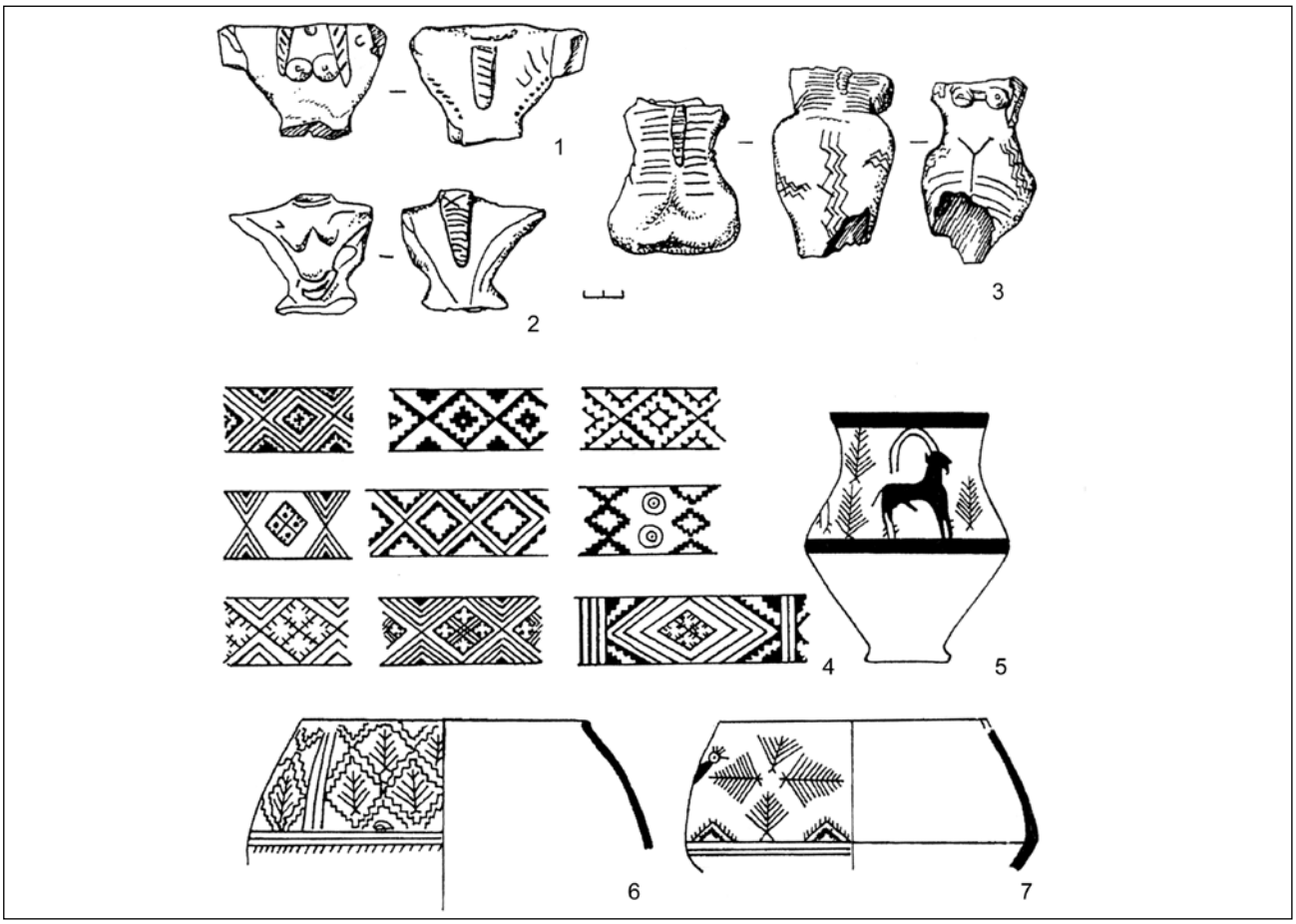


Рис. 2. *1-3.* Терракотовые статуэтки времени Намазга IV;
4-7. Орнаментальные мотивы на керамике времени Намазга III-IV.

и отчасти в крестьянских обществах почитание первопредков – слабо индивидуализированных существ... Подобный «пантеон» то сжимается до элементарной персонификации основных оппозиций мужского-женского, своего-чужого, то дробится на бесчисленное множество персонажей, с которыми почти сливаются и образы реально существовавших, недавно умерших сородичей» (Березкин, 1994. С. 33). Существование подобных представлений фиксируется археологическими данными времени раннего энеолита (IV тыс. до н.э.), хотя они могли бытовать и раньше. В энеолитическом Йлгынлы-депе в основном обнаружены женские статуэтки, на долю мужских приходится всего 3-5% (Там же). Подобная ситуация имеет место и в эпоху бронзы: преобладание женских образов продолжается. Очевидно, это следствие важности женских образов в мифологическом образе мира в обществах, организованных на основе семейно-родовых отношений.

Фигурки поры Намазга V с нанесенными на них знаками представляют образ всеобщего «порождающего пространства» (рис. 3). Они – своего рода космограммы, в которых мир отождествлялся с мифическим существом женского пола. Подобие такого образа можно видеть в ведической Адити, отождествлявшейся с Землей и Природой, матерью богов Адитьев — хранителей космического порядка.

В анауской культуре знаки на статуэтках восходят к орнаментике энеолитических сосудов (Антонова, 1972). Как в народном искусстве и в фольклоре, в археологически фиксируемых мотивах-знаках постоянно встречаешь образы всеобщности: «...за какую нить клубка ни потяни – всегда доберешься до его середины» (Неклюдов, 1977. С. 193). Краткость семантических связей в целостной «архаической культуре в сочетании с отсутствием специализированных средств, которые бы обеспечивали циркуляцию информации в обществе, явились причиной того, что каждый элемент культуры использовался гораздо полнее, точнее, с большей нагрузкой, чем в современном обществе» (Байбурин,

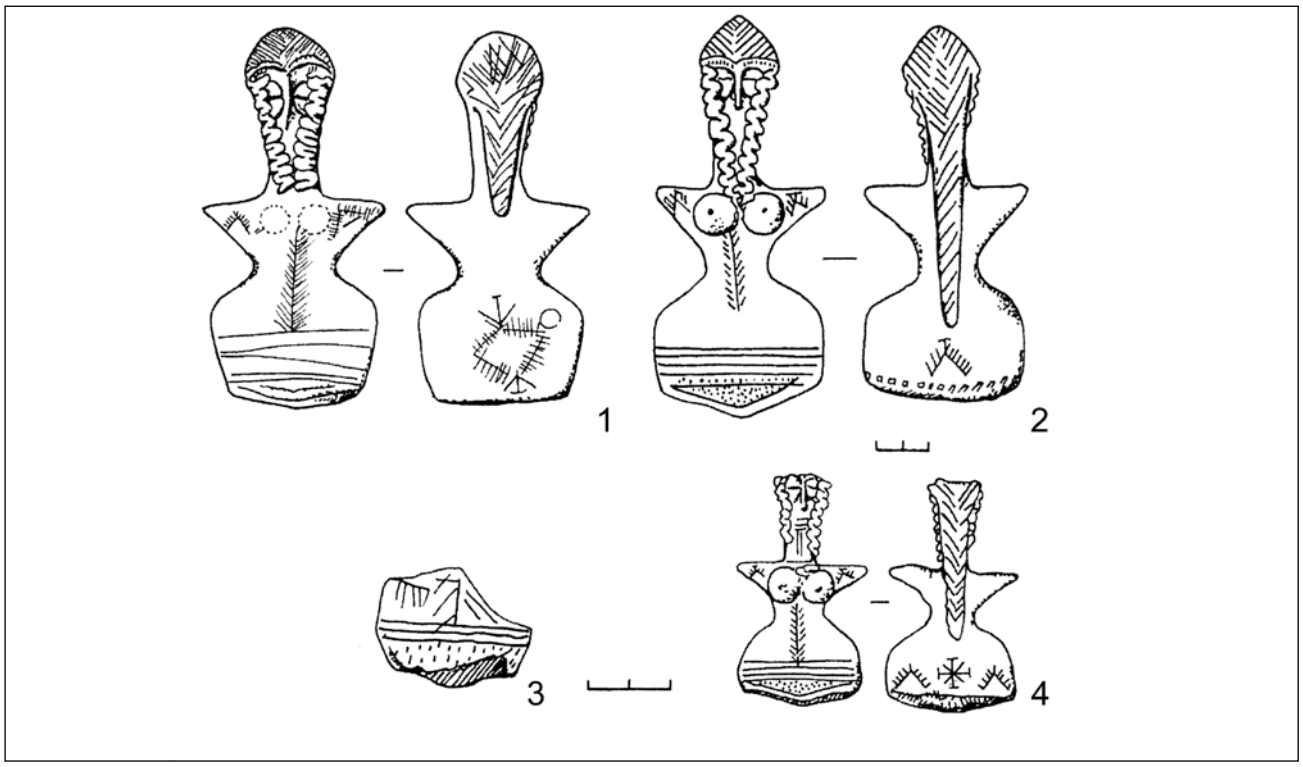


Рис. 3. Терракотовые статуэтки времени Намазга V.

1989. С. 70). Высказывалось предположение, что фигурки периода Намазга V с нанесенными на них знаками изображали различных богинь. Именно их обозначали условные знаки, для определения которых обращались к предполагаемым аналогиям из пантеонов обитателей Месопотамии (Массон, Сарианиди, 1973) (рис. 4).

Традиция изготовления условных антропоморфных фигурок перешла от анауской культуры к БМАК, но в ней появились и совершенно иные, жизнеподобные. Это были составные статуэтки, изготовленные из минералов темного и белого цветов. Они были обнаружены при грабительских раскопках в Афганистане. П. Амье определил их генезис на основании сходства с изображениями эламских цариц первых веков II тыс. до н.э. В Эламе они предназначались для храмов, в Бактрии – для погребений (Amiet, 1986. P. 200; Амье, 1997). Как показали раскопки в Маргиане, здесь их находят в основном в погребениях (Сарианиди, 2001. С. 187-188). Целая каменная фигурка обнаружена в погребении № 2900, где она находилась внутри глиняного лепного сосуда (Дубова, 2004, С. 256-257; Sarianidi 2007. P. 153). Есть свидетельство того, что каменные фигурки изготавливали на самом Гонуре: элементы их (руки) обнаружены в инвентаре «погребения ювелира» (№ 1200) на некрополе (Sarianidi, 2007. P. 118—120). Составные фигурки во всех зафиксированных случаях изображали мифологических персонажей женского пола.

Необычное изображение было найдено в погребении № 3200 (Сарианиди, 2006. С. 158 сл.). Оно представляет стоящее женское существо, сделанное из золотой фольги, укрепленной на конической основе из какого-то утраченного материала. На ее «теле» на металлических стерженьках-стеблях укреплены гипсовые колосья пшеницы или ячменя, внизу – два также гипсовых плода (Сарианиди, 2006. С. 160). Изображение из этого погребения при всех объяснимых различиях напоминает статуэтки анауской культуры: перед нами антропоморфное существо женского пола, породительница и/или покровительница растений, но одновременно и космический образ.

Для поисков генезиса предыстории прочерченных на статуэтках ранней бронзы знаков целесообразно обратиться к орнаментальным мотивам на сосудах позднего энеолита «геоксюрского стиля» (конец IV–начало III тыс. до н.э.). Их орнаменты представляли раппорты с центральной или ромбической

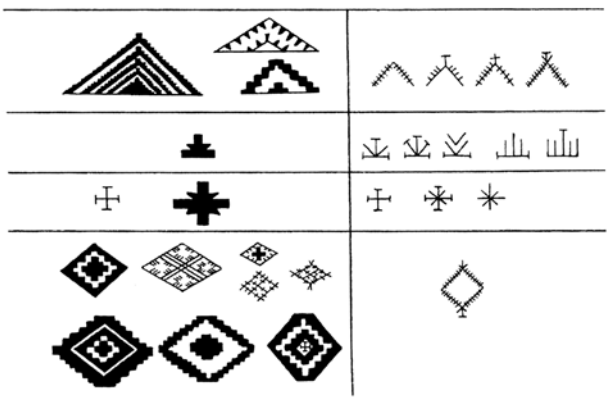


Рис. 4. Орнаментальные мотивы на керамике времени Намазга III pottery (слева). Знаки на статуэтках времени Намазга V (справа).

фигурой. Обрамляющие ее мотивы составлены из пар треугольников, образованных из иных элементов, чем центральная фигура. В центральной фигуре часто сочетаются мотивы ромба и креста, и в них акцентируются четыре стороны и центр, так что во всех вариантах она приобретает крестообразную форму (Сарианиди, 1965. Табл. IV). Рядом с центральной фигурой иногда помещается фигура козла или нераспознанного животного с провисшим животом.

Геометрические формы креста как будто не дают оснований видеть в нем что-либо помимо условной фигуры, однако настораживают иногда встречающиеся изображения стоящих рядом козлов: в древневосточном искусстве они часто помещаются около дерева. Еще одно обстоятельство: в пору ранней бронзы, когда еще бытовала позднее исчезнувшая роспись на сосудах, известны орнаменты из четырех уступчатых ромбов; затем на их месте появляется изображение «дерева» или четырех крестообразно расположенных деревьев (Хронология, 2005. С. 351, 353). Таким образом, ромбы с уступчатыми сторонами явно могли уступать место «деревьям». Это колебание между условным геометрическим (крестообразным) и иконическим знаком (растением) указывает на значение центральной фигуры.

Примечательно, что формы древнейших печатей-амулетов анауской культуры времени Намазга III, найденных на Алтын-депе, полностью подобны орнаментам керамики – кресту и его разновидностям (Кирчо, 1990, с. 176). С их поздними более развитыми вариантами нам еще придется встретиться. Сейчас же следует возвратиться к упомянутым выше «знакам» на анауских статуэтках поры развитой бронзы, когда орнаменты на сосуды уже не наносили.

Помимо «дерева» на женские и мужские фигурки, на их плечи и нижние части, наносили углообразные фигуры со штрихами, а на оборотные стороны в редких случаях ромбы. Эти углообразные фигуры и ромбы представляют собой варианты ромбов и крестов с уступчатыми сторонами, с помощью которых передавали схематизированный образ мира на позднеэнеолитической керамике. При этом их расположение соответствует орнаментальным раппортам: как и на сосудах предшествующей эпохи половинные варианты представлены по сторонам, а в центре располагается не крестообразная фигура, а условное растение.

Происхождение знаков от орнаментальных мотивов предшествующих периодов неоднократно обосновывалось (Массон, Сарианиди, 1973. С. 115; Антонова, 1981). Крестообразные антропоморфные статуэтки, как и подобные им условные орнаментальные мотивы на энеолитических сосудах, означали мир в целом. Следует добавить, что и сами сосуды являют собой образ мира, что естественно для вместилища пищи. Все эти вещи и знаки принадлежат целостной культуре, сохранявшей преемственное развитие на протяжении тысячелетий. В различных текстах (в семиотическом смысле) проявляется космизм описаний (Неклюдов, 1977. С. 193).

Между вещами анауской культуры и БМАК можно обнаружить множество различий. Но вряд ли можно отрицать сохранение традиционных форм в недрах новых культурных образований, особенно когда речь заходит о константах образа мира. Так, в погребениях эпохи бронзы на Алтын-депе найдены металлические печати-штампы, около четверти которых сохраняли крестообразные формы, характерные для энеолитической эпохи (Хронология, 2005. С. 410).

В.И. Сарианиди издал каталог печатей с территории Бактрии и Маргианы (Sarianidi, 1998). Тогда было опубликовано около 1800 образцов. Около 1500 происходят из грабительских раскопок в Афганистане и хранят-

ся в разных собраниях, остальные обнаружены при научных раскопках в Туркменистане и Узбекистане[2]. Печати в основном медно-бронзовые, отчасти каменные.

Симптоматична тенденция продолжения и развития орнаментальных символических форм в такой области, как изготовление печатей, которые служили знаками собственности, но и оберегами. В БМАК, о чем будет говориться далее, не появляются собственные цилиндрические печати, подобные месопотамским и иранским. Изображения на цилиндрических печатях несут явные признаки принадлежности к дифференцированной культуре: они многофигурны, передают персонажей в разнообразных отношениях, некоторые сопровождаются надписями. Печати-штампы БМАК продолжают развиваться по законам, бытовавшим в целостном обществе — в них сохраняется условность и символизм. В.И. Сарианиди отметил, что количество изображений животных, предполагаемых божеств и композиций из них относительно невелико по сравнению с геометрическими мотивами (Sarianidi, 1998. P. 23-47). При этом необходимо учитывать неопределенность происхождения многих опубликованных им образцов, в особенности тех, которые считают происходящими с территории Бактрии (Афганистана).

Какие же данные об образе мира могут быть извлечены из анализа форм металлических печатей БМАК? Автор каталога пишет, что очертания большинства печатей близки кругу; сюда могут быть отнесены и многолучевые розетки округлых форм. Гораздо меньше число печатей в виде ромба со ступенчатыми сторонами и крестообразных.

Примечательно сочетание геометрических фигур и растительных мотивов, также геометризованных. Расположенные в центре крестообразные фигуры «процветают» различными способами, так что некоторые фигуры становятся древовидными. Среди способов такого превращения – умножение идущих от центра лучей или заполнение всей поверхности лучами-ветвями. При этом центр может не акцентироваться, но деление на четыре части сохраняется. Очень распространенный способ – наделение рукавов креста лучами-перемычками, идущими к ободку.

Хотя количество маргианских печатей уступает бактрийским, выявляются общие для тех и других тенденции распределения мотивов. Приводимые результаты подсчетов сделаны на основании данных в каталоге В.И. Сарианиди (Sarianidi, 1998; ссылки ниже приводятся без указаний на это издание).

Печати с крестообразными мотивами-розетками многочисленны: хотя в Маргиане таких всего 9, в Бактрии их число превышает 60 (№№ 301-363). Особенно много образцов с восемью компонентами – их около 80 в Бактрии и около 20 в Маргиане. Некоторые особенности розеток явно уподобляют их цветкам разных форм. Для этого центр выделялся кружком (если контуры фигуры были угловатыми, середина отмечалась квадратом или ромбом). В ряде случаев удается проследить трансформацию ступенчатого ромба в подобие восьми-лепестковой розетки.

Людей занимали поиски форм с разным числом элементов в изобразительном поле. Минимально это — два (центральный кружок и лепестки), но были трех или четырехэлементные (центральный кружок, крест, лепестки или другие фигуры и круглый ободок). В малогеометризованных вариантах изображений В.И. Сарианиди распознал изображения цветов – мака, тюльпана, эфедры (Sarianidi, 1998. P. 45; №№ 861-863).

Для создания печатей, как и рассмотренных прежде статуэток с нанесенными знаками, характерно стремление заполнить поверхность дополнительными элементами, иногда очень плотно. Предельные случаи – круглые и прямоугольные печати, полностью заполненные решеткой без дополнительных элементов (Sarianidi, 1998. №№ 733, 815-819). Несколько таких образцов имеют в средней части крест (№№ 810-814).

Для оформления обрамлений металличе-

2 К настоящему времени на памятниках Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана найдено еще более 400 подобных печатей. В.И. Сарианиди совместно с С. Винкельман-Витковской начали подготовку второго издания Каталога. Пока, к сожалению, эта работа еще не закончена — Прим. ред.

ских печатей характерен мотив жгута. Жгут сам по себе – подвижная форма, но изображения на печатях содержат и другие подвижные мотивы. Среди них – свастики (№№ 799-805), вихревые розетки из змей, сгруппированных по три, четыре, шесть (№№ 255-262, 795-796, 798) и фигур козлов (№№ 100-106). Предпочтения определенных существ (козлов, змей) очевидно неслучайно: оно, скорее всего, объясняется их местом в мифологическом образе мира.

А.-П.Франкфор обратил внимание на то, что в печатях «цивилизации Окса» систематически используются приемы, передающие измерение, которое можно назвать вертикальным. Некоторые перегородчатые печати имеют на оборотной стороне дополнительное гравированное изображение. Известны медные печати, представляющие собой навершия булавок или подобных по форме вещей – косметических палочек. По мнению А.-П. Франкфора, немногочисленные цилиндрические печати БМАК имели изображение на торце. Это отличает их от печатей Месопотамии и долины Инда, изображения на которых наносили на одну поверхность (Франкфор, 1997, С. 67). Отметим, что изготовление цилиндрических печатей на территории БМАК не зафиксировано. Найденные единичные экземпляры, скорее всего, являются привозными. Они относятся к печатям трансэламского типа. Не исключено, что они происходят из родственной БМАК среды, но находившейся под сильным влиянием со стороны Месопотамии.

Кружки в центре одинарного или двойного ободка, как уже говорилось, — постоянный элемент печатей с геометрическими мотивами. Если исходить из предположения о значительности в генезисе БМАК анауского компонента, на значение такой формы могут пролить свет реалии анауской культуры. Так, дисковидными были глиняные очаги в энеолитических поселениях. Они имели в центре углубление, которое было обожжено. Следы обожжения были и на всей их поверхности. Есть предположение, что они предназначались для домашних обрядов. Важные данные принесли раскопки Йылгынлы-депе. Здесь в определенных местах построек обнаружены дисковидные очаги с бортиком и ямкой-жаровней в центре (Соловьева, 2005. С. 8). Благодаря особой тщательности раскопок, удалось установить, что огонь играл особую роль в обрядах разрушения домов. Перед тем, как разрушить, дома поджигали, а затем на этом месте сооружали новые. Таким образом, огонь служил знаком гибели и возрождения.

В связи с «многолучевостью» печатей БМАК целесообразно упомянуть почитание направлений и их богов-покровителей. Это было характерной чертой представлений индийцев с древнейших времен до наших дней (Волчок, 1972. С. 293-298). С ними, в частности, были связаны металлические пластины «чакра» или «янтра». Женщины носили их на шее, мужчины – около пояса или на предплечье. На эти амулеты обязательно наносили символы восьми сторон света. Они различным образом комбинировались на обеих сторонах пластин. Тамильские дети носили пластины, на одной стороне которых были изображены 16 квадратов, на другой — круг, разделенный на восемь сегментов. Такие обереги защищали от несчастий, приходящих со всех восьми направлений (Волчок, 1972. С. 271). Очень вероятно, что подобное почитание направлений было у носителей БМАК. Примечательно большое число образцов с фигурами, количество лучей которых кратно четырем. По устному замечанию Н.А. Дубовой, печати мужчины на Гонуре чаще носили на шее, а женщины у пояса.

Как говорилось, одной из наиболее распространенных форм печатей-амулетов БМАК был круг. Обычно край имел вид одинарного или двойного гладкого бортика или витого жгута. Жгут часто встречается на вещах этой культуры. Такое обрамление представлено несколькими разновидностями, которые имитируют витой шнур или веревочку. Наряду с узнаваемой веревочкой известны упрощенные варианты – случаи, когда изображение не рельефно, а передается насечками на гладкой поверхности или ободком из прямой или косой решетки. Как варианты предстают волнистые или зубчатые края.

Есть данные, показывающие, что с мотивом жгута сближалась змея. Известны образцы, в которых две извитые змеи образуют круг (Sarianidi, 1998. №№ 49, 50). Изображения змеи распространены в памятниках

БМАК. Это существо обычно предстает как извитое (№№ 232-249, 265-266, 1649, 1655). Способность переплетаться – одна из характерных признаков змей, на которую обращали внимание носители традиционных культур всех времен.

Образ змеи в БМАК явно связан с образом мира, поэтому он играет важную роль, сочетаясь с образами антропо- и зоомофных существ, растениями, водой, с весенним сезоном (Антонова, 2000; Francfort, 1992). Форма тел и пестрота чешуйчатой поверхности, «омолаживание» через смену кожи, особенности их поведения – способность окружать, обвивать, свиваться жгутовидно в определенные моменты жизни (в частности, во время спаривания), их принадлежность к нижнему, хтоническому миру – все это позволяло ассоциировать змей с возрождением жизни и мотивом ее защиты. Характерен круг образов и мифологических мотивов, в которых в древневосточной традиции фигурирует змея. Это — растения, скорпион, антропоморфные и зооморфные существа. Она выступает и как фаллический знак (Антонова, 1984. С. 146-161). Все, что способно окружать, является знаком защиты. Такой функцией наделялись элементы костюма и украшения. Ношение ожерелий из каменных бус было свойственно всем людям, женщинам и мужчинам, что особенно выразительно демонстрируют находки в погребениях Гонура. Конечно, эти вещи были многозначными, и их назначение в качестве амулетов дополняют фигурки в ожерельях.

В связи со жгутовидными мотивами интересны данные о почитании в Месопотамии ткачихи Утту, деятельность которой была связана с овцами, но с ней ассоциировались и представления о жизни. На это же указывают функции перерезающей пуповину Гулы и родственной ей Нинтунугги, владычицы жизни и смерти, крепящей жилы жизни, видящей нутро (От начала начал, 1997. С. 74, 76, 331, 338). В текстах такого рода входят образы сплетения, связанности и разрывания уз (Антонова, 2005, с. 201). Ассоциация жил и пуповины с нитью или веревкой представляется совершенно естественной. В поле значения этих элементов человеческого тела входят представления о связанности и развязывании в ритуалах на мужскую силу и рождение ребенка (Когда Ану сотворил небо, 2000. С. 218, 226). Мотивы сплетенности, связанности как условий жизни звучат в заклинании для роженицы: «в водах потока сложились кости, зародыш. Руки младенца связаны во тьме. Асаллухи, сын Энки, разорвал узы, что его держали. Он и богиня-мать готовят пути» (Я открою тебе, 1981. С. 200).

Обитатели Месопотамии в обрядах использовали обвязки из шерсти, помещавшиеся на разные части тела; с ними предписывалось обходиться, как с узлами: завязывание и развязывание – фиксация наличия зла и освобождение от напасти. Согласно одному из ассирийских ритуалов, Иштар отдавала приказ *иеродулам* прясть пеструю нить из белой и черной шерсти. Манипуляции с этой нитью должны были рассеять чары (Фоссе, 2001. С. 133-134, 217, 234). Примечательны указания на пестроту нитей при лечебных обрядах и круговое оплетение – создание магической границы.

Большой материал о роли нитей в обрядах собрал М. Элиаде. В частности, он писал о постоянном использовании образа нити в индийской традиции, в ритуалах перехода и экстатических обрядах. Космические нити-струны поддерживают вселенную, их разрубание ведет к концу света. Деятельность космических сил и многих богов связана с тем, что они выступают как «хозяева нитей». Самый адекватный образ существования – нить, паук, уток, ткачество (Элиаде, 1998. С. 287, 291-303). Рассмотрев данные разных традиций, М. Элиаде пришел к заключению, что веревка – ключевой образ в представлениях людей о жизни космоса, человеческого существования, тайного знания. В архаических культурах она всегда предполагает подъем на небо и умение летать. Его вывод: «... образы нити, веревки постоянно будоражат воображение человека и его мысль. Значит, образы эти соответствуют чрезвычайно глубинному опыту и, в конечном счете, выявляют ситуацию человека в мире, которую невозможно выразить другими символами и образами» (Элиаде, 1998. С. 325).

Круговое и вертикальное расположение веревки отмечают разные стороны ее значения в ритуалах – замыкать и связывать.

Б.А. Литвинский, исследуя «веревочное» оформление устьев медных котелков железного века из Индостана и с Памира, интерпретировал его как обладающее значением магического круга в шаманских ритуалах: «По-видимому, древние верили, что в процессе ритуального действа круг «веревочного» орнамента размыкается и, меняя направленность, устремляется вверх, соединяя полюс жертвоприношения с небесами, с небесным полюсом» (Литвинский, 2000. С. 86-87).

О том, что ритуалы носителей БМАК могли носить экстатический характер, писал В.И. Сарианиди, делая акцент на использовании ими особых напитков. Д. Аруз исходит из более общих соображений о следовании создателей этой культуры шаманистским доземледельческим представлениям (Аруз, 1998. С. 82). Такие обряды широко практиковались, согласно исследованиям этнографов, разными народами, в том числе в Средней Азии и Казахстане (Басилов, 1992).

Жгутовидные мотивы на вещах БМАК позволяют предполагать существование мифологических представлений, в которых фигурировали образы окружающей мир змеи. В культуре их создателей была актуальна тема края, предела, начала и бесконечности, связи между различными зонами по вертикали. В ритуалах этой культуры универсальный знак круга сочетался с представлениями о подвижности, пряденой нити и, очень вероятно, времени.

Говоря о глубинном значении образа, стоявшего за статуэтками того типа, который изготавливали в анауской культуре эпохи Намазга V, мы подчеркивали его всеобщность, недифференцированность. За ним – мир в целом. Подобные фигурки продолжали бытовать и в Маргиане, хотя количество условных знаков на них, как правило, могло ограничиваться одним условным растением. Вероятно, их продолжали применять члены семейно-родовых коллективов, причем не относящиеся к элитарным. Элите, вероятно, принадлежали каменные составные статуэтки. Примечательно, что в БМАК и в сообществах, с которыми его носители находились в контактах, появились цилиндрические печати с изображениями божеств.

С Гонура происходит стеатитовая цилиндрическая печать с изображением сидящей рогатой богини, заключенной в «ауру», и предстоящими перед ней двумя женскими божествами плодородия[3]. Стоящие богини различны: из тела и головы одной из них произрастают растения, из тела другой – расположенные аналогичным образом (по три с двух сторон тела и два – из головы) – рога (Сарианиди, 2004, с. 241, рис. 17). «Богиня в ауре», по словам В.И. Сарианиди, представляет собой местную переработку привнесенного образа (Там же. С. 239).

Цилиндрические печати с многофигурными изображениями в БМАК немногочисленны (Крюкова, 2012). На них можно видеть не только отдельные образы, но и предположительно целые обрядовые сцены. На большом некрополе Гонура в грабительском выбросе из могилы найдена печать с изображением сидящей на возвышении богини, из тела и головы которой поднимаются растения (Сарианиди, 2001. С. 66). Перед ней на «постаменте», согласно В.И. Сарианиди, лежит, поджав ноги, большерогий козел, над которым изображен цветок тюльпана. Под богиней находится извивающаяся змея, что указывает на ее принадлежность хтонической сфере. В.Ю. Крюкова полагает, что козел изображен на жертвенном столе с травяной подстилкой (Крюкова, 2012. С. 224).

Статья В.Ю. Крюковой посвящена изображениям тюльпанов на разных вещах. Их контекст позволяет думать, что у носителей БМАК бытовал весенний праздник плодородия, связанный с образом женского божества и тюльпанами (Крюкова, 2012). Автор предполагает, что цветок, тюльпан, мог символизировать образ мира. Это возвращает нас к изображениям цветочных розеток на металлических печатях.

В известной книге П. Амье приводятся изображения и описания богинь на печатях из трансэламских поселений (Шахдад, Тепе Яхья) в рогатых головных уборах

3 Эта печать была найдена около Малого круглого алтаря на западном фасе памятника. На территории так называемого Храма жертвоприношений (Раскоп 6) — Прим. ред.

и/или с растениями (Amiet, 1986. P. 165-167) (рис. 5). То, что он пишет об изображениях на этих печатях, может быть отнесено и к изображениям на цилиндрах с территории БМАК: «Иранский пантеон, изображенный на трансэламских печатях, предстает менее богатым и менее разнообразным, а значит и менее разработанным, чем месопотамский пантеон, где боги персонифицировали взаимодополняющие друг друга космические элементы. Этот более простой пантеон скорее всего соответствует слабой политической системе, включающей в себя разные этнические образования или племена, каждое из которых имело, должно быть, своего божественного покровителя, в эту эпоху – обычно женское божество» (Амье, 1997. С. 100). Он отмечает, что в более позднее время, в эпоху суккальмахов (1800–1600 до н.э.) ситуация в самом Эламе остается близкой описанной, хотя мужские божества уже занимают верховенствующее положение.

Анализ металлических печатей БМАК не позволяет поддержать предположение о создании ее носителями изображений антропоморфных богов. Главное соображение, которое приводит к такому выводу — принадлежность общества ее носителей к архаическим, в которых существовал устный тип передачи информации.

С точки зрения методов исследования археологических памятников бесписьменных культур, особый интерес представляет монография Е.С. Новик, в которой исследуются

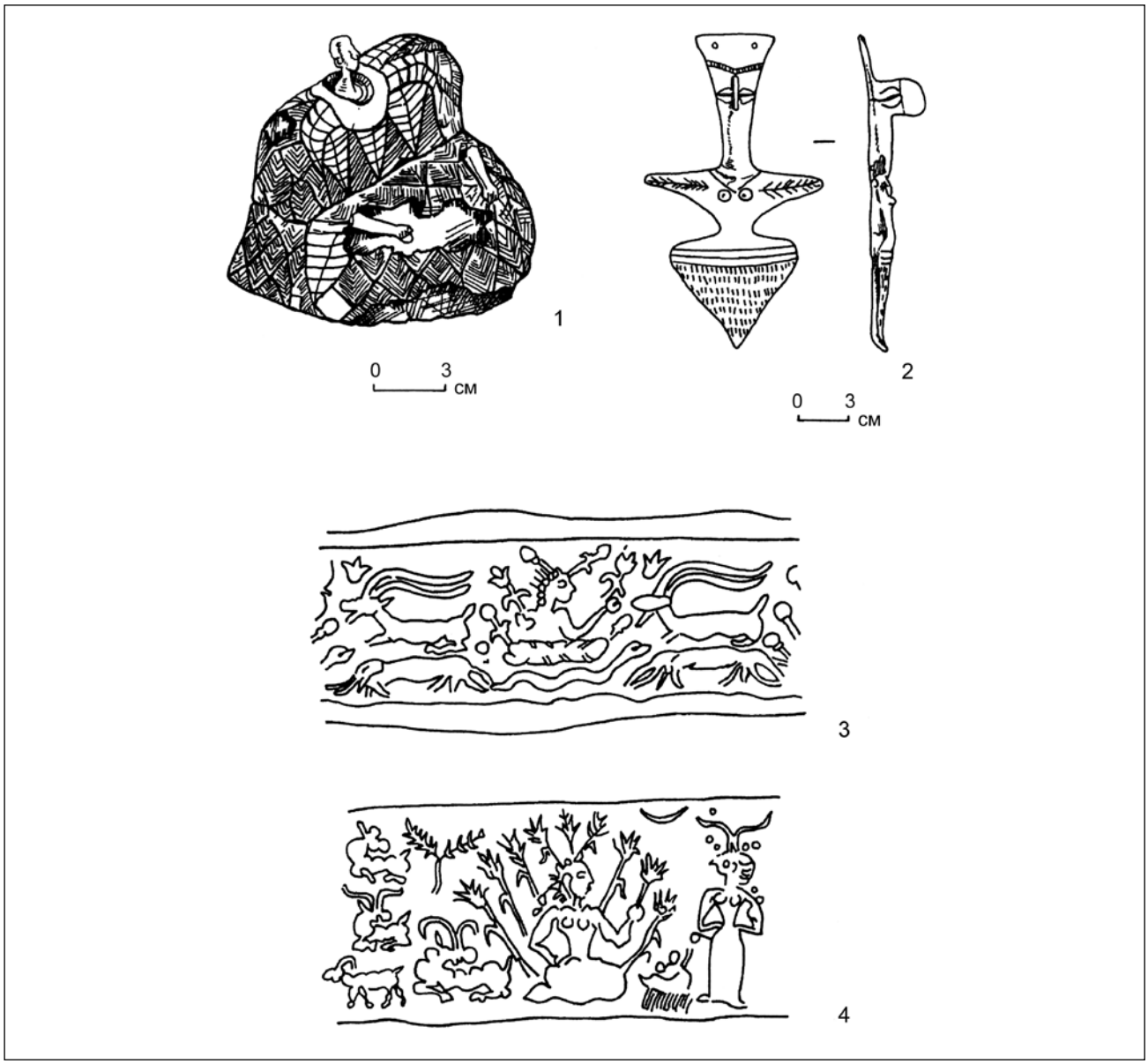


Рис. 5. Статуэтки с Гонур-депе. *1*. камень; *2*. терракота; *3-4*. Цилиндрические печати с трансэламских поселений.

обряды и фольклор в сибирском шаманизме как порождения бесписьменной культуры (Новик, 1984). Она задается вопросом: «…насколько правомерно говорить об особых представлениях о мысли, слове или образе? Не принадлежит ли такое обобщение нам самим и не порождено ли оно не столько этнографическими данными нашей ориентированной на письменность культурой…», где есть представление, что трансляция сообщения возможна только с помощью специальных устройств, но менее отчетливо осознается воздействие сообщения в устной культуре, «не проводящей строгой границы между визуальными, акустическими или ментальными способами кодирования информации, но остро реагирующей на прагматическую сторону коммуникативных процессов?» И далее: «За мыслью, образом, словом и его вещным эквивалентом стоит некая призрачная реальность» (Новик, 1984. С. 126-127). «Реальными» в бесписьменных культурах оказываются отношения между говорящим и слушающим, а потому «…любая информация, которую человек получает, может восприниматься им в качестве сообщения, имеющего своего отправителя» (Новик, 1984. С. 127). В этой ситуации визуальный образ этого отправителя мог быть лишь одним из возможных наряду с ментальным и словесным. Археологу доступен лишь визуальный, точнее — вещественный образ. Это может быть фигурка или изображение на плоскости, один из многих способов выражения информации, которым могли пользоваться люди, находящиеся в диалогических отношениях с окружающим миром. Приходится заключить, что характер источников, которыми располагает археолог, изучающий бесписьменную культуру, не позволяет ему в полной мере ставить вопрос об облике «сил», с которыми ее носителям приходилось вступать в диалог. Обращение к хронологически близким обществам, но уже располагавшим письменностью, дает лишь часть понимания, поскольку в них пользовались специальными устройствами трансляции информации. «Поведение» этих сил могло быть подобным тем, которые остаются нам недоступными при акустическом или ментальном способе кодирования. В то же время некоторые рассмотренные геометрические мотивы (на глиняных фигурках, орнаменты, особенности металлических печатей) указывают на актуальность геометризованного образа мира в обрядах и представлениях носителей анауской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Амье П. Богини и царицы Элама // ВДИ. 1977. № 1. С. 97–103.

Антонова Е.В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры // СА. 1972. № 4. С. 7—18.

Антонова Е.В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М. , 1981. С. 5-21.

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.

Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998

Антонова Е.В. «Змея» и «орел» в глиптике «цивилизации Окса» // ВДИ. 2000. № 2. С. 46-52.

Антонова Е.В. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации. М.:Старый сад, 2004. С. 193-201.

Антонова Е.В. К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-Маргианского археологического комплекса // ВДИ.2005.№ 1. С. 194-208.

Антонова Е.В. К интерпретации вещественных источников: синхрония и диахрония // ВДИ. 2011. № 4. С. 29-50.

Аруз Д. Образы сверхчувственного мира: бактрийско-маргианские печати в их связи с Ближним Востоком и долиной Инда // ВДИ. 1998. № 2. С. 81–95.

Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63—88.

Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992.

Березкин Ю.Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // ВДИ. 1994. № 3. С. 29-31.

Волчок Б.Я. Протоиндийские божества // Сообщение об исследованиях протоиндийских текстов: Proto Indica: 1972. М., 1972. С. 15—42.

Дьяконов И.М. Введение // Мифологии древнего мира / Отв. ред. И.М. Дьяконов. М., 1977.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 254—281.

Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. М., 1998.

Кирчо Л.Б. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА. 1990. № 3. С. 176—183.

Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. М.: Алетейа, 2000.

Крюкова В.Ю. О гонурских тюльпанах // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур-депе в 2008-2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 222—237.

Кузьмина Е.Е. Арии — путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008.

Левинтон Г.А. Священный брак // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 422-423.

Литвинский Б.А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: Геос, 2000. С. 277—294.

Массон В.М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981.

Массон В.М., Сарианиди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.: Наука, 1973.

Неклюдов С.Ю. О функционально-семиотической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество / Отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: Наука, 1977. С. 193—228.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984.

От начала начал. Антология шумерской поэзии / Вступительная статья, перевод, комментарии, словарь В.К. Афанасьевой. СПб., 1997.

Сарианиди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. Свод археологических источников Б3-8. М., 1965.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Сарианиди В.И. Страна Маргуш открывает свои тайны. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 229-253.

Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2. С. 155-192.

Соловьева Н.Ф. Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Йнгынлы-депе). Автореферат канд. дисс. СПб., 2005.

Фоссе Ш. Ассирийская магия. СПб., 2001.

Франкфор А.-П. Печати Окса: разнообразие форм и изменчивость функций // ВДИ. 1997. № 4. С. 60-68.

Хронология эпохи энеолита-среднего бронзового века погребения Алтын-депе. Труды Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Нестор-история, 2005.

Элиаде М. Мефистофель и Андрогин, или Тайна целостности. Новосибирск: «Svarte Aske», 1998.

Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии / Перевод с аккадского / Сост. В.К. Афанасьева, И.М. Дьяконов. М.: Художественная литература, 1981.

Amiet P. L´âge des ėchanges inter-iraniens. 3500-1700 avant J.-C. Paris, 1986

Francfort H.-P. Dungeons and Dragons: Reflections on the System of the Iconography in Prehistoric Bactria and Margiana // South Asian Archaeology Studies. V. 4 / Ed. G. Posshe. New Delhi-Bombay-Calcutta-Oxford, 1992.

Sarianidi V.I. Myths of Ancient Bactria and Matgiana on its Seals and Amulets. Moscow, 1998.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur-depe. Athens: Kapon editions, 2007.

Д. Френец

Торговля слоновой костью из бивней Азиатского слона и производство предметов из нее в эпоху бронзы в Средней Азии. Свидетельства из Гонур-депе (Маргиана, Туркменистан)

Я посвящаю эту работу памяти профессоров
Виктора Ивановича Сарианиди (1929–2013)
и Маурицио Този (1944–2017),
тем, кто
«сотворил великие деянья... Кругом нет ничего...
Глубокое молчанье... Пустыня мертвая...
И небеса над ней...».

Озимандия. Перси Б. Шелли
(перевод К. Бальмонта)

Введение

Данное исследование ценной коллекции артефактов, сделанных из бивней азиатского слона (*Elephas maximus*, Linnaeus 1758), обнаруженных на памятнике БМАК (цивилизации Окса) Гонур-депе в Южном Туркменистане – часть большого исследования автора, основанного на сравнительном обзоре опубликованных археологических и письменных свидетельств, обогащенном новым детальным анализом специфических групп материалов о торговом обмене и культурных взаимодействиях между великой долиной р. Инд и другими регионами Средней Азии в эпоху бронзы (Frenez, 2011; Frenez, Vidale, 2015; Vidale, Frenez, 2015; Frenez et al., 2016; Frenez et al., in press) (рис. 1). Предметы из слоновой кости, найденные на Гонур-депе уже были частично опубликованы и кратко описаны в нескольких изданиях проф. В.И. Сарианиди (Sarianidi, 2002a, 2005, 2007, 2008, 2010). В октябре 2008 г. автор детально исследовал все предметы, которые было возможно, в Государственном музее Туркменистана и в Музее изобразительных искусств в Ашхабаде, а также в Историко-краеведческом музее Марыйского велаята. Морфологический и стилистический анализы объектов сочетались с изучением трасологии, т.е. следов, оставленных производством этих предметов, все еще видимых на объектах.

Обычно предметы из бивней Азиатского слона, которые находят на памятниках эпохи бронзы к западу от долины Инда, идентифицируются как импорт готовых изделий с этой территории (Cleuziou, Tosi, 2000: 27-30, pl. 32; Sarianidi, 2002a: 154; Döpper, Schmidt, 2013: fig. 10). В особых случаях исследователи предполагают также наличие местных изделий, сделанных из бивней сохранившихся слонов, обитавших ранее на территории современной Сирии (Moorey, 1994: 117; Becker, 2005; Pfälzner, 2013). Существует точка зрения, что они могли быть импортом из среднеазиатских поселений, где предметы, полученные из долины Инда, были переобработаны (Potts, 1993, 1994, 2000: 126-127). Наше систематическое исследование изделий из бивней Азиатского слона, найденных на Гонур-депе, дали возможность говорить

1 Данная статья является уточненной версией текста: Frenez D. Manufacturing and trade of Asian elephant ivory in Bronze Age Middle Asia. Evidence from Gonur Depe (Margiana, Turkmenistan) // Archaeological Research in Asia. 5. 2018. P. 13-33. Перевод с английского Н. Дубовой

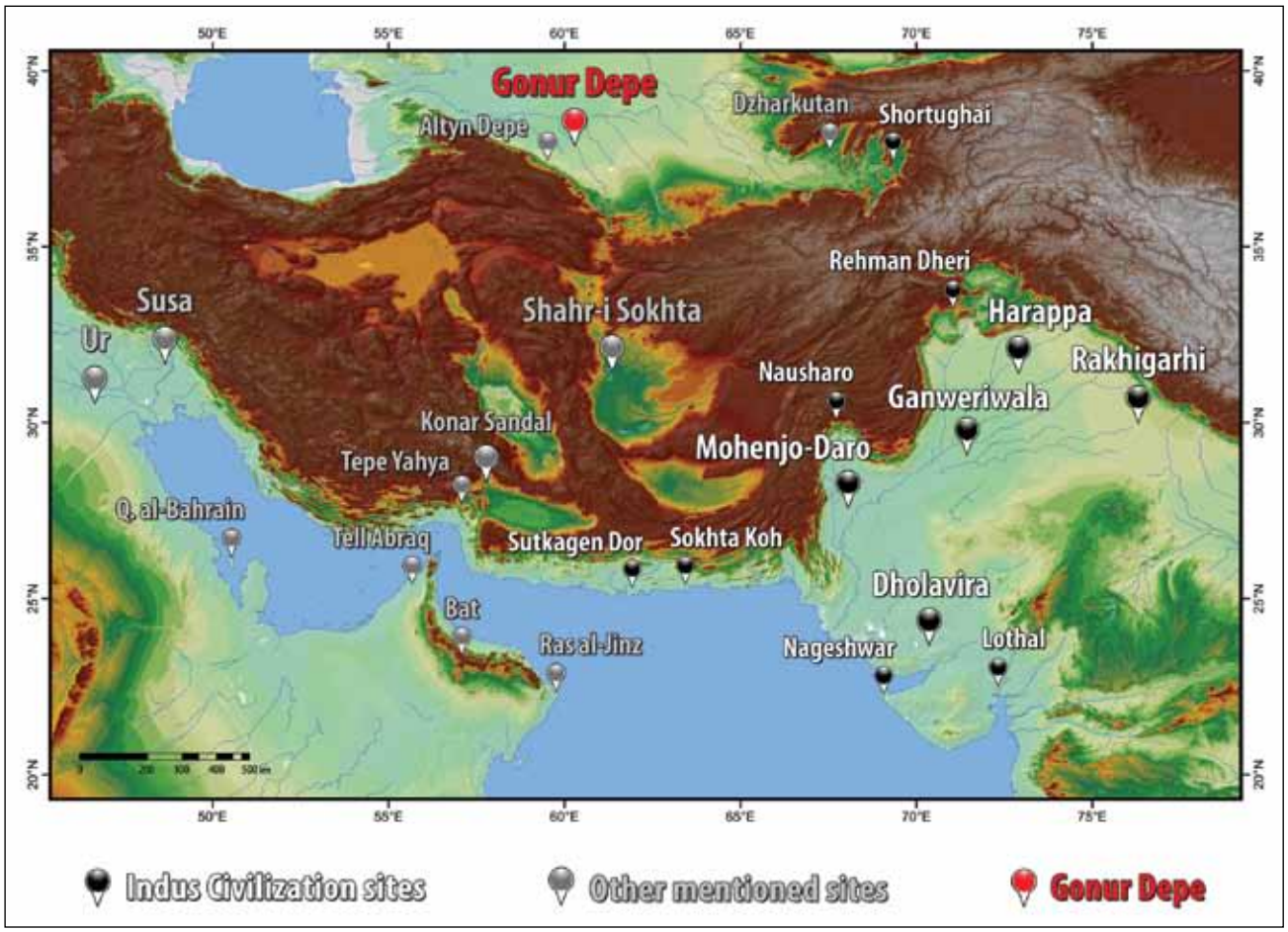


Рис. 1. Карта Средней и Южной Азии с указанием Гонур-депе и основных памятников как Индской цивилизации, так и других, упомянутых в тексте.

о намного более сложной модели производства и обмена этих ценных вещей и представили новые надежные данные для будущих исследований проблемы[2].

Индская цивилизация и ее внешняя торговля

Индская (или Хараппская) цивилизация в бассейне р. Инд на территории современного Пакистана и северо-западной Индии уже более века назад был признана независимым культурным комплексом, датируемым ок. 2600/2500 – 1900 до н.э., синхронным другим городским цивилизациям государственного уровня в Месопотамии, на Среднем Востоке и в Средней Азии (Marshall, 1924; Lahiri, 2006). Тем не менее, из-за невозможности в настоящее время расшифровать ее систему письма, фундаментальные аспекты ее этнолингвистической, социально-политической и экономической организации и их развитие во времени, несмотря на непрерывный поток исследований, все еще слабо уловимы. Изучение взаимодействия цивилизации Инда с другими регионами и политиями Средней Азии с самого начала играло центральную роль в исследованиях. На самом деле архаическая датировка этого культурного комплекса была изначально предложена на основе параллелей между надписями, которые были обнаружены в Хараппе и Мохенджо-Даро, и теми, которые были найдены ранее в Иране и Месопотамии (Mackay, 1925; Gadd, 1932). Более того, как следствие преобладающей колониальной среды того времени, крупные городские центры эпохи бронзы долины Инда долгое время интерпретировались как вторичный городской феномен, находившийся под сильным влиянием более развитых «западных цивилизаций» (Wheeler, 1968. P. 25 и 135).

Теперь стало ясно, что развитие городской культуры в великой долине Инда на

2 Далее в этом тексте, если это специально не оговорено, термин «слоновая кость» относится к бивням Азиатского слона.

протяжении эпохи бронзы представляет собой вершину локальной традиции, уходящей своими корнями в неолит (Jarrige, 1991; Possehl, 1999). Цивилизация Инда была результатом длительного процесса отбора и усвоения культурных традиций разных региональных культур, распространенных на обширной и сильно дифференцированной территории. Постепенное включение этих общин в интегрированную социально-политическую, экономическую и культурную систему происходило между ок. 2800 и 2600/2500 до н.э. (Durrani et al., 1995; Kenoyer, 2001; Vidale, 2005a). Имеется ряд свидетельств взаимодействия населения этого периода времени, разделенного значительными расстояниями, на пространстве между долиной Инда и юго-восточным Ираном, Месопотамией и Средней Азией (Cortesi et al., 2008; Kenoyer, 2008; Jarrige et al., 2011; Frenez, см. далее в данной работе). Во второй половине III тыс. до н.э. Индские поселения играли важную роль в определении, содействии и, возможно, регулировании торгового обмена артефактами с Инда по всей Средней Азии (Chakrabarti, 1990; Tosi, 1991; Possehl, 1996; Ratnagar, 2004; Kenoyer, 2008; Frenez, 2016; Frenez et al., 2016), которые в конечном итоге достигли Ближнего Востока и Средиземноморского региона (Peyronel, 2015; Ludvik et al., 2014; Ludvik et al., 2014).

С 1900 до н.э. начался процесс дезинтеграции Индской цивилизаций как культурной и социо-экономической системы, а между 1500 и 1300 до н.э. регион оказался реорганизованным в новую мозаику локальных культур, имеющих специфические культурные черты (Shaffer, 1993; Kenoyer, 2005). Внешняя торговля страдала от постепенного политического и экономического спада Индской цивилизации, который привел к временному разрушению и возможной реорганизации основных межрегиональных сетей (Lawler, 2008). Коммерческие обмены между долиной Инда и Центральной Азией в эпоху бронзы часто использовались в общей системе торговли на большие расстояния. Более того, развитие взаимного культурного влияния между этими двумя регионами в последние столетия III – первую половину II тыс. до н.э. также обсуждалось и интерпретировалось по-разному (Ardeleanu-Jansen, 1991; Winkelmann, 1994; Possehl et al., 2004). Однако организация и механизм этих отношений еще не были точно установлены. Информация, полученная при изучении объектов из слоновой кости, найденных на Гонур-депе, предоставила достоверную информацию для предложения новых моделей экономического и межкультурного взаимодействия.

Обмен и связи между Индской цивилизацией и БМАК (цивилизацией Окса)

Еще в 1970-х годах В.И. Сарианиди обратил внимание на сходство культурных особенностей населения обширной территории от северных равнин Афганистана (древняя ахеменидская Бактрия) до слепой дельты Мургаба в Южном Туркменистане (древняя Маргиана), а также в Эламе и нескольких регионах Ирана, в Южных Узбекистане и Таджикистане. На основании этого он выдвинул идею существования Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) (Сарианиди, 1974; 1977. С. 4–5). Позднее А.-П. Франкфор дал название этой общности «Цивилизация Окса»[3] H.-P. Francfort (1984, 2016). Цивилизация Окса включала крупные городские центры и сельские поселения, которые процветали приблизительно между 2500/2300 и 1700 гг. до н.э. (Hiebert, 1994; Lamberg-Karlovsky, 2003, 2013).

Городские центры Цивилизации Окса развивали интенсивный торговый и культурный обмен с близлежащими регионами долины Инда и Иранского плато, а также с Месопотамией, Ближним Востоком и Персидским заливом, вероятно вызванным наличием в горах Средней Азии обильных источников драгоценных камней и минералов, которые отсутствуют в аллювиальных бассейнах великих рек (Potts, 1993, 1994; Kohl, 2007: 244-260; Salvatori, 2008; Kaniuth,

3 Этот термин вряд ли стоит признать адекватным, т.к. ни Маргиана, где данный феномен изучен, видимо, наиболее подробно, ни другие упомянутые области не расположены по Амударье. Последнее обстоятельство было отмечено и С. Сальватори (Salvatori, 2016) – Прим. ред.

2010). Однако наличие в Бактрии и Маргиане печатей и амулетов с геометрическими мотивами и с изображениями животных (Sarianidi, 1998, cat. no. 1324, 1325, 1345-1354; Masimov, Salvatori, 2008, p. 102 and figs. 7.5.1), которые имеют прямые параллели в ранних слоях Хараппы, Кунала, Рехман Дхери и на других синхронных памятниках Северного Белуджистана (Allchin, 1986; Durrani et al., 1994-1995; Kenoyer, 2001; Khatri, Acharya, 2005), относит начало контактов с долиной Инда к первой половине III тыс. до н.э.

К сожалению, большинство объектов, свидетельствующих о торговых и культурных связях между Средней Азией и долиной Инда, появляются на рынке древностей лишенными ассоциаций и контекста находки (Ligabue, Salvatori, 1989; Sarianidi, 1998; Winkelmann, 2014). Напротив большое число новых находок появилось, благодаря регулярным раскопкам на Гонур-депе (Сарианиди, 1990; Sarianidi, 2002a, 2005, 2008 и мн. др.), Алтын-депе (Массон, 1981), Келлели 6 (Масимов, 1980) и Аджи-Куи 9 (Rossi Osmida 2007, 2011) в Маргиане, Дашлы 3 (Сарианиди, 1977) и Саппалитепа и Джаркутан (Аскаров 1977; Аскаров, Абуллаев, 1983; Ширинов, 1983) в Бактрии (Kaniuth, 2010; Lamberg-Karlovsky, 2013). Индские артефакты, найденные в Бактрии и Маргиане, состоят в основном из украшений, созданных из полудрагоценных камней и фаянса, небольших контейнеров из мягкого камня и различных объектов, сделанных из слоновой кости.

В Средней Азии было также найдено значительное число индских и ассоциированных с Индом печатей, включая печати, прямо импортированные из долины этой реки (Массон, 1981, рис. 1, 2; Sarianidi, 2005, с. 258, рис. 114), а также отдельные печати, воспроизводящие локальную адаптацию индской иконографии. Часто воспроизводилось особое изображение индийского буйвола с опущенной головой (см, например: Sarianidi, 1998, cat. nos. 962, 1408, 1451, 1477, 1618; Winkelmann, 2004, p. 127-138, cat. nos. I.4-01; II.1-02; II.1-03), которое, как полагают, являлось брендом индских торговцев, использовавшееся при внешней торговле (Vidale, 2005b). Это свидетельство ранее поддерживало идею существования в конце III – в первые века II тыс. до н.э. специфического феномена «гибридизации» локальной глиптики с элементами индской традиции, который был уже выявлен в других регионах Средней Азии (Laursen, 2010; Vidale, Frenez, 2015; Frenez et al., in press) и, возможно, является индикатором укоренения индских купеческих семей в локальных сообществах или же официального делегирования локальных агентов для представления их за пределами долины Инда (рис. 2).

С другой стороны, свидетельствами импорта из Средней Азии в долину Инда являются лишь немногие различные мелкие находки, включая бронзовые булавки и наконечники стрел, навершие металлических булавок в виде цветка, стеатитовая прическа небольшой составной статуэтки (Marshall, 1931, pl. CXXVIII, *28*; Meadow, 2002), так же как и отдельные каменные и металлические печати и их оттиски на глине (Kenoyer, 2003: 412-413; Franke, 2010). Импорт сырья, металлов типа серебра, олова и свинца достаточно сложно точно определить и оценить количественно, тогда как камни типа лазурита и бирюзы играли минимальную роль в производстве индских украшений. Шортугай, поселение в области Кундуз в долины Окса, интерпретируется как индский форпост в Бактрии, созданный для контроля добычи и торговли лазуритом (Francfort, 1989; Possehl, 2004). Но количество этого камня, найденное на памятнике, весьма ограничено, учитывая размеры его добычи, достигнутой в III тыс. до н.э. (Pinnock, 1988; D'Amato, 2000; Casanova, 2013; Lapis Lazuli..., 2017).

Гонур-депе и Индская цивилизация

Гонур-депе – самое крупное поселение эпохи бронзы, открытое в слепой дельте реки Мургаб в Южном Туркменистане (Сарианиди, 1990, с. 3-34; Sarianidi, 2008, с. 41). Памятник занимает площадь около 55 га и состоит из трех основных территорий, которые, согласно В.И. Сарианиди, датируются приблизительно 2200/2100 – 1700 до н.э. и включают разные фазы обитания (Sarianidi, 2008, fig. 7) (рис. 3). Главный, почти эллиптической формы фортифицированный комплекс, именуемый Северный Гонур, имеет размеры

Рис. 2. Штемпельные печати Индской цивилизации и регионов Средней Азии с изображением индийского бизона: (1) Бактрия, коллекция Дж. Лигабуе (Winkelmann 2004: cat. no. I.4-01); (2) Гонур-депе (Sarianidi 2002: 259); (3) Бактрия, коллекция Дж. Лигабуе (Winkelmann 2004: cat. no. II.1-02); (4) Бактрия, коллекция Дж. Лигабуе (Winkelmann 2004: cat. no. II.1-03); (5) Печать с Персидского заливаl, Британский музей (Gadd 1932: cat. no. 17); (6) Элам, коллекция Дж. Лигабуе (Winkelmann 2004: cat. no. I.4-02); (7) Ур, Британский музей (Frenez et al. in press); (8) Салют ST1, Султанат Оман (Frenez et al. 2016).

около 330x460 м и включает так называемый монументальный дворец и прилегающие постройки (ок. 150x160м), несколько храмов и ритуальных территорий, так называемый «царский некрополь», а также два больших и несколько меньших по размерам бассейнов (Sarianidi, 2002b; 2005, p. 31). Меньший квадратный в плане комплекс, называемый Южный Гонур (ок. 130x120 м), усиленный двумя рядами массивных стен с круглыми башнями по периметру, расположен непосредственно к югу от главного комплекса (Sarianidi, 1993). Большой некрополь, включающий около 3000 могил разного типа, занимает площадь около 10 га и лежит в 200 м к западу от Северного Гонура (Sarianidi, 2007).

Среди опубликованных керамических изделий имеется только несколько целых сосудов и их фрагментов, которые могут быть положительно связаны с керамическим производством Белуджистана и долины Инда (Sarianidi, 2002a, с. 93; 2007, с. 64, fig. 24).

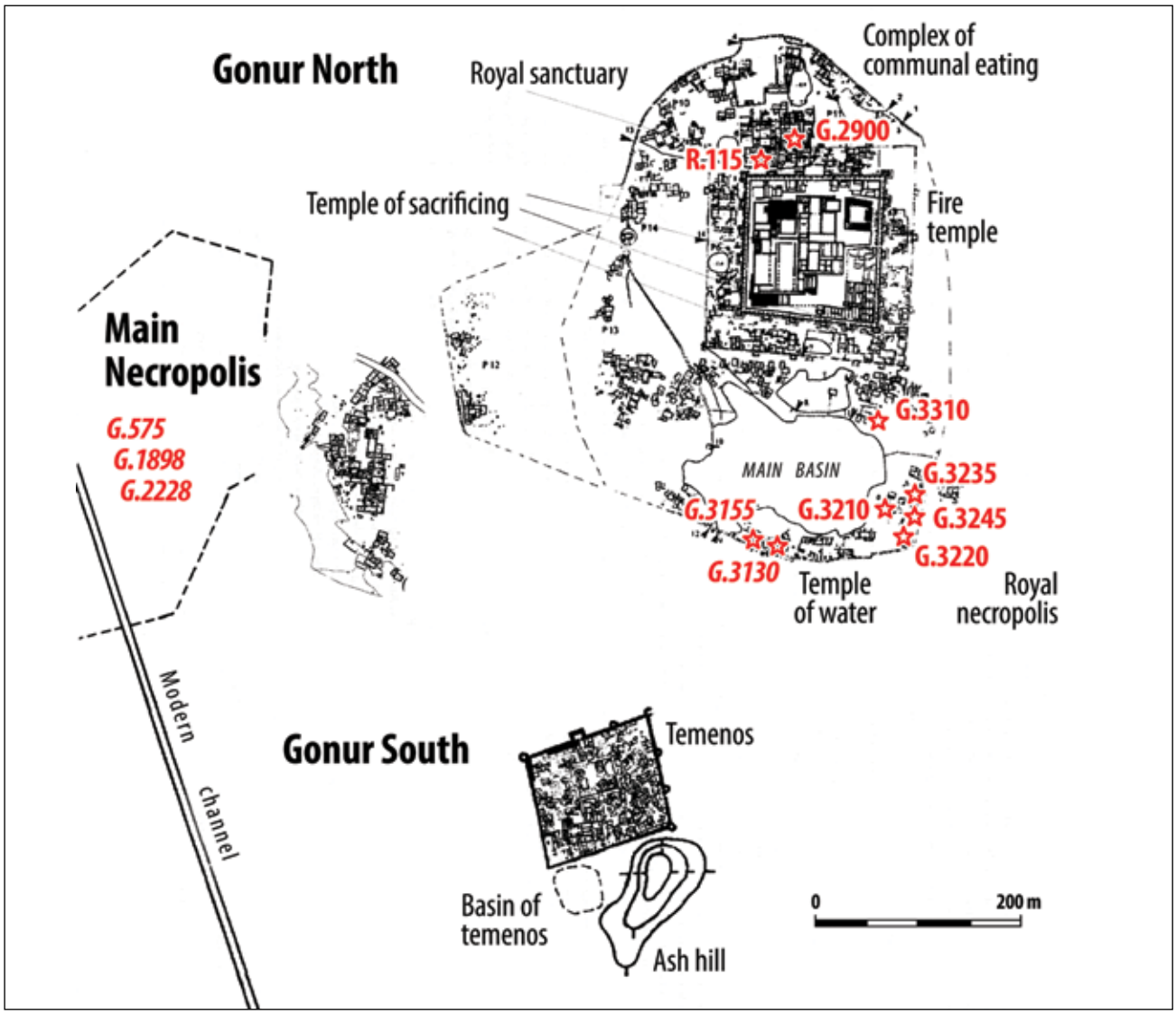


Рис. 3. Археологический комплекс Гонур-депе с указанием основных раскопов и структур. Звездами отмечены могилы (показаны их номера) с наибольшим числом объектов из слоновой кости (модифицированный рис. по: Sarianidi 2008: 49, fig. 7).

Другими объектами, импортированными из долины Инда и/или были инспирированы индской продукцией, являются длинные и травленные бусины из сердолика, украшения из фаянса и отдельные сосуды из мягкого камня, украшенные мотивами в индской иконографической традиции (Sarianidi, 2002a, с. 125; 2005, с. 278, fig. 127-128; 2007, с. 116-117, рис. 211, 221). Достоверное индское происхождение имеет квадратная печать, изготовленная из обожженного стеатита, найденная в «храме воды» Северного Гонура, изображающая слона, вырезанного под надписью, состоящей из восьми индских знаков (Sarianidi, 2005, p. 258, fig. 114). Число знаков в надписи и стиль резьбы широко датирует печать последней фазой Индской цивилизации, соотносимому с Периодом Хараппы 3С (ок. 2200-1900 до н.э.) (Kenoyer, Meadow, 2010). Двусторонняя круглая печать, сделанная из желто-коричневого камня, найденная на Южном Гонуре, принадлежит ранее упомянутым «индским гибридным» печатям с изображением индийского буйвола. Она дает веские основания для интерпретации и других подобных печатей из частных коллекций (Sarianidi, 1998, cat. no. 1618; 2002a, p. 259).

Более сложна интерпретация одной антропоморфной и одной териоморфной фигурки, найденной на Северном Гонуре, которая имеет прямые аналогии и на рынке древностей. Незаконченный фрагмент коленопреклоненного мужчины, найденный в пом. 132 в «царском святилище» Северного Гонура (Sarianidi, 2005 p. 121-122, fig. 30) находит

близкие параллели с серией коленопреклоненных мужчин, найденных в верхних слоях Мохенджо-Даро, включая знаменитого царя-жреца (Ardeleanu-Jansen, 1984, 1991), а также сравнимый фрагмент из Дхолавира (Bisht, 2015, p. 591-594, fig. 8.306-307). Каменная скульптура отдыхающего барана, положенная в гробницу 3220 на «царском некрополе» Северного Гонура под головой погребенного (Sarianidi, 2005, p. 250-252, fig. 9), близко напоминает группу сходных териоморфных статуэток из Мохенджо-Даро (Ardeleanu-Jansen, 1987, 1991), так же как и один предмет из коллекции Музея Метрополитен (Pittman, 1984, p. 85-88, fig. 39)[4].

При отсутствии детального анализа техники резьбы и геологического происхождения камня, из которого сделаны эти статуи, невозможно точно определить были ли они изготовлены на месте или являются результатом обмена. Хотя, местное производство коленопреклоненного мужчины на Гонур-депе, явное сходство фигур, изображенных на серебряных сосудах из Бактрии с таковыми предметами, найденными в Систане, и с оформлением алебастрового сосуда их Дашлы в Северном Афганистане (Ardeleanu-Jansen, 1991: pl. 148; Winkelmann, 1994; Dales 1988: Possehl, 1996: 178-179; Kaniuth, 2010: fig. 5), предполагает наличие в конце III – первых веках II тыс. до н.э. межкультурной сферы сходных представлений, которая свидетельствует о местном производстве сходных объектов культа и ритуальных парафернаний, также как и об активном обмене законченными предметами между Средней Азией, Белуджистаном и долиной Инда.

Распространение и использование *Elephas maximus* в эпоху бронзы

Информация о распространении Азиатского слона (*Elephas maximus*, Linnaeus 1758) в Азии до и в течение эпохи бронзы скудны и отрывочны (Olivier, 1978; Sukumar, 2003: 48-61; Chauhan, 2008). Археологические свидетельства обработки слоновой кости в Западной и Южной Азии в сочетании с данными о палеоэкологии и небольшом числе остатков фауны формируют достаточно ясную картину. Согласно Р. Сукумару (Sukumar, 2003, p. 57-58), «слоны обитали в бассейны реки [Инд] в это время (ок. 3000-2000 до н.э.), и это была восточная граница их ареала. [...] Свидетельств их обитания к западу от бассейна р. Инд, нет». Историческое присутствие слонов на Ближнем Востоке и редкие находки остатков Азиатского слона в регионе заставили ряд исследователей предположить, что изолированные, остаточные популяции *Elephas maximus* обитали в Сирии и на тонком поясе береговой линии Макрана в течение эпохи бронзы (Moorey, 1994, p. 117; Becker, 2005; Pfälzner, 2013). А. Кобе и Ф. Поплин предположили вместо этого, что данные «потерянные группы» слонов были результатом торговли животными, возможно из долины Инда (Caubet, Poplin, 2010; Caubet, 2013). В любом случае производство изделий из слоновой кости в Сирии и Анатолии в бронзовом веке базировалось почти исключительно на рогах носорогов, т.к. запретная обработка слоновой кости в Месопотамии зависела от снабжения бивнями слонов из долины Инда через Персидский залив или Среднюю Азию (Caubet, 2013. P. 450-451).

Кости слона не были найдены ни на Гонур-депе ни на каких других памятниках Цивилизации Окса (Moore, 1993; Moore et al., 1994; Sarianidi, 2002a, p. 154), но большой фрагмент слонового бивня (ок. 11 см длиной и диаметром между 15-17 см) был найден вместе с другими изделиями из слоновой кости в погр. 3245 на Северном Гонуре (Sarianidi, 2010, p.110-111 и связанная цветная иллюстрация).

В долине Инда разведение *Elephas maximus* и использование его бивней восходит к докерамическому неолиту (ок 7000-5500 до н.э.) и становится широко распространенным в течение бронзового века (Meadow, 1998; Morello, 2014). Физическое отсутствие слонов в Месопотамии, Средней Азии и на Иранском плато в течение эпохи бронзы, возможно, отражается также в иконографиче-

4 Учитывая особенности объектов индийского происхождения, которые продаются на рынках древностей, отдыхающий баран из Музея Метрополитен (Pittman, 1984: 85-88 and fig. 39), скорее происходит из ограбленных некрополей Средней Азии, чем с памятников Индии или Пакистана.

ской традиции этих регионов, которые не включают представлений такого фантастического и замечательного животного до значительно более поздних периодов под влиянием контактов с долиной р. Инд (Moorey, 1994, p. 119; Possehl, 1996, p.148-150, cat. no. 5; Sarianidi, 2005, p. 258, fig. 114). Напротив, в долине Инда самое раннее появление гравированного изображения слона отмечено на печати Периода 2 слоев Хараппы (ок. 2800-2600 до н.э.) (Kenoyer, 2001: fig. 3.8). И оно продолжало использоваться на фирменных печатях и пластинах со стандартизованным изображением стоящего слона все время существования Индской цивилизации (e.g., see Joshi, Parpola, 1987: cat. nos. M-278 to M-286, H-89 to H-91, L-161 to L-172; Shah, Parpola, 1991: cat. nos. M-1141 to M-1162, M-1482 to M-1488, H-590 and H-591; Parpola et al., 2010: cat. no. M-1912 to 1915). Частое представление слонов перед кормушкой и находка терракотовых фигурок раскрашенных слонов, возможно, выявляет начальный этап их приручения (одомашнивания) (Kenoyer, 1998: 86, 166 and fig. 8.44).

Изделия из бивней Азиатского слона с Гонур-депе

Данное исследование основано на внимательном изучении всех находок, найденных на Гонур-депе до полевого сезона 2008 г. и помеченными как «изделия из слоновой кости». Оказалось, что определенное число различных объектов, в большинстве своем заостренные булавки с навершиями, украшенные прорезными линиями или резьбой в форме типичной кисти, кулачка, сделаны из костей животных. Все артефакты, сделанные из настоящей слоновой кости, были наоборот произведены из бивней Азиатского слона (*Elephas maximus*). Существует ряд индикаторов, позволяющих бесспорно идентифицировать слона – и особенно Азиатского слона-самца – как уникальный источник слоновой кости для изготовления предметов, найденных на Гонур-депе. Это, в частности, присутствие и расположение так называемых линий Шрегера[5], отдельные «конус в конус» образования, являющиеся следствием роста бивня и единичное присутствие остаточных следов цемента на поверхности ряда объектов и специфическое разрушение верхнего слоя фибры, вызванное пост-депозитарными процессами (для обзора техники идентификации слоновой кости см: Espinoza, Mann, 1992; Campbell Petersen, 2015, p. 42).

В отдельных случаях исследование размеров и ориентации «конус в конус» образований позволяет реконструировать общий размер, пропорции и окружность бивня и определить область, откуда объект был получен. Эта информация дает возможность определить использование слоновой кости, полученной от самцов *Elephas maximus* или *Loxodonta Africana*, первые из которых имеют меньшие по размеру, более прямые и узкие бивни (Banerjee et al., 2008; Campbell Petersen, 2015, p. 30-45).

Типологические определения изученных артефактов показали, что предметы, сделанные из бивней Африканского слона на Гонур-депе, в наибольшей части связаны со сферой личного употребления и для игр / гаданий.

Предметы личного потребления и украшения

В.И. Сарианиди нашел два гребня из слоновой кости, соответственно в могилах 2228 и 2900. Гребень из погр. 2228 (ок. 11,00x10,50 см) не был украшен и имел крестообразную ручку (Sarianidi, 2007, p. 122, fig. 239) (рис. 4,*1*). Верх гребня из погр. 2900 (ок.

5 Бивни как слона, так и мамонта имеют на поверхности типичные следы в виде пересекающихся дуг, видимые при поперечном сечении лежащими перпендикулярно продольной оси бивня. Они впервые были описаны Бернардом Шрегером (Schreger, 1800). Эти следы, называемые в гемологической литературе линиями Шрегера, состоят из ромбовидных, волнистых структур, создаваемых регулярными пересечениями неглубоких дуг из чередующихся коричневатых и желтоватых бороздок. Эта поверхностная текстура является оптическим эффектом, вызванным отражением света от чрезвычайно тонких волокон коллагена, которые ориентированы в двух разных направлениях в матрице, окружающей каждый бугорок зуба. Линии Шрегера уникальны для бивней слонов и мамонтов: для слона угол Шрегера – тупой (> 115 градусов), тогда как для мамонта – острый (<90 градусов) (Espinoza, Mann, 1993; Bracco et al., 2013).

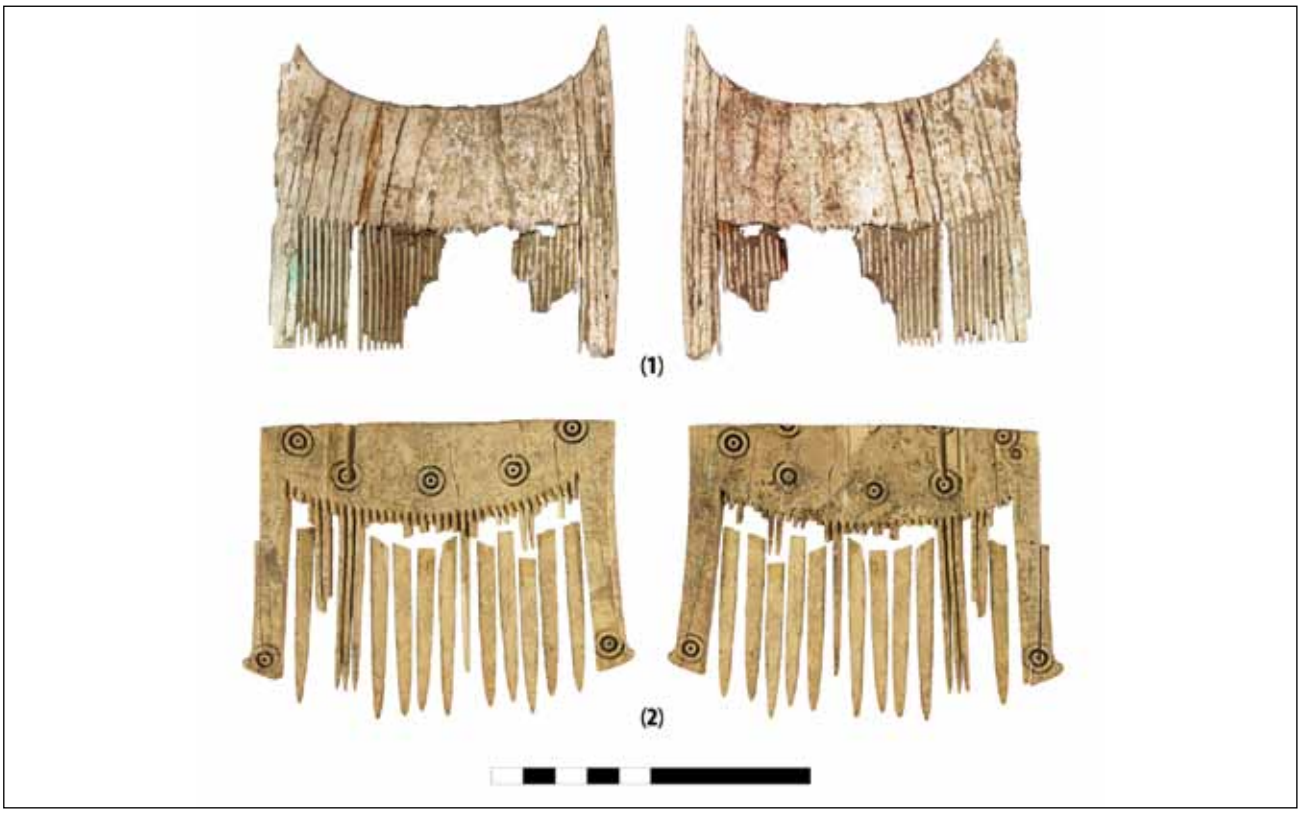


Рис. 4. Гонур-депе. Гребни из слоновой кости из погр. 2228 (1) и 2900 (2) (фото автора).

12,00x8,50 см) представляет собой вторично обработанную оригинальную крестообразную ручку. Он был украшен по обеим сторонам гравировкой серии из пяти окружностей с точкой в центре, а также по одному подобному кружку на обоих концах длинной латеральной части изделия, которая защищает зубья (Sarianidi, 2007: 152 and fig. 43) (рис. 4/2).

Гребни из слоновой кости, часто украшенные мотивом «точка в круге», были найдены не только на памятниках Инда (Marshall, 1931: 532; Mackay, 1938: pl. XCI.26, CXXV.24; Vats, 1940: pl. CXIX.6; Mackay, 1943: pl. XCI/4, LXXXIX.12), но также и в Восточной Аравии на Рас эль-Джинз, Телль Брак и Бат (Cleuziou, Tosi, 2000, pl. 32; Potts, 2000, p. 100-105, 126-127; Döpper, Schmidt, 2013, fig. 10) (рис. 5). Подобные гребни, но сделанные из дерева и часто не декорированные, известны и с памятников Северной Бактрии и в Юго-Восточном Иране — в Бампуре и Шахр-и Сохте (Askarov, 1977: tab. XXI, 12-13; Stein, 1937: pl. IX, Bam.A.33; Costantini, 1979: 111-114 and figs. 28-31). Находка гребней *in situ* прямо на голове погребенных в могилах на Тель Браке и Шахр-и Сохте показывает их использование в прическе (Potts 2000: 102; Costantini, 1979: fig. 28).

Гребни из слоновой кости, но, возможно, также и из дерева, являются редкими и дорогостоящими предметами на памятниках эпохи бронзы Средней и Южной Азии, что подтверждается текстовыми источниками (Potts 1993, cf. Oppenheim 1954; Spycket 1980). Их редкость и использование исключительно одного декоративного мотива «точка в круге» не позволяют прояснить существование различных региональных центров продукции гребней и достоверно реконструировать возможные пути обмена. Тем не менее, два гребня, найденные в коллективном погребении конца III тыс. до н.э. в Тель Браке – очень схожие по форме с таковым из погр. 2228 Гонур-депе – были украшены растительным мотивом с тюльпаном, имеющим длинный стебель. Этот мотив идентичен с таковыми, гравированными на каменном флаконе из Бактрии и на каменном сосуде с Гонур-депе (Potts, 1993; 1994; 2000, p, 126-127; для иконографических сопоставлений см: Pottier, 1984, pl. XX; Sarianidi, 2002, Fig. 81a; 2007, p.112, and fig. 198). Эти находки из Тель Брак показывают наличие локального производства и/или переработки гребней из слоновой кости на памятниках Цивилизации Окса, включая, возможно, Гонур-депе.

Большая лопатка, длиной около 30 см, найденная в погр. 3245 (возможно использовавшаяся для косметических целей или для смешивания жидкостей, мазей или пудры) была сделана в соответствии с местными моделями и художественным стилем (Sarianidi, 2005, p. 248, fig. 104) (рис. 6, *1*). Ее ручка длиной 15 см имела форму и была украшена двухсторонним барельефом, представляющим фантастическое крылатое существо с головой змеи и телом льва, заглатывающим ягненка или козленка. Этот мотив находит параллели с полихромной мозаикой, которая украшала отдельные могилы «царского» некрополя Гонура. Особенно это относится к гробнице 3210 (рис. 6, верхний регистр) (Sarianidi, 2005, p. 248, fig. 86; 2008, fig. 125). Другая лопатка без орнамента, также происходящая из погр. 3245, была, вероятно, также результатом местного производства (Sarianidi, 2010, p. 110-111 и связанная цветная вклейка) (рис. 6, *2*).

Предметы для игры и/или для гадания

И на памятниках долины Инда и на Гонур-депе значительное число артефактов, сделанных из слоновой кости, связаны с игровыми практиками и/или ритуальным гаданием. Выявить различия между играми/азартными играми для развлечения и ритуальными предсказаниями будущего достаточно сложно. Фактически это связано с теми действующими лицами, которые, как можно полагать, влияют на результаты таких практик: шанс в игре, вмешательство «разумных сверхъестественных сил» или божеств в гадания. В обоих случаях набор предметов, предназначенных как для игр так и для ритуалов, мог быть очень сходным (Gadd, 1946; Reith, 1999, p. 14-17, 43-53; Becker, 2007, p. 12-14; Finkel, 2007, p. 25-26; Holbraad, 2010).

В погр. 2900 В. Сарианиди нашел то, что он первоначально интерпретировал как декоративные вставки для прямоугольной деревянной доски, сделанные из тончайших мелких сегментов из слоновой кости, треугольников,

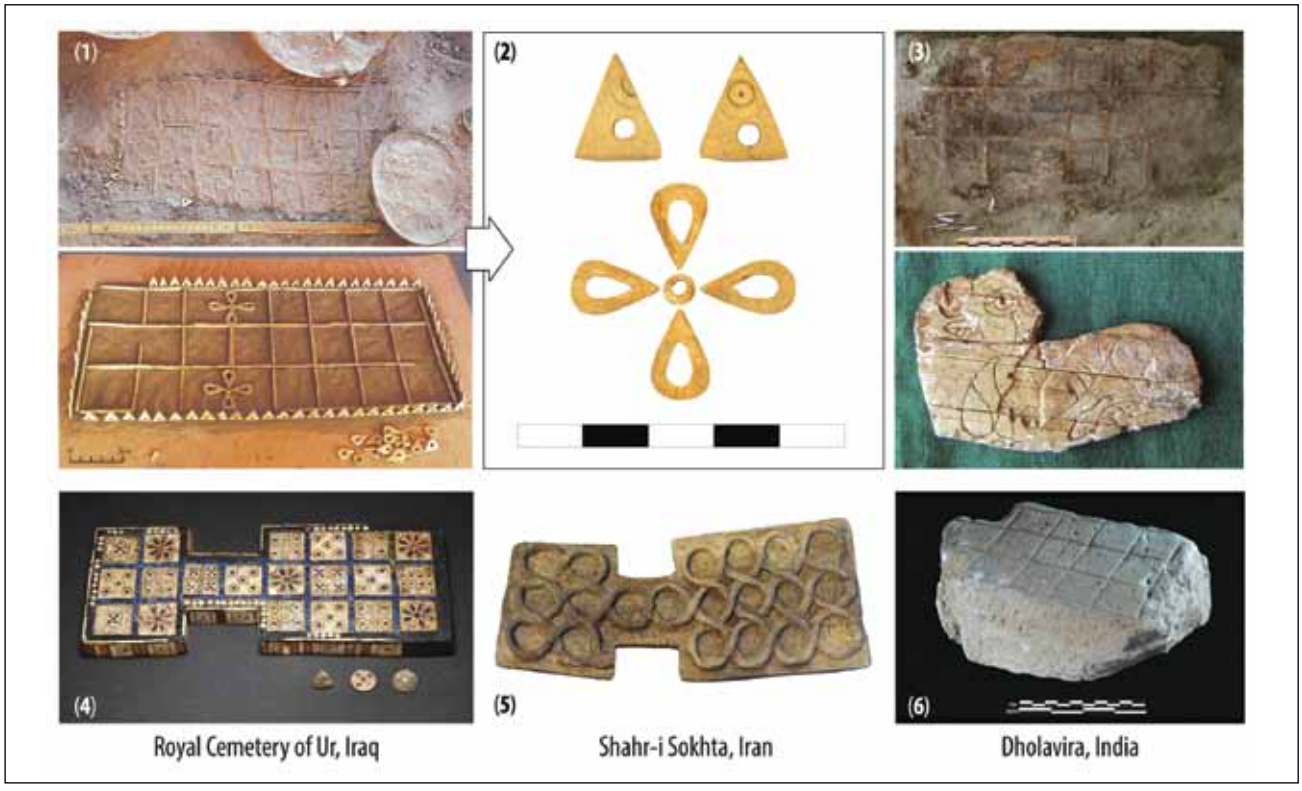


Рис. 7. Гонур-депе. Доски для игры в «Двадцать квадратов», украшенные (1) вставками из слоновой кости (отдельно показаны переобработанные фрагменты изделий из слоновой кости) из погр. 2900, (2) с плакетками в форме лежащего теленка из гробницы 3210 (фото переробработанных вставок автора; игральные доски в процессе расчистки по: Sarianidi 2007: figs. 32-33; Sarianidi 2008: figs. 101-102). Похожие игральные доски из царского некрополя Ура в Месопотамии (по любезному разрешению Британского музея), Шахр-и-Сохте в Иране (по любезному разрешению С.М.С. Саджади) и памятника Индской цивилизации Дхолавира в Индии (по любезному разрешению Археологической службы Индии).

кружков и капель (рис. 7, *1*). При обнаружении (Sarianidi, 2007: 152 and figs. 32, 33) вставки еще сохраняли свое первоначальное расположение, и не было никакого сомнения в том, что они являются частью игровой доски для так называемой «Игры двадцати квадратов», сходной с таковыми, найденными на царском некрополе Ура и в Шахр-и Сохте (Becker, 2007; Finkel, 2007; Piperno, Salvatori, 2007, p. 287-295, fig. 668) (рис. 7, нижний регистр). Непосредственное исследование этих вставок показало, что на обратной стороне небольшой их части имелись изображения точки в круге (рис.7, в центре). Ясно, что они были частями большого орнаментированного предмета и свидетельствуют, что часть их является переработкой предметов из слоновой кости для максимально полного использования этого очень

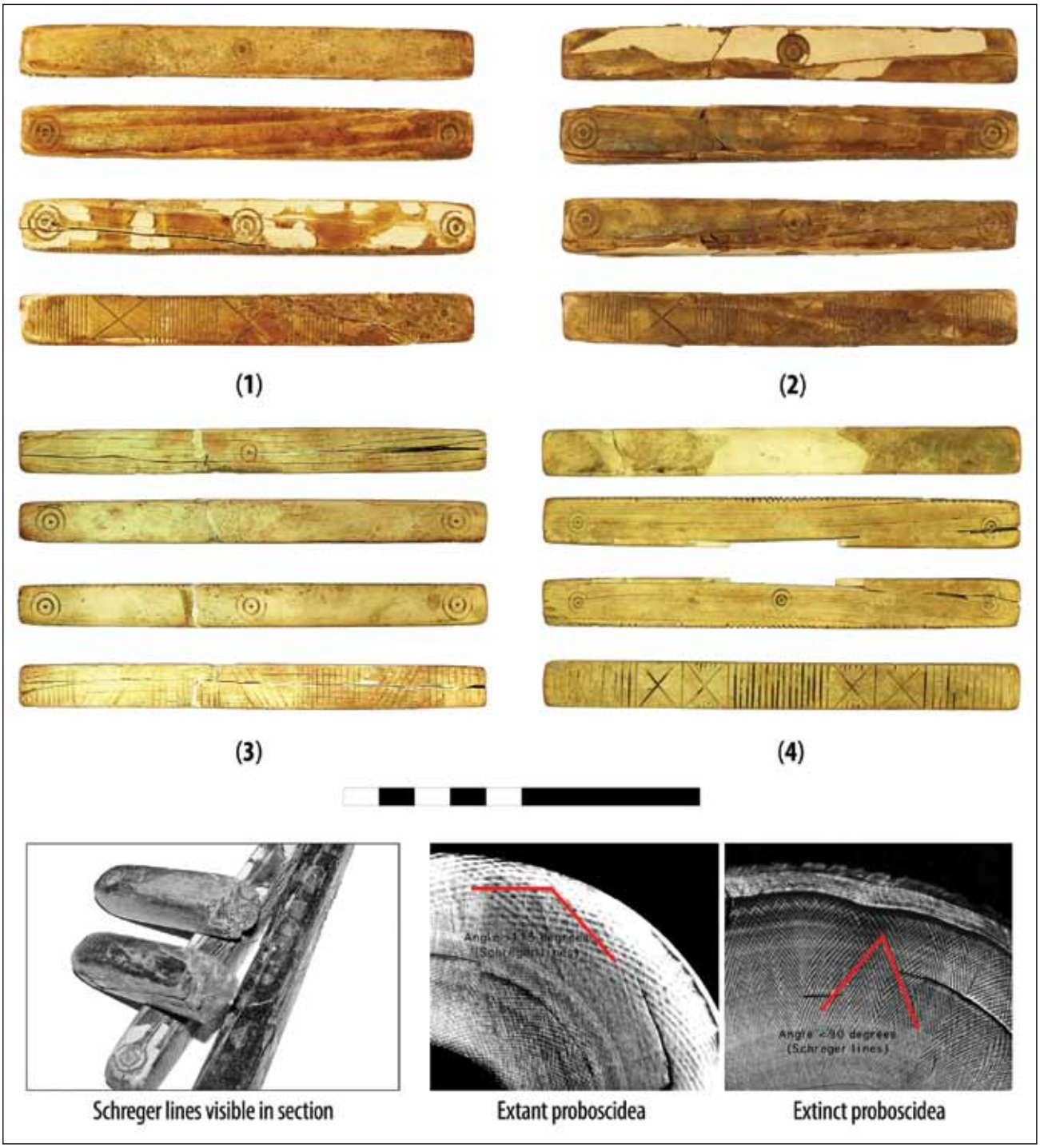


Рис. 8. Гонур-депе. Игральные палочки из слоновой кости, на трех сторонах которых изображена точка в круге от одной до трех, а на четвертой — вертикальные линии и косой крест или диагональные линии (фото автора). В нижнем ряду — фрагменты сломанных игральных палочек с линиями Шредера, видимых на срезе и образующих угол в 115 градусов, характерный для сохранившихся хоботных (по любезному разрешению А. Кобье).

драгоценного материала. Автор раскопок сообщает также, что еще две игровые доски из слоновой кости были найдены в погр. 3130 и 3310 на Северном Гонуре. Этот тип игровых досок не вполне обычен для индских памятников, где было найдено только пять сломанных досок плохого качества: по одной из терракоты в Лотгале и Мохенджо-даро и три из мыльного камня в Дхолавира[6] (Rao, 1985: pl. CCXIX.1; Mackay, 1938: pl. CXLII.82; Bisht, 2015: figs. 8.308-311) (рис. 7, нижний регистр).

Имеющиеся археологические и текстовые источники свидетельствуют, что для «Игры двадцати квадратов» использовались различные типы фишек (*dice*), включая бараньи и бычьи альчики (бабки) и тетраэдры или четырехгранные палочки-фишки из разнообразных материалов (Mackenzie, Finkel, 2004: 37-42; Finkel, 2007). На Гонур-депе были найдены четырехгранные палочки-фишки из слоновой кости весьма стандартизированного типа. Они имеют 10-12 см

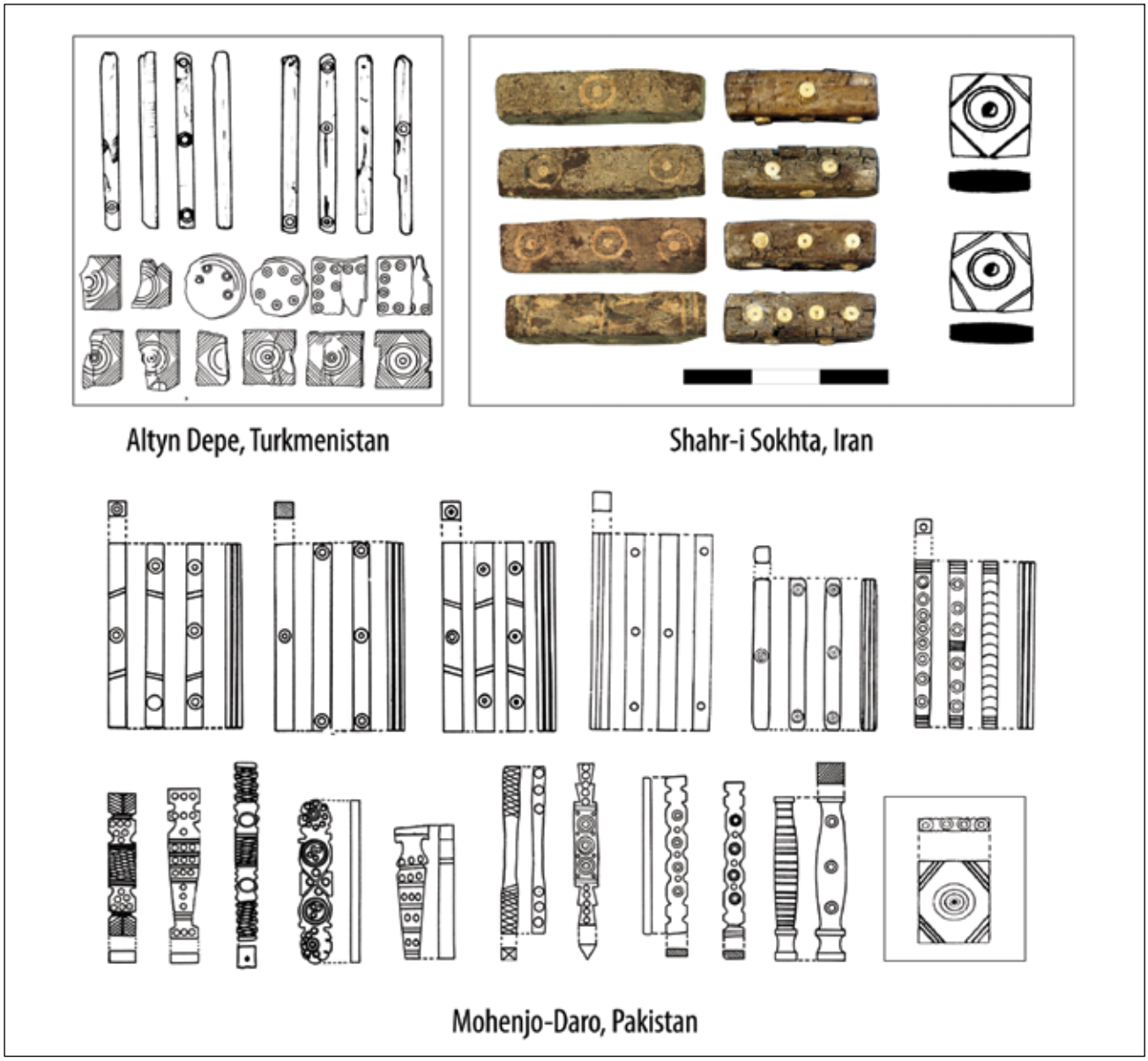


Рис. 9. Игральные палочки и фишки с разных памятников, включая из слоновой кости в Алтын Депе в Туркменистане и в камне и дереве в Шахр-и Сохте в Иране. Игральные палочки, орнаментированные палочки и игральные фишки с памятника Индской цивилизации Мохенджо-Даро в Пакистане (составлено по: Masson and Sarianidi, 1972; Mackay, 1939; Шахр-и Сохте — по любезному разрешению С.М.С. Саджади).

6 Один из четырех фрагментов игровых досок, найденный в Дхолавира не использовался в «Игре двадцати квадратов» (Bisht, 2015, p. 594, fig. 8.310 в верхнем левом углу), но имеет сходство с квадратной терракотовой игровой доской из Лотгала (Rao, 1985, p. 510, fig. 104.4).

в длину и квадратное сечение со стороной приблизительно от 1,2 до 1,6 см (рис. 8). Три целые палочки-фишки из слоновой кости были найдены в комн. 115 «царского святилища» на Северном Гонуре (Sarianidi, 2005, p. 121, fig. 29). Наконец еще четыре фишки такого же типа были найдены в разрозненных фрагментах рядом с другими предметами из слоновой кости в гробнице 3220 и в погр. 3155 на Северном Гонуре (Sarianidi, 2005: fig. 65; 2008: fig. 107). Плохо сохранившиеся фрагменты других палочек-фишек из слоновой кости были также найдены в погр. 575 и 1898 на Большом некрополе (Sarianidi, 2007, p. 122). Визуальный осмотр этих сломанных фрагментов подтвердил использование для их изготовления слоновых бивней, благодаря наличию упомянутых линий Шрегера, которые идут под средним углом около 115 градусов (в случае сохранения хобота, в том числе и у Elephas maximus) (Espinoza, Mann, 1992) (рис. 8, верхний ряд).

Три целые палочки-фишки из слоновой кости были обнаружены также на Алтын-депе в слоях, датируемых поздними стадиями Намазга V (ок. 2200-2000 до н.э.). Одна находилась в погр. 252 (Masson, Berezkin, 2005, P. 388 and fig. 21.57 and pl. 56.5), а две – были частью так называемого «Первого клада Ганялина» (Masson, Sarianidi, 1972, fig. 29.a; Kaniuth, 2010, p. 6, fig. 3) (рис. 9, сверху слева).

Палочки-фишки с Гонур-депе и Алтын-депе имеют одно и то же оформление: три стороны имеют изображения точки в круге числом от 1 до 3, тогда как четвертая – альтернативные серии поперечных линий и косых крестов или диагональных линий, формирующих пять или чаще семь групп. Такое семантическое значение, но с использованием продольных параллельных линий или значительно реже трансверзальных крестов на четвертой стороне, появляются только на немногих палочках-фишках, найденных на Индских памятниках (например см.: Marshall, 1931, pl. CXXXVIII 41, 43, 48; pl. CXLIII, 43, 47, 49, 51; Mackay, 1938, Pl. LX 12, 16; Vats, 1940, Pl. CXIX 35) (рис. 9). С другой стороны, на Индских памятниках иногда по-отдельности, а иногда вместе с игровыми досками и или их фрагментами находилось значительное число прямоугольных фишек, палочек и стержней разной формы из слоновой кости. Они бывают по-разному декорированными и иногда с надписями. По-видимому эти изделия использовались как игровые фишки или как палочки для предсказания будущего (для общей типологии см: see Mackay, 1931, p. 562-566 и связанные таблицы) (рис. 9, нижний ряд).

Согласно И.Л. Финкелю (Finkel, 2007, p. 17), палочки-фишки, украшенные точками в круге были найдены в Месопотамии только в Уре. По этой причине полагают, что они были принесенными извне. В Шахр-и Сохте в Иранском Систане, каменные палочки-фишки с точкой в круге и крестами были найдены и на территории поселения и (вместе с игровой доской и игровыми фишками) в погр. 731, которое датируется периодом III Фазы 4 (Tosi, 1983, p. 174, fig. 11; Piperno, Salvatori, 2007, fig. 692; Cortesi et al., 2008, fig. 20) (рис. 9, сверху справа). Абсолютная хронология этой фазы Шахр-и Сохре дискутируется итальянскими исследователями, раскапывавшими этот памятник (Salvatori, Tosi, 2001; Cortesi et al., 2008). Они датируют ее по серии радиоуглеродных дат между 2500 и 2400 до н.э. Французские археологи, работавшие в Белуджистане, опираясь на сравнительный анализ керамики, дают более ранние даты этой фазы — между 2800 и 2600 до н.э. (Jarrige et al., 2011). В обоих случаях этот тип палочек-фишек появляется сначала с Юго-Восточнам Иране и только позднее – в Месопотамии и в долине Инда, где также присутствуют кубические фишки в сравнимом числе (Dales, 1968). Более того, в долине Инда игровые доски для «Игры двадцати квадратов» использовались вместе с другими типами досок (напр., см: Kenoyer, 1988, fig. 6.39), очень похожими на таковые, все еще используемые в наши дни на Индостане для игр типа «Алькуерк» (Alquerque) или «Стратегия девяти человек Морриса» (Nine Men's Morris strategy), и соответственно как «Куиркат» (Quirkat) и «Суджуа» (Sujjua) (Bell, 1979: 47-48, 91-95). Имеющиеся свидетельства не позволяют понять, играли ли или нет памятники БМАК роль моста при диффузии использования палочек-фишек из западных регионов Средней Азии в доли-

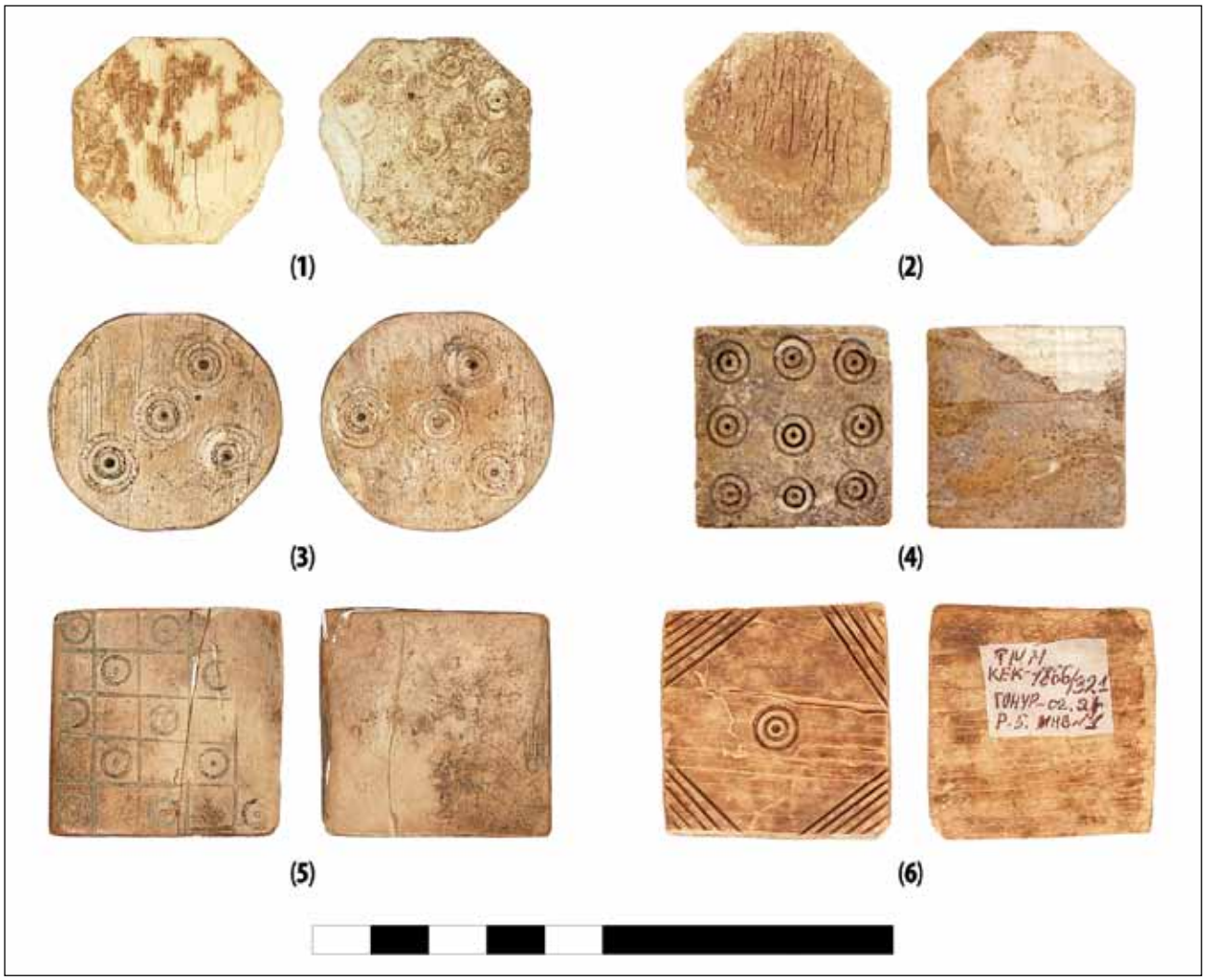


Рис. 10. Гонур-депе. Орнаментированные плакетки, предположительно использовавшиеся как игральные фишки (фото автора).

ну Инда, или же они сложились типологически и по сырьевому материалу под влиянием обоих направлений.

Игровые доски и палочки-фишки часто находят рядом с различными типами игровых предметов (Finkel, 2007). Например, две из них из «Клада Ганялина» на Алтын-депе были захоронены вместе с двенадцатью орнаментированными плакетками из слоновой кости (десятью квадратными и двумя круглыми) (Kaniuth, 2010, fig. 3) (рис. 9, сверху слева). Пластины из слоновой кости (одна восьмигранная и одна квадратная) были найдены также в Джаркутане и контексте с датировкой конца III–начала II тыс. до н.э. (Kaniuth, 2010, 7, fig. 4). Идентичные квадратные, круглые и восьмигранные пластинки из слоновой кости были найдены в отдельных могилах на Гонур-депе (например, см.: Sarianidi, 2002a, p. 153; 2005, fig. 65; 2008, fig. 107) (рис. 10). Они имеют сравнимые размеры в пределах около 3-4 см и украшения в виде наклонных линий по углам и большими концентрическими окружностями в центре. Встречаются мотивы «точка в круге» по периметру или полностью покрывающие всю поверхность изделия, а также прямоугольные сетки, иногда также заполненные мотивом «точка в круге». Поскольку они часто ассоциированы с палочками-фишками из слоновой кости, а их размеры часто точно совпадают с таковыми клеток игровых досок, эти пластины, скорее всего также использовались в игре. Несколько сравнимых игровых предметов были также найдены в Уре и Шахр-и Сохте (см., например: Woolley, 1934, pl. 221; Cortesi et al., 2008, fig. 19), тогда как на Индских памятниках они крайне редки (Marshall, 1931, pl. CXXXIV 3) (рис. 9, сверху справа и снизу слева).

Прочие предметы

Коллекция артефактов из слоновой кости, найденная на Гонур-депе включает другие исключительные предметы, у которых нет аналогов в продукции из этого материала в Индской цивилизации, но имеются четкие связи с культурными традициям Средней Азии, особенно Маргианы. Несколько дисков из слоновой кости (диаметром между 6 и 7 см и 1 см толщины), все найденные в контексте погребений, включая богатую слоновой костью гробницу 3220, имеют повторяющиеся мотивы, неглубоко вырезанные с обеих сторон. На двух из них изображен скорпион с одной стороны и схематическая композиция из листьев пипала (имеющих форму сердца) – с другой (Sarianidi, 2005, fig. 92) (рис. 11, слева). Эти мотивы часто используются на Гонур-депе как на металлических и каменных печатях, так и в полихромной мозаике (напр.,: Sarianidi, 1998, cat. nos. 1788-1790; 2002: 279; 2005, fig. 91; 2008, fig. 137) (рис. 11, снизу слева). Мотив листьев пипала в форме сердца, конечно, происходит из долины Инда, но он был быстро включен также в орнаментальную традицию Маргианы. Изображение скорпиона найдены в Великой долине Инда только на пуговице-печати из кости/слоновой кости с памятника времени Ранней Хараппы Рехман Дхери в Северном Белуджистане, ок. 3200-3000 до н.э. (Shah, Parpola, 1991, p. 352, Rhd-1; Durrani et al., 1994-1995, p. 206, fig. 1) (рис. 11, снизу справа).

Другие диски из слоновой кости сравнимого размера, также из гробницы 3220, несут мотив «точка в круге», выгравирован-

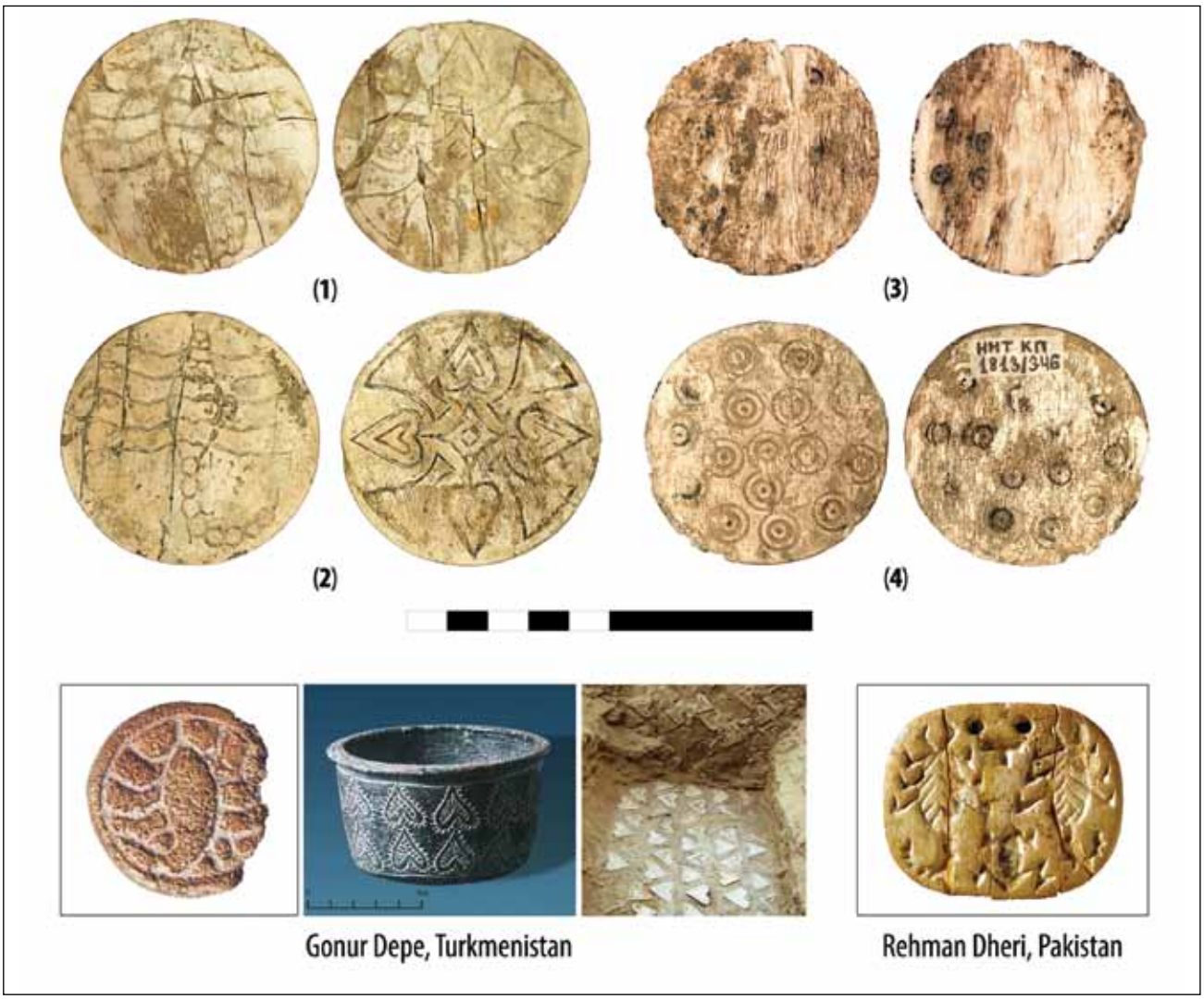


Рис. 11. Гонур-депе, гробница 3220. Диски с изображением скорпиона и мотивом сердце-образного листа пипал (слева) и концентрической серии изображений точка в круге (справа) (фото автора); в нижнем регистре — иконографические сравнения с Гонур-депе и с ранне-хараппского памятника Rehman Dheri в северном Белуджистане (составлено по: Sarianidi, 2002 : 2002, 2005, 2007; Shah, Parpola, 199. Pl.. 32).

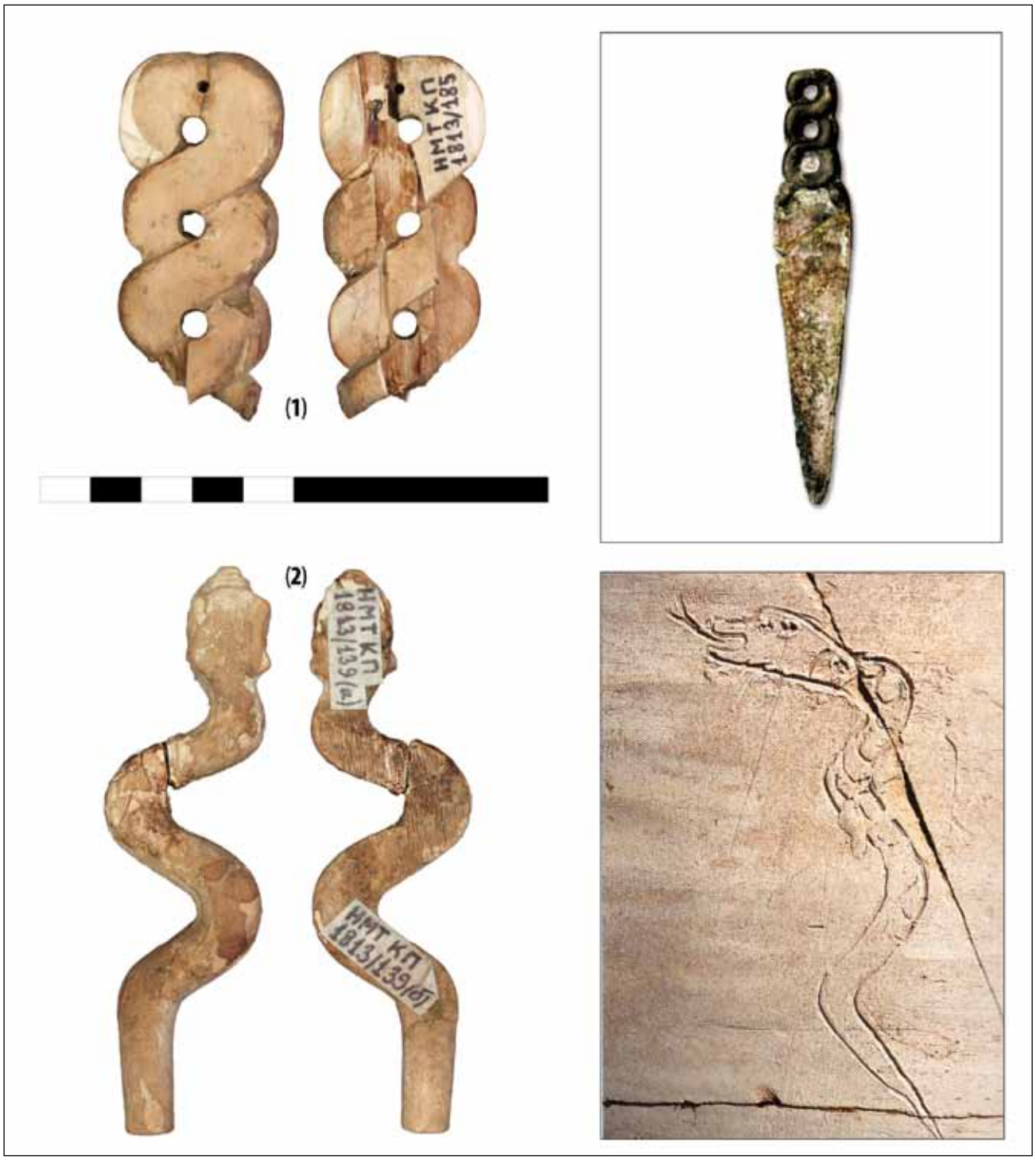


Рис. 12. Гонур-депе. Большой фрагмент ручки из слоновой кости и бронзовый нож с ручкой, одинаково оформленных в виде двух переплетающихся змей (верхний ряд); объемное изображение извивающейся змеи из слоновой кости и сходное изображение на фрагменте местной керамики (нижний ряд) (фото изделий из слоновой кости автора; сравнительные объекты по: Sarianidi 2002: 98, 114).

ный с обеих сторон концентрически и вдоль края (Sarianidi, 2008, fig. 107) (рис. 11, справа). Опираясь на их размеры и правила игры (Finkel, 2007), которые предполагают постоянное присутствие более одного объекта на доске, эти диски с трудом могли быть использованы в ассоциации со стандартными типами игровых досок, найденных на Гонур-депе, которые имеют меньшие размеры клеток (сторона ок. 5 см) (см. рис. 7). Скорее всего, они использовались независимо для каких-то неизвестных целей, возможно в качестве атрибутов неких ритуалов, или, возможно, вместе с большими по размеру наборами для игр из скоропортящихся материалов. Этнографические исследования

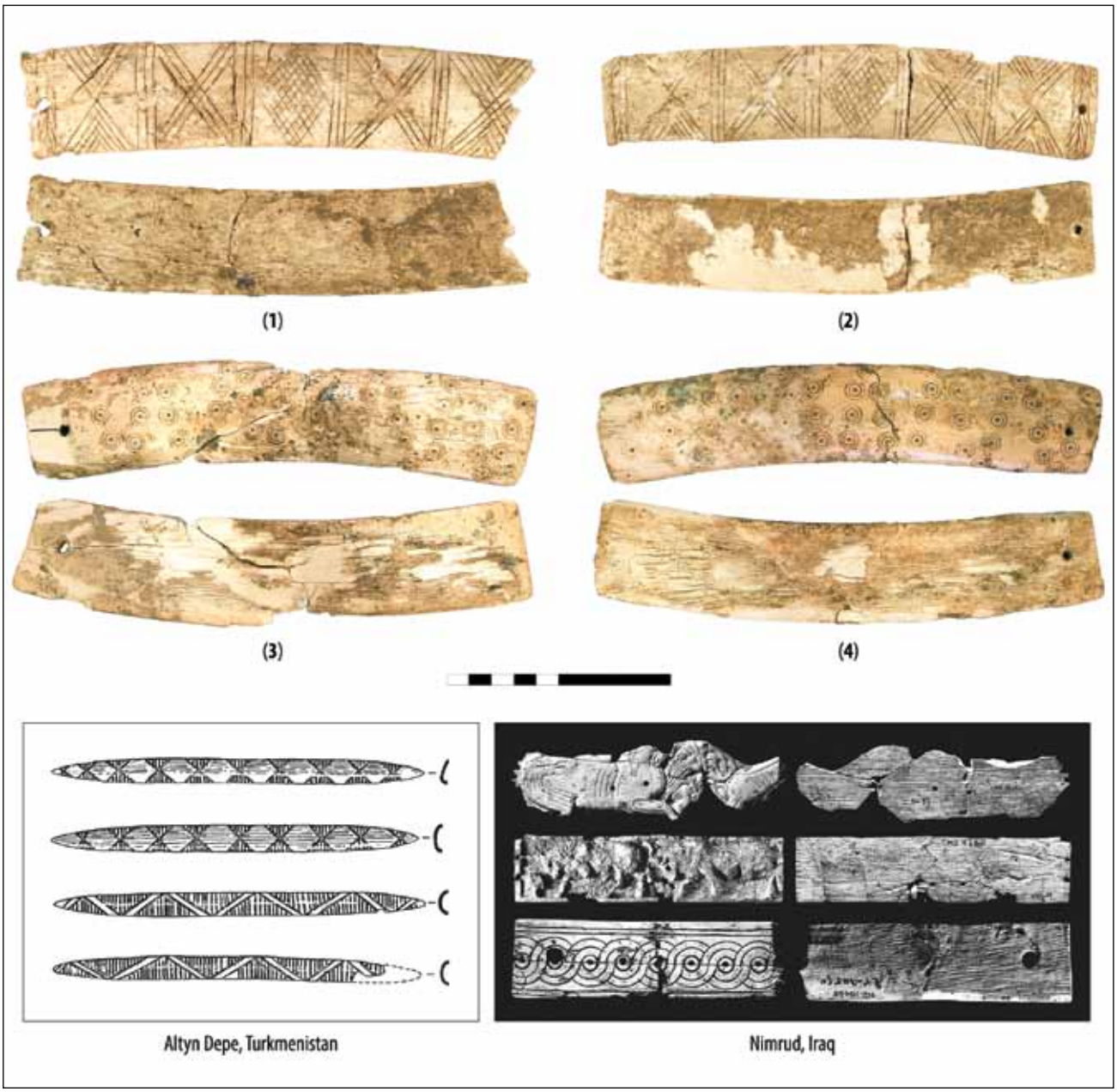


Рис. 13. Гонур-депе. Длинные пластины из слоновой кости с отверстиями, украшенные крестами и поперечными линиями или зигзагами из орнамента точка в круге (фото автора). Орнаментированные костяные палочки с Алтын-депе (Массон, 1981. Pl. XIX/2/A-D) и панели из слоновой кости из Нимруда, использовавшиеся для украшения мебели(Herrmann, 1986: 684, 713, 1237).

игры *пачизи* (*pachisi*), в которую до сих пор играют в многих районах Южной Азии, показали, что большая часть игровых досок была вышита на тканях (Norman, 1964).

Ранее не опубликованная сломанная ручка из слоновой кости не ясного назначения была тщательно вырезана в форме двух переплетающихся змей. Она сильно напоминает ручку от металлического ножа из погр. 1922 (Sarianidi, 2002, p. 114; Sarianidi, 2007, p. 82, fig. 75) (рис. 12, верхний ряд). Скульптурное изображение извивающейся змеи из слоновой кости было найдено под правым плечом мужчины, погребенного в погр. 3155 на Северном Гонуре (Sarianidi 2005, p. 200, fig. 66) (рис. 12, нижний ряд). В Маргиане бронзового века извивающаяся змея был обычным мотивом. Ее изображение представлено на керамических сосудах, в золотых ювелирных изделиях, на металлических и каменных печатях, бронзовых церемониальных топорах и на полихромных мозаиках (например: Sarianidi, 1998, fig. 6; 2007, p. 78-79; Sarianidi, 2002, p. 98 справа внизу; Sarianidi, 2008, figs. 55, 125, 126).

В гробнице 3235 В.И. Сарианиди (Sarianidi, 2008, p. 206, fig. 115) нашел три (два полные и один сломанный) одинаковые предмета – длинные, слегка изогнутые пластины из слоновой кости, имеющие отверстия на одном конце (ок. 20-25 см длиной и 4 см шириной) (рис. 13, *1-2*). Их внешняя поверхность соответствует естественной изогнутости слонового бивня, тогда как внутренняя была уплощена и оставлена не полированной (ок. 0,8—1,0 см максимальной толщины). Они были украшены одинаковым узором из пяти прямоугольных сегментов, разделенных тремя поперечными линиями, содержащие грубо вырезанные косые кресты, образованные пересекающимися пучками соответственно пяти линий в двух сегментах на концах, три линии в двух срединных сегментах и ромбовидная сетка в центральном сегменте. Эта декоративная схема напоминает таковую на палочках-фишках, найденных на Гонуре и Алтын-депе (см. рис. 8, 9). Но форма этих загадочных объектов не допускает их использование в качестве фишек или гадательных палочек. Кроме того, две идентичные перфорированные пластины из слоновой кости, найденные в погр. 3245, были украшены продолжающимся мотивом «точка в круге», расположенный зигзагом, предполагающим специфическое использование этих объектов, отличное от фишек и счета (counters) (Sarianidi, 2010, p. 110-111 и связанная цветная вклейка) (рис. 13, *3-4*).

Украшения этих пластин из слоновой кости, включая оба, сегментированный и зигзагообразный мотивы, напоминает таковой, вырезанный на четырех длинных палочках из кости животных, найденных на Алтын-депе. Функциональное назначение последних не было точно определено (Masson, 1981, pl. XIX/2/A-D; Masson, Berezkin, 2005, p. 385, fig. 18/34-37 & pl.46/3-6; Possehl, 2002, p. 230, fig. 12.32) (рис. 13, снизу слева). Морфологическое сравнение их с более поздними изделиями из слоновой кости, найденными в комн. SW 37 в Форте Шалманезер (Fort Shalmaneser) в Нимруде говорит о том, что пластины из слоновой кости, найденные на Гонуре в погр. 3235 и 3245 могли использоваться в качестве декоративных архитектурных элементов и/или мебельной фурнитуры, например, для украшения стульев или кушетки (Herrmann, 1986, p. 13, cat. nos. 684, 713, 1237) (рис. 13, снизу справа).

Производство и торговля предметами из слоновой кости с Гонур-депе

Детальное исследование артефактов, сделанных из бивней Индийского слона, найденных на Гонур-депе, доказало соответствующую степень функциональных, морфологических и стилистических различий между этой коллекцией и сравнимой продукцией объектов из слоновой кости, происходящей из долины Инда. На основании доступных в настоящее время данных и, имея в виду отсутствие изотопного анализа этих обеих коллекций, полная реконструкция всех стадий производства и торговли этими артефактами достаточно нереальна. Тем не менее, есть возможность определить опорные точки и предложить согласованные гипотезы о природе и организации этого важного и информативного производства.

Итоговый вопрос, охватывающий все основные моменты, затронутые в этом исследовании, касается происхождения и самобытности ремесленников, которые внесли свой вклад в производство этих объектов. У кого были навыки, чтобы превратить экзотическое и очень ценное сырье, происходящее из долины Инда, в артефакты, следуя местному вкусу среднеазиатских элит? Местные ремесленники, которые обработали на месте слоновые бивни и их куски, которые были привезены торговцами в Среднюю Азию? Или специализированные резчики по слоновой кости из долины Инда, которые приехали специально в Среднюю Азию и работали как резиденты или как приезжие мастера?

Резьба по слоновой кости достигала невероятного уровня художественной утонченности и технической сложности в разные исторические периоды и в разных регионах по всему миру (обзор разнообразной продукции из слоновой кости, см.: Cutler, 1985; Caubet, Gaborit-Chopin, 2004; Campbell Petersen, 2015). Даже если предметы из слоновой кости, изготовленные в Средней и Южной Азии в эпоху бронзы, были еще довольно просты-

ми объектами, но уже они требовали знания конкретных методов и технологий производства. Как только появились металлические инструменты, процесс резьбы по слоновой кости значительно не изменялся в течение тысячелетий (Campbell Petersen, 2015: 140). М. Кэмпбелл Петерсен предложила комплексную реконструкцию технических действий, выполняемых традиционно для производства предмета из слоновой кости, которая обобщает и детализирует все выявленные шаги (Campbell Petersen, 2015: 140-150): 1. Прежде чем какая-либо работа будет выполнена, делается эскиз готового предмета; в некоторых мастерских также было принято делать модель в глине или воске. 2. Выбирается определенный кусок бивня, с которого путем трения удаляется вся оставшаяся эмаль; иногда ее удаляли [...], нагревая бивень и отслаивая эмаль долотом. 3. Рассчитывается и вырезается из бивня с помощью пилы фрагмент с размерами, необходимыми для изготовления конкретного предмета; важно было точно определить, как разрезать слоновую кость, чтобы наилучшим образом использовать драгоценный материал и как можно меньше его потерять. 4. Изделие рисуется на поверхности отобранного куска, а затем грубо формируется с использованием пил и долота. 5. [...] Принято увлажнять поверхность слоновой кости, чтобы сделать ее немного более мягкой и менее хрупкой. 6. Для резки бивня использовались различные долотца, резцы, пилочки и сверла; [...] для тонкой работы использовались более тонкие инструменты, в конечном итоге вплоть до острой иглы, если это необходимо. 7. Чтобы придать окончательный блеск изделию, предметы полируются с использованием различных абразивных материалов, включая натуральную кожу крупного рогатого скота, кожу тюленя и акулы, грубую рыбную чешую и мел. 8. Для создания рисунков или подчеркивания конкретных особенностей артефакты из полированной слоновой кости могут в итоге гравироваться и/или протравливаться тонкими линиями. 9. Готовые предметы из слоновой кости могут отбеливаться с использованием смеси мочи и извести. 10. В особых случаях кремовый цвет слоновой кости может быть изменен путем нагревания, обкуривания или окрашивания жидкостями, а также нанесением пигментов. 11. Предметы ненадолго смачиваются водой, чтобы обеспечить им исходное содержание влаги, которое было свойственно бивню до обработки, т.к. в ее процессе естественная увлажненность бивня может сильно изменяться или даже полностью теряться; после смачивания изделие протирается.

Не все эти этапы и технические действия использовались при производстве предметов в слоновой кости, найденных на Гонур-депе. Даже если присутствие следов темных веществ внутри изображений, выгравированных и вырезанных на нескольких «палочках» и плакетках, может означать, что они были первоначально заполнены пигментами (об окраске древних предметов из слоновой кости, см.: Affanni 2012), безусловно, нет никаких доказательств того, что отбеливание и общее качество резьбы не требовали навыков и более тонких инструментов, которые могли использоваться в более поздние исторические, а также в современные периоды для изготовления предметов с круговой резьбой или с акцентированным подрезанием. Однако производство тех объектов, которые известны с Гонура, все же требовало высокого уровня технической виртуозности и знакомства с особенностями сырья и его подготовки для обработки кусочков слоновой кости.

Исторические и этнографические данные свидетельствуют, что изготовление изделий из слоновой кости требовало, по сути, конкретных навыков уже для резки бивней, чтобы максимизировать размеры шероховатости слоновой кости и получить определенные формы и качество поверхности (Kunz, 1916: 241-251; Burns, 1976: 245-248; Cutler, 1985: 1-19; von Bargen, 1994: 51 and fig. 3-5; Caubet, Gaborit-Chopin, 2004: 16-17 and fig. 2; Bianchi, 2007: 358-360) (рис. 14). Эти операции не включают только фактическую вырубку бивня, но они подразумевают тщательное удаление твердых эмалевых слоев и цемента, чтобы облегчить высечку и предотвратить растрескивание и искажение готовых предметов, которые возможны из-за различной

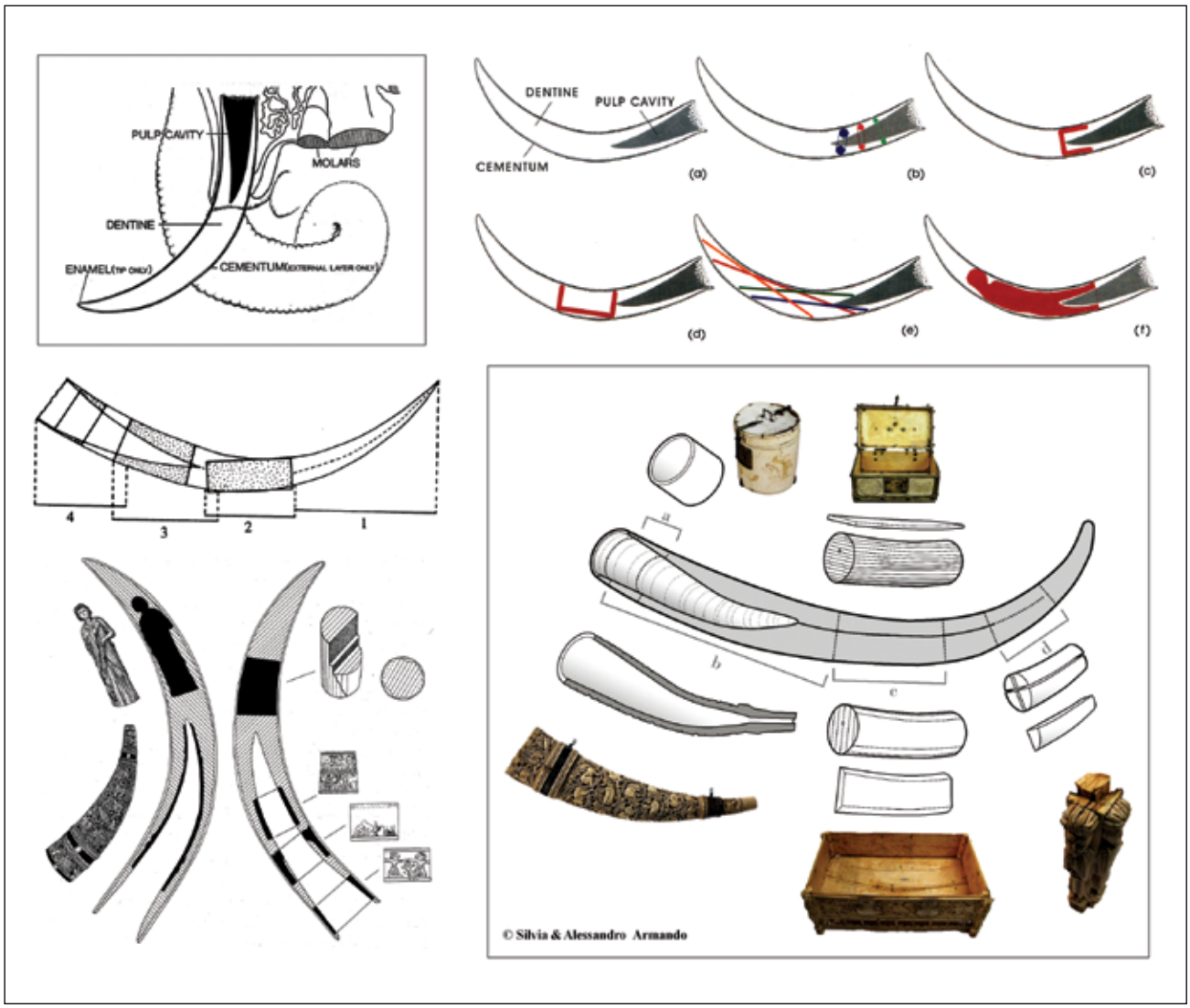


Рис. 14. Анатомический разрез бивня слона с указанием разных его частей и сечений, которые требуются для получения кусков бивня разных размеров и форм (соответственно измененные изображения по: Von Bargen 1994. Fig. 3; Caubet, Gaborit-Chopin, 2004. Fig. 2; Campbell Pedersen 2015. Fig. 2.36; по любезному разрешению Сильвии и Алессандро Армандо).

твердости и эластичности этих материалов, а также самой слоновой кости около полости пульпы, которая часто слишком мягкая и хрупкая, чтобы быть успешно вырезанной. Кроме того, необходимо было предварительно оценить относительную ориентацию акцентированного рисунка слоновой кости типа «конус в конусе» с учетом окончательной формы объекта, чтобы минимизировать отходы, облегчить резьбу, увеличить стойкость предмета по отношению к разрушению и улучшить окончательный внешний вид его различных поверхностей (Cutler, 1985: 37-42, Bianchi, 2007: 358-360, Campbell Petersen, 2015: 137-140).

Что касается предметов из слоновой кости, найденных на Гонур-депе, гипотетическая реконструкция исходного положения и относительной ориентации фрагментов, из которых они были изготовлены, в «идеальный клык» (что было возможно для нескольких артефактов), учитывая узор «конус в конусе», видимый на разных поверхностях, доказали, что вторичная резка бивней или больших их фрагментов на более мелкие куски была выполнена путем вырезания их должным образом с учетом структуры и кривизны бивня. Имелся в виду размер и окончательная форма предметов, которые должны были быть изготовлены, чтобы свести к минимуму количество отходов и одновременно увеличить сопротивляемость предметов разрушению и улучшению внешнего вида объектов. Этот факт показывает, что основные

фундаментальные этапы производственного процесса были выполнены квалифицированными резчиками по слоновой кости, которые имели глубокое понимание физиологии и физических характеристик различных частей и компонентов слоновых бивней.

Реконструкция заключительных этапов гравировки гораздо более проблематична и гипотетична. Согласно различным текстам о ремеслах и искусстве на Индийском субконтиненте во время британского правления (Kunz, 1916: 250-252; Burns, 1976; Pal, 1978: 204-206), изготовление предметов из слоновой кости со сложностью, сравнимой с предметами, обнаруженными на Гонур-депе, чтобы облегчить резьбу, а также предотвратить деформации бивня, его разрывы и трещины, а в конечном итоге обеспечить оптимальное долгосрочное сохранение изделий, вероятно, потребовалось бы (при использовании традиционных методов и инструментов) замачивать предметы в воде при определенной температуре, а затем медленно высушивать их и погружать в масляные ванны на нескольких этапах производства. Несколько специалистов, основываясь на археологических и текстологических данных по более поздним историческим периодам и этнографическим исследованиям на Индостане, увидели существенное техническое сходство между резьбой по слоновой кости, по обычной кости, а также по некоторым твердым породам (см. Bianchi, 2007: 352 и сноска 8; Di Paolo, 2009: 143; Feldmand, 2014: 28). Эти параллели не опираются на археологические данные. Они связаны в основном с интерпретацией более поздних археологических контекстов использования кости для производства предметов, а также резьбы по дереву для инструментов, но не на фактическом сопоставлении различных производственных процессов. На самом деле, даже при техническом подходе, когда используемые инструменты и различные этапы производства, безусловно, были очень похожими, работа со слоновой костью требовала специальных знаний и технических навыков, которые были лишь частично сопоставимы с теми, которые необходимы для резьбы по кости и по твердым породам дерева (Pal, 1978: 206).

В конкретном случае Гонур-депе (и в целом для других памятников бронзового века Средней Азии и Ближнего Востока) нет никаких доказательств существования мастерских, где такое органическое сырье обрабатывалось. Однако внимательное сравнение предметов, сделанных из костей животных и из слоновой кости, найденных на Гонуре, свидетельствует о четких технических и экономических различиях между этими двумя группами изделий и, вероятно, связанными с ними мастерскими. В то же время, в случае дерева есть доказательства по Шахр-и Сохте о таких объектах как гребни, «гадательные палочки» и игровая доска. Они сделаны из высококачественных видов деревьев, таких как ясень (*Fraxinus*), клен (Acer), индийский палисандр (*Dalbergia sissoo*) и галдина (*Haldina cordifoli*a), которые сопоставимы с предметами из слоновой кости, найденными на Гонур-депе и на других синхронных памятниках Средней Азии (Costantini, 1979). Однако морфологическое и функциональное сходство изделий не подразумевает применение одинаковых производственных процессов (Vidale 2000: 130-134; Binford, 2009: 143-145).

Из всех рассмотренных предметов, только некоторые изделия из бивней азиатского слона, найденные на Гонур-депе, возможно, были произведены на памятниках долины Инда местными резчиками по слоновой кости, а затем были проданы на поселениях Маргианы в качестве готовых объектов. Согласно общим археологическим свидетельствам с Гонура, наиболее вероятным и распространенным сценарием является такой, что целые бивни слона или, более вероятно,

7 Полное отсутствие целых бивней слонов на памятниках Центральной Азии (за исключением уже упомянутого Гонур-депе) не удивительно, учитывая ценность этого экзотического и редкого материала, а также наличием переделки предметов, отмеченной в коллекции Гонура.

8 *Джáтаки* — древнеиндийские притчи о земных перевоплощениях Будды, создававшиеся с начала I тыс. до н.э. Известно 547 джатак. Они входят в «Суттапитаку» («Собрание текстов»), в буддийский канон «Типитака» — Прим. ред.

их большие фрагменты, были проданы из долины Инда в Среднюю Азию, чтобы быть обработанными на месте в законченные объекты в соответствии с конкретным требованием местных элит мастерами с Инда и/или обученными там[7]. Это квалифицированное мастерство могло быть, возможно, предоставлено теми же торговцами, которые торговали бивнями, будь то местные жители, хараппцы или посредники.

Тем не менее, высокая коммерческая и идеологическая ценность слоновой кости и опыт, необходимый для ее выработки, сделали возможным и экономически выгодным присутствие в Средней Азии независимых передвижных резчиков из слоновой кости из долины Инда, которые одновременно предлагали сырье и свои уникальные навыки для превращения его в готовые объекты (об этнографических примерах о странствующих мастерах-ремесленниках, которые также приобретали и обменивали свое сырье, см. Helms, 1993: 40-41).

Присутствие мастеров-резчиков по слоновой кости, которые перемещались между северо-западными регионами Индостана и Средней Азией, уже было отмечено для более поздних исторических периодов. Изучая стилистически неоднородную группу рисунков из слоновой кости индийского стиля из Беграма в северо-восточном Афганистане, С. Мехендейл (2012) сравнивал их с аналогичными предметами из слоновой кости, найденными в Дальверзин Тепе на юге Узбекистана, Тилля-Тепе на севере Афганистана и в Таксиле на севере Пакистана. Он предположил, что вместо того, чтобы быть просто результатом торгового обмена между различными регионами Индийского субконтинента и Средней Азии, они были произведены локально передвижными резчиками по слоновой кости. Существование странствующих ремесленнико — резчиков по слоновой кости в древней Индии подтверждается также несколькими литературными источниками. В частности, в *Guttila Jataka*[8] упоминается группа резчиков из слоновой кости, которые отправились из Бенареса в Удджайн, чтобы предложить свои продукты и навыки местным элитам (Mehendale 2012: 73, cf. Cowell 1973: 172).

Исторические и социально-экономические условия, которые привели к резьбе по слоновой кости на памятниках Средней Азии эпохи бронзы, можно положительно сравнить с самыми ранними этапами производства этих изделий в Этрурии (Центральная Италия). Ни один из видов бивней, кроме клыков диких кабанов, фактически не был найден в Этрурии локально. Их клыки считались очень ценным и экзотическим сырьем (см. обзор предметов из слоновой кости и их производства в Этрурии: Huls, 1957; Martelli, 2008: 124-125; Naso, 2012: 434-435). Присутствие специализированных иностранных ремесленников в Этрурии признано в более поздних исторических источниках Страбоном и Плинием и засвидетельствовано археологически их подписями на объектах, видимо, произведенных на месте, и открытием могил с особыми чертами и украшениями (Camporeale, 2013: 886-890). Более того, частая комбинация иностранных мотивов и форм с использованием местных материалов свидетельствует о наличии в крупных центрах южной Этрурии мастерских, специализирующихся на различных ремесленных промыслах, в которых использовались квалифицированные ремесленники, иммигрировавшие из Центральной Европы, Великой Греции и Ближнего Востока (см, например: Bellelli, 2004; Camporeale, 2013: 886; Isler 1983; Martelli, 2008; Ridgway, 2010; Szilágyi, 1972; Torelli, 1976, 2000). После непродолжительного периода прямого импорта готовых предметов из слоновой кости в конце VIII – начале VII вв. до н.э., изделия из слоновой кости начали выпускаться преимущественно на этрусских поселениях иммигрантами из Леванта, которые в конце концов основали в Этрурии местную традицию этого искусства (Rathje, 1979: 165-167; Martelli, 2008: 125; Camporeale, 2013: 888; Sannibale 2014: 316).

Предметы из бивней азиатского слона, найденные на Гонур-депе, представляют собой пример узкоспециализированной торговли, которая, вероятно, опиралась на необычайную экономическую ценность как сырья, так и готовых объектов, которые составляли одно из самых ценных произведений своего времени, а также технического и концепту-

ального значения процесса обработки. Согласно M.W. Helms, квалифицированное ремесло, отличающееся от повседневных домашних или обычных произведений, «*как правило предназначенных для контролируемых влиятельными людьми или связанных с ними [...], требовало высоких технических навыков, значительного знания символизма, выраженного дизайном и стилем, и отличается в ряде важных аспектов от ремесел, связанных с более мирскими сферами жизни [...]. Квалифицированное ремесло является политическим и идеологическим, а не экономическим по своей природе*» (Helms, 1993, с. 13-15). Собственная ценность предметов из слоновой кости, главным образом, если они доставлялись за пределы долины Инда, была, безусловно, даже выше, чем их необычайная экономическая стоимость, и могла привести к созданию конкретных социально-экономических структур для их производства и торговли.

Заключение

Подробное исследование значительной коллекции артефактов из слоновой кости из бивней азиатского слона (Elephas maximus Linnaeus, 1758), найденных на памятнике бронзового века Гонур-депе на юге Туркменистана, показало, что большинство этих объектов, вероятно, было произведено в Средней Азии, а не поступило в готовом виде с поселений цивилизации Инда. Почти все предметы из слоновой кости, найденные на Гонуре, демонстрируют на самом деле четкие функциональные и стилистические различия от одновременных произведений из слоновой кости, происходящих из долины Инда. Учитывая имеющиеся источники этого материала, обнаружение на памятнике большой части бивня слона, присутствие свидетельств их переработки, а также принимая во внимание специфический опыт, необходимый для вырезания предметов из слоновой кости с сопоставимой сложностью, представляется весьма вероятным, что как сырье, так и квалифицированные мастера, способные обрабатывать его в соответствии с местными требованиями, прибыли в Среднюю Азии из северо-западных районов Индийского субконтинента. Бивни азиатских слонов, возможно, иногда продавались целыми или крупными кусками торговцами-местными жителями, хараппцами или посредниками, которые могли предложить также квалифицированную помощь, необходимую для создания готовых предметов. Возможно также, то обработка производилась непосредственно мастерами резьбы по слоновой кости, приехавшими в Среднюю Азию. Высокая экономическая и идеологическая ценность предметов из слоновой кости, имевшихся за пределами долины Инда в эпоху бронзы, могла позволить установить конкретные социально-экономические схемы для производства и торговли этими ценными объектами в Средней Азии.

Благодарности

Это исследование не было бы возможным без разрешения покойного проф. Виктора Сарианиди и доктора Надежды Дубовой, а также без материальной поддержки Итальянского проекта в районе р. Мургаб под руководством проф. Маурицио Този и доктора Барбары Черазетти. Я бы хотел поблагодарить также доктора Анни Кобье из Отдела Древнего Востока Музеев Лувра и доктора Джорджио Аффанни из университета г. Турин за ценные методологические замечания и предложения по техническому изучению слоновой кости; проф. Джонатана Марка Кенойера из Отдела антропологии Висконсинского университета штата Мэдисон за возможность пользоваться его личной библиотекой, включающей многие книги и статьи по археологическому и этнографическому изучению декоративно-прикладного искусства; проф. Ричарда Х. Мидоу директора Зооархеологической лаборатории Пибоди Музея археологии и этнологии Гарвардского университета за то, что он ввел меня в изучении азиатского слона в древности и за стимулирующие дискуссии о возможных будущих направлениях этого исследования. Не в меньшей степени я хотел бы поблагодарить моих друзей и коллег Массимо Видале, Джан-Луку Бонора, Евгенио Бортолини и Елену Маини и, наконец, но не менее ценно, Министерство наследия и культуры Султаната Оман за предоставление щедрой поддержки моих исследований во многих аспектах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983

Масимов И.С. Келлели — новый оазис эпохи бронзы низовьев Мургаба // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980.

Массон В.М. Алтын-депе. ТрЮТАКЭ.. Т. XVIII. Ленинград,1981.

Сарианиди В.И. Бактрия в эпоху бронзы // СА. 1974. № 4. С. 49-71.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1974 гг. М., 1977.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990.

Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Самарканд, 1993.

Affanni G. Studi sulle collezioni di avori di Arslan Tash: Collezioni ufficiali e private, metodi di studio e ricostruzione della produzione artigianale antica, PhD diss. Turin University, 2011.

Affanni G. New Light (and Colour) on the Arslan Tash Ivories: Studying 1st Millennium BC Ivories // Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East / Eds. Matthews, R. and Curtis, J. Vol. 2: Ancient & Modern Issues in Cultural Heritage Colour & Light in Architecture, Art & Material Culture Islamic Archaeology. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 193-208.

Affanni G. Protocol for the Examination of the Ancient Ivories from Arslan Tash: A Palaeo-Technological Approach // Altorientalische Forschungen. 2015. 42/1. P. 59–70

Allchin F.R. Lewan and the Bannu basin: Excavation and survey of sites and environments in North West Pakistan [BAR International Series 310]. Oxford: Archaeopress, 1986.

Ardeleanu-Jansen A. Stone Sculptures from Mohenjo-Daro // Interim Reports Vol. 1. Reports on Field Work Carried out at Mohenjo-Daro, Pakistan 1982-83 by IsMEO-Aachen University Mission / Eds. Jansen M., Urban G. Aachen: IsMEO/RWTH, 1984. P. 139–157.

Ardeleanu-Jansen A. The theriomorphic stone sculpture from Mohenjo-Daro reconsidered // Interim Reports Vol. 2. Reports on Field Work Carried out at Mohenjo-Daro, Pakistan 1983-84 by IsMEO-Aachen University Mission / Eds. Jansen M., Urban G. Aachen: IsMEO/RWTH, 1987. P. 59–68.

Ardeleanu-Jansen A. The sculptural art of the Harappa Culture // Forgotten Cities on the Indus: Early Civilization in Pakistan from the 8th to the 2nd Millennium BC / Eds. Jansen M., Mulloy M., Urban G. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1991. P. 166–178.

Baghestani S. Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China. Rahden: Verlag Marie Leidorf, 1997.

Banerjee A., Bortolaso, G., Dindorf, W. Distinction between African and Asian Ivory // Ivory and Species Conservation [Proceedings of the International Centre of Ivory Studies, INCENTIVS – Meetings (2004-2007)] / Eds. Roth J., Bortolaso G. Bonn: Bundesamt für Naturschut, 2008. P. 37-49.

von Bargen F. Zur Materialkunde und Form spätantiker Elfenbeinpyxiden // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1994. Bd. 37. S. 45–63.

Becker A. The Royal Game of Ur // Ancient Board Games in Perspective / Ed. Finkel I.L. London: The British Museum Press, 2007. P. 11–15.

Becker C. Small numbers, large potential: New prehistoric finds of elephant and beaver from the Khabur River/Syria // Munibe (Antropologia-Arkeologia). 2005. Vol. 57. P. 445–456.

Bell R.C. Board and Table Games from Many Civilizations. New York City: Dover Publications, 1979.

Bellelli V. Maestranze greche a Caere: il caso delle terrecotte architettoniche // Annali della Fondazione per il Museo 'Claudio Faina'. 2004. T. 11. S. 95-118.

Bianchi C. Strumenti e tecniche di lavorazione dell'avorio e dell'osso // Eburnea Diptycha. I dittici d'avorio tra antichità e medioevo / Ed. David M. Bari: Edipuglia, 2007. P. 349–385.

Binford L.R. Debating Archaeology: Updated Edition. Walnut Creek: LeftCoast Press, 2009.

Bisht R.S. Excavations at Dholavira (1989-1990 to 2004-2005) // Archaeological Survey of India. New Delhi, 2015.

Bracco S., Brajkovic A., Comotti A., Rolandi V. Characterization of Elephant and Mammoth Ivory by Solid State NMR // Periodico di Mineralogia. 2013. 82/2. P. 239-250.

Burns C.L. A Monograph on Ivory Carving // Art in Industry through the Ages: Monograph Series on Bombay Presidency. New Delhi: Navrang, 1976.

Camporeale G. Foreign artists in Etruria // The Etruscan World / Ed. Turfa J.M. London/New York: Routledge, 2013. P. 885-902.

Casanova M. Le lapis lazuli dans l'Orient ancien. Production et circulation du Néolithique au II-e millénaire av. J.-C. Paris: CTHS Editions, 2013.

Caubet A. Working ivory in Late Bronze Age/Iron Age Syria and Anatolia // Across the Border: Late Bronze-Iron Age Relations between Syria and Anatolia / Ed. Yener K.A. Walpole, Leuven, 2013. P. 449–463.

Caubet A., Gaborit-Chopin D. Ivoires. De l'Orient ancien aux temps modernes. Paris: Musée du Louvre and Réunion des musées nationaux, 2004.

Caubet A., Poplin F. Les objets de matière dure animale: Etude du matériau // Ras Shamra-Ugarit III: Le centre de la ville (38e–44e campagnes, 1978–1984) / Ed. Yon, M. Paris, 1987. P. 249–272.

Caubet A., Poplin F. Réflexions sur la question de l'éléphant syrien // Dur-Katlimmu 2008 and Beyond (Studia Chaburensia 1) / Ed. Kühne H. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 1–9.

Chakrabarti D.K. The external trade of the Indus Civilization. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1990.

Chauhan P.R. Large mammal fossil occurrences and associated archaeological evidence in Pleistocene contexts of peninsular India and Sri Lanka // Quaternary International. 2008. № 192. P. 20–42.

Cleuziou S., Tosi M. Ra's al-Jinz and the Prehistoric Coastal Cultures of the Ja'alan // Journal of Oman Studies. 2000. Vol. 11. P. 19–73.

Cortesi E., Tosi M., Lazzari A., Vidale M. Cultural Relationships beyond the Iranian Plateau: The Helmand Civilization, Baluchistan and the Indus Valley in the 3rd Millennium BC // Paléorient. 2008. Vol. 34(2). P. 5–35.

Costantini L. Wood Remains from Shahr-i Sokhta. A source of information for the ancient environment and technology in protohistoric Sistan // South Asian Archaeology 1977. Vol. 1 / Ed. Taddei M. Naples: Istituto Universitario Orientale, 1979. P. 87–121.

Cowell E.B. The Jataka or Stories of the Buddha's Former Births. Cambridge University Press, 1973.

Cutler A. The craft of ivory. Sources, techniques, and uses in the Mediterranean world, A.D. 200-1400. Dumbarton Oaks, 1985.

D'Amato S. Il lapis lazzuli dell'Egitto Predinastico e Protodinastico: Saggio sugli indicatori di scambio nelle fasi formative dell'Antico Regno. Unpublished MA dissertation. University of Bologna, 2000.

Dales G.F. Of Dice and Men // Journal of the American Oriental Society. 1968. Vol. 88(1). P. 14–22.

Dales G.F. Stone sculptures from the protohistoric Helmand Civilization, Afghanistan // Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata [Serie Orientale Roma. 56] / Ed. Gnoli, G. Rome: IsMEO, 1988. P. 219–224.

Di Paolo, S. What Production Model can be Deduced for First-Millenium BC Syro-Phoenician Ivories? Some Observations, with Analogies drawn from Byzantine, Early Medieval and Gothic Material // Syrian and Phœnician Ivories of the Early First Millennium BCE: Chronology, Regional Styles and Iconographic Repertories, Patterns of Interregional Distribution / Eds. Cecchini S.M., S. Mazzoni, E. Scigliuzzo. Pisa: Edizioni ETS, 2009. P. 133-153.

Döpper S., Schmidt C. Bericht über die Ausgrabungen 2011 und 2012 in Bāt und Al-Ayn, Sultanat Oman // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Bd. 145. 2013. S. 23–52.

Durrani F.A., Ali I., Erdosy G. Seals and inscribed sherds of Rehman Dheri // Ancient Pakistan. Vol. 10. 1994-1995. P. 198–233.

Durrani F.A., Ali I., Erdosy G. New Perspectives on Indus Urbanism from Rehman Dheri // East and West. Vol. 45(1/4). 1995. P. 81–96.

Espinoza E.O., Mann M. J. The history and significance of the Schreger pattern in proboscidean ivory characterization // Journal of the American Institute for Conservation. Vol. 32/3. 1993. P. 241-248.

Espinoza E.O., Mann M.-J. Identification guide for ivory and ivory substitutes. Washington D.C.: World Wildlife Fund, 1992.

Feldman M.H. Communities of Style. Portable luxury arts, identity, and collective memory in the Iron Age Levant. University of Chicago Press, 2014.

Finkel I.L. On the Rules for the Royal Game of Ur // Ancient Board Games in Perspective / Ed. Finkel I.L. London: The British Museum Press, 2007. P. 16–32.

Francfort H.-P. The early periods of Shortughaï (Harappan) and the Western Bactrian culture of Dashly // South Asian Archaeology 1981 / Ed. B. Allchin. Cambridge University Press, 1984. P. 170-175.

Francfort H.-P. (avec des contributions de Boisset Ch., Buchet L., Desse J., Echallier J.-C., Kermorvant A., Willcox G.) Fouilles de Shortughaï: recherches sur l'Asie centrale protohistorique [Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. T. II]. Paris: Diffusion de Boccard, 1989.

Francfort H.-P. How the twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughaï revisited forty years later // Transaction of Margiana archaeological expedition. Vol. 6. / Ed. N.A. Dubova. Moscow: Staryj sad, 2016. P. 461-475.

Franke U. From the Oxus to the Indus: Two Compartmented Seals from Mohenjo-Daro (Pakistan) // Corpus of Indus seals and inscriptions. Vol. 3, New material, untraced objects and collections outside India and Pakistan. Pt. 1, Mohenjo-Daro and Harappa [Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia Annales Academiae Scientiarum Fennicae Humaniora 359; Memoirs of the Archaeological Survey of India. 96] / Eds. Parpola A., Pande B.M., Koskikallio P. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2010. P. xvii–xviii.

Frenez D. La Civiltà dell'Indo fuori Meluhha. Ruolo e obiettivi degli Harappani nell'Asia Media dell'età del Bronzo. Unpublished PhD dissertation. University of Bologna, 2011.

Frenez D., Degli Esposti M., Méry S., Kenoyer J.M. Bronze Age Salut (ST1) and the Indus Civilization: Recent Discoveries and Implications // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. Vol. 64. 2016. P. 107–124.

Frenez D., Marchesi G., Vidale M. Hybrid identities: Seals with Elements of the Indus Civilization glyptic and cuneiform inscriptions // Journal of Near Eastern Studies, in press. n.a.

Frenez D., Vidale M. Translated Symbols. Indus Reminiscences in a carved chlorite artefact of the Halil Rud Civilization // Rivista di Archeologia. 2015. T. 38. P. 1–15.

Gadd C.J. Seals of Ancient Indian Style Found at Ur // Proceedings of the British Academy. 1932. Vol. 18. P. 191–210.

Gadd C.J. Babylonian Chess? // Iraq. 1946. Vol. 8. P. 66–72.

Helms, M.W. Craft and the Kingly Ideal: art, trade, and power. Austin: University of Texas Press, 1993.

Herrmann G. Ivories from Nimrud (1949-1963). Fs. IV, 2: Ivories from Room SW 37. Fort Shalmaneser. Plates. London: British School of Archaeology in Iraq, 1986.

Hiebert F. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia (American School of Prehistoric Research Bulletin 42). Cambridge, MA: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, 1994.

Holbraad M. The whole beyond holism: gambling, divination and ethnography in Cuba // Experiments in Holism: Theory and Practice in Contemporary Anthropology / Eds. Ton O., Bubandt N. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. P. 67–85.

Huls Y. Ivoires d'Étrurie (Etudes de philologie, d'archéologie et d'histoire anciennes, 4). Bruxelles: Palais des Académies, 1957.

Isler H.P. Ceramisti greci in Etruria in epoca tardo-geometrica // Numismatica e Antichità Classiche. 1983. T. 12. S. 9-48.

Jarrige J.-F. Mehrgarh: Its Place in the Development of Ancient Cultures in Pakistan // Forgotten Cities on the Indus: Early Civilization in Pakistan from the 8th to the 2nd Millennium BC / Eds. Jansen M., Mulloy M., Urban G. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1991. P. 34–50.

Jarrige J.-F., Didier A., Quivron G. Shahr-i Sokhta and the Chronology of the Indo-Iranian Borderlands // Paléorient. Vol. 37(2). 2011. P. 7–34.

Joshi J.P., Parpola A. Corpus of Indus Seals and Inscriptions, Vol. 1: Collections in India [Annales Academiae Scientiarum Fennicæ, Series B 239 and Memoirs of the Archaeological Survey of India. 86]. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia,1987.

Kaniuth K. Long distance imports in the Bronze Age of Southern Central Asia: Recent finds and their implications for chronology and trade // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 42. 2010. S. 3–22.

Kenoyer J.M. Early Developments of Art, Symbol and Technology in the Indus Valley Tradition // Indian Archaeological Studies. Vol. 22. 2001. P. 1–18.

Kenoyer J.M. The Indus Civilization: Seals and interconnections // Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus / Eds. Aruz J., Wallenfels R. New York: Metropolitan Museum of Art, 2003. P. 407–413.

Kenoyer J.M. Culture Change during the Late Harappan Period at Harappa: New Insights on Vedic Aryan Issues // Indo-Aryan Controversy: Evidence and inference in Indian history / Eds. Bryant E.F., Patton L. London/New York: Routledge, 2005. P. 21–49.

Kenoyer J.M. Indus and Mesopotamian trade networks: New insights from shell and carnelian artefacts // Intercultural relations between South and Southwest Asia: studies in commemoration of E.C.L. During Caspers (1934-1996) / Olijdam E., Spoor R.H. [BAR International Series. 1826]. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 19–28.

Kenoyer J.M., Meadow R.H. Inscribed Objects from Harappa Excavations 1986-2007 // Corpus of Indus seals and inscriptions. Vol. 3. New material, untraced objects and collections outside India and Pakistan. Pt. 1, Mohenjo-Daro and Harappa / Eds. Parpola A., Pande B.M., Koskikallio P. [Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia Annales Academiae Scientiarum Fennicae Humaniora. 359; Memoirs of the Archaeological Survey of India. Vol. 96]. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2010. P. xliv–lviii.

Khatri J.S., Acharya M. Kunal excavations: New light on the origin of the Harappan Civilization // In search of Vedic-Harappan Relationship / Ed. Agrawal A. New Delhi: Aryan Books International, 2005. P. 104–117.

Kohl P. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge University Press, 2007.

Kunz G.F. Ivory and the Elephant in the art, in archaeology and in science. New York: Doubleday, Page & Co., 1916.

Lahiri N. Finding Forgotten Cities: How the Indus Civilization was discovered. London/New York: Seagull, 2006.

Lamberg-Karlovsky C.C. Civilization, State or Tribe: Bactria and Margiana in the Bronze Age // The Review of Archaeology. Vol. 24(1). 2003. P. 11–20.

Lamberg-Karlovsky C.C. The Oxus Civilization // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad Autónoma de Madrid. Vol. 39. 2013. P. 21–63.

Laursen S.T. The westward transmission of Indus Valley sealing technology: Origin and development of the 'Gulf Type' seal and other administrative technologies in Early Dilmun, c. 2100-2000 BC // Arabian Archaeology and Epigraphy. Vol. 21. 2010. P. 96–134.

Lawler A. Indus Collapse: The End or the Beginning of an Asian Culture? // Science Magazine. Vol. 320. 2008. P. 1282–1283.

Bactria. An ancient oasis civilisation from the sands of Afghanistan / Eds. Ligabue G., Salvatori S. Venice: Centro Studi Ricerche Ligabue and Erizzo, 1989.

Ludvik G., Kenoyer J.M., Pieniążek M., Aylward W. New perspectives on Stone Bead Technology at Bronze Age Troy // Anatolian Studies Journal. Vol. 65. 2015. P. 1–18.

Ludvik G., Pieniążek M., Kenoyer J.M. Stone Bead-making Technology and Beads from Hattusa: A Preliminary Report // Die Arbeiten in Boğazköy-Hattuša 2013 / Ed. Schachner A. Tübingen/Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2014. P. 147–153.

Mackay E.J.H. Sumerian Connections with Ancient India // Journal of the Royal Asiatic Society. New Series. Vol. 57. 1925. P. 697–701.

Mackay E.J.H. Ivory, Shell, Faience, and other objects of Technical Interest // Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. Being an Official Account of Archaeological Excavations at Mohenjo-Daro Carried out by the Government of India between the Years 1922 and 1927 / Ed. Marshall J.H. London: Arthur Probsthain, 1931. P. 562–588.

Mackay E.J.H. Further Excavations at Mohenjo-Daro. Being an official account of archaeological excavations at Mohenjo-Daro carried out by the Government of India 1927–1931. New Delhi, 1938.

Mackay E.J.H. Chanhu-Daro Excavations 1935-1936. New Haven: American Oriental Society,1943.

Mackenzie C., Finkel I.L. Asian Games: The Art of Contest. New York City: Asia Society, 2004.

Marshall J.H. First Light on a Long-Forgotten Civilization // Illustrated London News (20 September 1924). 1924. P. 528–532.

Marshall J.H. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. Being an Official Account of Archaeological Excavations at Mohenjo-Daro Carried out by the Government of India between the Years 1922 and 1927. London: Arthur Probsthain,1931.

Martelli M. Il fasto delle metropoli dell'Etruria meridionale. Importazioni, imitazioni e arte suntuaria // Etruschi: Le antiche metropoli del Lazio. Electa, Milan / Eds. Torelli M., Moretti A.M. Rome: Ministero per i Beni e le Attività Culturali, Soprintendenza per i Beni Archeologici dell'Etruria Meridionale, 2008. P. 120-139.

Masimov I.S., Salvatori S. Unpublished stamp-seals from the north-western Murghab Delta // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Studies and Reports. Vol. 2 / Eds. Salvatori S., Tosi M. [BAR International Series. 1806]. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 99–109.

Masson V.M. Seals of a Proto-Indian type from Altyndepe // The Bronze Age civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries / Ed. Kohl P. New York: Armonk, 1981. P. 149–162.

Masson V.M., Berezkin I.E. (Eds.) The Chronology of the Late Eneolithic-Middle Bronze Ages in Central Asia: Burials of Altyn-Depe. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2005.

Masson V.M., Sarianidi V.I. Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids. New York: Praeger,1972.

Meadow R.H. Pre- and Proto-historic agricultural and pastoral transformations in northwestern South Asia // The Review of Archaeology. 1998. Vol.19(2). P. 12–21.

Meadow R.H. The chronological and cultural significance of a steatite wig from Harappa // Iranica Antiqua. 2002. Vol. 37. P. 191–202.

Mehendale S. The Begram Carvings: Itinerancy and the Problem of "Indian" Art // Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road / Eds. Aruz J., Valtz Fino E. New York: Metropolitan Museum of Art, 2012. P. 64-77.

Moore K.M. Animal use at Bronze Age Gonur depe // Information Bulletin (Moscow). N19. 1993. P. 164–176.

Moore K.M., Miller N.F., Hiebert F.T, Meadow R.H. Agriculture and herding in the early oasis settlements of the Oxus Civilization // Antiquity. 1994. Vol. 68. P. 418–427.

Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian Materials and Industries: The Archaeological Evidence. Oxford/New York: Clarendon Press,1994.

Morello M. L'Avorio nella Civiltà dell'Indo: Origini dell'uso e dell'ammaestramento di Elephas maximus indicus // 'My Life is like the Summer Rose' Maurizio Tosi e l'Archeologia come modo di vivere. Papers in honour of Maurizio Tosi for his 70th birthday / Eds. Lamberg-Karlovsky C.C., Genito B., Cerasetti B. [BAR International Series 2690]. Oxford: Archaeopress, 2014. P. 531–547.

Naso A. Gli influssi del Vicino Oriente sull'Etruria nell'VIII-VII sec. a. C.: un bilancio // Le origini degli Etruschi: Storia Archeologia Antropologia / Ed. Bellelli V. Rome: L'Erma di Bretschneider, 2012. P. 433-453.

Norman W.N. The Indian Games of Pachisi, Chaupar and Chaucer // Expedition Magazine. Vol. 6.2. 1964. P. 32-35.

Olivier R. Distribution and Status of the Asian elephants // Oryx. Vol. 14. 1978. P. 379–424.

Oppenheim A.L. The seafaring merchants of Ur // Journal of the American Oriental Society. Vol. 74. 1954. P. 6-17.

Pal M.K. Crafts and craftsmen in traditional India. New Delhi: Kanak Publications, 1978.

Peyronel L. A Long-Barrel Carnelian Bead from Ebla. A New Evidence for Long-Distance Contacts between the Indus Valley and the Near East // Studia Eblaitica Studies on the Archaeology, History, and Philology of Ancient Syria / Ed. Matthiae P. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015. P. 217–220.

Pfälzner P. The Elephant Hunters of Bronze Age Syria // Cultures in Contact: From Mesopotamia to the Mediterranean in the Second Millennium B.C. / Eds. Aruz J., Graff S.B., Rakic Y. New York: Metropolitan Museum of Art, 2013. P. 113–131.

Pinnock F. Observations on the Trade of Lapis Lazuli in the IIIrd Millennium B.C. // Wirtschaft und Gesellschaft von Ebla [Heidelberger Studien zum Alten Orient. 2] / Eds. Waetzoldt H., Hauptmann H. Heidelberg: Heidelberger Orientverlag, 1988. P. 107-110.

Piperno M., Salvatori S. The Shahr-i Sokhta Graveyard (Sistan, Iran). Excavation Campaigns 1972-1978 [Reports and memoirs. N 6]. Rome: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2007.

Pittman H. Art of the Bronze Age: Southeastern Iran, Western Central Asia, and the Indus Valley. New York: Metropolitan Museum of Art, 1984.

Possehl G.L. Meluhha // The Indian Ocean in antiquity: 133–208 / Ed. Reade, J. London/New York: The British Museum and Kegan Paul International,1996.

Possehl G.L. Indus Age: The beginnings. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999.

Possehl G.L. The Indus Civilization: A Contemporary Perspective. Walnut Creek: Altamira Press, 2002.

Possehl G.L. An Harappan Outpost on the Amu Darya. Shortugai. Why was it there? // Indologica Taurinensia. Vol. 23-24. 2004. P. 57–70.

Possehl G.L., Shinde V., Ameri M. The Ahar-Banas Complex and the BMAC // Man and Environment. Vol. 29(2). 2004. P. 18–29.

Pottier M.-H. Materiel funeraire de la Bactriane meridionale de l'Age du Bronze. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations,1984.

Potts D.T. A new Bactrian find from southeastern Arabia // Antiquity. Vol. 67. 1993. P. 591–596.

Potts D.T. South and Central Asian elements at Tell Abraq (Emirate of Umm al-Qaiwain, United Arab Emirates), c. 2200 BC-AD 400 // South Asian Archaeology 1993. Vol. 2 / Eds. Parpola A., Koskikallio P. [Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B-271]. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia,1994. P. 615–628.

Potts D.T. Ancient Magan: The Secrets of Tell Abraq. London: Trident Press, 2000.

Rao S.R. Lothal a Harappan Port Town (1955-62). Vol. 2 [Memoirs of the Archaeological Survey of India. 78]. New Delhi: Archaeological Survey of India, 1985.

Rathje A. Oriental Imports in Etruria in the Eighth and Seventh Centuries B.C.: Their Origins and Implications // Italy before the Romans: the Iron Age, Orientalizing, and Etruscan periods / Eds. Ridgway D., Ridgway F.R. Serra. London/New York: Academic Press, 1979. P. 146-183.

Ratnagar S. Trading encounters. From the Euphrates to the Indus in the Bronze Age. New Delhi: Oxford University Press, 2004.

Reith G. The Age of Chance: Gambling in Western Culture. London: Routledge, 1999.

Ridgway D. Greece, Etruria and Rome. Relationships and receptions // Ancient West & East. 2010. Vol. 9. P. 43-61.

Rossi Osmida G. Adji Kui Oasis. La cittadella delle statuette. Vol. 1. Trebaseleghe: Il Punto Edizioni, 2007.

Rossi Osmida G. Adji Kui Oasis. La cittadella delle statuette. Vol. 2. Trebaseleghe: Il Punto Edizioni, 2007.

Salvatori S. Cultural Variability in the Bronze Age Oxus Civilization and its Relations with the Surrounding Regions of Central Asia and Iran // The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands / Eds. Salvatori S., Tosi M. [BAR International Series. 1806]. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 75–98.

Salvatori S. Bactria-Margiana Archaeological Complex: how terminology hides historical processes // Transactions of Margiana archaeological expedition. Vol 6. / Ed. N.A. Dubova. Moscow: Staryj sad, 2016. P. 449-460.

Salvatori S., Tosi M. Shahr-i Sokhta revised sequence // South Asian Archaeology 2001 / Eds. Jarrige C., Lefevre V. Paris: Editions recherche sur les civilisations, 2001. P. 281–292.

Sannibale M. Levantine and Orientalizing Luxury Goods from Etruscan Tomb // Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age / Eds. Aruz J., Graff S.B., Rakic Y. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2014. P. 313-330.

Sarianidi V.I. Excavations at Southern Gonur // Iran. Vol. 31. 1993. P. 25–38.

Sarianidi V.I. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow: Pentagraphic, 1998.

Sarianidi V.I. Margush: Ancient oriental kingdom in the old delta of the Murgab River. Ashgabad: Türkmendöwlethabarlary, 2002a.

Sarianidi V.I. The Fortification and Palace of Northern Gonur // Iran. Vol. 40. 2002b. P. 75–85.

Sarianidi V.I. Gonur-Depe. Turkmenistan. City of kings and gods. Ashgabad: Miras, 2005.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007.

Sarianidi V.I. Marguş. Mystery and Truth of the Great Culture. Ashgabad: Türkmen Döwlet Neşirýat Gullugy, 2008.

Sarianidi V.I. Long before Zaratushtra: Archaeological evidences of Protozoroastrianizm in Bactria and Margiana. Moscow: Staryi sad, 2010.

Schreger B.N.G. Beitrag zur Geschichte der Zähne // Beitrage für die Zergliederungskunst. 1800. Bd. 1. S. 1–7.

Shaffer J. Reurbanization: The eastern Punjab and beyond // Urban Form and Meaning in South Asia: The Shaping of Cities from Prehistoric to Precolonial Times / Eds. Spodek H., Srinivasan D.M. [Studies in the History of Art. 31]. Washington DC: National Gallery of Art, 1993. P. 53–67.

Shah S.G.M., Parpola A. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Vol. 2. Collections in Pakistan [Annales Academiae Scientiarum Fennicæ. Series B 240 and Memories of the Department of Archaeology and Museums. Government of Pakistan. Vol. 5]. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia,1991.

Spycket A. Kamm. B. Archäologisch // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Bd. 5 / Ed. Edzard D.O. Berlin, 1976-1980. S. 332-335.

Stein M.A. Archaeological reconnaissance in north-western India and south-eastern Iran. London: Macmillan,1937

Sukumar R. The Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behavior, and Conservation. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Szilàgyi G. Le fabbriche di ceramica etrusco-corinzia a Tarquinia // Studi Etruschi. 1972. T. 11. S. 19-73.

Thapar B.K. Kalibangan. A Harappan Metropolis Beyond the Indus Valley // Expedition Magazine. 1975. Vol. 17(2). P. 19–32.

ToreIli M. Greek Artisans and Etruria: A Problem Concerning the Relationship of Two Cultures // Archaeological News. 1976. Vol. 5. P. 134-138.

Tosi M. The Cultural Sequence of Shahr-i Sokhta // Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University.1973. Vol. 3. P. 64–80.

Tosi M. The Indus Civilization beyond the Indian subcontinent // Forgotten Cities on the Indus: Early Civilization in Pakistan from the 8th to the 2nd Millennium BC / Eds. Jansen M., Mulloy M., Urban G. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1991. P. 111–128.

Vats M.S. Excavations at Harappa. Being an Account of Archaeological Excavations at Harappa carried out between the Years 1920-1921 and 1933-34. New Delhi: Archaeological Survey of India, 1940.

Vidale M. The Archaeology of Indus craft. Indus craftspeople and why we study them [Reports and Memoirs. Series minor. IV]. Rome: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2000.

Vidale M. La formazione degli stati arcaici nella valle dell'Indo // Annali. 2005a. T. 65. S. 197–255.

Vidale M. The short-horned bull on the Indus seals: A symbol of the families in the Western trade? // South Asian Archaeology 2003 / Eds. Franke-Vogt U., Weisshaar H.-J. Aachen: Linden Soft, 2005b. P. 147–58.

Vidale M., Frenez D. Indus components in the iconography of a white marble cylinder seal from Konar Sandal South (Kerman, Iran) // South Asian Studies. Vol. 31(1). 2015. P. 144–154.

Lapis Lazuli Bead Making at Shahr-i Sokhta. Interpreting Craft Production in an Urban Community of the 3rd Millennium BC [Serie Orientale Roma. Nuova Serie. 6] / Eds. Vidale M., Lazzari A. Rome: Antilia/IsMEO, 2017.

Wheeler R.E.M. The Indus Civilization. Cambridge University Press, 1968.

Winkelmann S. Intercultural relations between Iran, Central Asia and northwestern India in the light of the squatting stone sculptures from Mohenjo-Daro // South Asian Archaeology 1993 (Vol. 1) / Eds. Parpola A., Koskikallio P. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1994. P. 815–831.

Winkelmann S. Seals of the oasis from the Ligabue collection. Venice: Il Punto Edizione, 2004.

Woolley C.L. Ur Excavations. Vol. 2: The Royal Cemetery: A report on the predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931. London/Philadelphia: The Trustees of the Two Museums, 1934.

Антропологические и археоэкологические исследования

В.В. Куфтерин, Н.А. Дубова, Ю.А. Никифоровский, М.Б. Бердымурадова, Ш.А. Емудбаева, О. Сапармамедова

Новая необычная палеопатологическая находка на Гонуре: скелет из погребения 4449[1]

Необычные в палеопатологическом отношении находки из раскопок Гонур-депе – протогородского центра эпохи бронзы Мургабского оазиса в Южном Туркменистане (БМАК, конец III – середина II тыс. до н.э.) (Сарианиди, 2001; 2002; 2005; 2008; Sarianidi, 2007), неоднократно становились предметом специального рассмотрения (Куфтерин, 2008; 2010; 2011; Дубова, Куфтерин, 2014; Куфтерин и др., 2014). Данное case-study сообщение посвящено еще одному палеопатологическому наблюдению и может представлять не только казуистический интерес, но и определенным образом пролить свет на некоторые стороны жизни гонурского общества.

Материал и методы исследования

Обсуждаемый материал получен в результате раскопочных работ весеннего полевого сезона 2015 г. Скелетные останки происходят из подбойного (шахтного) погребения 4449, расположенного в пределах раскопа 12. Погребенный был уложен на правом боку, головой на север. Сохранность скелета в целом оценивается как средняя или плохая. Череп (разрушена большая часть мозговой коробки), так же как и длинные кости, фрагментирован. Применялась реставрация. Пол погребенного уверенно определяется как мужской, возраст – зрелый (maturus), в пределах 35 – 45/50 лет.

На первом этапе исследовательские процедуры включали традиционное морфометрическое изучение доступных скелетных элементов (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966), оценку развития мышечного рельефа длинных костей (Федосова, 1986; Медникова, 1998), общее палеопатологическое обследование (Бужилова, 1995; 1998). В связи с наличием специфических патологических изменений, второй этап исследования подразумевал специальный палеопатологический анализ с применением методов дифференциальной диагностики (Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998; Ortner, 2003; Waldron, 2009). Рентгеновская компьютерная томография образцов из погребения 4449 осуществлялась на базе Научно-клинического центра онкологии г. Ашхабад[2].

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ(ОГН) №16-01-00288а «Палеоантропологическое изучение памятника эпохи бронзы Гонур-депе (Туркменистан)».

2 Авторы выражают искреннюю благодарность О.С. Какабаевой за большую помощь, оказанную в проведении данного исследования.

Морфологическая характеристика

Метрические и описательные характеристики фрагментов черепа из погребения 4449 представлены в табл. 1. Можно отметить, что исследуемый индивид имел широкий лоб, со средними параметрами дуги и хорды, среднеразвитыми надбровными дугами и резко развитой глабеллярной областью. Лицевой скелет низкий, среднеширокий на границе с большими величинами на верхнем уровне, и на границе с малыми – на среднем. Горизонтальная профилировка, особенно на верхнем уровне, резкая. Клыковая ямка средней глубины. Нос низкий, среднеширокий абсолютно и широкий относительно (хамериния). Угол выступания носа к линии профиля очень большой, симотический и дакриальный указатели большие – переносье высокое. Грушевидное отверстие имеет острый нижний край, передняя носовая ость развита средне. Орбиты низкие абсолютно и относительно (хамеконх), средней или большой ширины. Описанный комплекс типологически можно рассмотреть как один из вариантов «средиземноморской расы», и отметить, что краниометрические характеристики исследуемого индивида попадают в пределы вариаций таковых для довольно полиморфной гонурской серии в целом (Бабаков и др., 2001).

В связи со значительной фрагментацией посткраниальных элементов, их морфологические особенности можно охарактеризовать лишь отрывочно (табл. 2). Левая плечевая кость выделяется выраженной эврибрахией (расширенностью диафиза). Лучевые кости уплощены средне. Левая бедренная кость очень короткая (патологически изменена – см. ниже) и массивная. Пилястр справа выражен хорошо, слева – средне. Верхняя часть диафиза правого бедра расширена (эуримерия). Диафиз правой большеберцовой кости также расширен (эурикнемия). Правая малая берцовая характеризуется средней длиной. Длина тела, рассчитанная по патологически измененной левой бедренной – малая. Однако, тот же условный параметр, реконструированный по малоберцовой кости (формула Троттер – Глезер для американцев европейского происхождения в редакции 1958 г.), составил

Таблица 1

Краниометрическая характеристика фрагментов черепа из погребения 4449

Признак	Параметр
9. Наименьшая ширина лба	102
26. Лобная дуга	130
29. Лобная хорда	111
FS. Высота изгиба лба	28,6
43. Верхняя ширина лица	106
46. Средняя ширина лица	95
48. Верхняя высота лица	63
51. Ширина орбиты от mf	43
51a. Ширина орбиты от d	40
52. Высота орбиты	29
54. Ширина носа	25
55. Высота носа	47
SS. Симотическая высота	5,9
SC. Симотическая ширина	8,6
MS. Максиллофронтальная высота	10,4
MC. Максиллофронтальная ширина	20,3
DS. Дакриальная высота	13,9
DC. Дакриальная ширина	23,7
FC. Глубина клыковой ямки	4,5
JS. Высота изгиба скуловой кости	10,5
JC. Ширина скуловой кости	48,8
77. Назомалярный угол	135,8
<Zm'. Зигомаксиллярный угол	128,3
75(1). Угол выступания носа	34
69(3). Толщина тела нижней челюсти	12
70. Высота ветви нижней челюсти	53?
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	27?
GI. Надпереносье	6
AS. Надбровные дуги	2
PM. Сосцевидный отросток	2
AP. Нижний край грушевидного отверстия	anthropina
SN. Передне-носовая ость	3
9:43. Фронто-малярный указатель	96,2
52:51. Орбитный указатель (mf)	67,4
52:51a. Орбитный указатель (d)	72,5
54:55. Носовой указатель	53,2
SS:SC. Симотический указатель	68,6
DS:DC. Дакриальный указатель	58,6

Таблица 2

Остеометрическая и остеоскопическая характеристика фрагментов посткраниального скелета из погребения 4449

Признак	правая	левая
Плечевая кость		
5. Наибольший диаметр середины диафиза	-	20
6. Наименьший диаметр середины диафиза	-	19
7. Наименьшая окружность диафиза	-	61
7а. Окружность середины диафиза	-	64
6:5. Указатель сечения	-	95,0
в. Дельтовидная бугристость	-	2
г. Латеральный край	-	2
Лучевая кость		
4. Поперечный диаметр диафиза	16	15
5. Сагиттальный диаметр диафиза	11	10
3. Наименьшая окружность диафиза	40	39
5:4. Указатель сечения	68,8	66,7
а. Бугристость	2	-
б. Межкостный край	1,5	1,5
Ключица		
1. Наибольшая длина	134	-
6. Окружность середины диафиза	39	37
6:1. Указатель массивности	29,1	-
Бедренная кость		
1. Наибольшая длина	-	391?
2. Длина в естественном положении	-	387?
21. Мыщелковая ширина	79	78
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	31	29
7. Поперечный диаметр середины диафиза	26	27
8. Окружность середины диафиза	93	91
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	30	-
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	28	-
8:2. Указатель массивности	-	23,5?
6:7. Указатель пилястрии	119,2	107,4
10:9. Указатель платимерии	93,3	-
г. Шероховатая линия	2	1,5
Большеберцовая кость		
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	81?
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	31	-
8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	34	34,5
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	21	-
9а. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	24	-
10. Окружность на уровне середины диафиза	83	-

Таблица 2

Остеометрическая и остеоскопическая характеристика фрагментов посткраниального скелета из погребения 4449 *(Окончание)*

Признак	правая	левая
10b. Наименьшая окружность диафиза	80	-
9a:8a. Указатель сечения	70,6	-
а. Бугристость	2	2
б. Передний край	2	-
в. Межкостный край	1,5	-
г. Линия камбаловидной мышцы	1,5	-
Малоберцовая кость		
1. Наибольшая длина	343	-
Крестец		
1. Дуговая длина	104?	
2. Передняя прямая длина	89	
5. Передняя прямая ширина	97?	
Конституциональные особенности		
L. Длина тела (по Троттер – Глезер, 1958, евр.)	156,2?	
2Cl1:F2. Ключично-бедренный указатель	69,3?	
Ширина плеч (по Ражеву)	324,3	
Ширина плеч / Длина тела	20,8?	

164,68 см (средняя величина по рубрикации Р. Мартина). Отношение реконструированной ширины плеч к длине тела позволяет охарактеризовать тип пропорций исследуемого как долихоморфный. Элементы рельефа на всех имеющихся длинных костях выражены умеренно или слабо.

Палеопатологическое обследование

На обсуждаемом скелете зафиксирован целый комплекс патологических изменений и стрессовых маркеров (табл. 3). Обращает на себя внимание плохое состояние зубо-челюстного аппарата – присутствует практически весь спектр стрессовых индикаторов,

Рис. 1. Левая бедренная кость из погребения 4449 (общий вид). Опухолевидная структура в проксимальном метадиафизе (фото В.В. Куфтерина).

Таблица 3

Патологии и маркеры стресса на скелете из погребения 4449

Зубная система	Эмалевая гипоплазия: C_1 (лев.) – линейная, балл 1. Кариес (4/16): M^1 (пр.) – балл 4, M_1 (пр.) – балл 1 (коронка), P^2 (лев.) – балл 2 (шейка), M_2 (лев.) – балл 2 (шейка). Зубной камень (6/16): балл 2. Апикальный абсцесс: M^1 (пр.) – балл 2, M^1 (лев.) – балл 3. Сколы на зубах (1/16): I^1 (лев.) – окклюзионная поверхность. ПРУЗ: I^2 (пр.), M^2 (пр.), P^2 (пр.) – альвеолы облитерированы. Гиподонтия M^3.
Череп	Перелом нижней 1/3 носовых костей.
Позвоночный столб	Компрессионный перелом T12 с клиновидной деформацией тела и окостенением продольных связок на участке T11 – L1. Горизонтальный остеофитоз (балл 2) и дегенеративная платиспондилия L1.
Грудная клетка	Следы заживших переломов на фрагментах 3-х ребер (1 – пр., 2 – лев.).
Верхняя конечность	ДДИ в области акромиальных концов ключиц (балл 2).
Нижняя конечность	ДДИ в области коленных суставов (бедренные и большеберцовые кости – балл 3, надколенники – балл 1,5). Периостальные наслоения в области дистальных метадиафизов большеберцовой (лев., балл 1) и малоберцовых (пр., лев., балл 2) костей. *Опухолевидные структуры в области проксимального метадиафиза бедренной (лев.) и на фрагменте подвздошной (лев.) костей (см. текст, табл. 4 и 5).*

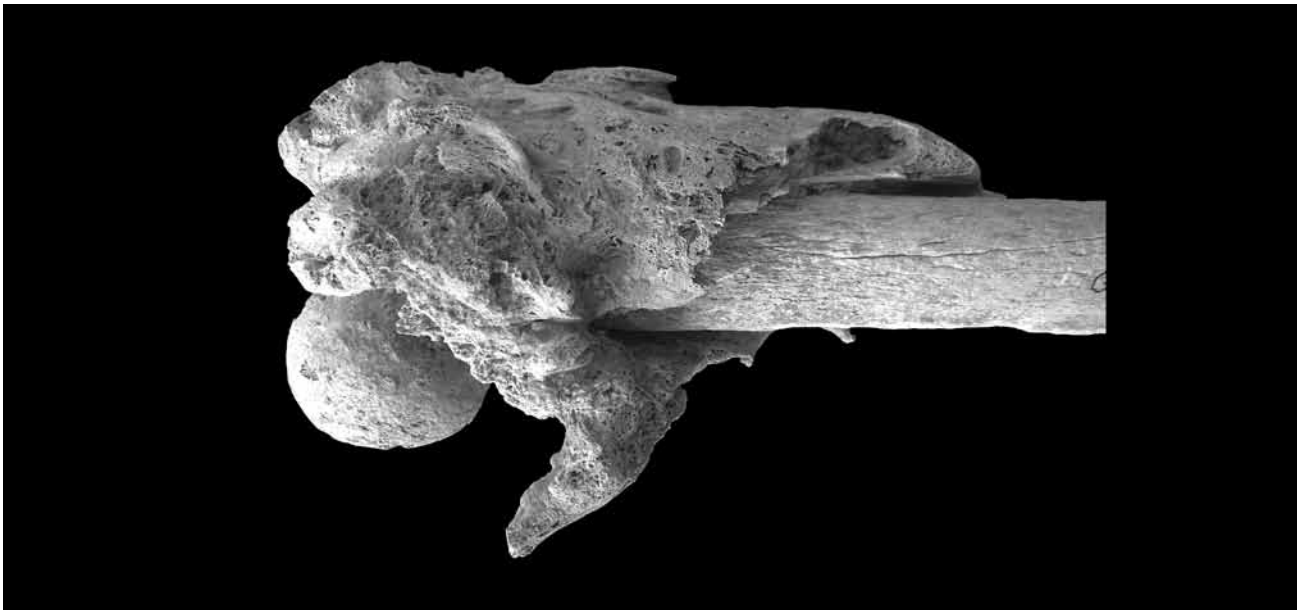


Рис. 2. Проксимальный метадиафиз левой бедренной кости из погребения 4449. Передняя поверхность (фото В.В. Куфтерина).

ассоциированных с патологическими процессами на зубах или челюстях. Отметим в этой связи, что высокий уровень стоматологических заболеваний – одна из наиболее характерных особенностей патологического статуса гонурской популяции (Рыкушина и др., 2003; Куфтерин, 2012). Наблюдается ряд травматических повреждений, некоторые из которых (переломы ребер и носовых костей) могут являться свидетельством интерперсональной агрессии и маркируют определенный характер «бытовых» взаимодействий членов гонурского общества. Наконец из признаков, не являющихся предметом специального рассмотрения, зафиксированы резко выраженные артрозные изменения в области коленных суставов и периоститы костей голени.

Рис. 3. Проксимальный метадиафиз левой бедренной кости из погребения 4449. Латеральная поверхность (фото В.В. Куфтерина).

Особый интерес вызывают патологические изменения, наблюдаемые на левой бедренной кости (рис. 1–4). В проксимальном метадиафизе фиксируется крупная опухолевидная структура размерами приблизительно $164 \times 98 \times 97$ мм, довольно равномерно охватывающая тело кости. Верхний край новообразования расположен в области большого вертела, нижний – на расстоянии около 287 мм от суставной поверхности латерального надмыщелка. Макроскопически образование представлено неоднородной плотной узловатой дольчатой массой, частично покрытой периостом. На задней поверхности фиксируется порядка шести крупных (до 12 мм) резорбционных псевдокист. Продольные параметры кости, при визуальной оценке, не изменены. Аналогичная опухолевидная структура наблюдается на фрагменте левой подвздошной кости (размеры, вследствие неудовлетворительной сохранности не определяются).

На КТ-снимке в прямой проекции (рис. 5 – 6) в проксимальном метадиафизе левого бедра отмечаются массивные костные дольчатые разрастания, больше по заднему кон-

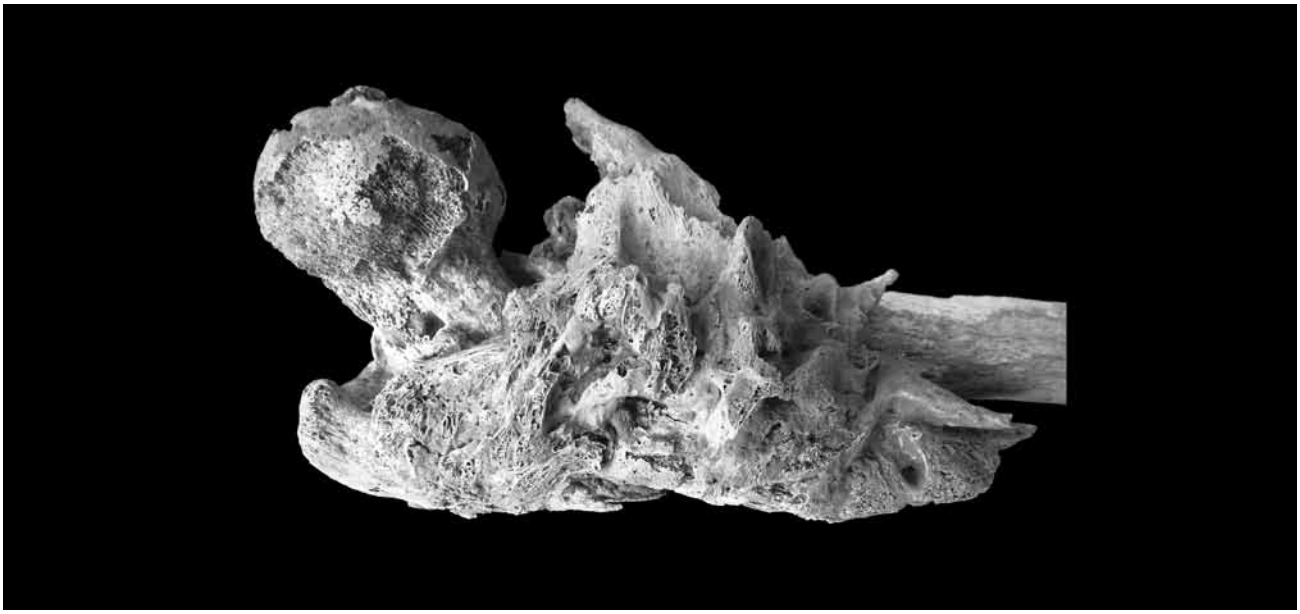


Рис. 4. Проксимальный метадиафиз левой бедренной кости из погребения 4449. Задняя поверхность (фото В.В. Куфтерина).

Рис. 5. КТ-снимок бедренных костей из погребения 4449. Прямая проекция.

туру, «муфтообразно» окружающие кость. Костные массы состоят из отдельных «шароподобных» образований с четкими неровными контурами, местами разделенными отдельными полосками в разных направлениях и мощными костными пластинами.

В пользу злокачественной природы процесса свидетельствуют следующие признаки: неправильная форма и структурный рисунок новообразования, ненормальная степень обызвествления, «изъеденность» и неровность контуров опухоли (Семизоров, Шахов, 2002, с. 88).

Первый этап дифференциальной диагностики включал исключение травматического оссифицирующего миозита, поскольку смешение опухоли (в частности, паростальной остеосаркомы) и миозита – не редкая диагностическая ошибка (Рейнберг, 1955, с. 557). В рассматриваемом случае против посттравматического оссифицирующего миозита свидетельствуют отсутствие тонкой полосы просветления, отделяющей образование по всей его длине от прилежащей кости и неравномерно распределенная рентгеноплотность оссификации (табл. 4) (Бургенер и др., 2011).

С учетом поло-возрастных особенностей индивида, морфологии и локализации патологических изменений, мы предположили три наиболее вероятных палеопатологических «диагноза»: метастазы карциномы простаты, паростальную (юкстакортикальную) остеосаркому и хондросаркому (Siek, 2014). Дифференциально-диагностические пункты сведены в табл. 5. Наименее вероятным «диагнозом» представляются метастазы кар-

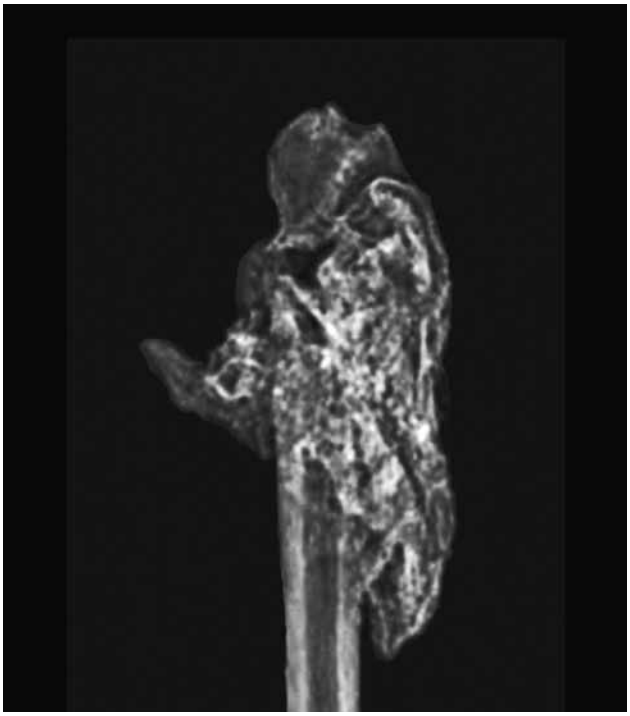


Рис. 6. КТ-снимок бедренных костей из погребения 4449. Прямая проекция. Фокус на область поражения.

Таблица 4

Дифференциальная рентгенодиагностика описываемого палеопатологического случая (Гонур-депе, погребение 4449)*

Критерий	Паростальная остеосаркома	Оссифицирующий миозит	Погр. 4449
Тонкая полоса просветления по всей длине поражения	Нет	Да	Нет
Равномерная рентгеноплотность оссификации	Нет	Да	Нет
Четкое отграничение периферических участков оссифицированного поражения	Нет	Да	Да

* Диагностические критерии приводятся по Ф. Бургенеру и др. (2011, с. 154-155).

Таблица 5

Дифференциальная диагностика описываемого палеопатологического случая (Гонур-депе, погребение 4449)*

Критерий	Метастазы карциномы простаты	Остеосаркома	Хондросаркома	Погр. 4449
Возраст	Увеличение риска в возрасте старше 40-50 лет	10-30 лет	30-60 лет	35-50 лет
Пол	Муж.	Муж.	Муж.	Муж.
Обычная локализация	Таз, крестец, поясничные и грудные позвонки	Проксимальная часть бедра, метафиз	Таз, длинные кости	Таз, проксимальный метадиафиз бедра
Тип поражения	Остеобластический	Склеротический	Склеротический	Смешанный, преимущественно склеротический
Периостальные реакции	Широко распространены по всему скелету	Отсутствуют	Отсутствуют	Большая и малые берцовые кости, дистальный метадиафиз

* Диагностические критерии приводятся по T. Siek (2014, p. 159).

циномы, поскольку на скелете отсутствуют широко распространенные периостальные реакции и наблюдается, в общем-то, атипичная локализация дефекта. Дифференцировать остеосаркому и хондросаркому более затруднительно. Последнее существенно не только в свете общей сложности постановки конкретных диагнозов на палеоматериале, в частности, когда речь идет о новообразованиях (Brothwell, 1967; Ortner, 2003), но и в силу большого разнообразия рентгенологических и макроморфологических особенностей остеогенных сарком (Рейнберг, 1955, с. 553). Однако, учитывая возраст исследуемого, хондросаркома представляется несколько более вероятным диагнозом, поскольку на поздних этапах онтогенеза остеосаркома чаще является вторичной на фоне болезни Пэджета (деформирующего остоза) (Синельников, 2007, с. 208; Осипенкова-Вичтомова, 2017). Признаки, характерные для болезни Пэджета, на изучаемом скелете отсутствуют.

Подводя итоги, отметим, что для Гонур-депе представленный вероятный случай злокачественного новообразования является, по крайней мере, вторым из описанных (Куфтерин, 2011). С одной стороны, это расширяет и дополняет суждения об особенностях патологического статуса данной палеопопуляции, с другой – предоставляет материал к расширению сводок по географии и хронологии злокачественных новообразований в древности (Capasso, 2005; Strouhal, Němečková, 2009). Уверенно дифференцировать два новообразования – паростальную остеосаркому и хондросаркому на материале из погребения 4449, затруднительно.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-депе // Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. С. 105-132.

Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 87-146.

Бургенер Ф.А., Кормано М., Пудас Т. Лучевая диагностика заболеваний костей и суставов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 552 с.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Скелет карлика из раскопок царского погребения 3230 на Гонур-депе // ТрМАЭ. Т.4. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 166-171.

Куфтерин В.В. Проблема диагностики врожденных аномалий скелета на палеоантропологическом материале (на примере костных останков из погребения 3518 на Гонур-депе) // ТрМАЭ. Т.2. М.: Старый сад, 2008. С. 132-137.

Куфтерин В.В. Материалы к палеопатологии Гонур-депе (Туркменистан) // Человек: его биологическая и социальная история. Т. 2. М. – Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. С. 97-102.

Куфтерин В.В. Вероятный случай множественной миеломы на антропологическом материале первой половины II тыс. до н.э. (Гонур-депе, Туркменистан): диагностика и возможности интерпретации // Актуальные вопросы антропологии. 2011. Вып. 6. Минск: Беларуская навука. С. 485-494.

Куфтерин В.В. Антропоэкология и особенности биосоциальной адаптации древнего населения юга Средней Азии: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Тольятти, 2012. 18 с.

Куфтерин В.В., Никифоровский Ю.А., Дубова Н.А. Рентгенологическое исследование скелетных останков из погребения 3518 на Гонур-депе // ТрМАЭ. Т.5. Исследования Гонур-депе в 2011-2013 гг. М.: Старый сад, 2014. С. 172-176.

Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. С. 151-165.

Осипенкова-Вичтомова Т.К. Судебно-медицинская экспертиза костей. М.: Изд-во БИНОМ, 2017. 272 с.

Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Ч. I. М.: Медгиз, 1955. 640 с.

Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе) // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 130-140.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Türkmendöwlethabarlary, 2002. 360 с.

Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад: Мирас, 2005. 328 с.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2008. 344 с.

Семизоров А.Н., Шахов Б.Е. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Н. Новгород: Изд-во НГМА, 2002. 207 с.

Синельников А.Я. Атлас макроскопической патологии человека. М.: РИА «Новая волна», 2007. 320 с.

Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // ВА. Вып. 76. 1986.

Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 478 p.

Brothwell D. The evidence of neoplasms // Brothwell D., Sandison T. (Eds.). Diseases in antiquity. Springfield: CC Thomas, 1967. P. 320-345.

Capasso L. Antiquity of cancer // International Journal of Cancer. 2005. Vol. 113. P. 2-13.

Ortner D.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. San Diego: Academic Press, 2003. 647 p.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2007. 340 p.

Siek T. A study in paleo-oncology: on the identification of neoplastic disease in archaeological bone. MA thesis. Waterloo: University of Waterloo, 2014. 179 p.

Strouhal E., Němečková A. History and palaeopathology of malignant tumours // Anthropologie. 2009. Vol. XLVII. No. 3. P. 289-294.

Waldron T. Palaeopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 279 p.

Н.Н. Гончарова, Н.А. Дубова,
А.В. Базаева, И.М. Синева

Анализ возможностей определения возраста по нативным костям кисти в палеоантропологических исследованиях[1]

Введение

Одно из фундаментальных понятий в естественных науках – время. С функцией времени связаны все изменения в любой исследуемой системе. Антропология, изучая морфологические изменения человеческого тела в пространственном и временном аспекте, рассматривает время как в эволюционном, эпохальном плане, так и в смысле индивидуального биологического времени каждого организма. Этот последний подход представляет особый интерес для палеоантропологов и специалистов смежных наук, так как речь идет об установлении индивидуальных возрастных качеств исследуемого объекта (индивида) – определении его биологического возраста. Необходимо подчеркнуть, что речь идет об определении биологического, а не календарного возраста, т. е. об оценке биологического состояния индивида, а не о количестве в действительности прожитых им лет. Если хронологический возраст отображает количество прожитых лет в единицу астрономического времени, то биологический возраст по сути дела представляет собой соответствие индивида определенному групповому стандарту однотипных возрастных характеристик, приобретенных в процессе онтогенеза. Корреляция между хронологическим и биологическим возрастом довольно велика, но зачастую нелинейна и носит характер лишь статистической зависимости, так как возраст находится в тесной связи с морфофункциональным статусом конкретного организма и условиями среды, в которых он находился. Следует учитывать всегда также возможность ускорения или замедления процессов возрастных изменений (роста и старения) как на индивидуальном уровне, так и в масштабе группы (популяции).

Необходимо упомянуть и о методологических проблемах определения возраста в палеоантропологических исследованиях, так как существуют разные подходы в описании индивидуального возраста. Так, ряд исследователей предпочитает определение возраста в терминах хронобиологического статуса – adultus, maturus, senilis. Более распространенным в настоящее время является определение возраста индивида в абсолютных значениях с использованием пяти- и десятилетних интервалов. Еще одной из проблем установления биологического возраста, вытекающей из самой из самой сути старения, является асинхронность проявления возрастных маркеров. Одни функции и системы организма стареют быстрее, другие – медленнее. В палеоантропологии и судебно-медицинской экспертизе особо важную роль играет определение возраста индивида по костным останкам, так как кости могут сохраняться довольно длительное время, костная система имеет тесную связь с физиологическими процессами, происходящими в организме, кроме того, накопление признаков имеет необратимый характер.

Существует довольно много методик для определения биологического возраста по костной системе. Очевидно, что критерии старения, используемые при практическом определении возраста, должны удовлетворять некоторым требованиям. Так, по мнению О.М. Павловского и В.А. Бацевича критерии качества возрастного маркера определяются следующими положениями:

1 Работа выполнялась по проекту РФФИ № 13-06-00233 «Биологическая и социальная адаптация древнего и средневекового населения южных районов Средней Азии к среде обитания».

1. Показатель биологического возраста должен значительно изменяться в промежутке времени от начала полового созревания до глубокой старости и иметь связь используемого показателя с механизмами развития на определенных стадиях онтогенеза.
2. Возрастной маркер должен быть высоко коррелирован с паспортным возрастом, т.е. он должен согласовываться с проявлениями типичной возрастной костной патологии.
3. При использовании нескольких критериев возрастных изменений между ними должна быть известная связь.
4. Возрастной критерий должен быть связан с комплексом экзогенных и/или эндогенных факторов.
5. Должна иметь место низкая чувствительность выбранного показателя к болезням (иными словами, болезни не должны имитировать изменение показателя биологического возраста).
6. Основные критерии возрастного мониторинга должны быть измеряемы и воспроизводимы и универсальны для большего отрезка онтогенеза.
7. Таксономическая ценность применяемого показателя прямо пропорциональна тому возрастному диапазону, в котором он уверенно может быть измерен.
8. Возрастные изменения, маркируемые базовым критерием, должны носить прогрессирующий характер. Следует отдавать предпочтение признаку, возрастная динамика которого описывается простой функцией.

Критерий, удовлетворяющий данным условиям, принято называть показателем биологического возраста (Бацевич, Павловский, 2009).

Все эти характеристики применимы к анализу возрастных маркеров на костях кисти. К настоящему моменту информация о возрастных перестройках кисти накоплена довольно большая. Этот отдел скелета изучен хорошо и с точки зрения анатомии, и с точки зрения возрастных перестроек. Основа изучения возрастных маркеров костей кисти была заложена трудами Д.Г. Рохлина, с именем которого связано формирование рентгенологии как особого направления науки. Он впервые описал некоторые признаки старения скелета кисти (сужения суставной щели, остеофиты) и показал, что появление узлов Эбердена и Бушара, которые до этого рассматривались как заболевания, связано с возрастными изменениями. Отечественные исследования на эту тему стали многочисленными с конца 1930-х годов после выхода в свет монографии Д.Г. Рохлина (Рохлин, 1936). Следует отметить, что вообще краевые костные разрастания, называемые остеофитами и экзостозами, являются важными показателями возрастных изменений на разных участках костной системы, что отмечается многими авторами. Б.А. Никитюк (1972) считает эти явления приспособительными новообразованиями, которые компенсируют снижение прочности кости при остеопорозе. Образующиеся костные разрастания имеют достаточно явную возрастную динамику и достаточно демонстративны. Многие авторы предложили использовать остеофиты и экзостозы как показатели возраста (Никитюк, 1967; Неклюдов, 1969; Джамолов, 1976). Однако необходимо подчеркнуть, что при описании возрастной динамики экзостозов исследователи пользуются описательной характеристикой, указывая лишь наличие или отсутствие признака. По этой же бинарной системе происходит оценка возрастных маркеров на костях кисти в методике О.М. Павловского (1987). Количество возрастных маркеров здесь расширено и включает три группы возрастных изменений:

1. Остеофиты. К ним относятся *апиостозы* (разрастания головок дистальных фаланг), *узлы* в основаниях или на головках фаланг (в том числе так называемые узлы Рохлина, Эбердена и Бушара), *экзостозы* (разрастания на боковых поверхностях фаланг в местах прикрепления сухожилий).
2. Остеопороз. Сюда отнесен особственно *остеопороз* (частичная резорбция костных балок и истончение компактного слоя кости) и очаги локальной атрофии костного вещества - *лакуны*.
3. Склероз, включающий эностозы (очаги уплотнения внутренних структур кости) и склеротические ядра (местные внутренние конгломерации).

Подчеркнем, что и в этом случае описание возрастных изменений не учитывает степень выраженности возрастного маркера. Подобный подход не позволяет провести индивидуальную экспертизу возраста, так как одинаковые баллы возрастных изменений можно наблюдать у лиц, относящихся к разным возрастным когортам.

Материалы и методы

В нашей работе биологический возраст определялся по костям кисти с помощью детализированной балловой оценки возрастных маркеров, которая получила распространение в практике судебно-медицинской экспертизы в последнее десятилетие (Гончарова и др., 2004, Пиголкин и др., 2010). Она основана на фиксации не только наличия или отсутствия признака, но также и степени его развития.

В этой методике для оценки количественной степени разрастания бугристой поверхности дистальных фаланг (апиостозов) разработана пятибалльная шкала (табл. 1):

Проведенный авторами методики анализ статистически значимой выборки (более 500 индивидов) показал, что первые возрастные изменения костей кисти можно наблюдать у лиц 20-24-летнего возраста. То есть

Таблица 1

Различные баллы развития апиостозов, определяемые по рентгенограммам костей кисти (Черепов и др., 2003).

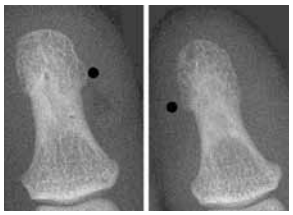
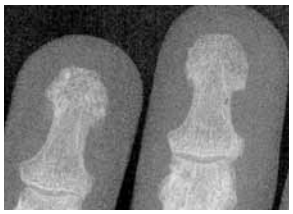
Рентгенограмма фаланг	Балл	Описание
	0	Отсутствие признака
	1	Слабая выраженность признака с одной стороны фаланги; край кости разрыхлён;
	2	Признак выражен с обеих сторон фаланги, головка фаланги приобретает форму круга со слегка рваными краями;
	3	Признак выражен сильно с обеих сторон фаланги, которая приобретает грибообразную форму;
	4	Признак выражен сильно, края разрастаний загибаются, головка фаланги имеет серпообразную форму.

Таблица 2

Различные баллы развития экзостозов (Черепов и др., 2003).

Изображения фаланги на рентгенограмме				
Баллы	0	1	2	3
Описание	Отсутствие признака	Начальная стадия «разволокне-ния» кости; на рентгенограмме края кости становятся размытыми, иногда появляется небольшое утолщение;	«Разволокнение» кости приводит к образованию на поверхности кости темного бугорка с размытыми границами, протяженность которого вдоль кости не превышает 1.5-2 мм;	Продолжение и развитие стадии № 2: протяженность темной части бугорка превышает 2 мм

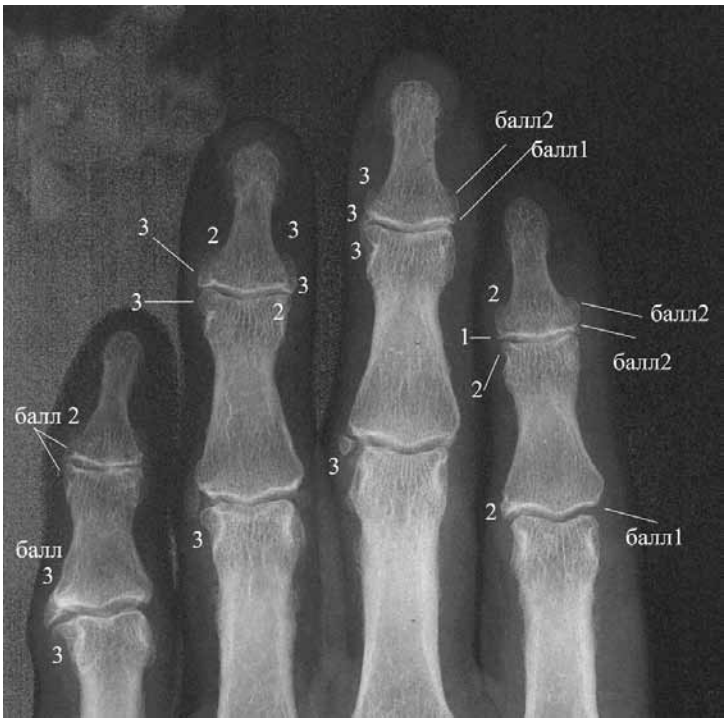
признаки старения костей кисти начинают выявляться примерно через 4-6 лет после окончания ее окостенения, а это значит, что интервал стабильного состояния костей кисти очень мал. Первыми появляются апиостозы, которые образуются сначала в виде небольшого разрастания по одной из сторон бугристой поверхности дистальной фаланги (1 балл) у мужчин к 24 годам, а у женщин уже к 21 году. В то же время авторы подчеркивают, что нулевые значения этого признака, то есть полное отсутствие апиостозов, у мужчин встречаются до 44 лет, а у женщин до 55 лет.

Апиостозы выступают основными признаками возрастной перестройки кисти в ранних возрастных интервалах. Одновременно появляются и костные разрастания на проксимальных фалангах, но это более характерно для мужчин. Затем, в интервале от 30 до 45 лет у обоих полов происходит довольно быстрое накопление баллов возрастной перестройки кисти, причем существует половой диморфизм в структурных характеристиках возрастных маркеров: для мужчин ведущим признаком является сужение суставной щели, для женщин – появление узлов на проксимальных и дистальных фалангах. В это же время на рентгенограммах кисти можно зафиксировать и появление признаков остеопороза на дистальных фалангах. После 50 лет происходит дальнейшее накопление возрастных изменений, вследствие чего суммарный балл приобретает практически максимальные значения, у женщин этот возрастной период характеризуется скачкообразным увеличением балла разрастания узлов. На основании проведенного исследования авторы предлагают односторонние оценки возраста индивида с учетом баллов на дистальных, средних и проксимальных фалангах, а также с учетом суммарного балла по всей кисти (Гончарова и др., 2004). Эта методика и легла в основу нашей работы.

Отметим, что, несмотря на хорошую изученность костей кисти, до сих пор нет методики определения возраста по нативным костям кисти. Большинство исследований этого объекта проводилось в основном на рентгенограммах, что позволяет проследить не только макро-, но и микроструктуру кости, отметив и процессы остеопороза, и возрастное уменьшение суставных щелей. Нативные кости исследовались гораздо реже. Одно из немногих

Таблица 3

Различная степень выраженности костных разрастаний на основаниях и головках фаланг (узлы), определяемая на рентгенограммах костей кисти (Черепов и др.2003).

Рентгенограмма фаланг	Балл	Описание
	0	Отсутствие признака
	1	Остеофит виден как небольшая темная точка на основании или на головке кости, размер его около 1 мм;
	2	Остеофит виден как небольшая темная пирамидка на основании или на головке кости, размер его свыше 1 мм;
	3	Остеофит виден как выраженная пирамидка на основании или на головке кости, размер его свыше 2 мм, иногда имеет стреловидную форму. Иногда остеофит отделяется от кости и располагается рядом с нею.

исследований принадлежит Ю.А. Неклюдову, который оценивал возраст на основании величины контура дистальных фаланг (Неклюдов, 1969). Но универсальной методики оценки возрастных изменений всех фаланг кисти по нативным костям данный момент не существует.

Целью нашей работы является сопоставление степени развития возрастных маркеров на рентгенографическом изображении кисти и визуально наблюдаемых морфологических структур костей кисти, а также возможности определения биологического возраста по фрагментированной кисти, что очень часто встречается в практике палеоантропологических исследований.

Для выполнения работы нами была изучена коллекция костей кисти кафедры антропологии МГУ, относящихся к разным возрастным периодам онтогенеза.

Работа выполнена на оборудовании, полученном по «Программе развития МГУ име-

ни М.В. Ломоносова до 2020 г.», находящимся в НИИ и Музее антропологии МГУ.

Рентгеновские изображения кисти в масштабе 1:1 получены на передвижной рентгенодиагностической установке ПРДУ-02. Технические характеристики установки: Аппарат серии РАП: напряжение, 10–200 кВ; ток, 50–200 мкА; потребляемая мощность, 200 Вт; фокусное пятно, не более 0,1 мм; размер рентгеночувствительной области, 240–300 мм; разрешающая способность, пар линий на 8–10 мм; время получения изображения, 60–120 сек.

Мощность дозы рентгеновского излучения в на поверхности камеры, не более 0,1 мкЗв/час. Изображения были получены при задержке в 1 сек при напряжении 40 кВ и силе тока 100 мкА.

Суммарно исследовано 60 индивидов. Паспортный возраст для данных индивидов неизвестен, однако перед нами стояла задача сопоставить рентгенографические способы определения степени развития возрастных маркеров и визуально наблюдаемые морфологические структуры кости.

Обработка материала была проведена с использованием компьютерной программы Statistica 6.0. Применялись параметрические критерии (t-критерий Стьюдента), непараметрические критерии (критерий Уилкоксона), расчет ранговых корреляций по Спирмену и расчет показателей связи для балловых признаков (τ-мера Кендалла, γ-мера). Goodman and Kruskal (1954, 1959, 1963, 1972).

Результаты и обсуждение

Для каждого индивида был рассчитан суммарный балл возрастных изменений, причем в отличие от использованной методики, оценивались только те возрастные изменения, которые можно наблюдать на нативной кости. В связи с этим из рассмотрения были исключены признаки остеопороза и возрастное сужение суставных щелей, которое можно зафиксировать только на рентгенограмме кисти живого индивида.

В использованной нами методике максимальная сумма баллов для костных разрастаний не превышает 110 (Гончарова и др., 2004, Пиголкин и др., 2010). Так как суммарный балл возрастных изменений кисти, определенный по рентгенограммам для наших данных не превысил 50, можно сделать заключение, что использованная в работе выборка костяков характеризуется относительно молодым возрастом. Действительно, определение возраста по независимым системам признаков (стернальные концы ребер, поверхность лобкового симфиза[2]) показал, что большинство индивидов (80%) относятся к возрасту 25-45 лет. Остальные 20% представляют старшую возрастную когорту от 45 до 60 лет.

Один из нерешенных в предыдущих методиках вопросов – сопоставление суммарного балла возрастных маркеров на правой и левой кисти. Дело в том, что традиционно для подсчета возрастных маркеров использовалась левая кисть, менее задействованная в трудовой деятельности. Предполагалось, что именно в этом случае наблюдаемые изменения будут характеризовать собственно возраст. Проведенное нами сравнение суммарного балла изменений на правых и левых кистях показал, что появление первых возрастных перестроек костей правой кисти происходит немного позже, чем на левой, то есть начало возрастных изменений сдвинуто на более поздние стадии онтогенеза. При этом средняя величина суммарного балла на правой кисти несколько меньше, чем на левой, хотя различия недостоверны. Этот факт позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, можно предположить, что умеренные физические нагрузки тормозят процессы старения, как это было показано в некоторых исследованиях (Привес и др., 1966). Во-вторых, недостоверность различий суммарных баллов справа и слева позволяет использовать одинаковые оценочные стандарты для определения возраста по костям правой и левой кисти. Уровень связи между баллами по правой и левой кисти характеризуется относительно высокими значениями: пирсоновский коэффициент корреляции равен 0,72, показатель ранговой корреляции по

2 Авторы выражают благодарность аспиранту кафедры антропологии биологического факультета МГУ Д.В. Веселковой за консультации и помощь в освоении методик

Спирмену 0,68. Безусловно, разная скорость накопления возрастных изменений для разных рук требует учета при определении возраста в области судебно-медицинской экспертизы, однако в области палеоантропологии точность определения возраста не превышает пяти- а иногда и десятилетнего интервала, поэтому различия в скорости старения правой и левой руки менее значимы. Именно это дает право использовать одинаковые оценки возраста индивида по суммарному баллу возрастных изменений как для левой, так и для правой кисти.

Разработка методики определения возраста по нативной кости

Ниже представлены изображения морфологических структур, описывающих разную степень проявления возрастных маркеров. Для составления методики были сделаны фотографии тех же костей кисти, по рентгенограммам которых были определены возрастные маркеры. Эти рисунки могут быть использованы в практической экспертизе для диагностики возраста по костям кисти.

В таблице 5 представлены фотографии только дистальных фаланг, так как на них узлы выражены более отчетливо, однако подобные разрастания встречаются также и на других фалангах, хотя редко достигают такого же большого развития, как на дистальных фалангах.

Отметим, что в ряде случаев экзостозы на проксимальных фалангах могут загибаться на ладонную сторону, поэтому с тыльной стороны могут быть не заметны. Особенно это характерно для баллов 1 и 2.

Особо следует рассмотреть вопрос о возрастных маркерах на средних фалангах. Как было показано (Пиголкин и др., 2010), этот слой фаланг имеет меньше всего возрастных маркеров, то есть «стареет» медленнее, чем остальные фаланги. Поэтому определение возраста по этим фалангам представляет большую трудность и в случае использования рентгенограмм. Рассмотрим возможности фиксации возрастных признаков на костях средних фаланг. При рассмотрении нативных костей дистальных и проксимальных фаланг и сравнении с рентгенограммами, было обнаружено, что в основном балл по рентгенограмме совпадал с видимым результатом на кости. При сравнении рентгенограмм и нативных костей средних фаланг

Таблица 4

Балловые характеристики разрастания ногтевой бугристости ногтевой фаланги

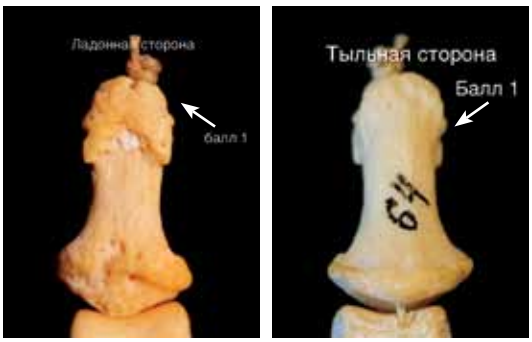
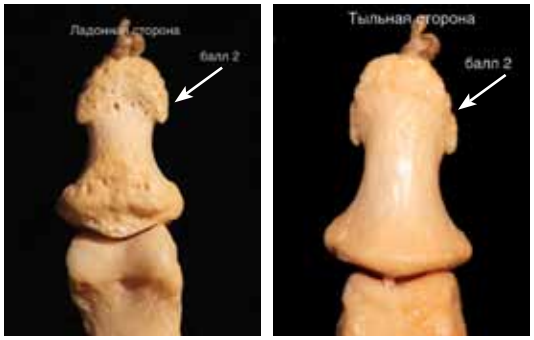
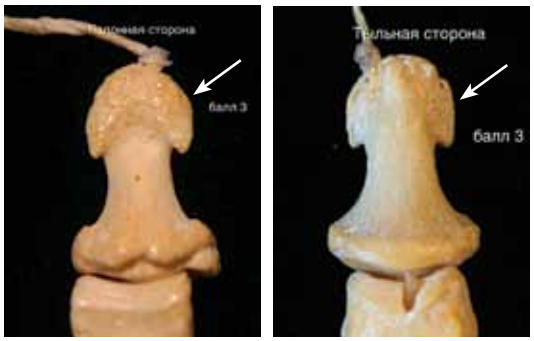
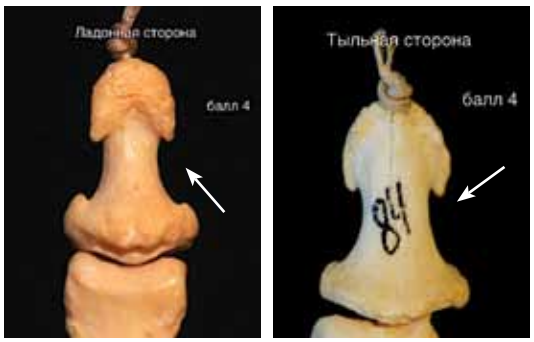
Фотография	Балл
	Балл 0 Никакие возрастные проявления на фаланге не обнаруживаются. Очертания дистальной фаланги ровные, края гладкие.
	**Балл 1** На фаланге проявляются первые признаки возрастных изменений. Очертания дистального края фаланги начинают разрыхляться. Разрастание ногтевой фаланги незначительное, появляются небольшие выступы, которые можно прощупать.

Таблица 4

Балловые характеристики разрастания ногтевой бугристости ногтевой фаланги *(Окончание)*

	**Балл 2** Разрыхление дистального края по сравнению с баллом 1 проявляется более отчетливо. Очертания разрастания ногтевой фаланги становятся похожими на шляпку гриба. Края «шляпки» почти горизонтальны относительно основания кости при взгляде с тыльной стороны кости. С ладонной стороны кости разрастания видны лучше, они принимают форму месяца.
	**Балл 3** Края ногтевой бугристости приобретают стреловидную форму, костные разрастания загибаются. На ладонной стороне кости ногтевая бугристость отчетливо выступает над поверхностью диафиза кости.
	**Балл 4** Наивысший балл ногтевого разрастания. Края разрастания сильно загибаются. Просвет между телом фаланги и разрастанием становится незначительным. Форма дистальной части фаланги напоминает стрелу с закругленным острием

такой связи было не обнаружено. На рентгенограммах не было зафиксировано никаких возрастных изменений, или же балл был очень мал. А на самой кости, с ладонной стороны, видны довольно сильные разрастания (табл. 7). Также, на многих средних фалангах, относившихся к молодым индивидам (в соответствии с определением возраста по костям кисти), фиксировались утолщенные края кости.

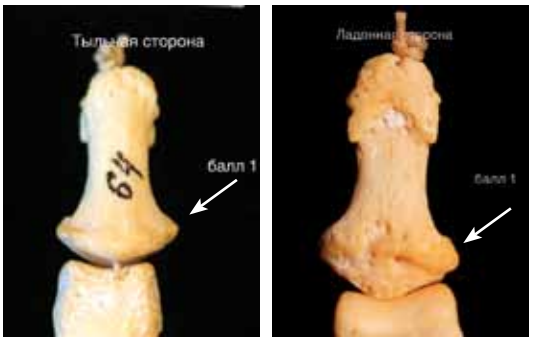
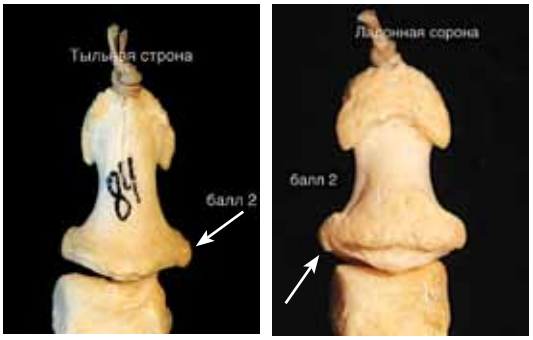
Таблица 5

Балловые характеристики костных разрастаний на суставных поверхностях фаланг (узлов)

Фотография	Описание
	Балл 0 Отсутствие каких либо нарастаний на проксимальном крае фаланги.

Таблица 5

Балловые характеристики костных разрастаний на суставных поверхностях фаланг (узлов) *(Окончание)*

Фотография	Описание
	**Балл 1** На краях проксимальной части фаланги появляются намеки на бугристые нарастания. Визуально это определить довольно сложно, но на ощупь можно почувствовать некие бугорки.
	**Балл 2** Нарастание по сравнению с первой стадией видно довольно отчетливо. Проксимальный край фаланги расширяется. На проксимальных фалангах это явление выражено отчетливо, так как проксимальный край фаланги становится шире дистального.
	Балл 3 Узлы на проксимальном крае максимально развиты. Край разрастания загибается вверх. (В некоторых случаях край может загибаться и вниз). Эти остеофиты становятся стреловидными, обособляются от кости, их можно не только увидеть, но и измерить.

Очевидно, мы наблюдаем нормальную анатомическую изменчивость, так как боковые поверхности диафизов средних и проксимальных фаланг служат для прикрепления большого количества сухожилий мышц-сгибателей пальцев. Можно сделать вывод, что структурные морфологические изменения средних фаланг мало связаны с возрастной изменчивостью. Особенно хорошо иллюстрируют это утверждение нижние рисунки табл. 7. Можно видеть на рентгеновском изображении разрыхление левого края кости, то есть фиксируется начало возрастных изменений. Однако на самой кости эти изменения практически не выражены и могут оказаться незамеченными. При работе с некомплектной кистью, а в особенности, если отсутствуют дистальные и проксимальные фаланги, эксперт не сможет сделать какой-либо вывод о возрасте индивида.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об определении возраста по фрагментированной кисти. Для выяснения вопроса о «взаимозаменяемости» фаланг при экспертизе кисти мы провели расчет показателей связи для балловых признаков (так называемая γ-мера). Результаты представлены в табл. 8. Как и следовало ожидать, одноименные изменения затрагивают все пальцы кисти, так, если апиостозы (разрастания ног-

Таблица 6

Балловые характеристики разрастания костных разрастаний на боковых поверхностях проксимальных фаланг (экзостозов)

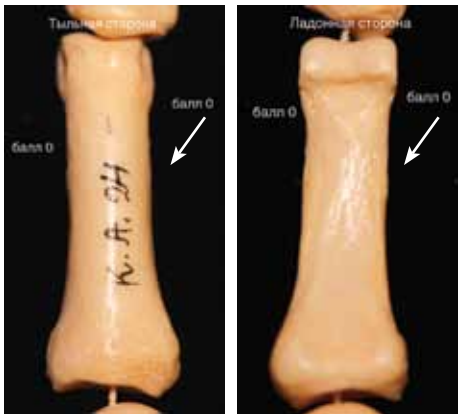
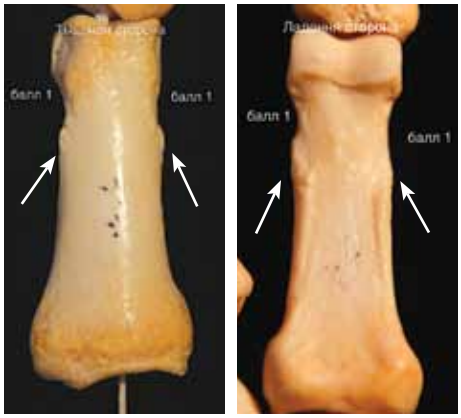
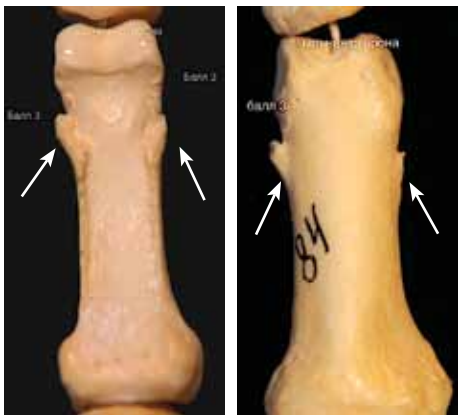
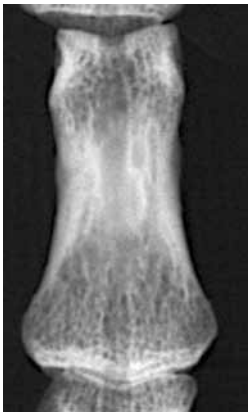
Фотография	Описание
	**Балл 0** Отсутствие каких либо нарастаний по краям тела фаланги. Край тела ровный и гладкий. Закраевые углубления отстутствуют.
	**Балл 1** Края тела проксимальной фаланги становятся неровными. Появляются нарастания. С тыльной стороны можно заметить появление выступов, напоминающих бортики (закраевые углубления).
	Балл 2 Нарастания по краям тела фаланги более выражены. Очаг разрастания увеличивается в длину и ширину. На ладонной стороне отчетливо видны закраевые углубления на фаланге кости.
	**Балл 3** Разрастания похожи на острые «стреловидные» выступы. С ладонной стороны видно, что края «бортиков» сильно выступают и загибаются вовнутрь.

Таблица 7

Сравнительные изображения средних фаланг

Рентген	Тыльная сторона	Ладонная сторона
		

тевой бугристости дистальных фаланг) встречены на одной из фаланг, то такого же масштаба разрастания с высокой вероятностью находятся на других фалангах этой же кисти. Внимательный анализ табл. 8 позволяет увидеть, что более высокими корреляциями по всем признакам связаны отдельно второй и третий палец, с одной стороны, и четвертый и пятый палец, с другой. Об этом писали авторы использованной нами методики, отмечая, что на левой кисти раньше начинают «стареть» как раз четвертый и пятый лучи, что авторы связывают с относительно их малой функциональной нагрузкой (Пиголкин и др., 2010). Второй и третий лучи накапливают возрастные изменения синхронно и немного позже, чем четвертый и пятый. Эти процессы и нашли отражение в уровне связей между отдельными фалангами. В целом можно заключить, что процессы возрастной трансформации затрагивают всю кисть, что позволяет ориентировочно говорить о возрасте ископаемых останков даже в случае сильно фрагментированной кисти, когда невозможен расчет суммарного балла по всем фалангам.

Можно рекомендовать в случае фрагментированной кисти проводить определение возраста в категориях биологического статуса (adultus, maturus, senilis) или с точностью до 10 лет. Тем не менее, высокие показатели связи между возрастными изменениями одного «слоя» фаланг позволяют утверждать, что при обнаружении в процессе раскопок одной–двух фаланг с определенным уровнем возрастных маркеров исследователь вправе экстраполировать наблюдаемый уровень развития костных экзостозов и на другие фаланги этого слоя.

Таблица 8

Показатели связи между баллами одноименных возрастных изменений на разных пальцах (рассчитано только для левой кисти)

	2-й палец	3-й палец	4-й палец	5-й палец
Разрастания ногтевой бугристости дистальных фаланг				
2-й палец	1.00			
3-й палец	0.86	1.00		
4-й палец	0.81	0.85	1.00	
5-й палец	0.77	0.78	0.84	1.00
Узлы на дистальных фалангах				
2-й палец	1.00			
3-й палец	0.81	1.00		
4-й палец	0.75	0.80	1.00	
5-й палец	0.76	0.77	0.78	1.00
Узлы на медиальных фалангах				
2-й палец	1.00			
3-й палец	0.84	1.00		
4-й палец	0.82	0.85	1.00	
5-й палец	0.76	0.80	0.85	1.00
Узлы на проксимальных фалангах				
2-й палец	1.00			
3-й палец	0.78	1.00		
4-й палец	0.78	0.82	1.00	
5-й палец	0.81	0.79	0.87	1.00
Экзостозы на проксимальных фалангах				
2-й палец	1.00			
3-й палец	0.76	1.00		
4-й палец	0.70	0.80	1.00	
5-й палец	0.65	0.68	0.74	1.00

Заключение

В итоге нашей работы создана коллекция изображений костей[3], соответствующих разной степени развития возрастных маркеров. Эта коллекция является методическим пособием для определения возраста по нативным костям кисти. По характеру возрастных изменений на разных «слоях» фаланг можно сделать заключение, что экспертная оценка возрастных изменений на проксимальных и дистальных фалангах более релевантна на разных возрастных промежутках. Дистальные фаланги лучше использовать при определении возраста у более молодых индивидов (20–40 лет), так как первые визуально определяемые возрастные изменения связаны с разрастанием ногтевой бугристости дистальных фаланг. Проксимальные фаланги более точно фиксируют возрастные изменения на зрелых кистях (30–50 лет). Костные разрастания на боковых поверхностях средних фаланг отражают в большей степени нормальную анатомическую изменчивость, поэтому диагностика возраста по этим показателям практически невозможна. Но средние фаланги также накапливают возрастные маркеры – костные разрастания на основаниях и головках фаланг, правда, эти процессы происходят в более позд-

3 Коллекция хранится на кафедре антропологии Биологического факультета МГУ.

ние этапы онтогенеза, в возрасте 40–60 лет. Надо подчеркнуть, что на ранних этапах возрастной трансформации костей кисти рентгенографический метод обладает большей чувствительностью, так как позволяет заметить самые ранние этапы развития маркеров старения, плохо определяемые по нативной кости. Так, начальная стадия развития экзостозов на проксимальных фалангах хорошо заметна на рентгенографическом изображении кости в виде «разволокнения» контура кости. Определение этой стадии на нативной кости более сложно. Начало возрастных изменений на фоне нормальной анатомической изменчивости фаланг не всегда очевидно. Тем не менее, разработанная нами методика является хорошим дополнением к уже существующим методикам определения возраста по возрастным изменениям костной системы. При необходимости она может играть и самостоятельную роль в идентификации возраста, так как с ее помощью достаточно надежно определяются принятые в антропологии возрастные стадии adultus (20–30 лет), maturus I (30–45 лет), maturus II (45–55 лет), senilis (55–60 лет и старше).

Для определения возраста по правой или левой кисти могут использоваться одинаковые оценочные стандарты, достоверных различий по среднему количеству возрастных изменений на правой и левой кисти не обнаружено.

ЛИТЕРАТУРА

Бацевич В.А., Павловский О.М. Определение биологического возраста по скелету: возрастная осссеография кисти // Некрополь русских княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. М., 2009. Т. 1. С. 123-136.

Гончарова Н.Н., Пиголкин Ю.И., Федулова М.В., Черепов А.В. Новая методика диагностики возраста индивида на основании возрастных изменений костей кисти // Судебно-медицинская экспертиза. 2004. № 3. С. 3-7.

Джамолов Д.Д. Видовая, половая и возрастная характеристика поясничных позвонков для задач судебно-медицинского отождествления личности. Автореф. дис.... канд. мед. наук. М., 1976.

Илющенко В.Г., Современные подходы к оценке биологического возраста человека // Валеология. 2003. № 3. С. 11-19.

Неклюдов Ю.А. Рентгеноанатомическое исследование половых, возрастных и индивидуальных особенностей дистальных фаланг кисти в судебно-медицинском отношении. Автореф. дис.... канд. мед. наук. М., 1969.

Никитюк Б.А. Старение скелета конечностей (антропометрическое и рентгенографическое исследование) // Материалы VIII научной конференции по возрастной морфологии, физиологии и биохимии. М., 1967. С. 217-218.

Никитюк Б.А. Успехи современной антропологии и антропогенетики на службе судебно-медицинской экспертизы // Физико-технические методы в судебной медицине. Москва-Ставрополь, 1972. С. 121 -122

Павловский О.М. Биологический возраст человека. М.: Изд-во МГУ, 1987.

Пиголкин Ю.И., Гончарова Н.Н., Самоходская О.В., Черепов А.В. Дифференцированная балловая оценка возрастных изменений кисти(новые методические приемы) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2010. № 3. С. 32-45.

Привес М.Г., Машкара К.И., Рохлин Д.Г. Влияние труда на старение скелета // Проблемы геронтологии и гериатрии в ортопедии и травматологии. Киев: Здоров'я, 1966. С. 135-136.

Рохлин Д.Г. Рентгеноостеология и рентгеноантропология. Л.;М.: Огиз-Биомедгиз, 1936. Ч.1.

Рохлин Г.Д. Количественная оценка проявлений старения в некоторых отделах скелета // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1974. Вып. 2. С. 41-44

Черепов А.В., Пиголкин Ю.И., Федулова М.В., Гончарова Н.Н. Использование детализированной оценки возрастных изменений костей кисти при определении возраста индивида // РЖ ВИНИТИ. Т. 1726. М., 2003. С. 1-35.

Л.В. Сатаева

Археоботанические исследования на Гонур-депе в 2015 г.

Как и в предыдущие сезоны работ, археоботанические исследования были направлены на отбор (сухое просеивание и флотация) и идентификацию остатков растений из культурных отложений, отдельных археологических объектов, выявление и определение материала деревянных строительных конструкций. Эти работы проводились на всех территориях, где велись археологические раскопки.

На Р12, сектор Е, № 34Г, в центре площадки была выявлена ямка (лунка) диаметром 30 см с костями МРС и большим количеством углей, откуда было изучено 140 образцов. Микроскопический анализ показал, что все угли представляют собой фрагменты веток тамариска. Наиболее крупные ветки (d = 15-17 мм) содержат 8 полных годичных колец и начало 9-го, т.е. были заготовлены весной. Остальные ветки были мельче, содержали от 1 до 8 годичных колец, и также на поперечном разломе наблюдается начало годичного кольца. Мелкие ветки используются в качестве топлива сразу после заготовки, т.к. при хранении они осыпаются, разрушаются. По-видимому, ритуал с устройством лунки-жертвенника проводился весной.

На Р12, сектор В, было изучено содержимое ямки (очага?) с серой золой. Органические остатки представляли собой мелкие угли тамариска (2-3 летние ветки) и саксаула, помет МРС (21 шт.), единичные семена (1 фрагментированная зерновка пшеницы, мелкие семена сорных растений из семейств Крестоцветные и Гречишные). Т.е. в ямке практически без остатка сжигался мелкий хворост, стебли дикорастущих сорных растений, помет МРС.

На Р23, сектор А, GF78 изучено содержимое сосуда (хума), объемом 70 л. В сосуде находился грунт из окружающего заполнения, из органических остатков обнаружены 8 обугленных семян пшеницы мягкой, немногочисленные мелкие угли саксаула, обломки керамики, мелкие фрагменты костей, равномерно распределенных по всему объему сосуда. По-видимому, при заполнении помещения сосуд был пустым или содержал неуглефицированные растительные остатки, которые не сохранились.

Ранее в процессе исследований проводимых во дворце, было отмечено, что практически под каждым пилястром укрепляющим внешнюю стену выявляются слои древесного угля. В этот сезон были изучены растительные остатки под 12 пилястром (с северо-восточного угла) восточной стены Кремля. Слой мощностью около 0,5 м содержал крупные фрагменты углей тополя радиусом 40 – 75 мм (т.е. диаметр ствола составлял от 8 до 15 см) с 10 – 17 годичными кольцами. Тополя относятся к быстрорастущим породам, к этому возрасту могут достигать высоты 10 – 12 м, кроме того практически все тополя (в данном случае это может быть тополь разнолистный, произрастающий в окрестностях Гонура и в настоящее время) имеют ровный прямой ствол и могут использоваться для строительных целей. Вероятно, это остатки сгоревших строительных конструкций Кремля, на которых в дальнейшем были возведены пилястры. По мнению Л.Б. Кирчо, такие угольные слои специально оставлялись под основанием кладки в качестве дренажа для предохранения стен от намокания снизу.

Кроме тополя в данном слое выявлены ветки ивы диаметром 1 – 2 см, которые могли быть использованы для перекрытий поперек тополиных балок при изготовлении кровли. Ива также встречается по берегам рек и арыков в настоящее время, во время функциони-

рования Гонура она, по-видимому, росла по берегам Мургаба.

Интерес представляют многочисленные находки в слое веток тамариска разного возраста и однолетние ветки саксаула. Тамариск и саксаул не используются в строительстве из-за своей хрупкости, применяются в качестве хорошего топлива. 4-летняя ветка тамариска (d = 1,8 см) была заготовлена осенью или зимой, а 2-летняя (d = 0,6 см) – ранней весной, т.е. на топливо они собирались в разное время года, сожжены, по-видимому, ранней весной, т.к. более крупные ветки могут храниться, а мелкие используются сразу же. Кроме этого здесь же были обнаружены колючки побегового происхождения до 2 см длиной, с очень мелкими сосудами (35 – 45 мкм), рассеянно-сосудистой древесиной, узкими сердцевинными лучами. Эти колючки принадлежат сливе/алыче домашней, обугленные костянки которой встречены на разных участках памятника.

Из травянистых растений были обнаружены обугленные зерновки пшеницы, колючки и бобы верблюжьей колючки, мелкие семена злаков, стебли тростника. Тростник также мог использоваться для покрытия кровли коридора между наружной и внутренней стенами Кремля. Такой характер растительных остатков показывает, что остатки строительных конструкций смешались с хозяйственно-бытовыми отходами, возможно, во время строительства пилястров.

В зачистке внутренней северной стены Кремля на глубине 1,2 м от основания кирпичей были обнаружены крупные фрагменты углей, представляющие собой ствол тополя диаметром 12 см, состоящий из 8 годичных колец.

В ходе работ изучалось заполнение разведочной траншеи на Раскопе 8, вскрытой весной 2015 г. Размеры траншеи 10 × 4 м, глубина 2,1 м, все 4 стенки траншеи имеют сложную структуру, образованную выбросами строительного и бытового мусора в течение относительно короткого времени. Кратко раскопки этой траншеи рассматриваются в общем обзоре археологических работ экспедиции в 2014-2015 гг. (статья Н.А. Дубовой, М.А. Мамедова и Р.М. Сатаева). В северной стенке было описано 10 слоев, из которых отбирались пробы объемом по 1,5 л.

Отобранный материал флотировался и после просушки изучался при увеличении. Результаты исследования показали, что органическая составляющая слоев в основном представлена мелкой бесформенной крошкой древесного угля. Среди, поддающихся определению фрагментов встречены угли саксаула, тамариска и тополя. В верхних слоях заполнения также выявлены зерна пшеницы (13 штук) и ячменя (4 штуки), их фрагменты, в основном сильно разрушенные, 4 семени бобового растения (мелкий горох), костянка алычи/сливы, навоз МРС. Крупные угли тополя встречены в нижней части западного борта траншеи. Реконструируемые размеры ствола (диаметр не менее 15 см) и положение среди слабо обожженных обломков сырцового кирпича, позволяет отнести эти остатки к категории сгоревших деревянных конструкций. Вероятно, вначале в естественное углубление рельефа сбрасывался строительный мусор, а позднее яма использовалась для бытовых остатков.

Для получения репрезентативной коллекции семян злаков был проведен сбор семян из слоя сгоревших зерен, лежащих в основании гробницы 2900, расположенной в пом. 70 Раскопа 5 на севере памятника (подробное описание погребения см: Дубова, 2004. С. 255-258; Sarianidi 2007. P. 146-155). Объем слоя составляет не менее 0,1 м^3. Ранее небольшой образец из этого слоя был изучен специалистом из Палеонтологического института РАН С.А. Афониным, который отметил, что основные зерновки принадлежат ячменю (Hordeum L.), но помимо основного массива зерновок, по которым и производились определения, присутствуют (примешаны, и т.п.) немногочисленные зерновки и др. хлебных злаков (Афонин, 2008). Углубленный анализ значительного большего по объему образца показывает наличие нескольких видов пшениц, ячменя. Семян других семейств (бобовых, крестоцветных и др.) не обнаружено, т.е. это специально подготовленный, обмолоченный и обугленный склад зерен, представляющий собой смесь семян разных видов культурных злаков. Вероятно, жители Гонура еще не умели отличать виды

злаков и высевали их вместе. Вопрос о том, почему такое количество сожженного зерна находится под богатым погребением, остается открытым.

На 13 раскопе (Траншея А6, сектор 145, номера находок по описи швейцарской группы — GD 15 – 71) были найдены 6 обломков ручной (лепной) керамики серого цвета, с отпечатком ткани на внутренней стороне. Ширина оттисков нитей составляет 0,5 – 0,75 мм, расстояние между нитями – 1 – 1,5 мм, т.е. это была достаточно плотная ткань, по-видимому, из растительного волокна (льна?).

ЛИТЕРАТУРА

Афонин С.А. Анализ некоторых растительных остатков с памятника эпохи бронзы Гонур-депе // ТрМАЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 161-162.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254-281.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2007.

Е.И. Александровская

Геохимическое исследование почвы на Гонур-депе (первые результаты)

Осенью 2002 г. на Гонур-депе было взято несколько образцов грунта из погребений и помещений, которые обратили на себя внимание своим цветом или другими особенностями. Они были переданы для изучения автору данной статьи. Полученные в результате их анализа выводы показали необходимость более детального изучения данного вопроса, но, к сожалению, до сих пор, в виду разнообразных обстоятельств так и не появилась возможность специального сбора образцов с разных территорий и объектов памятника. Но, учитывая определенное значение и этих отрывочных данных, мы публикуем их в виде того отчета, который был составлен Е.И. Александровской в начале 2000-х годов.

Пять образцов из семи происходят с Раскопа 5, расположенного к северу от кремлевской стены: мелкие фрагменты костей и мелкозем=грунт заполнения около пола из пом. 87 (коридор, идущий параллельно главному входу в кремль с севера. Его отделяет от улицы один ряд помещений); кость и подсыпка под скелетом из погребения юноши 16 лет в грунтовой яме № 2870; содержание хума, в котором устроено погребения девочки 8-9 лет № 2922, а два – из обожженной ямы на юго-восточной окраине некрополя. Камень и мелкозем (грунт заполнения на полу) происходят из погребения девочки 11 лет в обожженной яме № 2304 на окраине Большого некрополя Гонура.

Как показывают табл. 1,2, во всех исследованных образцах отмечается повышенное

Таблица 1

Содержание макроэлементов (оксидов) в изученных образцах, %

Объект	Fe_2O_3	TiO_2	CaO	K_2O	MnO
Среднее содержание в земной коре	5	0,5	1,5	1,7	0.1
Раскоп 5, погр. 2870 (кость)	2,0	0,3	5,0	0,8	0,03
Раскоп 5, погр. 2870 (подсыпка над скелетом)	3,7	0,3	8,0	1,2	0,05
Раскоп 5, погр 2922 (содержимое горшка)	1,8	0,3	11,0	1,0	0,04
Раскоп 5, пом. 87 (кости)	0,8	0,3	16,0	0,4	0,01
Раскоп 5, пом. 87 (мелкозем)	3,0	0,3	24,0	0,3	0,05
Большой некрополь, погр. 2304 (мелкозем)	3,3	0,3	7,0	1,0	0,04
Большой некрополь, погр. 2304 (камень)	3,0	0,3	7,0	1,0	0,03

Таблица 2

Содержание микроэлементов в изученных образцах (мг в пересчете на 1 кг)

Объект	Ni	Cu	Zn	Pb	Hg	As	Sr	Rb	Ba	J	Br
Среднее содержание в земной коре	99	30	76	13	0,5	2	384	78	500	0,14	0,7
Раскоп 5, погр. 2870 (кость)	5	10	50	10	0,4	1	**987**	**100**	**456**	**0,3**	0,5
Раскоп 5, погр. 2870 (подсыпка над скелетом)	10	10	50	10	0,5	2	**675**	**120**	**1500**	**0,2**	0,5
Раскоп 5, погр. 2922 (содержимое горшка)	5	20	65	10	0,5	1	**2456**	80	**600**	**0,2**	0,6
Раскоп 5, пом. 87 (кости)	4	8	50	7	0,2	1	**2100**	5,0	87	0,2	0,8
Раскоп 5, пом. 87 (мелкозем)	5	15	**487**	10	0,5	1	**900**	**100**	**1500**	**0,3**	0,5
Большой некрополь, погр. 2304 (мелкозем)	15	15	40	10	0,5	1	**1000**	**150**	**789**	**0,2**	0,5
Большой некрополь, погр. 2304 (камень)	7,5	15	25	15	0,5	3	**500**	**120**	**1100**	**0,3**	0,5

содержание *кальция, стронция, бария, рубидия* и в меньшей степени *йода*. В условиях сухого климата накопление *кальция* превышает его выщелачивание. Ландшафты степей и пустынь всегда богаты этим элементом. Кроме того, культурные слои почти всегда бывают обогащены кальцием по трем причинам. Во-первых, сам человек, как биологический организм и домашние животные содержат значительные количества кальция и, после гибели организмов, этот кальций обогащает культурные слои. Кроме того, кальций выделяется в процессе жизнедеятельности человека и домашних животных. Во-вторых, человек использует не только дождевую воду бедную кальцием, но и в больших количествах грунтовую воду из колодцев и речную воду, имеющую в исследуемом районе гидрокарбонатно- кальциевый состав. В-третьих, человек использует вещества, содержащие повышенные количества кальция: золу, шлаки, известняк, известь и т.д.

В исследованных нами образцах содержание кальция повышается до 24%, что свидетельствует о значительном влиянии человека на этот участок.

Повышенное содержание *стронция* довольно характерно для ландшафтов Средней Азии, т.к. он участвует в испарительной концентрации и осаждается в верхних горизонтах почв. Стронций концентрируется главным образом в костях, частично замещая кальций. Избыток его вызывает ломкость костей. Высокое содержание стронция в содержимом горшка, может свидетельствовать как о наличии в горшке пищевых продуктов, так и об измельченных костях.

Высокие содержания *бария* во всех пробах связаны с геологическими особенностями местности, где часто встречаются месторождения барита. Сам минерал барит может быть бурым, синеватым, зеленоватым или красным, но чаще всего барит белый и его издревле использовали как белую краску.

Биологическая роль бария пока не установлена, однако отмечено его накопление в костях, артериях, поджелудочной железе, сыворотке крови, мозгу. Он считается довольно токсичным элементом, хотя очень малые количества бария стимулируют деятельность костного мозга (Некрасов, 1973). Барий вытесняет из костей кальций и фосфор, что ведет к остеопорозу. Описаны три стадии отравления барием. 1) Начальные явления мозговых расстройств, острые желудочно-кишечные явления. Сердечно-сосу-

дистая слабость. Изменения в крови – лейкоцитоз и т.д. 2) Выраженные расстройства мозговой деятельности, нарушение функций мозжечково-вестибулярного аппарата. Кратковременная потеря речи. Ослабление зрения и слуха. Общая слабость, реактивная депрессия, истерические проявления. 3) Стойкие нервно-психические изменения, истерическая реакция на фоне дистонии.

Рубидий участвует в испарительной концентрации, его соли входят в состав многих минеральных источников. У людей, в чьи организмы поступают избыточные количества рубидия, отмечаются жалобы на повышенную возбудимость, быструю утомляемость, плохой сон, частые головные боли. Объективно диагностируется неврастенический синдром на фоне вегетососудистой дистонии и т.п. (Вредные химические..., 1988).

Несколько повышенные содержания *йода* в пробах, скорее всего, связаны с повышенным содержанием йода в подземных водах, связанных с газовыми месторождениями. Йод важен для гормонов щитовидной железы, регулирующий клеточный обмен. Тело человека содержит примерно 12 – 25 мг йода, из которых 10 – 15 мг находится в щитовидной железе. Из крови йод легко проникает в различные органы и ткани.

Только в образце из пом. 87 обнаружено повышенное содержание *цинка,* что могло быть связано с металлургическим производством. Известно, что при металлургических производствах, цинк улетучивается вместе с металлургическими газами, однако при соприкосновении с холодным воздухом может конденсироваться и опускаться на землю. Этот результат интересен тем, что в соседней с пом. 87 комнате — пом. 85 — находится довольно крупная печь, назначение, которой, правда, не определено. В данном образце повышения содержания других металлов не обнаружено. Иногда повышенное содержание цинка в культурном слое бывает связано с местами разделки рыбы, т.к. чешуя, плавники и жабры хорошо концентрируют цинк.

ЛИТЕРАТУРА

Некрасов В.В. Основы общей химии. Т. 1,2. М.: Химия, 1973.

Перельман А.И. Геохимия ландшафта. М.: Высшая школа, 1966.

Вредные химические вещества / Под ред. В.А. Филова. Л.: Химия, 1988.

А.М. Юминов, М.А. Романенко

Красно-коричневая краска с Гонур-депе[1]

К древним краскам, как правило, относят обнаруживаемый при археологических раскопках яркоокрашенный порошковатый материал. Однако обоснованное суждение о назначении такого вещества в ряде случаев можно сделать только после изучения его минерального состава. В настоящей статье приведены результаты минералогического исследования красно-коричневого пигмента, найденного во время раскопок административно-культового центра Гонур-депе осенью 2013 г.

Как показывают раскопки, на Гонуре широко использовались краски, которые создавались как на основе органических, так и минеральных компонентов. Они применялись для окраски тканей, стен помещений, использовались в косметических целях, и входили в состав цветной глазури. Местные мастера могли уверенно воспроизводить различные оттенки черного, серого, белого, красного, синего и зеленого цветов. Для черной краски в качестве пигментов применялись углеродсодержащее (сажистое) вещество в смеси с кварцем, гипсом и ангидритом (Ковалева, 2012; Вересоцкая, 2012). Связующим веществом, по мнению В.Н. Киреевой, служили термически обработанные природные смолы. Для побелки стен использовался мелкорастертый гипс, дающий устойчивую белую (светло-серую) окраску. Синий и голубой цвета в глазурях добивались спеканием ультрамарина (лазурита) со смесью кварца и соды (Писарева, 2012). Для красной росписи наиболее часто использовалась киноварь (Писарева, 2012). Основу красно-коричневого колера составляли глинистые минералы, так называемая красная охра, которая под названием *кызыл-кессак* и в настоящее время активно используется кустарями Центральной Азии (Ковалева, 2012).

Во время раскопок весны 2010 г. сотрудниками Маргианской археологической экспедиции в раскопе 6 в пом. 11 – 19 был обнаружен фрагмент донца широкого керамического сосуда, во внутренней части которого сохранились небольшое количество пылеватого материала коричневато-красного (терракотового) цвета, спрессованного в плотную корку (рис. 1). В сухом виде материал представляет однородный пачкающий руки тонкозернистый порошок. Вещество легко смывалось теплой водой, образуя тонкую взвесь. После нанесения взвеси на твердую основу и последующую сушку, на ее поверхности образуется устойчивая и равномерная пленка красно-коричневого цвета. Данный материал мог быть использован в качестве основы для получения краски.

Рис. 1.

1 Исследования выполнены при поддержке междисциплинарного проекта УрО РАН 12-М-456-2024 и гранта РФФИ №13-06-00233а. Авторы благодарят за содействие в исследованиях Н.А. Дубову, П.В. Хворова, Е.Д. Зенович и И.А. Блинова.

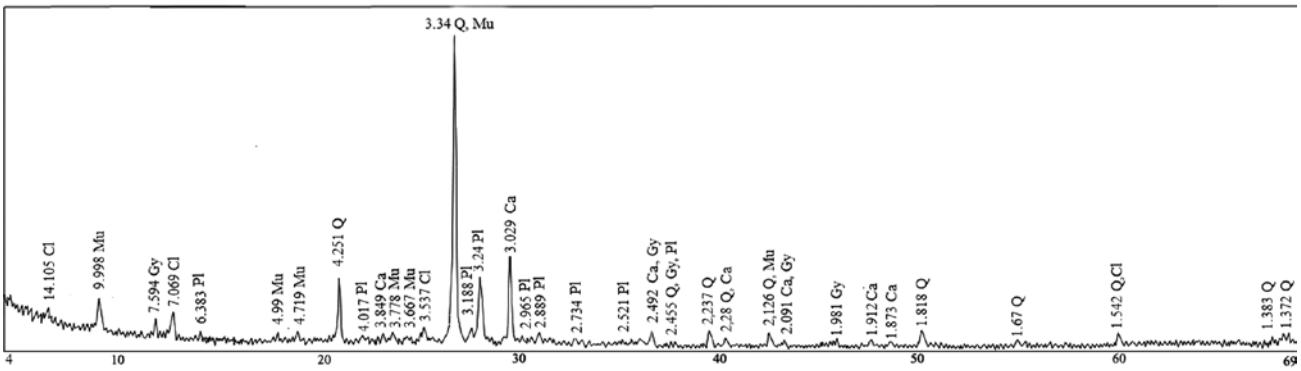


Рис. 2. Фрагмент дифрактограммы красно-коричневого пигмента (обр. Го-62) из пом. 11-19 Гонур-депе. Буквами на рисунке обозначены пики: Q – кварц, Pl – плагиоклаз, Ca – кальцит, Mu – мусковит, Cl –хлорит, Gy – гипс. Условия съемки; прибор – рентгеновский дифрактометр Shimadzu XRD-6000, тип анода Cu (1.54178), шаг съемки 0,02. Аналитик – Е.Д. Зенович. Расчет количества минералов в смеси выполнен П.В. Хворовым.

Несмотря на довольно продолжительную историю изучения памятника, состав минеральных красок оказался в недостаточной степени изученным. Отмеченные исследования в основном базировались на данных микрозондового анализа, которые, в последствии если имелась возможность, пересчитывались на кристаллохимические формулы минералов (Писарева, 2012). Наши работы проводились с использованием комплекса методов: оптического, рентгенофазового, ренгенофлуоресцентного, микрозондового анализа и электронной микроскопии. Но, в силу крайней ограниченности материала (количество вещества, поступившего для исследования, не превышало объема спичечной головки, его вес составлял чуть более 0,03 гр.) диагностировались только основные компоненты и второстепенные легко устанавливаемые минералы.

Согласно данным ренгенофазового анализа, красящий порошок состоит из смеси тонкозернистого материала: кварца (47%), плагиоклаза (19%), кальцита (17%), мусковита (10%), хлорита (4%), и гипса (3%) (рис. 2).

Количество *кварца* SiO_2 составляет около половины объема материала. Минерал образует зерна размером 20–50 мкм, в отдельных случаях до 70 мкм. Зерна различной степени окатанности, но наиболее крупные из них имеют угловатую форму (рис. 3). Подобная морфология возникает при дроблении и последующем растирании материала. Не исключено, что добавка кварцевой пудры в состав краски могла производиться сознательно. Кварц облегчает растирание вязких и слоистых минералов. Кроме того, его присутствие значительно улучшает качество минеральных красок, повышая их прозрачность и создавая более «звонкий холодный» оттенок.

Плагиоклаз (натрий-кальциевый полевой шпат) представлен в значительно меньшем количестве. Отдельные призматические зерна плагиоклаза могут достигать 50–60 мкм. Они имеют угловатую форму, на большинстве образцов присутствуют пло-

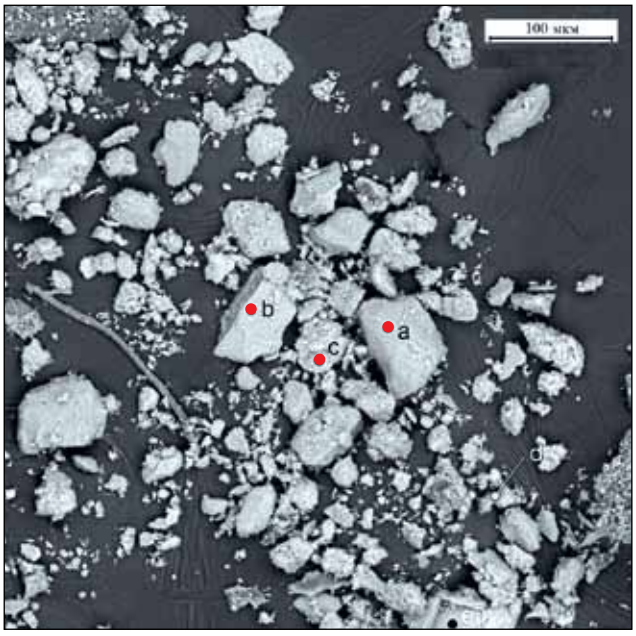


Рис. 3. Фотографии минералов из красно-коричневого пигмента (обр. Го-62) из пом. 11-19 Гонур-депе. Обозначения: a – кварц, b – плагиоклаз, c – хлорит, d – сростки барита и целе-стина, e – мусковит. Сканирующий электронный микроскоп TESCAN Vega 3564 с энерго-дисперсионной приставкой Oxford Instruments X-act. Аналитик – И.А. Блинов.

скости спайности (рис. 3). Кроме главных компонентов (Na, Ca, Al, Si, O) содержат незначительные примеси железа и магния. По сходству морфологических особенностей и размерам плагиоклаза и кварца можно предположить, что оба минерала могли быть добавлены одновременно.

Кальцит $CaCO_3$ встречается в виде зерен неправильной или округлой формы, размером 10–20 мкм.

Мусковит $KAl_2(AlSi_3O_{10})(OH)_2$ образует пластичатые, чешуйчатые и листоватые агрегаты или их сростки величиной 5–20 до 40 мкм. В химическом составе выявлены небольшие примеси натрия, магния, железа и титана.

Хлорит отмечен в виде слюдоподобных таблитчатых и пластинчатых агрегатов с несколько изогнутыми краями (рис. 3). Размер выделений колеблется от 5–10 до 30–40 мкм. Минерал характеризуется переменным составом, в котором помимо постоянных элементов (Mg, Al, Si, Fe, O) присутствуют примеси кальция, калия, титана и марганца.

Гипс $CaSO_4\ 2H_2O$ встречается в ограниченном количестве, образуя зерна неправильной и сложной формы размером до 10 мкм.

Микрозондовыми исследованиями в составе порошка удалось обнаружить единичные уплощенные сростки зернистых агрегатов *барита* $BaSO_4$ *и целестина* $SrSO_4$. Сростки имеют неправильную форму, неоднородны по составу, имеют зональное строение. Их размер варьирует в пределах от первых до 10 мкм. Наиболее крупные содержат микроскопических включений глины и кальцита. Из химических примесей выявлены кальций, калий, железо и магний.

Что удивительно, все эти основные минералы, встречаемые в материале смеси, имеют белую черту, т.е. в целом по определению цвет вещества должен быть светло-серым. В нашем случае порошок имеет устойчивый красновато-коричневый колер. Из литературных данных (Общая минералогия, 2008) известно, что подобный оттенок может давать небольшое количество оксидов и гидрооксидов железа (до 2 %). Так называемая, ложная окраска может быть вызвана тонкими поверхностными корками и цветными налетами гематита, лепидокрокоита, гетита.

Гематит Fe_2O_3 представлен в виде округлых, часто сферических образований диаметром 5–7 мкм. Встречается крайне редко. Кроме того, при просмотре пробы под электронным микроскопом были замечены единичные диоктаедрические кристаллы магнетита Fe_3O_4. В химическом составе присутствует незначительная примесь титана. Минерал в значительной степени корродирован, его поверхность покрыта пылеватым налетом.

Кроме минералов в порошке были обнаружены небольшие частица бронзы. Обломки игольчатой формы длинной до 150 мкм при толщине в поперечнике 20 мкм. Металлический сплав состоит из олова и меди. На его поверхности развита корка из гидрооксидов железа и вторичных минералов меди. В отдельных случаях металл полностью «съеден» патиной. Присутствие бронзы в порошке можно объяснить воздействием металлических инструментов и приспособлений (специальных лопаточек для перемешивания и нанесения краски).

Таким образом, на основе перечисленного, можно сделать следующие выводы.

- Порошок представлен смесью обломков кристаллов и тонкозернистых агрегатов различных минералов (кварц, полевой шпат, кальцит, мусковита, хлорит, гипс), выступающих в роли наполнителя.
- Красящим пигментом в смеси непосредственно являлись минералы оксидов и гидрооксидов железа, общее количество которых не превышало 2%.
- Краска изготовлена тщательным измельчением природного материала. Минеральная смесь в порошке неоднородна по величине компонентов.
- Для улучшения качества световых оттенков не исключено преднамеренное добавление в смесь кварцевой составляющей.
- Признаков присутствия связующего вещества (жира, масла) в исследованных пробах не отмечено. Можно только предполагать добавление воды при пользовании некоторых красок, в первую очередь

— косметических. Не исключается применение данного вещества и древними гончарами Гонура для окраски отдельных керамических изделий.

- Источник красящих веществ, скорее всего, был не местным.

В дальнейшем необходимо провести инфракрасный анализ порошка с целью выявления в нем органических компонентов (воск, яичный желток, глюкоза, фруктоза, камедь) могущих служить элементами связующих компонентов для производства краски.

ЛИТЕРАТУРА

Вересоцкая Г.Э. Реставрация фрагмента стенки ларца-дарохранительницы и исследование технико-технологических особенностей материалов мозаики конца III тыс. до н.э. из царской гробницы № 3230 Гонур-депе // ТрМАЭ. Т.4. Исследование Гонур-депе в 2008-2011 гг. / Гл. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2012. С. 185–188.

Ковалева Н.А. Предварительные исследования и консервация двух фрагментов «ковровых» мозаик из Гонура // ТрМАЭ. Т.4. Исследование Гонур-депе в 2008-2011 гг. / Гл. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2012. С. 176–184.

Буллах А.Г., Кривовичев В.Г., Золотарев А.А. Общая минералогия: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2008.

Писарева С.А. Результаты исследований археологических образцов из раскопок на Гонур-депе // ТрМАЭ. Т.4. Исследование Гонур-депе в 2008-2011 гг. / Гл. ред. В.И. Сарианиди – М.: Старый сад, 2012. С. 192-198.

А.И. Нечвалода

Черепа из Дарнайчи (раннее средневековье Таджикистана)

Осенью 2012 г. Южно-Таджикистанской археологической экспедицией проводились археологические изыскания на некрополе эпохи бронзы Гелот в Хатлонской области Восейского района Республики Таджикистан. В процессе работ были обнаружены также погребения, которые, судя по некоторым особенностям погребального обряда (положение скелета на боку, присутствие инвентаря в могильной яме, были обнаружены фрагменты железного браслета, бусы), относятся к эпохе раннего средневековья (IX-XI вв. н. э.)[1].

В этот период на территории правобережного Хорезма, существовало процветающие княжество Хутталь, или Хутталян (Куляб нынешнего времени) – область, расположенная между Пянджем и Вахшем (Беленицкий, 1948; цит. по: Кармышева, 1976).

В могильнике Дарнайчи было вскрыто всего 5 раннесредневековых погребений. В результате был получен небольшой по численности краниологический и остеологический материал. Краниологическая серия из Дарнайчи состоит из четырех женских и одного мужского черепа. Черепа средней и плохой сохранности, некоторые из них потребовали реставрации. Столь немногочисленный материал не дает, конечно, возможности делать широкие обобщения. Но при тех скудных данных по палеоантропологии этой исторической области в эпоху раннего средневековья, которые имеются в настоящие время, и эта небольшая серия представляет несомненный интерес при рассмотрении ранних этапов этногенеза таджиков.

Данные индивидуальных краниометрических измерений черепов из Дарнайчи находятся в таблице 1, средние по серии в таблице 2. В связи с небольшой численностью серии перейдем к индивидуальной характеристике черепов из Дарнайчи.

Погребение 22. Череп и посткраниальный скелет молодой женщины (*juvenis*). Череп средней сохранности. Посмертному разрушению подверглась в основном левая часть черепа (отсутствует левая теменная и височная кости, часть нижней челюсти, разрушен также, и орбитальный край лобной кости) и основание черепа. В результате реставрации удалось собрать лицевой скелет и мозговую капсулу (рис. 1).

В вертикальной норме череп сфеноидной формы (рис. 1в). В латеральной норме мы видим прямой лоб со слабо выступающим надпереносьем и надбровьем (область глабеллы — 1 балл; надбровье – 1 балл) плавно переходящий в высокий свод черепа. Затылок округлый не выступающий, без наружного затылочного бугра. Сосцевидный отросток – 1 балл. Мозговая коробка небольших размеров, средневысокая с малым продольным и поперечным диаметрами.

В *norma frontalis* лицо эллипсоидной формы. Лицевой скелет узкий и невысокий, по общему лицевому углу мезогнатный. В горизонтальной плоскости на орбитальном уровне наблюдается средняя профилировка (мезопия), на уровне точек зигомаксилляре – выраженная профилировка (клиногнатия). Величина назомалярного угла в области значений монголоидных групп. Общая профилированность лица – 131°,6. Нос средневыступающий. Клыковые ямки неглубокие. Верхнечелюстные вырезки имеют плавные очертания. Альвеолярный отросток верхней челюсти резко прогнатен.

Носовые косточки высокие, средней длинны, узкие в срединной части и широкие в привершинной части грушевидного

1 По определению к.и.н. Ю.Г. Кутимова, автора раскопок верхнего кладбища Дарнайчи.

Таблица 1

Индивидуальные краниометрические параметры женских черепов из Дарнайчи

No Martin	№ черепов	1	2	3	4
	№ погребения	22	23	24	25
	Возраст	juv	juv	adult	juv
	Пол	♀	♀	♀	♀
	Признак по Мартину, Абиндеру, Гохману				
1	Продольный диаметр	167,0	170,0	170,0	165,0
5	Длина основания черепа	92,0	96,0	100,0	-
8	Поперечный диаметр	-	-	138,0	132,0
9	Наименьшая ширина лба	-	96,0	96,0	98,0
10	Наибольшая ширина лба	106,0	118,0	119,0	114,0
11	Ширина основания черепа	-	128,0	128,0	124,0
12	Ширина затылка	111,0	105,0	107,0	110,0
17	Высотный диаметр от ba	128,0	131,0	131,0	-
29	Лобная хорда	113,0	114,0	107,0	106,0
32	Угол профиля лба от n	91°,0*	95°,0*	81°,0*	-
40	Длина основания лица	96,0	88,0	91,0	-
43	Верхняя ширина лица	-	96,0	107,0	100,0
43(1)	Биорбитальная хорда	86,5	98,3	101,5	94,0
45	Скуловой диаметр	115,0?	120,0	132,0	-
46	Средняя ширина лица	88,0	86,0	103,0	-
47	Полная высота лица	102,0	108,0	127,0	-
48	Верхняя высота лица	61,0	63,0	76,0?	-
51	Ширина орбиты от mf	36,0d	41,0	45,0	37,0d
51a	Ширина орбты от d	34,0	36.0	39.0	-
52	Высота орбиты	32.0d	36,0	35,0	33,0d
54	Ширина носа	26,0	21,0	26,0	22,0
55	Высота носа	43,0	46,0	56,0	-
60	Длина альвеолярной дуги	49,0	46,0	50,0	-
61	Ширина альвеолярной дуги	61,0	56,0	56,0	
62	Длина неба	46,0	40,0	45,0	-
63	Ширина неба	38,0	32,0	39,0	-
65	Мыщелковая ширина	89,0	110,0	115,0	92,0
66	Угловая ширина	91,0	87,0	100,0	89,0
67	Передняя ширина	45,0	41,0	46,0	46,0
68(1)	Высота тела	24,0	25,0	34,0	31,0
69	Высота симфиза	29,0	29,0	36,0	29,0
69(3)	Толщина тела	12,0	9,0	12,0	11,0
70	Высота ветви	41,0	39,0	56,0	52,0
71a	Наименьшая ширина ветви	26,0	31,0	27,0	32,0
72	Общий лицевой угол	84°,0*	90°,0*	92°,0*	-

Таблица 1 (Продолжение)

Индивидуальные краниометрические параметры женских черепов из Дарнайчи

No Martin	№ черепов	1	2	3	4
	№ погребения	22	23	24	25
	Возраст	juv	juv	adult	juv
	Пол	♀	♀	♀	♀
	Признак по Мартину, Абиндеру, Гохману				
74	Угол альвеолярной части	66°,0*	72°,0*	88°,0*	-
75	Угол наклона носовых костей	60°,0*	70°,0*	70°,0*	-
75(1)	Угол выступания носа	24°,0*	20°,0*	22°,0*	-
77	Назомалярный угол	141°,7	134°,7	142°,9	138°,1
Nh	Высота n над бималярной хордой	15,0	20,5	17,4	18,0
zm`-zm`	Зиго-максиллярная хорда	86,0	85,2	100,5	-
Zh	Высота ss над zm`-zm` хордой	24,0	17,5	21,5	-
<Zm	Зигомаксиллярный угол	121°,6	134°,8	133°,6	-
79	Угол ветви нижней челюсти	129°,0*	126°,0*	117°,0*	-
SC	Симотическая ширина	8,3	9,0	8,5	-
SS	Симотическая высота	3,5	4,0	2,0	-
SS:SC	Симотический указатель	42,2	44,4	23,5	-
<S	Симотический угол	99°,7	96°,7	129°,5	-
MC	Максиллофронтальная ширина	16,0	16,0	19,0	-
MS	Максиллофронтальная высота	12,8	13,2	10,0	-
MS:MD	Максиллофронтальный указатель	80,0	82,5	52,6	-
DC	Дакриальная ширина	20,0	22,5	26,0	-
DS	Дакриальная высота	12,8	13,2	10,0	-
DS:DC	Дакриальный указатель	64,0	58,6	38,5	
< D	Дакриальный угол	76°,0	80°,8	104°,8	-
FC	Глубина клыковой ямки	2,0	7,0	9,0	-
GM/FH	Угол профиля лба от g	86°,0*	93°,0*	78°,0*	-
Sub,Nß	Высота изгиба лба	25,0	21,7	24,7	27,0
Sub,Nß:29	Указатель выпуклости лба	22,1	19,0	23,1	25,5
-	УПИЛ, Угол поперечного изгиба лба	-	130,7	135,9	128,7
-	Высота поперечного изгиба лба	25,0	21,7	24,7	27,0
	Надпереносье (1-6)	1,0	1,0	2,0	1,0
	Форма черепа сверху				
	ovoides	-	-	-	+
	sphenoides	+	+	+	
	Наружный затылочный бугор (0-5)	-	-	1,0	-
	Сосцевидный отросток (1-3)	1,0	1,0	2,0	1,0
	Нижний край грушевидного отверстия				
	anthropina	-	-	+	+
	infantilis	+	+	-	-

Таблица 1 (Окончание)

Индивидуальные краниометрические параметры женских черепов из Дарнайчи

No Martin	№ черепов	1	2	3	4
	№ погребения	22	23	24	25
	Возраст	juv	juv	adult	juv
	Пол	♀	♀	♀	♀
	Признак по Мартину, Абиндеру, Гохману				
	Передненосовая ость (1-5)	3,0	4,0	2,0	4,0
Модули нейрокраниума и лицевого скелета					
$\sqrt{1x8}$	Модуль гор, сечения мозг, коробки	-	-	153,2	147,5
$\frac{17}{\sqrt{1x8}}$	Модуль относительной высоты свода	-	-	85,5	-
$\sqrt[3]{1x8x17}$	Модуль массивности мозг, коробки	-	-	145,4	-
$\frac{\sqrt{1x8}}{\sqrt{45x48}}$	Модуль относительной величины лицевого скелета	-	-	65,4	-
$\sqrt{45x48}$	Модуль величины лицевого скелета	83,7	86,9	100,2	-
Указатели профилированности лицевого скелета					
ОПП	Общая профилированность переносья	87,8	88,7	117,1	
МПЛ	Общая профилированность лица	131,6	134,7	138,2	-
МП	Модуль профилированности	109,7	111,7	127,7	-
УП	Указатель профилированности	66,7	65,8	84,7	-
Краниальные указатели					
8:1	Черепной указатель	-	-	81,2	80,0
9:8	Лобно-поперечный указатель	-	-	69,5	74,2
9:10	Лобный указатель	86,8	81,4	80,6	86,0
9:12	Лобно-затылочный указатель	-	91,4	89,7	89,1
17:8	Высотно-поперечный указатель	-	-	95,0	-
48:17	Вертикальный фацио-церебральный	-	-	95,6	-
45:8	Поперечный фацио-церебральный	-	-	95,6	-
48:45	Верхний лицевой указатель	53,0	52,5	57,5	
48:9	Фацио-фронтальный указатель	-	65,6	79,2	-
47:45	Лицевой указатель	88,7	90,0	96,2	-
52:51	Орбитный указатель от mf	88,8	87,8	77,7	-
52:51a	Орбитный указатель от d	94,1	100,0	89,7	-
54:55	Носовой указатель	60,4	45,6	46,4	-
61:60	Челюстно-альвеолярный указатель	124,5	121,7	112,0	-
63:62	Небный указатель	82,6	80,0	86,6	-

** - измерения углов вертикальной профилировки лицевого скелета произведены на краниограммах черепов*

Таблица 2

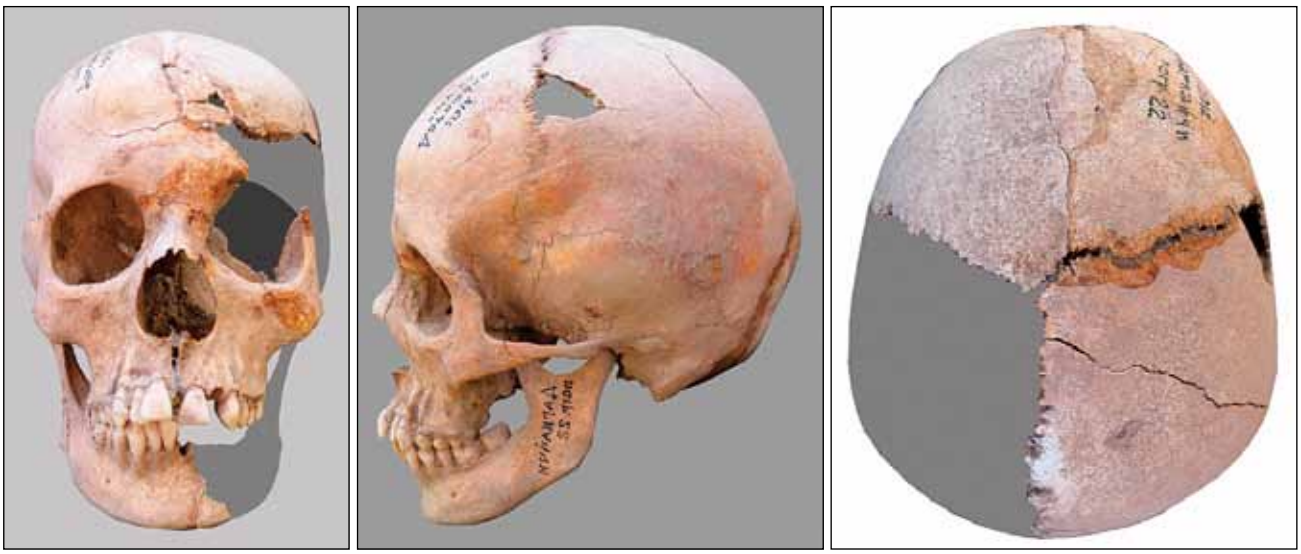
Средние краниометрические и статистические параметры женской серии черепов из Дарнайчи

	Признак	*n*	*X*
1	Продольный диаметр	4	168,0
5	Длина основания черепа	3	96,0
8	Поперечный диаметр	2	135,0
9	Наименьшая ширина лба	3	96,7
10	Наибольшая ширина лба	4	114,3
11	Ширина основания черепа	2	118,5
12	Ширина затылка	4	108,3
17	Высотный диаметр	3	130,0
29	Лобная хорда	4	110,0
40	Длина основания лица	3	91,7
43	Верхняя ширина лица	3	101,0
45	Скуловой диаметр	3	122,3
46	Средняя ширина лица	3	92,3
47	Полная высота лица	3	112,3
48	Верхняя высота лица	3	66,7
51	Ширина орбиты от mf	4	39,8
52	Высота орбиты	4	34,0
55	Высота носа	3	48,3
54	Ширина носа	4	23,8
72	Общий лицевой угол	3	88°,7
75(1)	Угол выступания носа	3	22°,0
<77	Назомалярный угол	4	139°,4
<Zm	Зигомаксиллярный угол	3	130°,0
SC	Симотическая ширина	3	8,6
SS	Симотическая высота	3	3,2
<S	Симотический угол	3	108°,6
DC	Дакриальная ширина	3	22,8
DS	Дакриальная высота	3	12,0
< D	Дакриальный угол	3	87°,2
-	УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	3	131°,8
Указатели			
8:1	Головной указатель	2	80,6
17:1	Высотно-продольный	3	76,9
17:8	Высотно-поперечный	1	95,0
48:45	Лицевой указатель	3	54,3
52:51	Орбитный указатель	3	84,8
55:54	Носовой указатель	3	45,9
SS:SC	Симотический указатель	3	36,7
DS:DC	Дакриальный указатель	3	53,7

Таблица 2 (Окончание)

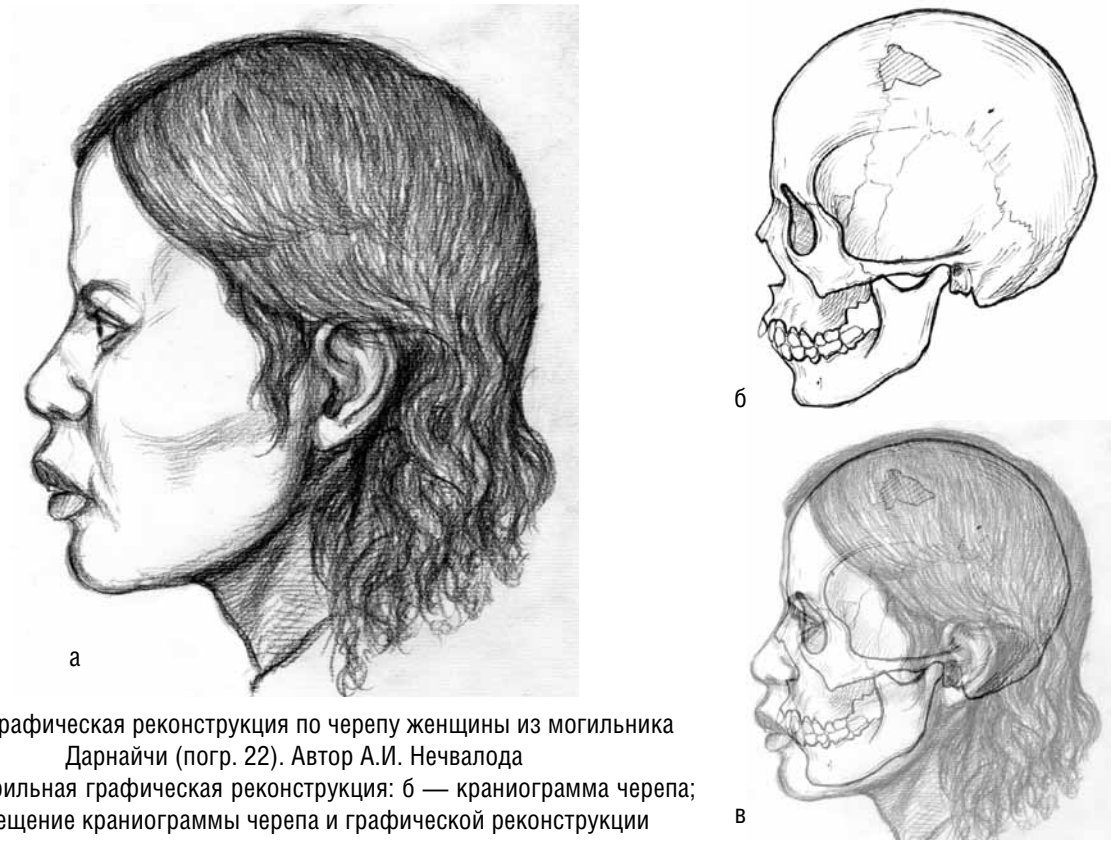
Средние краниометрические и статистические параметры женской серии черепов из Дарнайчи

	Признак	*n*	*X*
Модули и указатели профилированности лицевого скелета			
ОПП	Общая профилированность переносья		97,8
МПЛ	Общая профилированность лица		134,8
МП	Модуль профилированности		116,3
УП	Указатель профилированности		72,4



б в

Рис. 1. Некрополь Дарнайчи, погр. 22. Череп 16-17 лет (juvenis)



а б в

Рис. 2. Графическая реконструкция по черепу женщины из могильника Дарнайчи (погр. 22). Автор А.И. Нечвалода
а — профильная графическая реконструкция: б — краниограмма черепа; в — совмещение краниограммы черепа и графической реконструкции

Рис. 3. Некрополь Дарнайчи (женское погр. 22). Эмалевая гипоплазия на медиальных резцах

отверстия. Переносье среднешироκое и высокое. Общая профилированность переносья – 87°,8. Грушевидное отверстие широкое. Нижний край грушевидного отверстия имеет сглаженную форму (infantilis). Передненосовая ость – 3 балла. Модуль профилированности – 109°,7. Указатель профилированности – 66,7. Орбиты округлой формы среднешироκие и невысокие. В *norma lateralis* замкнутые, наклонные.

Нижняя челюсть грацильная со средними широтными размерами, небольшой высотой тела, средневысоким симфизом и большим углом восходящей ветви. Из индивидуальных особенностей можно отметить дефекты зубной эмали (эмалевая гипоплазия) достаточно хорошо определяющиеся на медиальных резцах верхней челюсти (рис. 3), а также спейсинг латеральных резцов верхней челюсти.

Череп обладает европеоидным расовым комплексом, с небольшими монголоидными особенностями. Графическая реконструкция, выполненная нами, дает представление о физических особенностях женщины захороненной в погребении 22.

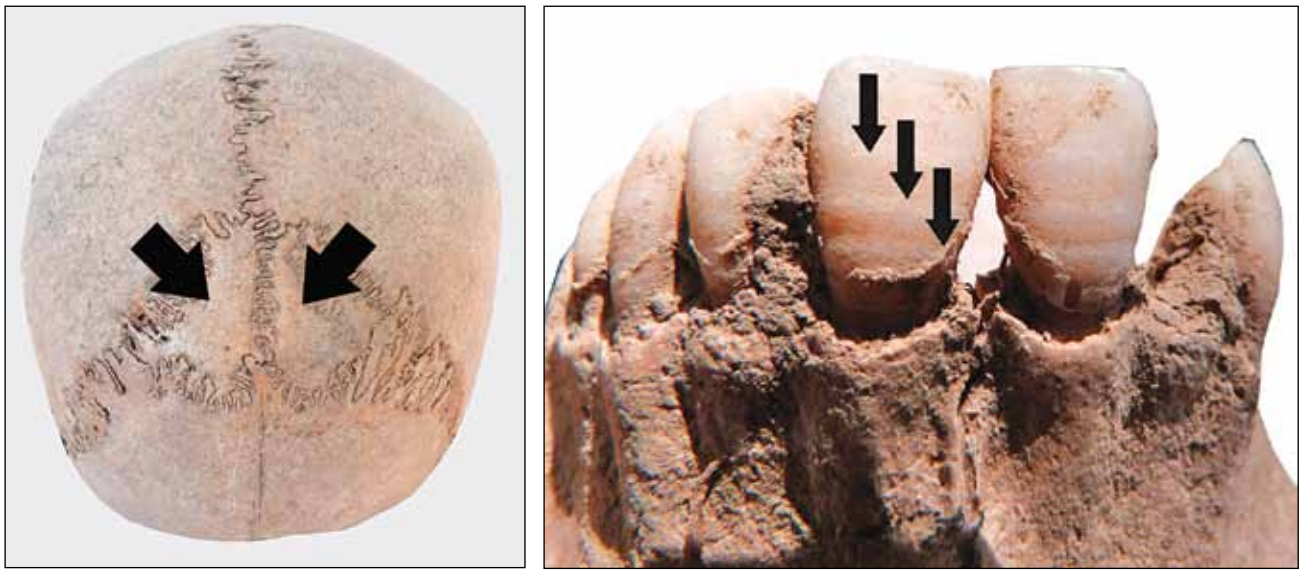
Погребение 23. Череп удовлеворительной сохранности, принадлежал молодой женщине 15– 16 лет (рис. 4). Поперечный диаметр измерить не удалось, в связи посмертным разрушением левой теменной и височной костей. Продольный диаметр относится к категории средних величин. В вертикальной норме череп сфеноидной формы. В латеральной норме свод черепа плавных очертаний переходящий в округлый, не выступающий затылок.

Лицо узкое и невысокое, судя по углам горизонтальной профилировки несколько уплощено, особенно на уровне максиллофронтальных точек. Орбиты неширокие и высокие, гипсиконхные по пропорциям. Нос узкий, невысокий, лепторинный. Носовые косточки среднешироκие и высокие. Переносье хорошо профилировано, дакриальный угол меньше 90°,0. Угол выступания носа средний. Альвеолярный отросток верхней челюсти имеет прогнатную постановку.

Из индивидуальных особенностей черепа обращает на себя внимание *os triquetrum biparitum* (двухсоставная треугольная кость) в верхней части чешуи затылочной кости (рис. 5.1). С наибольшей частотой (до 12%) os triquetrum фиксируется в популяциях Северной и Центральной Азии, низкими частотами характеризуется население Европы, Африки и Океании.

Обращает на себя внимание также и область птериона. В данной области, где схо-

Рис. 4. Некрополь Дарнайчи, погр. 23. Череп женщины 15-16 лет (juvenis)



1 2

Рис. 5. Некрополь Дарнайчи, женское погр. 23

дятся лобная, теменная, большое крыло клиновидной кости и чешуя лобной кости мы наблюдаем так называемые полные эпиптерные кости (*os epiptericum*) – (рис. 6, *2*). Причем в наблюдаемом случае они являются парными и соприкасаются с небольшой вставочной косточкой в чешуйчатом шве (*os wormii suturae squamosae*), что является, достаточно редким наблюдаемым случаем (рис. 6, *1*). На резцах верхней челюсти молодой женщины также хорошо различимы следы эмалевой гипоплазии в виде четко выраженных полосок на зубной эмали зубов (рис. 5.2).

Эмалевая гипоплазия является маркером целого спектра негативных факторов: от пищевого стресса до специфических инфекций. Судя по расположению наиболее различимых полосок (дефектов зубной эмали) на коронке верхнего левого медиального резца можно предположить сильные стрессогенные воздействия, которые испытал данный индивид в возрасте приблизительно 1,5 и 3 лет (Kerr, 1989; цит. по: Бужилова, 1998).

На левой височной кости фиксируется дефект травматического происхождения (рис. 6-3) Травма в виде щелевидного отверстия находится в центре височной кости. С большой долей вероятности она могла послужить причиной смерти молодой женщины захороненной в данном погребении.

Череп демонстрирует европеоидный расовый комплекс, с небольшими монголоидными особенностями.

Погребение 24. Череп с нижней челюстью хорошей сохранности принадлежал женщине 25-30 лет (рис. 7). Утраченными оказались только концевые части носовых костей. Все основные швы мозгового черепа на всем своем протяжении не уплотнены и соответствуют возрасту. Зубная же система значительно изношена (рис. 8б). Столь значительная изношенность/стертость резцов верхней и нижней челюсти, вероятно, свидетельствует о том, что зубы интенсивно использовались в трудовой деятельности.

Черепная коробка высокая, сфероидной формы, со средними размерами широтных диаметров, брахикранная по указателю. В латеральной норме широкий, слегка наклонный лоб плавно переходит в линию

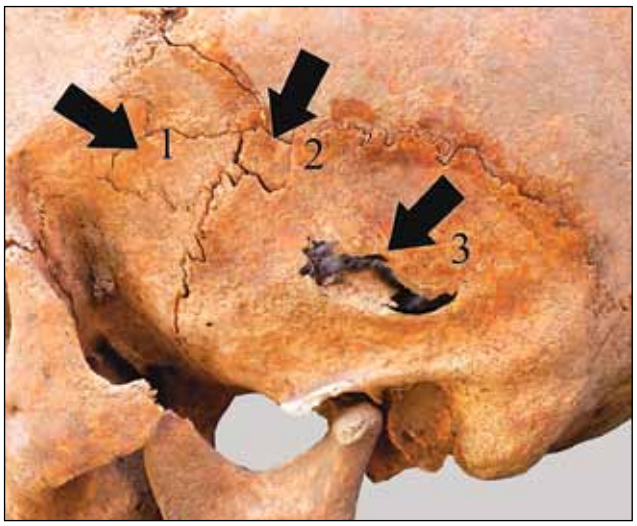


Рис. 6. Некрополь Дарнайчи, женское погр. 23

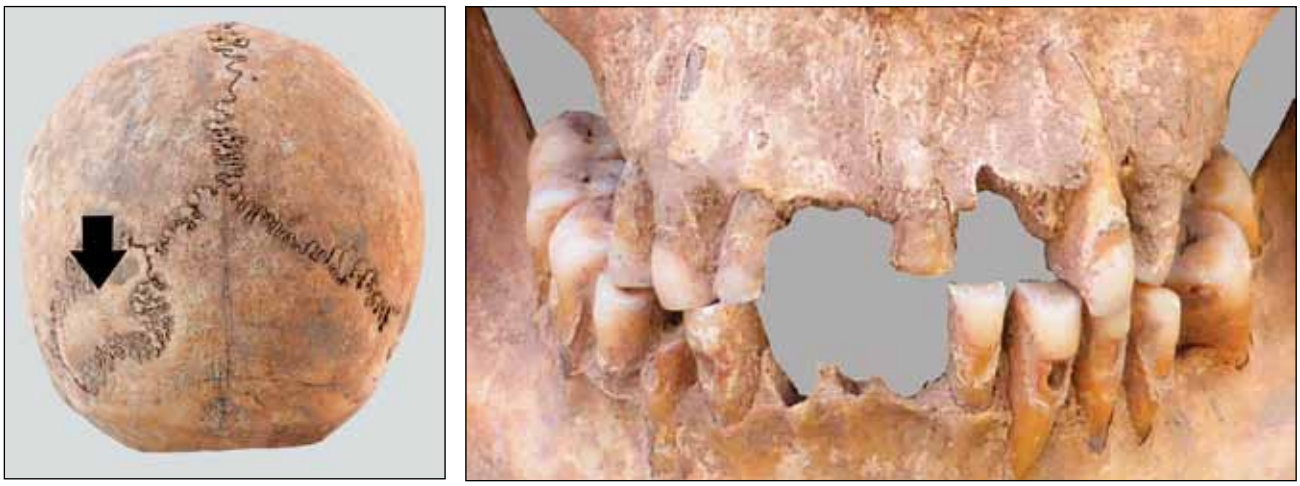
Рис. 7. Некрополь Дарнайчи, погр. 24. Череп женщины 25-30 лет (adultus)

костей свода черепа. Выступание глабеллы слабое – 2 балла, развитие надбровья соответствует 2 баллам, сосцевидный отросток развит средне – 2 балла. Затылок округлый не выступающий. Затылочный бугор не выражен. В лямбдовидном шве слева фиксируется присутствие неполной os Inkae (рис 8 а).

Лицевой скелет очень высокий и широкий, ортогнатный по общему лицевому углу. В горизонтальной плоскости на обоих уровнях лицевой скелет среднеуплощенный. Общая профилированность лица – 138°,3. При этом клыковые ямки достаточно хорошо углублены. Вырезка верхней челюсти имеет плавные очертания.

Носовые косточки среднеширокие и невысокие. Переносье очень широкое и средневысокое. Общая профилированность переносья – 117°,2. Грушевидное отверстие широкое с заостренным подносовым краем. Развитие передненосовой ости слабое (2 балла). Выступание носа из плоскости лица среднее. Модуль общей профилированности – 127°,7. Указатель профилированности – 84,7. Орбиты широкие и высокие, подквадратной формы, хамеконхные по указателю.

Нижняя челюсть обладает большой высотой тела и симфиза, средней по высоте восходящей ветвью, средней мыщелковой и большой угловой шириной, малым углом ветви нижней челюсти. Таким образом, такую нижнюю челюсть никак нельзя назвать грацильной, хоть и принадлежит она индивиду женского пола.



а б

Рис. 8 . Некрополь Дарнайчи, погр. 24. Череп женщины 25-30 лет (adultus)
а – Os inkae неполная в лямбдовидном шве с левой стороны;
б – изношенность зубочелюстного аппарата в области верхних и нижних резцов, клыков и премоляров

Рис. 9. Графическая реконструкция по черепу женщины из могильника Дарнайчи, погр. 24. Автор А.И. Нечвалода
а — профильная графическая реконструкция: б — краниограмма черепа; в — совмещение краниограммы черепа и графической реконструкции

Череп демонстрирует смешанный монголоидно-европеоидный комплекс. Физические особенности женщины из погребения 24 отражены на графической реконструкции (рис. 9).

Погребение 25. Череп принадлежал молодой женщине в возрасте juvenis (рис. 10). На проксимальных эпифизах плечевых и бедренных костей хорошо различима линия сраста-

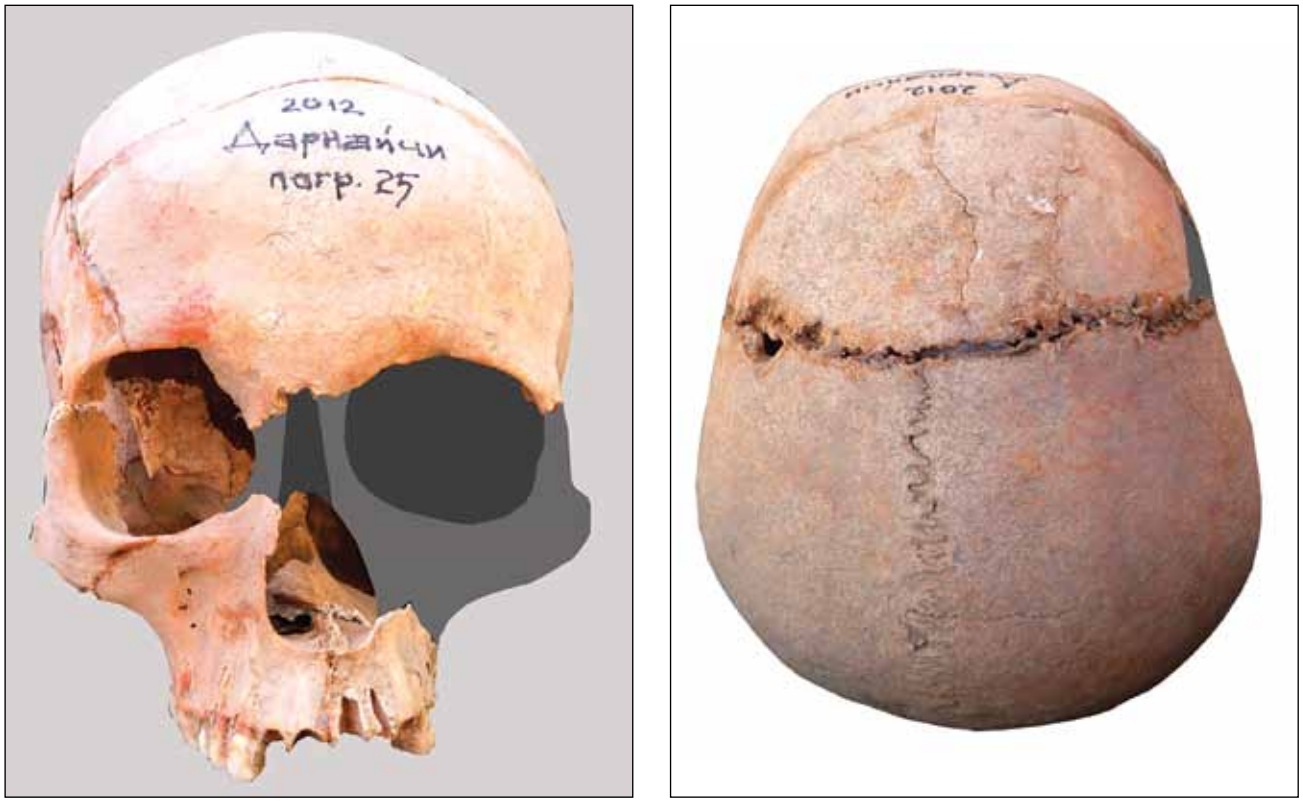


Рис. 10. Некрополь Дарнайчи, погребение 25 (женщина 19-20 лет, juvenis)

Рис. 11. Некрополь Дарнайчи, погр. 26 (мужчина 45-50, maturus)

ния эпифизов с телом кости. Краниум средней сохранности без нижней челюсти, с посмертной утратой левой скуловой кости и носо-лобного отростка верхней челюсти. Разрушена область переносья, утрачены носовые косточки.

В вертикальной норме череп сфеноидной формы. Черепная коробка короткая и широкая, брахикранная по указателю. Лоб широкий, сильно преломленный со слабо развитой областью глабеллы. Высоту лица не удалось корректно измерить, но визуально лицевой скелет высокий. Профилировка на орбитальном уровне средняя. Грушевидное отверстие имеет слегка приостренный край со слабо развитой подносовой остью. Клыковая ямка слабо углубленная. Череп демонстрирует европеоидный расовый комплекс с небольшой долей монголоидной компоненты.

Погребение 26. Череп зрелого мужчины весьма плохой сохранности (рис. 11). Посмертно разрушена вся левая область мозгового черепа. На черепной коробке удалось измерить лишь продольный диаметр, который попадает в категорию больших величин, а также высотный от базиона, который также демонстрирует большую величину. Сосцевидный отросток – 3 балла.

Грушевидное отверстие узкое с приостренным краем. На среднем уровне лицо резко клиногнатное. Подносовая ость имеет среднее развитие 3 – балла. Череп демонстрирует европеоидный расовый комплекс.

Таким образом женской серии черепов из верхнего кладбища Дарнайчи можно дать следующую характеристику – мозговая коробка брахикранная по черепному указателю, округлая, с не выступающим затылком.

Высокая (гипсикранная) по высотно-продольному указателю, и средневысокая (метриокранная) по высотно-поперечному указателю. Лоб широкий и выпуклый.

Лицо узкое и среднее по высоте, мезопрозопное, в вертикальной плоскости мезоортогнатное. Величины углов горизонтальной профилировки находятся на границе значений разделяющих европеоидные и монголоидные популяции. В данном случае, можно констатировать небольшую уплощенность лица на уровне орбит. Последние, средние по высоте и ширине, мезоконхные по указателю. Нос узкий средний по высоте, мезоринный. Носовые кости среднеширокие и средние по высоте, симотический угол 108°,0 Переносье широкое и высокое, дакриальный угол мень-

ше 90°,0. Угол выступания носа на границе малых и средних величин. Передненосовая ость имеет среднее развитие. Нижний край грушевидного отверстия представлен двумя разновидностями – антропинной и инфантильной формами.

Морфологическое строение черепов, демонстрирует их принадлежность к европеоидной расе. Из особенностей стоит отметить сочетание хорошо профилированного переносья с несколько уплощенными и средними по высоте костями носа, а также весьма плосковатое на орбитальном уровне лицо.

Показатель уплощенности лицевого скелета (Дебец, 1968) составил для исследуемой серии 36.9, преаурикулярный фациоцеребральный указатель – 86°,9. В данном случае можно констатировать резкое несоответствие вычисленных величин: преаурикулярно-фациоцеребральный (ПФЦ) указатель демонстрирует соотношение размеров лица и черепной коробки, характеризующих европеоидные группы, а указатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) свидетельствует о некоторой уплощенности лицевого скелета. Условную долю монголоидного элемента в таких случаях было предложено вычислять раздельно по УЛС и ПФЦ (Дремов, 1997. С. 24).

Вычисленная условная доля монголоидного компонента по УЛС составила 28,2%, по ПФЦ — 58.0. Таким образом, на женских черепах фиксируется совсем незначительная примесь монголоидных черт.

Для определения места изучаемой серии по сумме признаков в ряду синхронных краниологических материалов эпохи средневековья мы воспользовались методом вычисления главных компонент.

Для проведения сравнительного анализа были привлечены женские выборки эпохи раннего средневековья из разных районов Средней Азии и Казахстана, а также одна се-

Таблица 3

Привлеченные для межгруппового сравнения серии черепов (♀) с территории Средней Азии

No	Серия	Датировка	Источник
1	Дарнайчи (Юж. Таджикистан)	X-XI вв.	данные автора
2	Рогун (Юж. Таджикистан)	XVIII-XIX в.	Куфтерин, 2014
3	Миздахкан (Хорезм)	IX-XIII вв.	Ходжайов, 1970
4	Нариджан-Баба (Хорезм)	IX-XI вв.	Трофимова, 1958
5	Серахс-Баба (Юж. Туркмения)	XI-XII вв.	Бабаков, 1988
6	Куня-Ургенч (Хорезм)	XIII-XIV вв.	Трофимова, 1958
7	Шебургната	XII-XIII вв.	по Ходжайов, 2012
8	Кулагайтепа (Самаркандская обл.)	XII в.	»
9	Утурликтепа (Ср. теч. Сырдарьи)	XI-XII вв.	»
10	Гальватепа	XII в.	»
11	Султанкала (Юж. Туркмения)	XII в.	Зезенкова, 1959
12	Мачитли (Сев.Таджикистан)	X-XIII вв.	Кияткина, 1987
13	Алтынтепа и Сигиртепа (Шахрисябз)	IX-XI вв.	по: Ходжайов, 2012
14	Устюрт (Казахстан)	X-XIII вв.	»
15	Калмыккрылган (Хорезм)	X-XIV вв.	»
16	Хоняйлов (Уструшана)	X-XIII вв.	»
17	Кува (Юж. Фергана)	IX-X вв.	Зезенкова, 1974
18	Калаисар (Уструшана)	X-XII вв.	по: Ходжайов, 2012
19	Пенджикент-наусы (Сев. Таджикистан)	VII-VIII вв.	Гинзбург, 1953
20	Шахристан II (Кахкаха/Уструшана)	VII-IX вв.	Кияткина, 1961
21	Фринкент	XIII в.	Туркевич, 1963
22	Чартак (Сев. Фергана)	XII в.	по: Ходжайов, 2012
23	Ходжа Варух (Термез, Тохаристан)	IX-XI вв.	Ходжайов, 2012

рия черепов близких к современности, полученная недавно с территории Таджикистана (табл. 3).

В результате анализа было выделено 3 главные компоненты, отражающие в совокупности 59,0% изменчивости внутри анализируемых серий (табл. 4). По первой компоненте высокие положительные корреляции отмечаются с углом выступания носа и дакриальной высотой, отрицательные – с углами горизонтальной профилировки скелета: назомалярным и зигомаксиллярным. Вторая компонента имеет положительную корреляцию с верхней высотой лица и высотой носа.

При рассмотрении графика построенного по результатам компонентного анализа серий (рис. 12), обращает на себя внимание расположение черепов из Дарнайчи рядом с краниологическими раннесредневековыми выборками из Пенджикента (наусы) и Шахристана, представляющих древнее население Уструшаны. Конечно, названные сери демонстрируют значительно более резкую

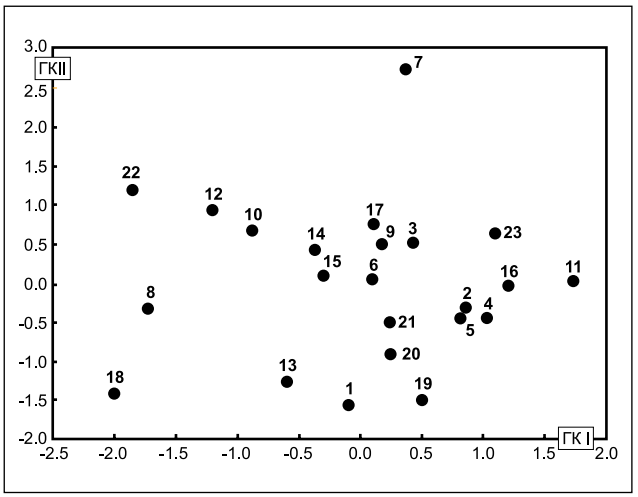


Рис. 12. Положение женских серий эпохи средневековья и выборки близкой к современности в пространстве первой (ГК I) и второй главных компонент (ГК II). Стрелкой указано расположение серии из Дарнайчи.
Обозначения:1 – Дарнайчи; 2 – Рогун; 3 – Миздахкан; 4 – Нариджан-Баба; 5 – Серахс-Баба; 6 – Куня-Ургенч; 7 – Шебургната; 8 – Кулагайтепа; 9 – Утурликтепа; 10 – Гальватепа; 11 – Султанкала; 12 – Мачитли 13 – Алтынтепа_Сигиртепа; 14 – Устюрт; 15 – Калмыккрылган; 16 – Хоняйлов; 17 – Кува; 18 – Калаисар; 19 – Пенджикент/наусы; 20 – Шахристан II; 21 – Фринкент; 22 – Чартак; 23 – Ходжа Варух;

Таблица 4

Элементы ГК для женских серий эпохи средневековья и выборки близкой к современности с территории Средней Азии и Казахстана

No Martin	Признак	ГКI	ГК II	ГК III
1	Продольный диаметр	0,607	0,522	-0,358
8	Поперечный диаметр	-0,184	0,598	0,117
17	Высотный диаметр	0,486	0,039	0,286
48	Верхняя высота лица	-0,181	**0,865**	0,132
45	Скуловой диаметр	-0,474	0,685	-0,275
77	Назомалярный угол	**-0,764**	0,361	0,071
<ZM	Зигомаксиллярный угол	**-0,893**	0178	-0,008
52	Высота орбиты	0,074	0,139	**0,825**
51a	Ширина орбиты от *dacrion*	0,312	0,656	0,113
54	Ширина носа	-0,435	0,276	-0,518
55	Высота носа	-0,070	**0,782**	0,455
DS	Дакриальная высота	**0,771**	-0,149	-0,055
DC	Дакриальная ширина	0,232	-0,266	**-0,823**
SS	Симотическая высота	0,328	0,177	0,042
SC	Симотическая ширина	0,069	-0,199	0,061
75(1)	Угол выступания носа	**0,783**	0,061	0,029
Собственные числа		3,947	3,315	2,176
Доля в общей дисперсии (%)		24,670	20,716	13,603

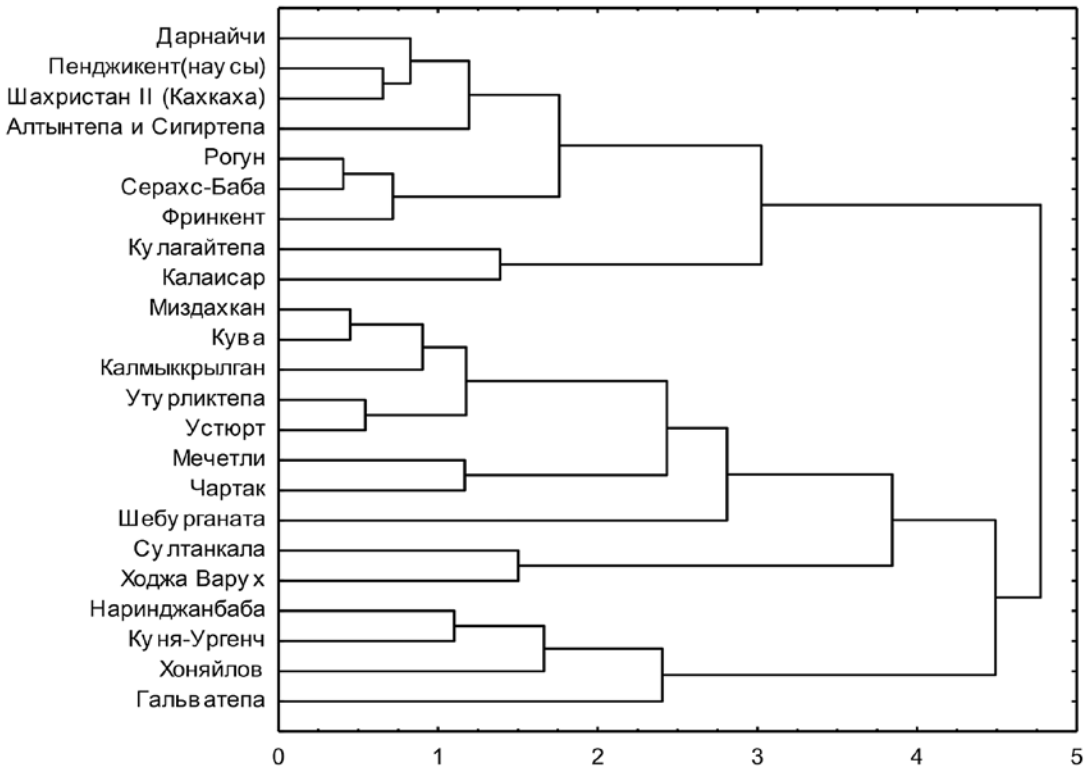


Рис. 13. Дендрограмма, построенная по результатам компонентного анализа женских серий эпохи средневековья и выборки близкой к современности

профилировку лицевого скелета, сильное выступание носа. Они находятся в области положительных значений первой главной компоненты и на дендрограмме (рис. 13) образуют субкластер в который входит и средневековые черепа из Шахрисябса – Алтынтепа и Сигиртепа.

В масштабе привлеченных серий рогунская серия черепов таджиков близких к современности сблизилась с выборкой черепов из Южной Туркмении – Серахс-Баба и черепами из Фринкента, они находятся в положительно-отрицательном поле графа и характеризуются европеоидным краниотипом с небольшой монголоидной примесью, образуя второй субкластер на рассматриваемой нами дендрограмме. К рассмотренному кластеру тяготеют черепа из Кулагайтепа и Калаисара.

Выраженными монголоидными особенностями отличается серия из Шебургната Бухарской области Узбекистана, расположившаяся в области положительных значений второй главной компоненты. Далее по степени убывания монголоидной примеси в пространстве главных компонент располагаются серии из Чартака, Мечетли. Устюрта, Гальватепа.

В центральной области графа находятся серии черепов из городских некрополей среднего течения Сырдарьи – Утуликтепа, Южной Ферганы –Кува, и Хорезма – Нариджанбаба, Куня-Ургенч, Кылмкрылган. Большими значениями по первой компоненте характеризуются серии из Султанкалы, некрополя Старого Термеза – Ходжа Варух и Уструшаны – Хоняйлов. Все упомянутые краниологические серии являются носителями европеоидного краниотипа.

Подведем итог, сказанному. Женская серия черепов из могильника Дарнайчи продемонстрировала сходство по сумме признаков с выборками, представляющими древнее население Уструшаны. Напомним, что по результатам исследований Т.П. Кияткиной: «в сельском населении Уструшаны отмечена монголоидная примесь, что свидетельствует о смешении сельского, очевидно скотоводческого и частично кочевого населения с монголоидами» (Кияткина, 1965).

В этой связи определенный интерес представляют исторические источники, освещающие сложившуюся этническую ситуацию на юге Таджикистана в эпоху раннего средневековья. По сообщениям китайского

источника относящегося к 726—727 гг. половину населения Хутталя составляют тюрки. Кроме того этот же источник сообщает о том, что цари в Хуттале, Кумеде и Вахане были тюрками (Ставиский, 1957; цит. по: Кармышева, 1976).

Рассмотренная выборка черепов из Дарнайчи в таксономическом и расогенетическом аспектах может быть отнесена к расе среднеазиатского междуречья. В свою очередь она может рассматриваться как составная часть антропологических типов, формировавшихся в Южном Таджикистане в эпоху раннего средневековья в результате активного взаимодействия с населением монголоидного облика, что хорошо коррелирует с исторической ситуацией, известной по письменным источникам.

ЛИТЕРАТУРА

Беленицкий А.М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н.э. // МИА. № 15. М., 1950. С. 109- 127.

Бужилова А.П. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: ИА РАН, 1998. 260 с.

Гинзбург В.В. Антропологические материалы из окрестностей Древнего Пянджикента // МИА. № 66. М., 1958

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гурвич. М.: Наука, 1968. С. 13-22.

Дремов В.А. Население верхнего Приобъя в эпоху бронзы. Томск: Изд-во Томского университета, 1997. 260 с.

Зезенкова В.Я. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва // ТрЮТАКЭ. Т. IX. 1959.

Зезенкова В.Я. Кувинские черепа IX–X вв. // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1974. С. 68 – 86.

Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976. 321 с.

Кияткина Т.П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. Автореф. дис.... канд. истор. наук. Душанбе, 1965. 18 с.

Кияткина Т.П. Могильник Мачитли // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе, 1987. С. 251–279.

Кияткина Т.П. Краниологические материалы с городища Кахкаха (Шахристан II). По материалам раскопок Ходжентско-Уструшанского отряда 1956 г. // Известия отд. обществ. наук АН ТаджССР. Вып. 1 (24). Душанбе, 1961. С. 47–58.

Ставиский Б.Я. Хутталь в сообщениях китайских путешественников Сюань-Цзяня и Хой Чао // Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. Вып. 14. 1957.

Трофимова Т.А. Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных территорий // ТрХАЭЭ. Т. II. 1958. С. 639-704

Туркевич Г.Б. Черепа из зороастрийского костехранилища в Фринкенте под Самаркандом // Антропологический сборник IV [ТИЭ. Т. 82]. М.: Наука, 1963. С. 154–168.

Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К. Старый Термез (к антропологии населения Бактрии – Тохаристана) / Отв. ред. С.В. Васильев. Актобе, Изд-во: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. 320 с.

Kerr N.W. Childhood health of two Scottish Medieval populations as revealed by enamel (hypoplastic) defects // J. of Paleopathology. V. 2(1). 1989. P. 23-32

В.В. Куфтерин

Новая палеоантропологическая находка из Южного Таджикистана (погребение эпохи бронзы в местности Обидара)[1]

В результате разведочных работ Муминабадского археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан (начальник Т.У. Худжагелдиев) на территории Муминабадского района Хатлонской области (джамоат Боггаи) в 2014 г. было обнаружено и изучено погребение эпохи бронзы. Оно располагается в 25 км северо-восточнее г. Куляб, в 2 км к востоку от селения Лангар, на левом берегу ущелья Обидара (долина р. Яхсу), на высоте 2050 м над уровнем моря.

Верхняя часть погребения была разрушена техникой при строительстве современной полевой дороги, южная – размыта сезонным ручьем. Конструкцию погребального сооружения проследить не удалось, но, по-видимому, оно представляло собой камеру подпрямоугольной формы, ориентированную по оси северо-запад – юго-восток. Размеры сохранившейся части сооружения: 1,5 × 1,4 × 0,5-0,7 м. Погребенный был уложен в скорченном положении на левом боку, головой ориентирован на юго-восток. Погребальный инвентарь составляли 10 керамических сосудов (7 выполнены на гончарном круге), кремневые черешковый наконечник стрелы подтреугольной формы и микронуклеус для снятия микропластин. Также в погребении содержались ребра МРС.

По аналогии с могильниками Гелот и Дарнайчи (Восейский район Хатлонской области), автор раскопок считает возможным отнести данное погребение к раннему этапу сапаллинской земледельческой культуры и датировать концом III – началом II тыс. до н.э. (устное сообщение Т.У. Худжагелдиева).

С учетом немногочисленности палеоантропологических материалов эпохи бронзы с территории Таджикистана, а также сложности этнокультурной ситуации в Средней Азии этого периода, публикация любых новых данных представляется актуальной задачей. В настоящем сообщении представлены результаты комплексной антропологической экспертизы скелетных останков из раскопок в Обидара.

Материал и методы исследования

Поступивший на исследование палеоантропологический материал в целом плохой сохранности. Эпифизарные отделы длинных костей разрушены, плоские кости фрагментированы. Череп имеет посмертную деформацию (правая половина мозговой капсулы «вдавлена» в полость черепа), лицевой скелет также деформирован (сдавлен в боковом направлении). Череп был взят в лессовом монолите, его реставрация, ввиду плохой сохранности костной ткани, невозможна. Все метрические параметры измерены с «?». Элементный состав скелета из Обидара представлен в табл.1. Следует отметить, что при разборе пакетов со скелетными останками из обсуждаемого погребения в них были обнаружены фрагменты проксимального эпифиза правой локтевой и дистального – правой плечевой костей, принадлежавшие другому индивиду. Данные фрагменты, возможно, происходят из еще одного разрушенного погребения, однако уверенно ответить на этот вопрос, учитывая внеконтекстный характер находок, сложно.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-01-00288а.

Таблица 1

Элементный состав и сохранность скелета из погребения в местности Обидара

Элемент скелета	Целые кости	Фрагменты
Мозговой отдел черепа	1	0
Лицевой отдел черепа	1	0
Нижняя челюсть	0	4
Изолированные зубы	3	0
Позвонки	0	5
Ребра	0	37
Грудина	0	0
Лопатка	0	5
Ключица	2	0
Таз	0	1
Крестец	0	0
Плечевая	0	6
Лучевая	0	5
Локтевая	0	4
Бедренная	0	1
Большая берцовая	0	0
Малая берцовая	0	3
Надколенник	0	0
Кости запястья и предплюсны	3	0
Пясть и плюсна	8	0
Фаланги кисти и стопы	7	0
Неопределенные	0	9

Программа обследования включала в себя установление поло-возрастной принадлежности скелетных останков, возможно полное описание морфологических особенностей и патологических изменений. Материал изучался с опорой на общепринятый спектр методических рекомендаций (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Зубов, 1968; Историческая экология человека, 1998; Buikstra, Ubelaker, 1994) в фондах Кабинета антропологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ (г. Душанбе) в августе 2015 г.

Результаты и обсуждение

Установление половой принадлежности индивида существенно облегчается наличием фрагмента левой подвздошной кости. Конфигурация большой седалищной вырезки (широкая, образует почти прямой угол) и общая грацильность имеющихся костных фрагментов позволяют уверенно определить пол погребенного как женский. Состояние зубной системы (у передних зубов стерты режущие края, у задних – бугорки, в ряде случаев затронут дентин) и суставных поверхностей имеющихся элементов, на которых отсутствуют выраженные следы дегенеративных изменений, дают возможность определить биологический возраст индивида из Обидары в интервале 25–40 лет (adultus – maturus I).

Для обследования в общей сложности доступно 8 зубов. Их метрические характеристики (табл. 2) свидетельствуют об их некрупных размерах (микродонтия). Стертость правого клыка (C^d) превышает физиологическую (затронут нервный канал). На корнях правых $P^{1,2}$ фиксируется усиленное отложение вторичного цемента (гиперцементоз). С учетом прижизненной потери правых и левых $P_2 - M_1$ (альвеолы полностью облитерированы), ведущим этиологическим фактором, спровоцировавшим заболевание, можно считать отсутствие зубов-антагонистов (Луцкая, 2008). Кроме того, гиперцементоз может являться составляющей целого ряда болезней и симптомов (Халдеева и др., 2014. С. 121), к которым в нашем случае можно отнести проявление апикального абсцесса в области левого M_1 (имеется каверна диаметром около 10 мм) и пародонтические изменения альвеол правых I_2 и C_1.

Таблица 2

Метрические характеристики сохранившихся зубов черепа из погребения в местности Обидара

Зуб	VL	MD
I^{1d}	7,8	8,9
P^{1d}	8,7	6,1
P^{2d}	8,6	6,4
I_{2d}	5,8	6,1
C_d	6,6	6,6
$M_{2s?}$	9,9	10,6
$M_{3s?}$	9,7	10,8

Таблица 3

Краниометрические характеристики черепа из погребения в местности Обидара

Признак	Параметр
1. Продольный диаметр	190?
52. Высота орбиты	42?
54. Ширина носа	22?
55. Высота носа	50?
67. Передняя ширина нижней челюсти	49?
69. Высота симфиза	28
69(1). Высота тела	27
69(3). Толщина тела	11
70. Высота ветви	59? (d.)
71a. Наименьшая ширина ветви	30 (d.)
C. Угол выступания подбородка	66?
NV. Форма черепной коробки сверху	овоид
AS. Надбровные дуги	1
PO. Наружный затылочный бугор	2
PM. Сосцевидный отросток	2
AP. Нижний край грушевидного отверстия	anthr.
54:55. Носовой указатель	44,0?

Морфологическая характеристика черепа существенно затрудняется наличием посмертной деформации (большинство измерений произвести невозможно) и плохой сохранностью. Краткие краниометрические сведения содержатся в табл. 3. Визуально черепная коробка долихокранная, в вертикальной норме имеет овоидные очертания (лобные и теменные бугры сглажены, наибольшая ширина черепа приходится на заднюю часть мозговой капсулы). Продольный диаметр очень большой. Рельеф ослаблен, нижний край грушевидного отверстия острый (anthropina). Лицевой скелет (насколько позволяет судить сохранность) визуально хорошо профилирован в горизонтальной плоскости. Орбиты очень высокие (возможно – результат посмертной деформации). Нос средней или большой высоты, малой ширины, по указателю лепторинный (узкий). Восходящие лобно-носовые отростки верхней челюсти позволяют предположить хорошее выступание костного носа. Нижняя челюсть имеет большую переднюю ширину, невысокие симфиз и тело, высокую и неширокую ветвь.

Учитывая общую грацильность черепа (несмотря на большую величину продольного диаметра) и лептомезоморфность строения лицевого скелета, можно в предположительной форме связать этот морфологический комплекс с кругом южных узко-средневысоколицых европеоидных форм, известных по материалам Кангурттута (Кияткина, 2008), Гелота (Нечвалода, 2010; 2012) и Пархара (Дубова, 2015). Параллелей с серией тазабагъябской культуры и черепами андроновцев Восточного Казахстана, усматриваемыми Л.Т. Яблонским (2004) на черепе из Кангурттута, материал из Обидары не демонстрирует.

Продольные параметры длинных костей, к сожалению, охарактеризовать не удается. Остеометрические и остеоскопические данные по посткраниальному скелету из Обидары приводятся в табл. 4 и 5. Плечевые кости резко уплощенные (платибрахиальные), довольно грацильные как по размерам наименьшей окружности, так и по общему развитию элементов рельефа. Диафиз правой локтевой, судя по указателю поперечного сечения, также довольно грацильный, правой лучевой – напротив, рас-

Таблица 4

Остеометрические характеристики элементов посткраниального скелета из погребения в местности Обидара

Признак	Правая сторона	Левая сторона
Плечевая кость		
5. Наибольший ∅ середины диафиза	22	20
6. Наименьший ∅ середины диафиза	14	13
7. Наименьшая окружность диафиза	54	51
7a. Окружность середины диафиза	60	55
6:5. Указатель поперечного сечения	63,6	65,0

Таблица 4 (Окончание)

Остеометрические характеристики элементов посткраниального скелета из погребения в местности Обидара

Признак	Правая сторона	Левая сторона
Локтевая кость		
11. Сагиттальный ∅ диафиза	11	-
12. Поперечный ∅ диафиза	15	-
13. Верхний поперечный ∅ диафиза	-	18
14. Верхний сагиттальный ∅ диафиза	-	18
11:12. Указатель поперечного сечения	73,3	
13:14. Указатель платолении	-	100,0
Лучевая кость		
3. Наименьшая окружность диафиза	37	35
4. Поперечный ∅ диафиза	13	-
5. Сагиттальный ∅ диафиза	10	-
5:4. Указатель поперечного сечения	76,9	-
Ключица		
6. Окружность	34	36
Бедренная кость		
6. Сагиттальный ∅ середины диафиза	24	-
7. Поперечный ∅ середины диафиза	24	-
8. Окружность середины диафиза	75	-
9. Верхний поперечный ∅	30?	-
10. Верхний сагиттальный ∅	21?	-
6:7. Указатель пилястрии	100,0	-
10:9. Указатель платимерии	70,0	-

Таблица 5

Остеоскопическая характеристика мышечного рельефа длинных костей скелета из погребения в местности Обидара

Признак	Правая сторона	Левая сторона
Плечевая кость		
Дельтовидная бугристость	2	2
Латеральный край	-	1
Локтевая кость		
Межкостный край	1,5	-
Бугристость	-	1,5
Гребень супинатора	-	1,5
Лучевая кость		
Бугристость	1,5	1,5
Межкостный край	1	1
Бороздки, бугорки	-	2,5
Бедренная кость		
Шероховатая линия	1	-

ширен. Верхняя часть диафиза левой локтевой кости характеризуется гиперэуролением (сильно расширена). Фрагмент диафиза правой бедренной кости выделяется очень слабо развитым пилястром и резко уплощенной верхней частью (гиперплатимерия). Мышечный рельеф всех элементов развит слабо (за исключением бороздок и бугорков дистальной части задней поверхности левой лучевой кости – признака, характеризующего интенсивность работы кисти).

Заключение

Представленные на исследование скелетные останки принадлежали женщине возмужалого или зрелого возраста (25–40 лет). Морфологические особенности черепа и посткраниального скелета позволяют в предположительной форме связать индивида из Обидара с кругом грацильных, лептомезоморфных южно-европеоидных форм. Последнее не

исключает вывода археологов о принадлежности данного погребения к раннему этапу сапаллинской земледельческой культуры. Выраженных параллелей с представителями «степного мира» физический тип женщины из Обидара не демонстрирует.

Автор выражает признательность Т.У. Худжагелдиеву – начальнику Муминабадского археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, за возможность работы с публикуемым материалом.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Дубова Н.А. Новые антропологические данные о населении эпохи бронзы Южного Таджикистана // XI Конгресс антропологов и этнологов России. М., Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 152.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 189 с.

Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. 261 с.

Кияткина Т.П. Определение антропологического материала с земледельческого памятника Кангурттут в Южном Таджикистане // Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М.: ИВ РАН, 2008. С. 465-466.

Луцкая И.К. Диагностический справочник стоматолога. М.: Медицинская литература, 2008. 362 с.

Нечвалода А.И. Череп из богатого земледельческого погребения эпохи бронзы в Гелоте, Таджикистан // Человек: его биологическая и социальная история. М.; Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. Т. 1. С. 240-242.

Нечвалода А.И. Палеоантропологические материалы из раскопок могильника Гелот в 2009 году // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 166-175.

Халдеева Н.И., Лейбова Н.А., Селезнева В.И. О гиперцементозе по материалам коллекции Л. и К. Вагенгеймов (Кунсткамера Петра Великого) // ВтА. 2014. № 1(27). С. 113-127.

Яблонский Л.Т. Череп человека из Кангурттута // Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: ИВ РАН, 2004. С. 275-285.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (Eds.) Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey. Research Series. 1994. No. 44. 264 p.

А.Ю. Худавердян, С.Г. Обосян

Антропо-экологическое исследование некрополя эпохи поздней бронзы и раннего железного века Багери чала (Армения)

В предлагаемой работе рассматривается новый антропологический материал из могильника эпохи поздней бронзы и раннего железного века Багери чала (Лорийский район, Армения). Памятник расположен в 7 км к югу от с. Шнох, на левобережном возвышенном мысе р. Шнох (рис. 1). Раскопки могильника проводились в 2006-2014 гг. под руководством С.Г. Обосяна.

Антропологический материал в настоящее время хранится в кабинете физической антропологии Института археологии и этнографии НАН РА. Программа исследования включала определение краниометрических, краниоскопических и одонтологических параметров; также предпринимается попытка комплексного рассмотрения демографии, патологических особенностей и оценки последствий физиологической адаптации населения, оставившего могильник. Необходимо отметить, что весь антропологический материал из могильника Багери чала имеет

Рис. 1. Могильник Багери чала. Общий вид

плохую или очень плохую сохранность. Потребовалась значительная реставрационная работа, которая была осуществлена А.Ю. Худавердян.

Особенности половозрастной структуры

Всего имеются сведения о 32 индивидах, захороненных в могильнике Багери чала. Мужчины и юноши составляют 43,75%, женщины, соответственно 28,13%, у троих субъектов пол не определен. Общий показатель детской смертности составил величину 15,6%. Скелетов младенцев, умерших до 2-летнего возраста в погребениях Багери чала не обнаружено. Следует отметить, что аналогичная ситуация наблюдается в синхронной группе из Ширакской равнины (могильник Черная Крепость) (Худавердян, 2009).

Немногочисленность детских скелетов удивляет, т.к. для эпохи бронзы общеизвестен факт очень высокой детской смертности. Исследователями установлено, что детская смертность в древних и традиционных обществах должна находиться в пределах 30–70%, причем уровень младенческой смертности высокий и должен находиться в пределах 10–40% (Weiss, 1973; Романова, 1989). К примеру, для Среднего и Нижнего Поволжья процент детской смертности примерно приближается к 50 (45,3% на Смеловском грунтовом некрополк (Нечвалода, 2005), 51,5% на могильнике срубной культуры Бариновка I (Хохлов, 2002)).

В могильнике Багери чала в основном практиковались два типа захоронений – погребения по обряду трупоположения (мужчины на правом боку, женщины на левом) и выставление трупов. Как известно, костная система ребенка еще не полностью развита: скелет в основном состоит из хрящевой ткани и поэтому после распада мягких тканей и поедания их хищными птицами, останки собрать и захоронить было невозможно. Следовательно, феномен малочисленности детских скелетов можно связать с погребальной традицией выставление трупов.

У женщин высокие показатели смертности в возрастных когортах 20–24, 25–29 и 30–34 лет (рис. 2). Затем идет снижение смертности. Таким образом, для женской части населения характерна очень высокая стрессовая нагрузка в молодом возрасте, в интервале 20–35 лет, наиболее активном детородном возрасте. Доля женщин умерших в возрасте 25-34 лет (adultus) превышает таковую мужчин, что вполне объяснимо распространением специфических заболеваний в период родов и после них. Эти показатели вполне сопоставимы с таковыми синхронных групп из могильников Черная Крепость (Худавердян, 2009) и Гонур-депе (Дубова, Рыкушина, 2007). Показатель смертности у мужчин выше в период юности и молодости (15-24 лет). Вероятно причиной высокой смертности молодых мужчин могла быть сложная военная обстановка в обществе. В ходе любой войны наибольшие потери наблюдаются среди новобранцев, к которым для Багери чалайского социума можно отнести 15-24-летнюю когорту. В возрасте же «ветеранов», т.е. свыше 25 лет смертность резко понижается. Несмотря на обнаружение в группе нескольких эпизодов насилия, нет никаких свидетельств

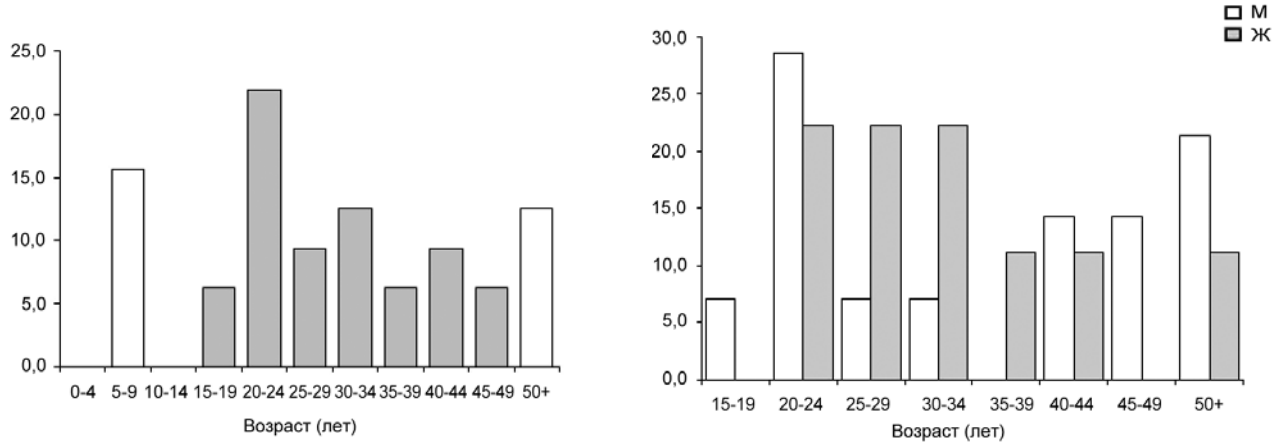


Рис. 2. Процент индивидов в возрастных когортах

участия населения в военных конфликтах. В погребениях отсутствуют стрелы, боевые топоры, кинжалы (Обосян, 2011). Смертность юношей и мужчин в период 15–24 лет, скорее всего, не была связана с военными действиями. В зрелом возрасте – 35-54 года (maturus) и в старческом (senilis) смертность мужчин превышает таковую у женщин.

Средняя продолжительность жизни у населения Багери чала (с учетом детской смертности) составила величину 29,7 года, без учета детской смертности – 33,8. Мужчины данной палеовыборки умирали в среднем в 36,1 лет, а женщины в 33,1 года. Обращает внимание, что средний возраст смерти мужчин выше, чем женщин. Сравнивая среднюю продолжительность жизни взрослого населения Багери чала с синхронными группами, следует сказать, что она практически одинакова с таковой у населения Гонур-депе (средний возраст популяции, включая детей, составил суммарно 29,86 года) и Бустон VI (средний возраст смерти, включая детей, составил величину 29,5 лет, без учета детской смертности – 33,2 года) (Дубова, Рыкушина, 2007. С. 317; Дубова, Куфтерин, 2015). Совпадают и показатели продолжительности жизни мужчин из Багери чала (36,1 год) и Гонур-депе (36,67 года). По абсолютной величине продолжительности жизни население Багери чала также близка к популяциям Юго-Западной (Иран, Ирак) (Rathburn, 1984) и Средней Азии (Кара-депе и Геоксюр).

Краткий анализ особенностей физического типа населения

Результаты измерения черепов из Багери Чала приведены в таблицах 1 и 2. Малочисленность материала и плохая сохранность не дала возможности полно охарактеризовать

Таблица 1

Индивидуальные размеры и указатели мужских черепов из могильника Багери чала

№ признака по Р. Мартину		♂						
	Признак	**пог. 9**	**пог. 11**	**пог. 15**	**пог.18**	**пог.21**	**пог.23**	**пог.31**
1	Продольный диаметр		188,5		192		199	
8	Поперечный диаметр		137,5		132,5	135?		
17	Высотный диаметр		134					
5	Длина основания черепа		97					
9	Наименьшая ширина лба		93	95,8	92,8	96?		
10	Наибольшая ширина лба		119	125		116?		
11	Биаурикулярная ширина		116,5					
12	Ширина затылка		106		107		103?	
43	Верхняя ширина лица				102?			
46	Средняя ширина лица		99					94
60	Длина альвеол. дуги	50,5?			56			51,5
61	Ширина альвеол.дуги	53?	63,5		68,8			61
62	Длина неба				46			41
63	Ширина неба	21	33		38			31
54	Ширина носа				28?			25?
51	Ширина орбиты mf		38?		40,5			
51a	Ширина орбиты d		36?		38			
52	Высота орбиты		30		31			
29	Лобная хорда	107,5	110	110	108	123,8	118,5	
30	Теменная хорда		123		117,5	132	121,5	
31	Затылочная хорда		97,3					

Таблица 1 (Окончание)

Индивидуальные размеры и указатели мужских черепов из могильника Багери чала

№ признака по Р. Мартину		♂						
	Признак	**пог. 9**	**пог. 11**	**пог. 15**	**пог.18**	**пог.21**	**пог.23**	**пог.31**
77	Назомолярный угол		137		133			
8:1	Черепной указатель		73,14		69,02			
17:1	Выс.-прод. указатель		71,09					
17:8	Выс.-поп. указатель		97,46					
9:8	Лобно-поп. указатель		67,64		70,31	71,12		
52:51	Орбитный указатель		78,95		76,55			
52:51a	Орбитный указатель		83,34		81,58			
63:62	Небный указатель				82,61			75,61

Таблица 2

Индивидуальные размеры и указатели женских черепов из могильника Багери чала

№ признака по Р. Мартину		♀	
	Признак	**пог. 3**	**пог. 5**
1	Продольный диаметр	190	183,5
8	Поперечный диаметр	131	133
17	Высотный диаметр		
5	Длина основания черепа		
9	Наименьшая ширина лба		101,5
10	Наибольшая ширина лба		121?
12	Ширина затылка		103,5
61	Ширина альвеолярной дуги	60?	
62	Длина неба	59	
63	Ширина неба	28	
54	Ширина носа	28?	
29	Лобная хорда	120	113?
30	Теменная хорда	107	120?
31	Затылочная хорда		110?
8:1	Черепной указатель	68,95	71,695
9:8	Лобно-поп. указатель		76,32

морфологические особенности погребенных. Мужские черепа имеют очень большой продольный, малый поперечный, средний высотный диаметры, долихокранную мозговую коробку с умеренно развитым лобным рельефом. Ширина лобной кости – средняя, затылок – узкий. Лицо узкое, среднеширокое, хорошо профилированое в горизонтальной плоскости. Орбиты неширокие и невысокие. Женщины обладали сходным краниотипом, мозговая коробка у них долихокранная с очень большим продольным и малым поперечным диаметрами. Лоб широкий, лицо среднеширокое. Нос широкий по абсолютной величине.

Особенности строения черепа могут быть генетически детерминированы (дискретно-варьирующие признаки), а могут быть следствием системных или инфекционных заболеваний. Прежде всего, отметим собственно аномалии, природа происхождения которых не связана (или слабо связана) с бо-

лезнями и особенностями физиологического статуса индивида, а имеет генетическую обусловленность. У населения Багери чала завышенные частоты (Мовсесян, Кочар, 2001; Khudaverdyan, 2012) шовных косточек в лямбдовидном, чешуйчатом швах, резцового шва, отверстий в затылочно-сосцевидном шве, теменных, крылоостистых, скуло-лицевых, надглазничных, подглазничных отверстий, канала подъязычного нерва, разделенного перегородкой, заднемыщелкового отверстия, боковой ости и отсутствия задней стенки остистого отверстия. Население характеризуется умеренными и низкими частотами встречаемости сквозного канала в области ямки турецкого седла, отростка затылочной кости, парных бугорков, располагающихся у переднего края затылочного отверстия, вставной кости в области теменной вырезки, лобного отверстия и отростка височной чешуи, мендозного и лобного швов, двухсоставного затылочного мыщелка, шовных косточек в венечном шве, смыкания краев челюстно-подъязычной борозды, добавочных мандибулярных отверстий, добавочных косточек неправильной формы в области лямбды и астериона (табл. 3).

Опишем одонтологические особенности индивидов из Багери чала. Диастема между верхними медиальными резцами обнаружена у 2 погребенных (n=4). Общая частота встречаемости краудинга в серии высокая (50%, n=6). Редукция верхнего латерального резца (балл 1) обнаружена у 60% субъектов (n=16). Лопатообразные формы резцов в группе регистрировались часто, составляя на медиальных резцах 6 (28,59%) случаев. На латеральных резцах эти формы зафиксированы у 9 индивидуумов (50%). Редукция гипоконуса на вторых верхних малярах выявлена у 80,96% субъектов (n=21). Весьма низка частота фиксации признака – бугорок Карабелли (8,7%, n=23) и повышена – лирообразной формы первой борозды эоконуса (17,4%). Отсутствуют шестибугорковые формы на нижних малярах, пятибугорковые формы характеризуются высокими частотами (66,67%). Межбугорковые борозды на первом нижнем маляре имеют высокую частоту типов «Y» (10/18) и «+» (8/18). Четырехбугорковые формы вторых нижних маля-

Таблица 3

Частоты краниоскопических признаков у индивидов из могильника Багери чала

Признаки	%
Sutura frontalis	16,67 (18)
Foramina supraorbitalia	43,75 (16)
Foramina frontalia	22,23 (18)
Spina trochlearis	41,67 (12)
Foramina infraorbitalia	40,0 (5)
Foramina zygomaticofacialia	53,85 (13)
Spina processus frontalis ossis zugomatici	
прямой	4
выступ	4
отросток	2
Stenocrotaphia	
H-обр.	3
K-обр.	1
X-обр.	1
Processus frontalis squamae temporalis	20,0 (5)
Os Wormii suturae squamosum	55,0 (20)
Os postsquamosum	28,58 (14)
Os Wormii suturae coronalis	13,64 (22)
Foramina parietalia	57,15 (21)
Os apicis lambdae	5,27 (19)
Os Wormii suturae lambdoidea	89,48 (19)
Sutura mendosa	20,0 (15)
Os asterion	9,1 (11)
Foramina mastoidea	
на шве	75,0 (16)
вне шва	70,59 (17)
Suturapalatinatransversa	
прямой	2
выпуклый	-
вогнутый	2
извилистый	-
П-образный	3
Sutura incisiva	80,0 (10)
Foramen pterygospinosum	66,67 (3)
Canalis craniopharyngeus	33,34 (3)
Отсутствие foramina spinosum	41,67 (12)
Condylus occipitalis bipartitum	16,67 (6)
Processus paramastoideus	33,34 (3)
Tuberculum praecondylare	25,0 (4)
Canalis condyloideus	42,86 (7)
Canalis hypoglossi bip.	71,43 (7)
Foramina mentalia	60,0 (10)
Sulcus mylohyoideus	13,34 (15)
Foramina mandibularia	14,29 (14)

ров выявлены у 18 субъектов (85,72%), чаще встречаются узоры «Y» (9/18) и «+» (7/18). Четырехбугорковые формы третьих нижних маляров обнаружены у 4 субъектов (n=12). Для населения Багери чала характерны высокие частоты встречаемости дистального гребня тригонида (42,86%, n=21), коленчатой складки метаконида (38,1%) и II варианта второй борозды метаконида (38,1%). Встречаемость внутреннего среднего дополнительного бугорка на первом нижнем маляре небольшая (9,53%). Следует указать и на наличие некоторых архаических черт в строении зубной системы населения Багери чала. Об этом может свидетельствовать повышенная частота лабидодонтных форм прикуса (4 индивида) и высокая – лопатообразных форм верхних резцов. В масштабе западного одонтологического ствола популяция Багери чала характеризуется ярко выраженным комплексом особенностей, которые, бесспорно, придают своеобразие одонтологическому типу населения, выделяя его из среды типичных представителей южного грацильного типа (южных европеоидов).

Характеристика отдельных заболеваний и травм

Зубные патологии. Из 25 взрослых субъектов кариозные полости фиксировались на зубной системе двух мужских и четырех женских черепов (24%). У ребенка 6-7 лет (погр. 30) на первом молочном моляре также выявлен кариес. Появление кариеса зависит от целого ряда факторов, однако ведущей причиной являются особенности питания (DePaola, 1982). При диете с высоким содержанием белков риск появления кариеса существенно снижается. По частотам встречаемости кариеса багеричайлайское население совпадает с группами из Черной крепости (30%) (Худавердян, 2009) и Лори Берда, где частота кариеса составляет 28,6% у взрослого населения (Худавердян и др., 2014). Из 13 черепов взрослых субъектов с территории Севанского бассейна только у трех женщин обнаружены зубы с небольшими кариозными полостями: два маляра (Сарухан, погр. 13; Арцвакар, погр. 8) и один премаляр (Арцвакар, погр. 9). В синхронной серии из могильника Норатус признак не встречается (Худавердян, 2016).

Рис. 3. Альвеолярный абсцесс, кариес, периостит (Багери Чала, погр. 25)

Стоит отметить, что у женщины из погребения 25 кариозное поражение на M_1 сопровождается осложнениями в виде периапикального отверстия в альвеолярном крае нижний челюсти и периостита (рис. 3).

Из зубных патологий в серии также наблюдались минерализованные отложения светло-желтого или серого цвета, частота которых достигает 40% (n=25). На детских зубах признак не фиксируется. Из двух подростков зубной камень обнаружен у одного, из 15 мужчин, маркер был у 7(46,67%), из 8 женщин – у 2(25%), из троих взрослых не определенного пола, признак фиксируется у одного. Признак чаще определялся на резцах, премалярах, малярах (табл. 4). Более высокие частоты отложения зубного камня встречается у индивидов из Севанского бассейна (Норатус: 86,67%, сборная краниологической серии: 72,73%) и Ширакской равнины (Черная Крепостъ: 60%). Известно, что образование зубного камня стимулирует избыток витамина А, кальция и углеводов (Stanton, 1969).

О некоторой специфике диеты, в которую, вероятно, входили какие-то твердые компоненты растительного происхождения, свидетельствует встречаемость патологической стертости эмали зубов (рис. 4: погр. 9). Из 15 мужских черепов, маркер был выявлен у 6 (40%), из 8 женских – у 3 (37,5%). Признак чаще фиксируется на премалярах, резцах и на первых малярах (табл. 4). На детских и юношеских зубах признак не наблюдался. Более низкие частоты встречаемости стертости эмали зубов у индивидов эпохи поздней

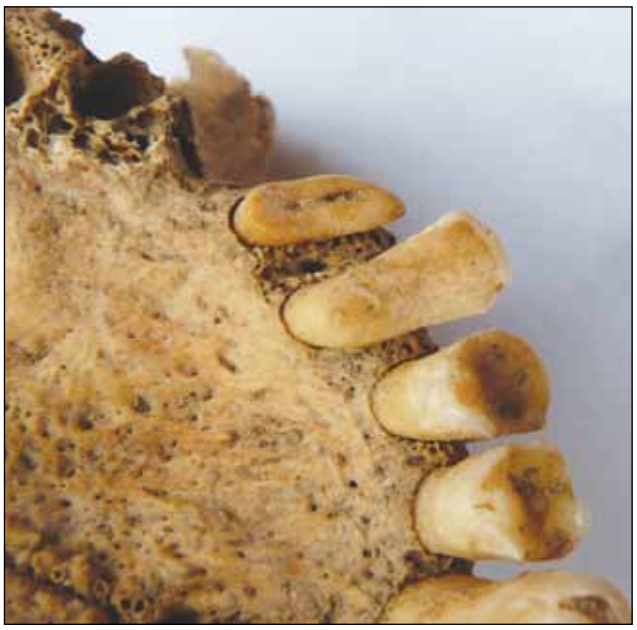


Рис. 4. Стертость эмали на верхних правых премалярах

бронзы и раннего железа с территории Севанского бассейна (Норатус: 20%, в сборной краниологической серии: 25%) (Худавердян, 2016).

На исследуемом материале у пяти индивидов кариозные поражения зубов сопровождаются осложнениями в виде периапикальных отверстий в альвеолярных краях верхних и нижних челюстей. Заболевания образуются вокруг верхушки корня зуба в результате воспаления или попадания инфекции в его пульпу. Возникновение воспалительных процессов вокруг верхушки корня обычно провоцируют такие патологии, как кариес, травма, сильная стертость зубной поверхности или болезни периодонта (Dias, Tayles, 1997). Следы одонтогенного остеомиелита отмечены на 31,25% черепов из могильника Норатус и на 53,85% индивидов из сборной краниологической серии эпохи поздней бронзы и раннего железа Севанского бассейна (Арцвакар, Сарухан, Кармир) (Худавердян, 2016).

Челюстные экзостозы имеют сложную этиологию и определяются как генетическими, так и средовыми факторами. К последним, в первую очередь, относится жевательная ги-

Таблица 4

Встречаемость некоторых стоматологических заболеваний в серии Багери чала

Патология	Пол	локализация	I1	I2	C	P1	P2	M1	M2	M3
Кариес	♂ ♀	верхняя челюсть				1 (6)	2 (8)	1 (9)	1 (10) 1 (8)	2 (9) 1 (6)
	♂ ♀	нижняя челюсть				1 (10)			1 (9)	1 (8)
Гипоплазии эмали	♂ ♀	верхняя челюсть	3 (11)	4 (11) 2 (7)	6 (11) 2 (7)	6 (11) 2 (6)	6 (11) 5 (8)	1 (11) 2 (8)	3 (10) 1 (8)	1 (6)
	♂ ♀	нижняя челюсть	3 (10) 1 (9)	3 (10) 1 (9)	8 (10) 1 (9)	5 (10) 4 (10)	3 (9) 2 (9)	1 (8) 1 (9)		1 (8)
Зубной камень	♂ ♀	верхняя челюсть	1 (11)	1 (11) 1 (7)	2 (11)	1 (11)	2 (11)	2 (11)	1 (8)	
	♂ ♀	нижняя челюсть	3 (10) 2 (9)	3 (10) 2 (9)	3 (10)	2 (10)	2 (9) 1 (9)	1 (8) 1 (9)	1 (8) 1 (9)	1 (8)
Стертость зубов	♂ ♀	верхняя челюсть		2 (11)	1 (11)	1 (11) 1 (6)	1 (11) 1 (8)	1 (11) 1 (8)		
	♂ ♀	нижняя челюсть			1 (10)			1 (8) 1 (9)	1 (8)	1 (8)
Одонтогенный остеомиелит	♂ ♀	верхняя челюсть		1 (11)	1 (11) 1 (8)	1 (8)	1 (8)		1 (8)	
	♂ ♀	нижняя челюсть			1 (10)	1 (10)		1 (9)		
Потеря зуба	♂ ♀	верхняя челюсть	1 (7)			1 (6)		1 (11)	2 (10)	3 (9) 2 (6)
	♂ ♀	нижняя челюсть					1 (9) 1 (9)		1 (9)	1 (8) 1 (8)

перфункция. Лингвальные экзостозы нижней челюсти (*torus mandibularis*) визуально регистрируются на 50% мужских (балл 1 на 4 челюстях) и 83,34% женских (балл 1 на 3, балл 2 на 2 челюстях) черепах. Признак обнаружен и у одного ребенка. Лингвальные экзостозы верхней челюсти (*torus palatinus*) обнаружены на 20% мужских (балл 1 на 4 челюстях) черепах. В женской выборке признак зафиксирован в одном случае (балл 2). В синхронной серии из Норатуса ореховидные вздутия на небе (torus palatinus) зафиксированы на 50% черепов. В сборной краниологической серии из могильников XI–IX/VIII вв. до н.э. с территории Севанского бассейна валики отмечены на 21,53% черепов (Худавердян, 2016).

Распространение всех перечисленных выше патологических состояний зубочелюстной системы вероятнее всего приводило к прижизненной утрате зубов. В серии частота встречаемости этого отклонения у взрослого населения достигает 32%. По частотам встречаемости прижизненной утрате зубов багеричайлайская выборка совпадает с синхронным населением из Ширакской равнины (Черная Крепостъ: 30%) (Худавердян, 2009). Более низкие показатели признака обнаружены норатусской выборке (27,78% индивидов), а высокие – в сборной краниологической серии с территории Севанского бассейна Армении (Арцвакар, Сарухан, Кармир: 53,85% индивидов) (Худавердян, 2016).

Распространение патологий зубочелюстной системы, таких как кариес, зубной камень, абсцессы, прижизненная утрата зубов и т.д., указывает на специфичность рациона и пищевой стресс. Развитие этих заболеваний, вероятно, взаимосвязано с особенностями пищевого рациона, условиями жизни и средовой обстановкой. Вероятнее всего, в рационе багеричалайской группы доминировала грубая, твердая пища растительного происхождения и обогащенная сахарами.

Появление линейной эмалевой гипоплазии, маркера эпизодического стресса, связано с воздействием неблагоприятных факторов среды (белковой и витаминной недостаточности, острых инфекционных заболеваний), которые поражают организм в детском возрасте, в период формирования коронок постоянных зубов (Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998). Признак возникает в результате прерывания ростовых процессов. Сохранность одонтологического материала определила численность выборки для оценки этого маркера – 30 единиц. Эмалевая гипоплазия была, чаще всего, выражена слабо. Среди подростков со сформированными коренными зубами, погребенных в могильнике Багери чала, признак имелся у одного, из 14 захороненных здесь мужчин, маркер был отмечен у 11 (78,58%), из 8 женщин – у 5 (62,5%), из троих взрослых индивидов у которых пол не был определен, признак фиксируется у одного. Чаще признак отмечался на клыках, премалярах (табл. 5). Наличие у 18 индивидов, как правило, не резко выраженной линейной эмалевой гипоплазии, повидимому, было обусловлено сезонными колебаниями в поступлении пищевых ресурсов. По частотам встречаемости эмалевой гипоплазии население из могильника Багери чала совпадает с населением из Лори Берда (64,3%) (Худавердян и др., 2014) и Черной крепости (61,6%) (Худавердян, 2009). Низкие частоты признака обнаружены в группах с территории Севанского бассейна. Из двух подростков со сформированными коренными зубами из могильника Норатус признак отмечен у одного, из восьми мужчин – у трех (37,5%), из десяти женщин – у двух (20%). Для взрослых индивидов из суммарной синхронной группы встречаемость эмалевой гипоплазии составляет 50% (Худавердян, 2016).

Cribra orbitalia в большинстве случаев ассоциируется с железодефицитной анемией (Ortner, Putschar, 1981. P. 257–263). Снижению уровня железа в организме могут способствовать неправильная диета, проблемы, связанные с усвоением и переработкой пищи, окружающая среда и образ жизни, а также паразитарные инвазии и развитие неспецифических инфекций (Larsen, Sering, 2000. P. 121). Для определения *cribra orbitalia* в серии черепов Багери чала пригодными оказались 18 (табл. 5). Из этого числа в той или иной степени развития признак зафиксирован в 15 случаях, что составляет 83,34%. Такую величину следует отнести к разряду очень высоких. Из 12 мужских черепов признак отмечен у десяти, из шести женских у пяти. У шести индивидов фиксируется слабое развитие *cribra orbitalia* (балл 1), балл 2 опреде-

лен в пяти случаях, балл 3 – в четырех. Разная встречаемость маркера у взрослых мужчин и женщин говорит о различных условиях их жизни в этой древней популяции. На детских черепах частоту показателя определить не удалось. Завышенные частоты встречаемости *cribra orbitalia* отмечены также на материалах Лорибердского могильника, находящегося на территории Лорийского района (64,3%) (Худавердян и др., 2014. С. 227). Более низкие частоты признака зафиксированы в группах Севанского бассейна (Норатус: ок. 44%, сборная краниологическая серия: 57,7%) (Худавердян, 2016) и Ширакской равнины (Черная крепость: 53,9%) (Худавердян, 2009).

Известно, что при охлаждении отдельных участков тела происходит расширение периферических кровеносных сосудов. Поражение (типа *cribra*) области наружных слуховых проходов представляет собой результат адаптации организма к длительному пребывания в холодных, ветреных условиях. В серии пригодными для оценки следов *cribra* в области наружных слуховых проходов оказались 20 черепов (табл. 5). Признак зафиксирован у 17 индивидов (85%), что является очень большой величиной. Максимальная частота встречаемости отмечена у взрослых: на 10 мужских и 6 женских черепах признак присутствует. Изменчивость маркера в различных возрастных группах позволила обнаружить увеличение частоты встречаемости признака в интервалах от 20 до 29 и после 50 лет. Из пяти обследованных детских черепов только одном обнаружены значительные следы криогенного стресса.

В ушных каналах у 15 индивидов отмечается наличие оссеофитных образований (экзостозы) (табл. 5). Они представляют собой опухоли остеобластического происхождения, в виде бесформенных масс. Наличие экзостозов связывается с напряжением надкостницы и формированием нового костеобразования под действием холодной воды (Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998. P. 254–255; Standen et al., 1997. P. 120–128). Обнаруженные параллели между поражениями типа *cribra* в области наружных слуховых проходов и оссеофитными образованиями не является случайными. Данный феномен, видимо, объясняется особым родом деятельности людей

Таблица 5

Встречаемость *cribra* в области наружных слуховых проходов и экзостосов у индивидов из могильника Багери чала

	***Cribra* в области ушного прохода**			**Экзостозы**		
Возраст	♂	♀	**дети**	♂	♀	**дети**
0-9			1			1
10-19	1					
20-29	3	3		3	2	
30-39	1	2		1	2	
40-49	2	1		2	1	
50+	3			3		
Сумма	**10**	**6**	**1**	**9**	**5**	**1**

проживавших на территории Лорийского района Армении, которая была связана с постоянным пребыванием на холодном воздухе. Следы *cribra* в области наружных слуховых проходов обнаружены и у индивидов из синхронных могильников с провинции Гехаркуник (Норатус: 78,79 %, в сборной краниологической серии: 79,32%; в ушных каналах у всех обследованных взрослых индивидов из норатуского могильника (n=23) отмечается наличие остеофитных образований; в сборной краниологической серии: 77,81%).

Частое переохлаждение организма приводило к различным инфекционным заболеваниям. Косвенным доказательством этого могут быть случаи мастоидита у пяти индивидов (1 мужчина (рис. 5), 2 женщины,

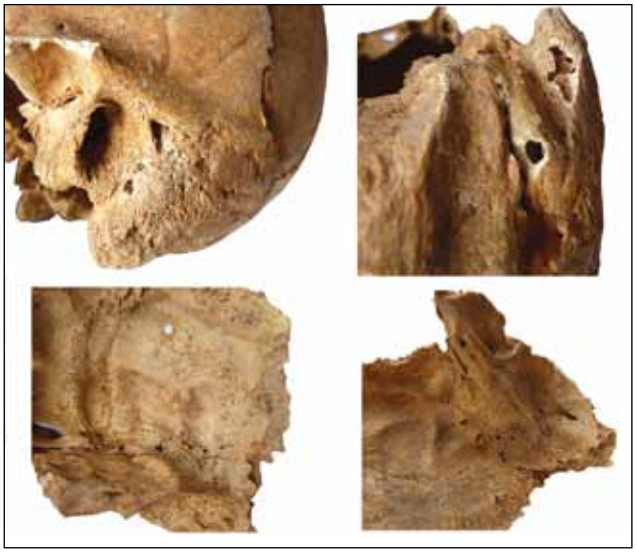


Рис. 5. Воспаление ячеек сосцевидного отростка (погр. 11)

Рис. 6. Очаги воспаление на лобной кости (погр. 6)

2 детей). Воспаление ячеек сосцевидного отростка чаще является осложнением острого гнойного воспаления среднего уха. Мастоидит может возникнуть в результате травмы или при сепсисе, вызывается микроорганизмами – стафилококками, стрептококками, вирусами и грибками. На развитие заболевания оказывают влияние различные неблагоприятные факторы (в частности, криогенный стресс), воздействующие на организм и ослабляющие его общую резистентность.

У 8 индивидов (3 мужчин, 2 женщин, 2 детей и 1 взрослого неизвестного пола) на лобной и теменных костях выявлены очаги воспаления[1] (рис. 6: погр. 6). Дефекты на костях черепа имеют склеротизацию по внешней поверхности, что можно наблюдать при длительном текущем воспалительном процессе.

У двух мужчин (погребения 9 и 18) зрелого возраста обнаружены следы специфической инфекции, возможно, являющиеся проявлением туберкулеза костей. Болезнь является специфическим воспалительным заболеванием, возникающим в условиях гематогенной диссеминации туберкулезного процесса. У индивидов из Багери чала туберкулезные поражения костной ткани локализуются в грудине и в телах позвонков. У индивида из погребении 18 нарушена целостность кортикальной пластинки грудины (рис. 7).

Распространение признаков воспалительных процессов у взрослых и детей указывает на присутствие широкого спектра факторов, влияющих на появление различных инфекционных заболеваний неспецифического характера, таких как скученность, плохая гигиена.

На исследованных материалах были зафиксированы остеомы различных размеров – множественные и одиночные. Известно, что все доброкачественные опухоли, достигнув определенной величины, прекращают или сильно замедляют свой рост. По мнению А.В. Русакова (1959), образование остеом может быть следствием каких-либо нарушений скелетогенной мезенхимы. На нашем материале этот признак зафиксирован у двух индивидов. У мужчины (16-18 лет) из погребения 15 обнаружены 5 остеом различных

Рис. 7. Туберкулезные поражения на грудине (погр. 18)

1 Результаты молекулярного анализа в настоящее время не получены и будут представлены в последующих работах.

Рис. 8. Травма черепа (Багери Чала, погр. 10)

размеров на лобной кости. Признак также обнаружен на лобной кости у женщины (30-40 лет) из погребения 4. Остеома одиночная диаметром 7×5 мм.

Частота встречаемости черепных травм в группе Багери чала была невысокой (15,63%). У мужчины (40-45 лет) из погребения 28 было обнаружено неглубокое и удлиненное вдавление в области правой теменной кости (16×6 мм). По всей видимости, это заживший след травмы, полученной при ударе тупым орудием. Следы воспалительного процесса фиксируются на внешнем слое компакты. Зажившая травма левой теменной кости от удара тупым предметом зафиксирован и у молодой женщины (20-25 лет) из погребения 10 (рис. 8). Дефект на черепе овальной формы (13×8 мм). После получения травмы у данного индивида началось воспаление поврежденной области. Эти травмы можно отнести к разряду бытовых.

Проникающая травма овальной формы (рис. 9) выявлена на правой теменной кости (погр. 8, мужчина, 20-25 лет). Предполагаемые размеры дефекта 20×11 мм. Видна радиально расположенная трещина, признаков некротического процесса и заживления ткани не обнаружено. Характеристика повреждения свидетельствует о нанесении резкого удара небольшим предметом по теменной кости. По-видимому, рана стала причиной смерти.

Интересный случай повреждения кости обнаружен у юноши (16-18 лет) из погребения 15. Подобные повреждения могут быть вызваны множеством причин, например, случайным падением. Результатом может быть как перелом, так и трещина кости. У индивида трещина выявлена на правой стороне лобной кости (рис. 10). Длина дефекта от наружной орбитальной точки до конца трещины составляет 58 мм. Протяженность внутри правой орбиты – 11 мм. Травма прижизненная, диплоэ замкнуто на всем протяжении, что свидетельствует о том, что данный индивид после получения травмы жил приблизительно полтора года (Galloway, 1999).

У мужчины (погр. 9), возраст которого определяется в пределах 40-45лет, в основании черепа были отмечены механические разломы затылочной кости (с левой стороны), повреждение левого сосцевидного отростка и мыщелка нижней челюсти (рис. 11). Механические разломы кости получены в момент

Рис. 9. Травма черепа (Багери Чала, погр. 8)

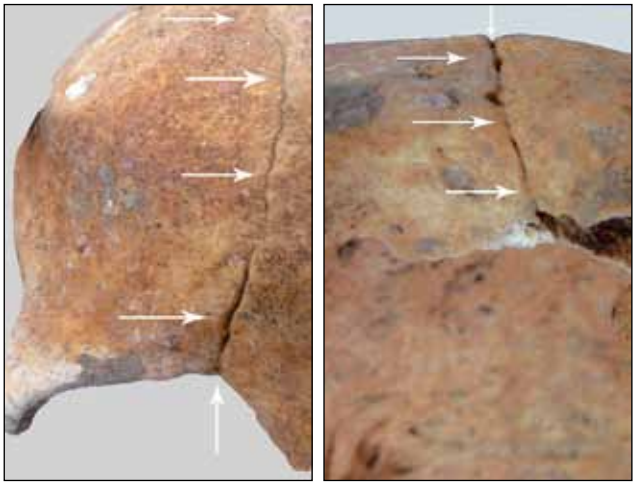


Рис. 10. Трещина черепа (Багери Чала, погр. 15)

Рис. 11. Декапитация (Багери Чала, погр. 9)

смерти индивида. Травмы такого рода имеют только одну дефиницию – отсечение головы у человека, находящегося в вертикальном положении (Manchester, 1983). Линейные разломы сосцевидного отростка и мыщелка говорят о том, что удар был нанесен сзади, очевидно, правшой. Полученные свидетельства воссоздают картину жестокого убийства. Если предположить, что декапитация связана с внешними причинами (военные действия), то отмеченный факт должен был бы сопровождаться серьезными археологическими указаниями. Мы уже отмечали, что нет никаких свидетельств участия населения в военных конфликтах. Следовательно, бытовой конфликт в данном случае, мог привести к убийству. Декапитация также обнаружена у двух индивидов из синхронной краниологической серии Норадуз с территории Севанского бассейна (Khudaverdyan, 2014).

Таким образом, число травм от удара оружием в группе, в целом, невелико. Это может быть следствием случайных проявлений агрессии, не отражающих каких-либо массовых столкновений на данной территории.

Практика проведения хирургических операций была известна и широко использовалась древними врачами Армении. У шести индивидов из могильников эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Лорийской провинции (некрополи Багери чала, Барцрял, Бовер и Техут) обнаружены оперативные вмешательства на черепе (Khudaverdyan, 2016; Khudaverdyan et al., 2018). Так, у двух индивидовиз Багери чала на теменных костях обнаружены следы лечебной краниотомии. Трепанации были проведены методом поперечного распила или линейного разреза (Buikstra, Ubelaker, 1994; Verano, 2003). Этот метод на палеоматериалах с территории Армении встречается впервые.

В погребении 22 обнаружены скелетные останки ребенка 8-9 лет. У индивида фиксируются два проникающих в полость черепа отверстия: операции были сделаны при жизни. В области сагиттального шва наблюдаются следы иссечения фрагмента кости (рис. 12а). На теменных костях четко видны

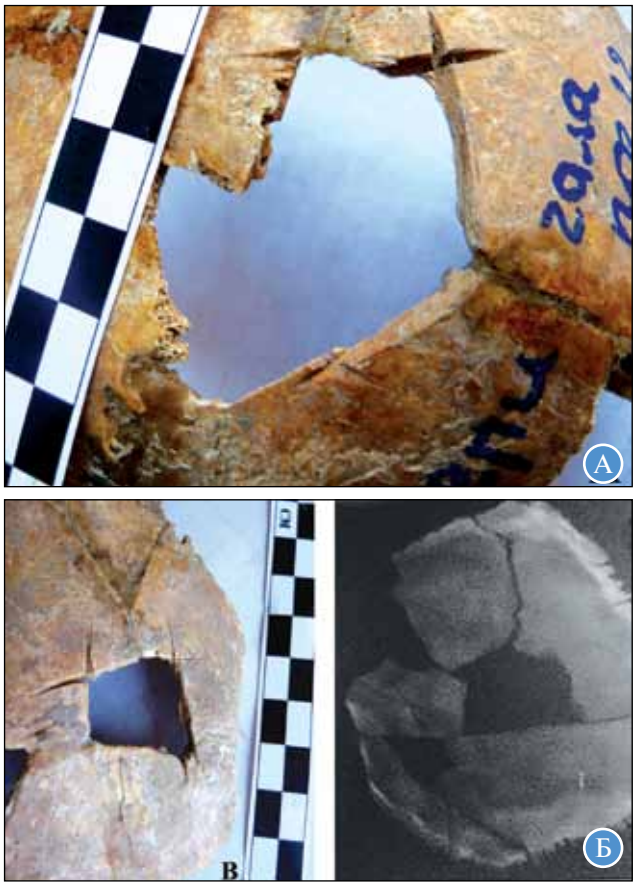


Рис. 12. Прижизненные трепанации (Багери Чала, погр. 22)

места разрезов. Размеры отверстия на внешней стороне 2×15×2?×15?мм (отверстие А).

Отверстие Б (рис. 12б) имеет диаметр 16×9×16?×9? мм. Следы явного воспалительного процесса в области трепанации отсутствуют. Входные края отверстия ровные, острые без следов заживления. Из других особенностей, у ребенка фиксируется острое гнойное воспаление сосцевидного отростка височной кости (мастоидит). Можно предположить, что хирургическую операцию пришлось применить для лечения заболевания.

В погребении 18 были обнаружены останки мужчины, возраст которого определяется в пределах 30-39 лет. На правой стороне теменной кости, обнаружены следы незавершенной операции (рис. 13). Вероятно, индивид умер во время операции. Предполагаемые размеры трепанационного отверстия на внешней стороне 23,7×18,5×9,5×8,2мм. В области дефекта наблюдается трещина. У этого же субъекта на костях скелета выявлены очаги костного туберкулеза. Поражения локализуются на грудине и в телах позвонков (туберкулезный спондилит) (рис. 7). Можно предположить, что и эта операция имела лечебное значение. Трепанации с применением метода поперечного распила отмечены на черепах эпохи ранней бронзы из могильников Чавлум и Икизтепе (Анатолия) (Erdal, Erdal, 2011. P. 156–157).

Хороший инструментарий очень важен для проведения хирургической операции. У Гиппократа указаны четыре инструмента: три приспособления для прободения кости – *трепан* и зубчатый трепан, щуп для определения глубины прорезания кости и подвижности костных фрагментов, *распатор* для выскребания костной ткани и освобождения ее от мягких тканей головы (Гиппократ, 1963). При раскопках могильника Багери чала инструментов для выполнения трепанаций не обнаружено. Для операций на черепе древние медики Армении использовали параллельно-перпендикулярные надрезы, которые приводили к возникновению прямоугольного отверстия. Полагаем, что операция проведена путем прорезания кости черепа инструментом, имеющим коническую форму. Отверстие выполнялось с помощью ножа, сделанного из вулканического стекла (обсидиана), кремния или металла.

Во время раскопок памятника Лори Берд (Лорийская провинция) археологом С.Г. Деведжян был обнаружен уникальный медицинский инструмент (рис. 14). Назначение этого инструмента не вызывает сомнений, с одной стороны коническая форма ножа, с другой – пинцет. Пинцет, вероятно, служил главным образом для извлечения посторонних предметов из раны или тканей или же для выдергивания волосков в том случае, если это требовалось для операции. Нож изготавливался посредством литья и располагается перпендикулярно к рукоятке. Для примера приведем церемониальный нож инков со сценой трепанации на рукоятки (рис. 15) (Ramirez et al., 2010. P. 65). И здесь лезвие

Рис. 13. Прижизненная трепанация (Багери Чала, погр. 18).

Рис. 14. Медицинский инструмент (нож-пинцет) из памятника Лори Берд (фото С.Г. Деведжян)

имеет полукруглую форму, и располагается перпендикулярно к рукоятке. Как известно, в обиходе у древних народов Перу нож использовался и как церемониальный нож для обезглавливания пленных, и как хирургический инструмент для проведения полосных операций и трепанации черепа.

Неясным остается вопрос об анестезии, которую могли использовать древние хирурги Армении для снижения болевого шока в процессе операций. Очевидно, что пациенты не смогли бы выдержать такую нагрузку на организм без применения каких-либо депрессантов. Можно допустить, что для обезболивания употребляли алкоголь. На территории Армении широко практиковалось выращивание виноградников и соответственно процветало виноделие. Кувшины (*карасы*) для вина найдены в погребениях Багери чала рядом с костными останками людей (Обосян, 2011. С. 208). Вероятнее всего, врачи использовали такое доступное болеутоляющее средство, как вино. Известно, что в Китае для анестезии использовали индийскую коноплю: ее измельчали в порошок и смешивали с вином.

Рис. 15. Церемониальный нож инков со сценой трепанации на рукоятке, Перу (Marino, Gonzales-Portillo, 2010)

Новые данные об антропологических особенностях жителей эпохи поздней бронзы и раннего железного века Лорийского района являются дополнением к общей антропологической характеристике населения Армении и расширяют объем знаний об особенностях и закономерностях адаптации к экстремальным условиям существования. Общая картина заболеваемости в серии может косвенным образом указывать на специфику среды обитания исследуемой палеогруппы. Население, погребенное в могильнике Багери чала, можно охарактеризовать как оседлое, что подтверждается высокими частотами встречаемости воспалительных процессов, признаков железодефицитной анемии. Выявлены различия в распространении признака в сравнительных группах из Армении. Более низкая частота такого стрессового маркера, как *cribra orbitalia* в выборках с территорий Севанского бассейна и Ширакской равнины. Переохлаждение организма на фоне хронических очагов стафилококковой и стрептококковой природы могло провоцировать воспаление среднего уха. Полученные данные по половозрастной структуре населения свидетельствуют, что данная группа обладала высоким уровнем жизни и была в демографическом плане весьма благополучной. Наши материалы показывают, что она, как и многие другие земледельческие общности, не была свободна от разного вида патологий (гипоплазии эмали зубов и проч.), но их распространенность не влияла серьезно на продолжительность жизни. В группах с территорий провинций Лори (Багери чала, Лори Берд) и Ширак (Черная крепость) кариес встречается часто. Примечательно, что отсутствие и низкая частота встречаемости карие-

са концентрирована в узкой экологической нише при-севанского района. Таким образом, доля компонентов растительного происхождения в рационе питания населения Севанского бассейна существенно превышала, долю компонентов растительного происхождения в рационе питания населения северных и северо-западных районов Армении. Наличие одного из индикаторов диеты (зубного камня) у погребенных в Лорийской провинции указывает на вязкую еду, возможно, белкового происхождения. Вообще, в данном регионе, несмотря на распространенность зубного камня, его отложения не достигали таких размеров, как у населения Севанского бассейна и Ширакской равнины. Наряду с этим у некоторых багеричалайских индивидов отмечена более выраженная тенденция преждевременного стирания жевательной поверхности коронок зубов, что может свидетельствовать об употреблении твердой и грубо-волокнистой пищи (в частности слабо проваренного жесткого мяса). Яркой особенностью исследуемой выборки является следы трепанации на черепе. Есть основания полагать, что уровень выполнения хирургических манипуляций на голове у врачей эпохи поздней бронзы и раннего железа был достаточно высок.

Итак, истории болезней отдельных субъектов не содержат исчерпывающего материала, позволяющего «нарисовать» полную картину здоровья населения Багери чала. Они лишь слегка приоткрывают завесу, за которой скрыта внутренняя жизнь населения. Морфофизиологический тип человека, темп развития и старения организма представляют сложное сочетание наследственных и приобретенных особенностей. Однако даже унаследованные признаки и их выраженность зависят от влияния внешней среды, условий труда и быта, от перенесенных заболеваний и других факторов. Таковы итоги предварительного палеоэкологического «портретирования» популяции поздней бронзы и раннего железа с территории провинции Лори.

ЛИТЕРАТУРА

Гиппократ. Избранные книги. Пер. В. И. Руднева. М., 1963.

Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. Труды третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения акад. В.П. Алексеева. М.: Наука, 2007. С. 309-319.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI) [Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 4]. М.: Старый сад, 2015.

Мовсесян А.А., Кочар Н.Р. Древнее население Армении и его участие в формировании армянского этноса (по данным о неметрических признаках на черепе) // ВтА. Вып. 7. 2001. С. 95-115.

Нечвалода А.И. Палеодемография населения срубной культуры Среднего Поволжья эпохи поздней бронзы (по материалам Смеловского грунтового некрополя) // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня-2 июля 2005 г. Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 373-374.

Романова Г.П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополья в эпоху ранней бронзы // ВА., 1989. Вып. 82. С. 67-77.

Русаков А.В. Патологическая анатомия болезней костной системы. Введение в физиологию и патологию костной ткани. М.,1959.

Обосян С.Г. Предварительные результаты археологических раскопок в 2009-2010г. в Техуте // Историко-филологический журнал НАН РА, 2011. № 2 (187). С. 199-211.

Хохлов А.А. Палеоантропология могильника срубной культуры Бариновка I // Вопросы археологии Поволжья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2002. Вып. 2. С. 134-144.

Худавердян А.Ю. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы. Этногенез и этническая история. Ереван: Ван Арьян, 2009.

Худавердян А.Ю., Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. Реконструкция особенностей жизнедеятельности населения эпохи железа Армянского нагорья по данным антропологии // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии. Вып. 4. М.: Старый сад, 2014. С. 215-232, 349-351.

Худавердян А.Ю., Краниологические материалы эпохи поздней бронзы и железного века из Армении в палеоэкологическом аспекте исследования // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 2. С. 71-78.

Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994.

DePaola D.P. The Influence of Food Carbohydrates on Dental Caries // Food Carbohydrates. Westport, 1982. P. 134–152.

Dias G., Tayles N. 'Abscess cavity'– a misnomer // Journal of Osteoarchaeology. 1997. Vol. 7. P. 548-554.

Erdal Y.S., Erdal O.D. A Review of Trepanations in Anatolia with New Cases // International Journal of Osteoarchaeology. 2011. Vol. 21. P. 505–534.

Galloway A. Broken Bones: Anthropological Analysis of Blunt Force Trauma. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, Ltd. 1999.

Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Clark G. Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture / Eds. Cohen M.N., Armelagos G.J. New York. Academic Press, 1984. P. 13-49.

Goodman A.H., Rose J.C. Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hypoplasias and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. 1990. № 33. P. 59–110.

Khudaverdyan A.Yu. Nonmetric cranial variation in human skeletal remains from Armenian Highland: microevolutionary relations and intergroup analysis // European Journal of Anatomy (Spanish), 2012. № 16 (2). P. 134-149.

Khudaverdyan A.Yu. Decapitations in Late Bronze Age and Iron Age sites from Sevan region (Armenia) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2014. Vol. 7. № 9. P. 1555-1566.

Khudaverdyan A.Yu. Cranial trepanations in the Late Bronze Age and Early Iron Age in Armenia // Homo. Journal of Comparative Human Biology. 2016. № 67. P. 447-461.

Khudaverdyan A.Yu., Yengibaryan A.A., Hovhanisyan A.A., Hobosyan S.G. Dyke–Davidoff–Masson syndrome in the Late Bronze and Early Iron Ages Armenia - a cause of trepanation? // International Journal of Osteoarchaeology. 2018. Vol. 28. P. 448–457.

Larsen C.S. Bioarchaeology: interpreting behavior from the human skeleton. Cambridge University Press, 1997.

Larsen C.S., Sering L. Inferring iron deficiency anemia from human skeletal remains: The case of the Georgia Bight // Bioarchaeological Studies in Life in the Age of Agriculture / Ed. P. Lambert. Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press, 2000. P. 116–133.

Manchester K. The archaeology of disease. Bradford, 1983.

Marino R. Jr., Gonzales-Portillo M. Preconquest Peruvian Neurosurgeons: A Study of Inca and Pre-Columbian Trephination and the Art of Medicine in Ancient Peru // Neurosurgery. 2000. Vol. 47. No. 4. P. 940-950.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Smithsonian Contributions to Anthropology. Vol. 28. Washington. Smithsonian Institution Press, 1981.

Rathburn Ted. A. Skeletal pathology from the Paleolithic through the Metal Ages in Iran and Iraq // Paleopathology at the origins of agriculture / Eds. M.N. Cohen, G.J. Armelagos. Oriando: Academic Press, 1984. P. 137-168.

Stanton G. The Relation of Diet to Salivary Calculus Formation // Journal of Periodontology, 1969. № 40(3). P. 167-172.

Standen V., Arriaza B.T., Santoro C.M. External auditory Exostosis in Prehistoric Chilean Populations: A Test of the Cold Water Hypothesis // Am. Journal of Physical Anthropology. 1997. N 103. P. 119–129.

Verano J.W. Mummified trophy heads from Peru: diagnostic features and medicolegal significance. Journal of Forensic Sciences, 2003, № 48, p. 525–530.

Weiss K.M. Demographic models for anthropology. Washington, 1973. P. 21-22

Проблемы археологии Евразии

А.А. Семененко

О возможности размещения первичного очага носителей индоевропейских языков в пограничье Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана

Развитие исторической науки и вспомогательных исторических дисциплин нередко приводит к тому, что «господствующие» теории интерпретации исторических источников и данных оказываются поставленными под сомнение, в то время как, казалось бы, давно «отброшенные научным сообществом» и «устаревшие» концепции обретают новую жизнь и актуальность. Именно таким мы считаем случай с теорией исхода индоевропейцев (далее ИЕ) из региона, расположенного на стыке Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана.

Вкратце обрисуем историографию поиска прародины ИЕ. У. Джонс в 1786–1792 гг. поместил прародину ИЕ в Иран и постулировал миграцию ариев оттуда в Южную Азию (Jones, Vol. 1, 1824. P. 28–29, 95, 105–106, 125 & 127–128), исходя при этом из библейской мифологии (Jones, Vol. 2, 1824. P. 14, 19, 80, 85; Bryant, 2004. P. 15–18; Trautmann, 2005. P. XXXVIII; App, 2009. 9, 77). В 1808 г. Ф. Шлегель счёл ИА источником всех индоевропейских и поэтому назвал прародиной ИЕ Западный Индостан (Schlegel, 1849. P. 428–429, 456, 500, 505). Но А.В. Шлегель (Schlegel, 1842. P. 515) и К. Лассен (Lassen, 1847. S. 526–527) полагали, что таковой была область к востоку от Каспийского моря. В 1850-х гг. Р.Г. Лэтэм указал, что санскрит ближе всего связан с литовским, родственные санскриту языки Азии занимают гораздо меньшую площадь по сравнению с родственными санскриту языками Европы и представлены меньшим числом разновидностей и на этих основаниях объявил прародиной ИЕ Европу (Latham, 1851. P. CXXXIX–CXLIV; Latham, 1852. P. 154–155 & 160–163; Latham, 1859. P. 374–375; Latham, 1860. P. 126–127). А. Пикте называл ядром прародины ИЕ Бактрию, а её границами – Каспийское море, северные склоны Гиндукуша, Белуртаг и верховья Амударьи и Сырдарьи (Pictet, 1859. P. 50–51, 537). С ним соглашался Д. Мур (Muir, 1860. P. 322). Издатель текста Ригведы (далее РВ) Ф.М. Мюллер в 1861 г. видел исходным очагом ИЕ горы в верховьях Амударьи и Сырдарьи (Mueller, 1869. P. 212, 239). А.Шлейхер, считавший ИА древнейшим индоевропейским языком, возникшим из общего пра-индоевропейского, говорил о прародине ИЕ в Центральной Азии к западу от горных хребтов Мустаг и Белуртаг (Шлейхер, 1865. С. 25–26, 44). Составитель санскритско-английского словаря М. Монье-Уильямс локализовал исходный ареал ИЕ у истоков Амударьи на Памире (Monier-Williams, 1891. P. 4). О.Шрадер, исходя из реконструированного им пастушеско-коневодческого хозяйства древнейших ИЕ, помещал их первичный ареал на Средней Волге (Schrader, 1890. P. 437–438). По Г. Коссинне первые ИЕ обитали по берегам Северного и Балтийского морей (Широкова, 2000. С. 101). В.Г. Чайлд считал двумя одинаково вероятными прародинами ИЕ

Скандинавию и степи Южной России (Child, 1926. P. 159–204). М. Гимбутас объявила ИЕ создателей «курганной культуры» Юго-Восточной Европы, пришедших с Нижней Волги и из области к востоку от Каспийского моря (Gimbutas, 1963. P. 40–43; Gimbutas, 1970. P. 155–156, 174–176), которые проникли на запад тремя волнами в V–III тыс. до н.э. (Gimbutas, 1970. P. 177–186, 192–193; Gimbutas, 1979. P. 113–137; Гимбутас, 2006. С. 387–444).

Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов размещали прародину ИЕ на стыке юго-востока Малой Азии и Северной Месопотамии и на Армянском нагорье (Гамкрелидзе, Иванов, 1997. С. 611–612; Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 964). И.М. Дьяконов противопоставил этому теорию балкано-дунайской прародины ИЕ (Дьяконов I, 1997. С. 458–462, 464; Дьяконов II, 1997. С. 484, 488–490), хотя при этом он признал возможность существования «предпрародины» в Чатал Хююке (Дьяконов I, 1997. С. 464–465; Дьяконов II, 1997. С. 484, 490). К. Ренфрю отождествил ИЕ с первыми земледельцами Анатолии и предложил два сценария их распространения по Евразии: через Малую Азию и Балканы в Европу и через Закавказье в Иран, Среднюю Азию и Индию (Гипотеза А), и с переходом в Северном Причерноморье к пастушескому номадизму и движением оттуда через понто-каспийские степи в Среднюю Азию, Иран и Южную Азию (Гипотеза Б) (Renfrew, 1987. P. 206. Fig. 8.4). В.А.Сафронов считал древнейшими ИЕ создателей Чатал Хююка в Малой Азии (Сафронов, 1989. С. 44–45).

В то время как Д.У.Энтони по-прежнему настаивает на понто-каспийской степной прародине ИЕ (Anthony, 2007. P. 83–84, 117, 125, 343–344, 475), по оценке Д.П. Мэллори и Д.К. Эдамса, и в курганной, и в анатолийской гипотезе происхождения ИЕ «археологические свидетельства экспансии из степей через исторический Иран и Индию варьируются между чрезвычайной недостаточностью и полным отсутствием» (Mallory, Adams, 2006. P. 462)

Дж. Николз с применением методики лингвистической географии снова реконструирует эпицентр распространения индоевропейских языков в среднем и верхнем течении Амударьи и Сырдарьи (Nichols, 1997. P. 123, 135, Fig. 8.7, 137 & 139; Nichols, 1998. P. 232, Fig. 10.5). Э.Р. Бомхард соглашается с Дж. Николз и полагает, что из Юго-Восточной Средней Азии ИЕ передвинулись в степи к северу от Арала, Каспия и Черного моря (Bomhard, 1996. P. 105, 122. Map 1; Bomhard, 2015. P. 262, 281, 285). Л.Г. Герценберг принимает предлагаемое М. Гимбутас размещение прародины ИЕ в регионе от Северного Кавказа до Нижней Волги, но при этом добавляет: «Вместе с тем спрашивается, откуда племена праиндоевропейской культуры пришли на реконструируемую М. Гимбутас территорию — от Урала до Южной Украины; ответом на этот вопрос может послужить предположение Д. Никольз о восточной части Средней Азии» (Герценберг, 2010. С. 229–230 и 233).

Мы приведем лишь несколько оснований для изменения в позитивном ключе отношения индоевропеистов к возможности размещения исходного очага ИЕ на стыке Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана, возникающих в результате более тщательного изучения информации двух из древнейших индоарийских текстов — *Ригведы* (далее — РВ Ригведа, 1989, 1995, 1999; Rigveda) и *Атхарваведы* в редакции Шаунакия (далее — АВ – Атхарваведа, 2005, 2007, 2010; Atharva-Veda) — с учётом накопленных наукой археологических данных.

Уникальность РВ заключается в том, что она является последним памятником индоевропейской и первым памятником индоарийской культуры (Елизаренкова, 1993. С. 3). Пересмотр каких-либо основных положений интерпретации РВ — будь то хронология, вопрос о пришлом или автохтонном характере ригведийских ариев, их быт, общественное устройство, религия и культура — автоматически запускает эффект домино в смежных дисциплинах (иранистике, индоиранистике и индоевропеистике). Уникальность АВ — в заговорно-заклинательном и (в отличие от культово-иератической РВ) повседневно-бытовом и популярном характере описываемой ей религиозно-мифологической системы (Елизаренкова, 1976. С. 3).

Ареал ригведийцев охватывал огромную территорию от Доаба (Двуречья) Ямуны (V.52.17; VII.18.19; X.75.5) и Ганги (VI.45.31; X.75.5) на востоке до северо-западных притоков Инда (IV.21.4; IV.43.6; V.53.9; V.61.19;

VIII.24.30; X.75.6) на западе и от Гималаев (X.121.4) на севере до мест впадения Инда и Сарасвати (современной эфемерной реки, русло которой именуется от истока к устью Сарсути, Гхаггар, Хакра, Нара) в Индийский океан (I.3.12; VII.95.2) на юге (рис. 1).

Сарасвати описывается в РВ как самая деятельная из деятельных (VI.61.13), самый звучный (или лучший) и сверкающий поток (II.41.16), выделяющийся изо всех других рек своим чистым течением *от гор до океана* (VII.95.2), набухающий за счёт других потоков (VI.52.6), проломивший спину гор мощными волнами (VI.61.2), создавший для поселений речной край (VI.61.3). Мощное течение Сарасвати — это мчащаяся и ревущая стремнина, бесконечная, непетляющая, опасная, подвижная и бурная (VI.61.8); *люди не хотят уходить от неё в отдалённые края* (VI.61.14). К более позднему по сравнению с семейным ядром РВ времени относится упоминание проживания на Сарасвати многих царей (VIII.21.18). Сарасвати описывается между реками Ямуна и Сатледж (X.75.5) вместе с притоками Синдху (VII.36.6) и Дришадвати (III.23.4) (совр. Чаутанг, чему соответствует только Северо-Западный Индостан). В эпоху Зрелой Хараппы (далее — ЗХ) (2600–1900 гг. до н.э.) река пересыхала во внутренней дельте у совр. г. Форт Деравар в Пакистане и не впадала ни в Инд, ни в Индийский океан (рис. 2).

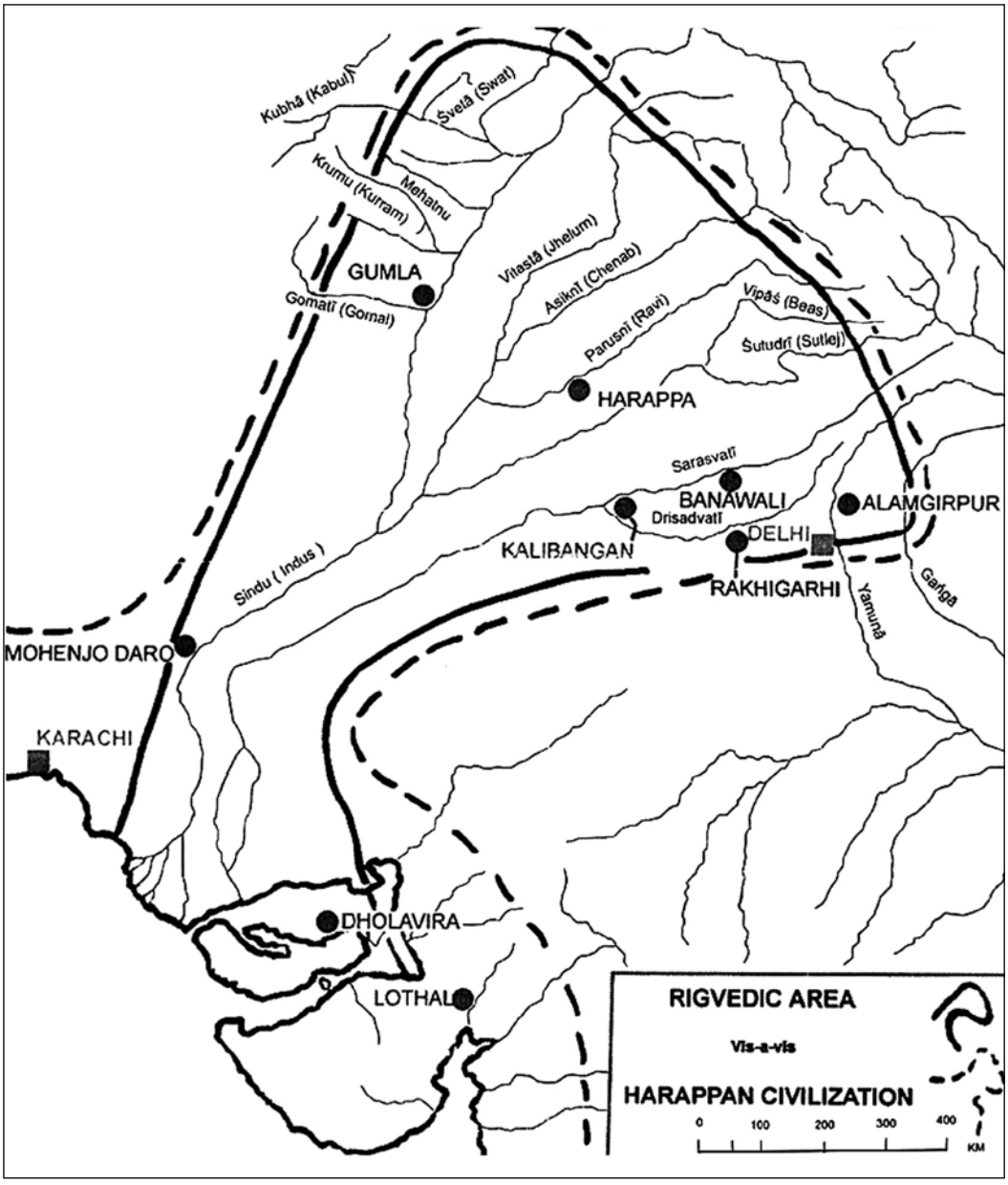


Рис. 1. Ареалы РВ и Хараппы по Б.Б. Лалу (Lal, 2005. P. 194).

Орошаемая Сарасвати долина была хлебной житницей ЗХ вплоть до прим. 2000–1900 гг. до н.э., когда произошла *гидрологическая катастрофа*. Река резко обмелела и пересохла, что вызвало массовую эвакуацию расположенных вдоль её русла поселений ЗХ и перемещение населения ближе к верховьям реки и в междуречье Ямуны и Ганги на стадии Поздней Хараппы (далее — ПХ) (1900–1000 гг. до н.э.) (Klostermaier, 1994. P. 36; Allchin, 1995.2. P. 28–29; Possehl, 2002. P. 8–9, 63, 239–240; Kenoyer & Heuston, 2005. P. 72, 75–76; Shaffer & Lichtenstein, 2005. P. 84–85, 89, 97, Note 8; Shinde et al, 2006. P. 69–70; Klostermaier, 2007. P. 23; McIntosh, 2008. P. 41, 398), а также перенаселённость собственно Хараппы на р. Рави в Пенджабе в тот же период (Kenoyer, 2005. P. 23–26, 30–32) (рис. 3).

В АВ и в ранних (VI.30.1), и в самых поздних (XIX.31.10) слоях текста упоминается *земледелие на Сарасвати*, что указывает на создание *всей* АВ до пересыхания реки ок. 1900 г. до н.э., т.е. в период ЗХ (2600–1900 гг. до н.э.), тогда как более архаичная РВ должна датироваться до 2600 г. до н.э. (как минимум эпохой Ранней Хараппы (далее — РХ)). Анализ РВ и АВ даёт ещё целый ряд аргументов, указывающих на правильность именно такой хронологии.

Так, для РВ и АВ характерен типичный *оседло-земледельческий культ Божественной Матери* и её аспектов (Риты, Адити, Шакти, Дхишаны, Речи, Ушас и Ночи, Сурьи (ж.р.), Пришни, Неба и Земли, Вод и Рек, Гор и Деревьев, Поля и Борозды (а также многих других Играющих Светом (Дэви)). Одним из наиболее часто упоминаемых является культ Лона Богини. Всего в РВ слово *yóni* «лоно» и его производные встречается 155 раз, термин *upastha* «лоно» — 64 раза. Оба слова употребляются часто и достаточно равномерно во всех хронологических слоях памятника. Термин *yoni* «лоно» и его производные упоминается в I–XIX книгах АВ 99 раз, во всех хронологических слоях АВ, термин *upastha* «лоно» — 15 раз. Авторы РВ и АВ представляли себе мироздание как совокупность (вложенных одно в другое и иерархически соподчинённых от наиболее одухотворённых до наиболее овеществлённых) Лон Божественной Матери (Лоно Матери = Лоно Жизни/Смерти → Лоно Истины–Риты → Лоно Адити → Лоно Дхишаны → Лона Семи Миров (см. ниже) → Лона Неба, Земли, Вод, Рек, Гор, Поля, Дерева, Женщины, Алтаря) (Семененко, 2017).

Многочисленные фигурки Богини или/и её представительниц/служительниц найдены при раскопках неолитических и энеолитических поселений долины Инда и памятников РХ и ЗХ (Mohenjo-daro, 1931. Pl. XCIV–XCV; Kosambi, 1962. P. 45, 57, 62–69; Agrawala, 1984; Kenoyer, 1991. P. 83 & 95; Shaffer, 1996. P. 256–257, 269 & 271; Khan, 2001. P. 75, 80–82. Fig. 8–10 & 91–92. Pl. 6–7; Art, 2003. P. 390–391; Jarrige C., 2008. P. 156–164; McIntosh, 2008. P. 70; Chakrabarti II.4.12, 2014. P. 349–351. Fig. 9–10d & 12, 353–354. Fig. 16a–e & 17a–b). Данные РВ и АВ о почитании *индоариями* Божественной Матери подтверждаются археологически и указывают на автохтонность ведийцев в Северо-Западной Южной Азии.

Разновидностью культа Лона Божественной Матери (I.164.32) в РВ выступает культ лона (I.22.15) Матери–Земли (V.42.16; V.43.15; V.58.7; VI.72.2; VII.4.5; VIII.103.2; X.18.10, 11; X.62.3; X.79.3). Пахота и сев рассматриваются как осеменение этого лона: «запрягайте плуги с сеялками, надевайте хомуты! Бросайте здесь семя в приготовленное лоно!» (X.101.3). Ср. обращение к новобрачной: «Приведи её… в кого люди сеют семя, кто с желанием раздвигает для нас бёдра, в кого мы с желанием вводим уд» (пер. Т.Я. Елизаренковой). В РВ встречаются и выражения, замыкающие цикл этих типично земледельческих представлений: «рождение из чрева=поля» (I.119.7) (пер. Т.Я. Елизаренковой); «осенний плод (*gárbham*, букв. «зародыш» — *A.C.*) земли» (I.173.3). Индоарии РВ были не только скотоводами, но и пашенными земледельцами: само слово kr̥ṣṭáyaḥ «люди» или «народы» или «племена» в РВ производится от корня -kr̥ṣ- «пахать» и встречается во всех хронологических слоях текста 62 раза, в т.ч. в древнейших фамильных мандалах в целом — 30 раз, в древней части (II–IX мандалы) в целом — 44 раза. РВ не позволяет иного прочтения kr̥ṣṭáyaḥ чем «пахари» или «народы пахотных земледельцев», поскольку в ней во всех хронологических слоях встречаются образованные от того же

корня -kr̥s- «пахать» слова с упоминанием пахоты (I.23.15; I.116.17; I.176.2; IV.57.4, 8; VIII.20.19; VIII.22.6; IX.36.1; IX.74.8; X.34.13; X.117.7; X.146.6) (Semenenko, 2015; см. также: Semenenko, 2017).

Сооружаемый на земле алтарь в РВ называется *лоном жертвоприношения* (I.140.1; II.3.11; III.1.7; III.4.2; V.8.6; V.21.4; VI.16.41–42; VI.15.16; VII.3.5; VII.42.4; VIII.29.2; X.91.4) (Елизаренкова, Топоров, 2009. С. 194–196). В РВ пламя жертвенного огня (Агни) (III.5.7; IV.3.1–2) или его формы (Индра (I.104.1; X.99.2), Савитар (X.149.4), Сома (IX.19.3–5; IX.32.4–5; IX.38.4–6; IX.99.6)) на алтаре рассматриваются как образ–протолингам Божественного Отца–Ребёнка, рождающегося в лоне и/или оплодотворяющего его. По АВ (XIV.1), во время свадебного обряда обеспечения плодородия и долголетия невеста становилась на твёрдый камень с прекрасным лоном (*syoná*), установленный в углублении–лоне (*upástha*) земли (pṛt̥*hivī*). Это древнейшее описание *йонипитхи* (*yonipīṭha*) — сооружения в виде поднимающегося из/

Рис. 4. Алтарь в форме йонипитхи в Ракхигархи (Зрелая Хараппа) (Indian, 2004. P. 20).

Рис. 5. Современная йонипитха.

через йони лингама. Глиняные йонипитхи ЗХ были обнаружены при раскопках поселений Калибанган (на Сарасвати), Лотхал (на берегу Индийского океана в Гуджарате) и Ракхигархи (на Дришадвати) (ср. рис. 4 и 5).

При вскрытии комплекса Калибанган I был обнаружен ряд из семи глиняных алтарей огня с йонипитхами внутри, со следами проведения жертвоприношений в огонь и возлияния воды (Фаза Калибанган II, 2550–2000 гг. до н.э.) (Nigam, 1981. P. 33–34; Allchin, 1982. P. 216, 218; Allchin, 1995.1. P. 48; Дубянский, 1999. С. 25; Lal, 2001. P. 131–132; Nath, 2014. P. 106, 111–112, 120). По АВ «восемь рождено существ, перворожденных вселенского закона. Восемь… жрецов, которые божественны. Восемь лон у Адити, восемь сыновей» (VIII.9.21). По РВ есть «семь сторон света с разными солнцами, семь жрецов–хотаров, Боги Адитьи, которых семеро» (IX.114.3); но при этом «восьмеро сыновей у Адити, которые рождены из тела. С семерыми Она присоединилась к Богам, Мартанду отбросила прочь. С семерыми сыновьями Адити присоединилась к первому поколению. К потомству, как и к смерти, Она снова привела Мартанду» (X.72.8–9). Семи бессмертным сыновьям Адити в РВ соответствуют семь миров, семь Сурий и Семь Жрецов, и у каждого — свой алтарь=лоно для жертвоприношений, что мы и наблюдаем в ритуальном комплексе Калибанган I. В культуре ЗХ есть изображения семи женских персонажей (H-97 и M-1186a: здесь и далее см.: Corpus, 1987; Corpus, 1991). Но если ритуал поклонения Лонам Адити, упоминаемым в АВ, датируется ок. 2550–2000 гг. до н.э., то текст РВ должен датироваться за несколько столетий до этого времени.

Формой культа Божественной Матери в РВ выступает культ дерева. Деревья часто упоминаются уже в древнейшей части Самхиты (циклы II–VII и IX): *большие деревья* (vánaspáti) — 19 раз (II.3.10; III.4.10; III.8.1, 3, 6, 11; III.34.10; V.7.4; V.5.10; V.41.8; V.42.16; V.78.5; V.84.3; VI.15.2; VI.48.17; VII.2.10; VII.34.23; IX.5.10; IX.12.7), *обычные деревья* — 43 раза (II.1.1; II.4.5, 6; II.14.2; II.31.1; II.39.1; III.23.1; III.45.4; IV.20.5; V.1.5; V.11.6; V.41.10, 11; V.54.6; V.57.3; V.58.6; V.60.2; V.78.6; V.83.2; V.85.2; VI.2.9; VI.3.5; VI.6.3; VI.8.5; VI.13.1; VI.18.10; VI.24.3; VI.33.3; VI.39.5; VI.48.5;

VI.57.5; VI.60.10; VII.4.2, 5; VII.7.2; VII.34.25; VII.35.5; VII.43.1; VII.56.25; VII.95.5; IX.72.5; IX.96.6; IX.97.53), *леса* (согласно Т.Я. Елизаренковой) — 13 раз (II.38.7; III.6.7; III.34.3; III.51.5; IV.7.1, 6; V.41.11; V.78.8; VI.12.3; VI.31.2; VII.1.19; IX.33.1; IX.92.6). Многочисленные деревья были неотъемлемым и хорошо знакомым элементом ригведийского ландшафта уже в самую раннюю эпоху создания мантр. Окружавшие поэтов РВ леса были столь обширны, что они боялись в них заблудиться (VII.1.19).

В древнейшей части памятника защемляющееся и расщемляющееся дерево сопоставлено с роженицей (V.78.5–9). Дерево в РВ — символ космогонической материи (X.31.7=X.81.4). У больших деревьев и сделанных из них столбов ригведийцы совершали жертвоприношения (I.13.11; I.142.11; II.3.10; III.4.10=VII.2.10; III.8.1–11; V.5.10; X.70.10; X.110.10).

Этому есть прямые аналогии в культуре РХ и ЗХ — *изображения священных деревьев* (M-309, -478A–B–480A–B, -482A, -488A, -500B, -1184A–1185A, -1425A–B, -1430A–1431A, -1657A–B; H-163, -181A, -183B–184B, -187B–188B, -190B–191B, -238A, -242B, -715B–716B, -718B–731B, -845C; K-49A, -65a, -76B; C-28A), особенно *со сценой поклонения фигуре в дереве* (M-442, -488C, -1186A; H-177B). На печати M-296 под *ашваттхой* (древесный эндемик Индии *Ficus religiosa*) — головы двух быков–единорогов, шеи которых вырастают из одной сферы (рис. 6,7).

Близнецы (II.39.2) Ашвины в РВ названы быками 33 раза (Семененко, 2016. С. 259) и уподобляются двум рогам (II.39.3), т.е. на каждого приходится по одному рогу. Ашваттха упомянута в РВ (см. ниже). В поздней I мандале РВ описаны два прекраснопёрых (suparṇā́) друга с общей упряжью, обхвативших одно и то же дерево (vr̥kṣá) при наделении долей–судьбой (bhāgá) (I.164.20–21). В самой поздней X мандале говорится уже о двух прекраснопёрых (suparṇā́) быках, усевшихся на одну юницу там, где идёт наделение Дэвов долей–судьбой (bhāgadhéya) (X.114.3). Прекраснопёрые (suparṇa) (IV.43.3) Ашвины управляют деревом (vr̥kṣá) (V.78.6). Т.е. перед нами два варианта изложения одного сюжета. Образы Ашвинов и двух быков у дерева в РВ можно считать прототипами хараппского изображения *двух быков–единорогов под ашваттхой*.

РВ упоминает только *древесные эндемики Индостана*: в древнейшей части — khadirá (*Acacia catechu*) (III.53.19), spandaná (*Diospyros embryopteris*) (III.53.19), śiṃśápā (*Dalbergia sissoo*) (III.53.19), śimbalá или śalmalí (*Bombax heptaphyllum* или *Salmalia malabarica*) (III.53.22; VII.50.3), vibhī́daka (*Terminalia bellerica*) (VII.86.6), в поздней в поздней — nyagrodha (*Ficus indica*) (I.24.7), vibhī́daka (*Terminalia bellirica*) (X.34.1), kiṃśuká или parṇá (*Butea frondosa*) (X.85.20; X.97.5), śalmalí (X.85.20), harídru (*Berberis aristata*) (X.94.12) и aśvatthá (*Ficus religiosa*) (I.135.8; I.164.20 и 22; X.97.5). Ещё одно опи-

Рис. 6. Печать M-296, Мохенджодаро, Зрелая Хараппа.

Рис. 7. Листья ашваттхи (*Ficus religiosa*).

сываемое в фамильной части Самхиты большое дерево *какамбира* (VI.48.17) не установлено (Елизаренкова, 1999. С. 598), но название — явно местное. Авторы гимнов ранних мандал не знают (если не считать упоминание ягоды píppalam (V.54.12), под которой необязательно подразумевается именно плод *Ficus religiosa*, дерева *Ficus religiosa* или *священной ашваттхи* (пипала), культ которого был широко распространён в III тыс. до н.э. в их ареале. Если бы индоарии проникали в Индию извне, упоминания ашваттхи попали бы не только в самые поздние, но и в фамильные циклы РВ — иначе как объяснить то, что уже в древнейших циклах РВ (II–VII) упоминаются пять других (менее почитаемых) деревьев-эндемиков Индостана», но при этом на протяжении всего времени составления древних II–IX мандал игнорируется самое почитаемое местное дерево, которое к тому же как минимум тысячу лет было объектом культа у (пре) хараппцев?! Всё становится на свои места при принятии дохараппской датировки основной части РВ: распространившийся широко в Северо-Западной Южной Азии к 3000 г. до н.э. культ ашваттхи проник и в поздние гимны собрания.

По сравнению с РВ (IV.24.9, 10; V.45.6; VI.31.4; X.34.3), АВ чаще упоминает *торговлю* (II.34.1; IV.7.6; VIII.7.11; XI.6.23; XI.7.10). Так, в ней есть формально посвящённый торговле гимн (III.15.1–6). РВ описывает *плавание по океану* за богатством в многовесельных кораблях (I.25.7; I.56.2; I.116.3–5; II.18.1; IV.55.6; VII.88.3; X.47.2). АВ тоже часто упоминает *корабли* (II.36.5; III.6.7=IX.2.12; IV.33.7; IV.33.8; V.4.4=VI.95.2=XIX.39.7; V.4.5; V.19.8; VII.7.1; IX.2.6; XII.2.48; XIX.39.8), в т.ч. «с сотней вёсел» (XVII.1.25=26).

В РВ в основном в поздних Мандалах упомянуты жемчужины (I.35.4; I.126.4; VII.18.23; X.68.11; X.144.2), в АВ — уже раковины и жемчужины (IV.10.1–4, 7; XIX.22.8–10).

Украшения из морских раковин найдены в Мергархе на берегу западного притока Инда р. Болан в до-ЗХ-слоях (Kenoyer, 1995. P. 566–571 & 573–574), 487 бусин и печать из (морских) раковин — в Кунале в Харьяне (долина Сарасвати) в переходных от РХ к ЗХ слоях (Chakrabarti II.1, 2014. P. 92–93), раковины живущих вдоль побережья Макрана к западу от Карачи и в Солёных Болотах Кача (Gulf of Kutch) моллюсков *Turbinella pyrum*, *Fasciolaria trapezium*, *Chicoreus ramosus*, *Lambis truncata sebae*, браслеты, черпаки и вкладки из них — на основных памятниках ЗХ и в её приморских селениях (например, в Нагешваре) (Art, 2003. P. 398–400). В Хараппе на Кладбище R37 (ЗХ) четыре женщины были погребены с браслетами из раковин на левых руках (14, 7, 5 и 2 штуки соответственно), а у черепа похороненного в гробу человека нашли три кольца из раковин (Dales, Kenoyer, 1991. P. 195, 199). Морские раковины и черпак из морской раковины найдены в Рупаре на Сатледже (Dutta, 1970. P. 125, 134–135, 138), а в хараппской колонии Шортугай в Юго-Восточной Средней Азии — браслеты из раковин *Turbinella pyrum* (Possehl, 1997–1998. P. 60).

АВ описывает «Землю, несущую во многих местах *людей, говорящих на разных языках, с различными обычаями*» (XII.1.45).

Т.е. авторы РВ и АВ знали *морскую торговлю в Индийском океане*, особенно активную в эпоху ЗХ (2600–1900 гг. до н.э.), когда Северо-Западная Индия именовалась в текстах из Месопотамии Мелуххой (Meluḫḫa ~ ср. *mleccha* «варвар» на санскрите) (Parpola S., Parpola A., Brunswig, 1977. P. 129–165; Vidale, 2004. P. 261–280; Vidale, 2005. P. 147–157; Иванов, 2008. С. 563–570). *Изображения кораблей* найдены в Мохенджодаро (M-1349, -1429B), глиняные модели — в Лотхале и Чанхударо (During Caspers, 1973. P. 7–8).

Печати ЗХ нашли на территории совр. Ирака, Ирана и островов и берегов Персидского залива (8, 3, 2 и 1 местонахождение соответственно) (Corpus, 1991. P. 448). В РВ и АВ нет слова mleccha (~Meluḫḫa), что датирует их до 2500 г. до н.э., при этом РВ — на несколько столетий ранее АВ. С ростом морской торговли перестали функционировать торговые маршруты через север Центрального и Северо-Восточный Иран (от Годин Тепе до Тепе Гиссара) в 3000–2500 гг. до н.э. На полуострове Оман (страна Маган клинописных текстов Двуречья — посредник в торговле между Месопотамией и Мелуххой) обожжённые стеатитовые бусины появляются ещё в 3000–2500 до н.э. (Thornton, 2013. P. 600, 608) Доказательствами морской торговли между долиной Инда и Шумером уже в первой половине III тыс. до н.э.

(т.е. в эпоху РВ) являются общие мотивы двух культур: изображение быка строго в профиль, при котором близкий к зрителю рог закрывал другой; изображение животных с рядом складок вокруг шеи и плеч или с длинными шеями с шейными кольцами; изображения рыб; фигурки быков со вставляемыми в выемки рогами, ушами, конечностями и половыми органами и со слегка повёрнутыми к зрителю мордами; мотивы трилистника и почки; популярный в Шумере XXVII–XXIV вв. до н.э. мотив «состязания», изображающий управляющее двумя львами или рогатыми животными (полу)человеческое существо в набедренной повязке, имеет параллели на четырёх печатях из Мохенджодаро, тоже изображающих стоящую обнажённую человеческую фигуру с телом анфас и повёрнутыми в профиль ногами — поза типично месопотамская (в двух примерах волосы персонажа на индских печатях собраны в пучок (что характерно для месопотамских печатей), а на трёх образцах расставленными руками он удерживает двух стоящих на задних лапах *тигров, которые*, — обратим на это внимание — *являются заменой* месопотамских *львов*) (During Caspers, 1979. P. 131–133; During Caspers, 1991. P. 319–329, 331).

В РВ тигр не упоминается, а образ *льва* используется для описания *дэвов* — Агни (I.95.5; III.2.11; III.9.4; V.15.3) и его форм Брихаспати (X.67.9), Индры (I.174.3; IV.16.14), Марутов (I.64.8; III.26.5), Парджаньи (V.83.3), Сомы (IX.89.3; IX.97.28). Также лев упомянут в стихах V.74.4; VII.18.17 (— львица); X.28.4, 10.

АВ внутри человека различает двух *тигров*: Агни–Шиву и Агни–Кравьяда: «В него вошел пожирающий мясо (kravyā́d). Он последовал за пожирающим мясо (kravyā́dam). | Разлучив двух тигров (vyāghrau), я забираю того, кто иной, чем добрый (śivāparám)» (XII.2.43); ср. сюда же: «Если Агни — пожиратель мяса (kravyā́d) или если он тигром (vyāghrá) проник в этот хлев, находясь не в своем доме, | я отсылаю его далеко... Пусть уйдёт он к огням, сидящим в водах!» (XII.2.4).

Тигр (vyāghrá) часто упоминается в АВ (IV.3.1, 3, 4, 7; IV.36.6; VI.38.1; VI.140.1; VIII.5.11, 12; XII.1.49; XIX.39.4; XIX.46.5; XIX.49.4), в т.ч. уже в древнейшей части текста — *в связи с царской властью*: «Тигр (vyāghra) на тигровой шкуре (vaíyāghra), вступи в великие стороны света! | Да пожелают тебя все племена, небесные воды, богатые молоком!» (IV.8.4). Этот «гимн сопровождает торжественный ритуал помазания царя на царство (rājābhiṣeka или rājasūya), во время которого *царя кропят водой, взятой из священных рек* и смешанной с соком священных растений, а затем царь вступает на тигровую шкуру» (Елизаренкова, 2005. С. 430).

По АВ, в день тигра рождаются герои: «В день тигра родился герой, рождённый созвездием, становящийся мужественным» (VI.110.3).

При этом тигр отождествлялся со львом и леопардом: «Так, обнимая тигра (vyāghrá), они посылают льва (siṃhá) к великой удаче. | Как мощные — стоячий океан, начищают они леопарда (dvīpín) среди вод» (IV.8.7); «Ты, с обликом льва (siṃhápratīka), сожри все племена! Ты, с обликом тигра (vyāg^{h}rápratīka), уничтожь врагов! | Единый глава, с Индрой-союзником, победитель, вырви удовольствия у враждующих!» (IV.22.7). Последний «заговор на успех царя используется в военном ритуале на победу и в ритуале посвящения царя» (Елизаренкова, 2005. С. 440).

Изображения (частей тела) тигра есть на печатях и табличках 2600–1900 гг. до н.э. из Мохенджодаро (M-287–290, -295, -299–302, -304, -306–311, -319, -324B, -417, -478B–480B, -486A, -488A–489A, -1163–1168, -1175–1177, -1183–1185, -1405B, -1425b, -1431A, -1515B–1518B), Хараппы (H-94, -96, -163, -176B, -180A–181A, -181B, -182A, -592–593A, -715B), Лотхала (L-49), Калибангана (K-41, -49–50, -65), Чанхуджодаро (C-24a, -27), Банавали (B-17), Наушаро (Ns-9A). В Мохенджодаро обнаружены фрагменты керамических голов тигра (Mohenjo-Daro, 1931. Pl. XCVI, 5&6). Рогатая глиняная маска тигра–человека найдена в Хараппе (источник: https://www.harappa.com/slide/three-objects).

Культ льва в РВ для первой половины III тыс. до н.э. *синхронен* парным изображениям львов в мотиве ‘состязания’ из Месопотамии. Можно сопоставить печати ЗХ с изображениями удерживающего на вытянутых руках именно двух тигров персонажа (M-306–308) с сообщением АВ о различении и разделении двух именуемых *тиграми* форм Агни — Агни–

Шивы (Благого) и Агни–Кравьяда (Пожирателя мяса с кровью) (XII.2.43). Именно Агни в РВ чаще всех и во всех хронологических слоях именуется Шивой (I.31.1; IV.11.6; V.1.8; V.24.1; VI.16.9; VII.9.3; VIII.39.3; X.3.4). Термин kravyā́d для описания *огня погребального костра* применяется только в самом позднем X цикле РВ (kravyā́dam agním (X.16.9), agníḥ kravyā́t (X.16.10)), где появляется выражение «увозящий мясо с кровью огонь» (agníḥ kravyavā́hanaḥ) (X.16.11). В итоге (ок. 2600 г. до н.э.) сформировалось характерное для АВ представление о двух формах Агни — Шиве (Благом, Добром) и Кравьяде (Пожирателе мяса с кровью).

Ареал ригведийцев в Северо-Западном Индостане и ареалы льва (рис. 8) и тигра в этом регионе Южной Азии совпадают (рис. 9) (Жизнь, 1971. С. 366–367).

Смена культа льва в РВ культом тигра в АВ датирует РВ временем до 2600 г. до н.э., а текст АВ — РХ и ЗХ (ок. и после 2600 г. до н.э.).

Следующий блок хронологическо-географических аргументов, привязывающих РВ к северо-западу Южной Азии III тыс. до н.э., связан с ригведийскими культами *эндемиков Индостана* — буйвола (*Bubalus bubalis*), гаура/гаяла (*Bos gaurus/gavaeus*) и горбатого быка (*зебу*) (*Bos indicus*), — отражёнными параллельно в материальной культуре Прехараппы – начала ПХ.

Буйвол (mahiṣa, mahiṣī и производные) упоминается в РВ 51 раз (I.64.7; I.95.9; I.121.2; I.141.3; II.22.1; III.46.2; IV.18.11; V.2.2; V.25.7; V.29.7, 8; V.37.3; VI.8.4; VI.17.11; VII.44.5; VII.68.5; VIII.12.8; VIII.35.7=8=9; VIII.46.18; VIII.69.15; VIII.77.10; IX.33.1; IX.69.3; IX.73.2; IX.82.3; IX.86.25, 40; IX.87.7; IX.92.6; IX.95.4; IX.96.6, 18, 19; IX.97.41, 57; IX.113.3; X.5.2; X.8.1; X.28.10; X.45.3; X.54.4; X.60.3; X.65.8; X.66.10; X.106.2; X.123.4; X.128.8; X.140.6; X.189.2), в древнейших, фамильных мандалах РВ — 12 раз, в древней части Самхиты в целом (циклы II–VII+IX) — 27 раз. По мере создания более поздних частей РВ число упоминаний буйволов в них по сравнению с более ранними не увеличивалось, как можно было бы ожидать при принятии теории вторжения/переселения ариев в Индию, а, наоборот, сокращалось: в самой древней части (II–VII+IX мандалы) — 27 раз, в чуть более поздней VIII мандале — 7 раз, в ещё более поздней I мандале — 4 раза и в самой поздней X мандале — 13 раз, т.е. почти столько же, сколько и в древнейших, фамильных мандалах в целом — 12 раз.

При этом из 51 случая упоминания буйволов в РВ лишь в двух (в самой поздней мандале) они не имеют ярко выраженного *сакрального характера* (X.28.10 и X.60.3 (в этом случае о сакральности сюжета может говорить упоминание оружия, которым побеждают буйвола, поскольку во втором и последнем его упоминании в РВ оно приписывается Индре (I.174.4.))) — во всех остальных он совершенно очевиден. Во всех оставшихся случаях образ буйвола используется *только для характеристики Дэвов* и связанных с ними персонажей и ни разу — для обозначения демонов. Чаще всего буйволами именуют Агни (I.95.9; I.141.3; X.8.1; X.140.6) и его формы Варуну (X.65.8), Вишну (X.189.1–2), Индру (I.121.2; II.22.1; III.46.2; IV.18.11; X.54.4; X.128.8), Марутов (I.64.7) и Сому (IX.82.3; IX.86.40; IX.96.6, 18, 19; IX.97.41; IX.113.3);

Рис. 8. Восстановленный ареал льва

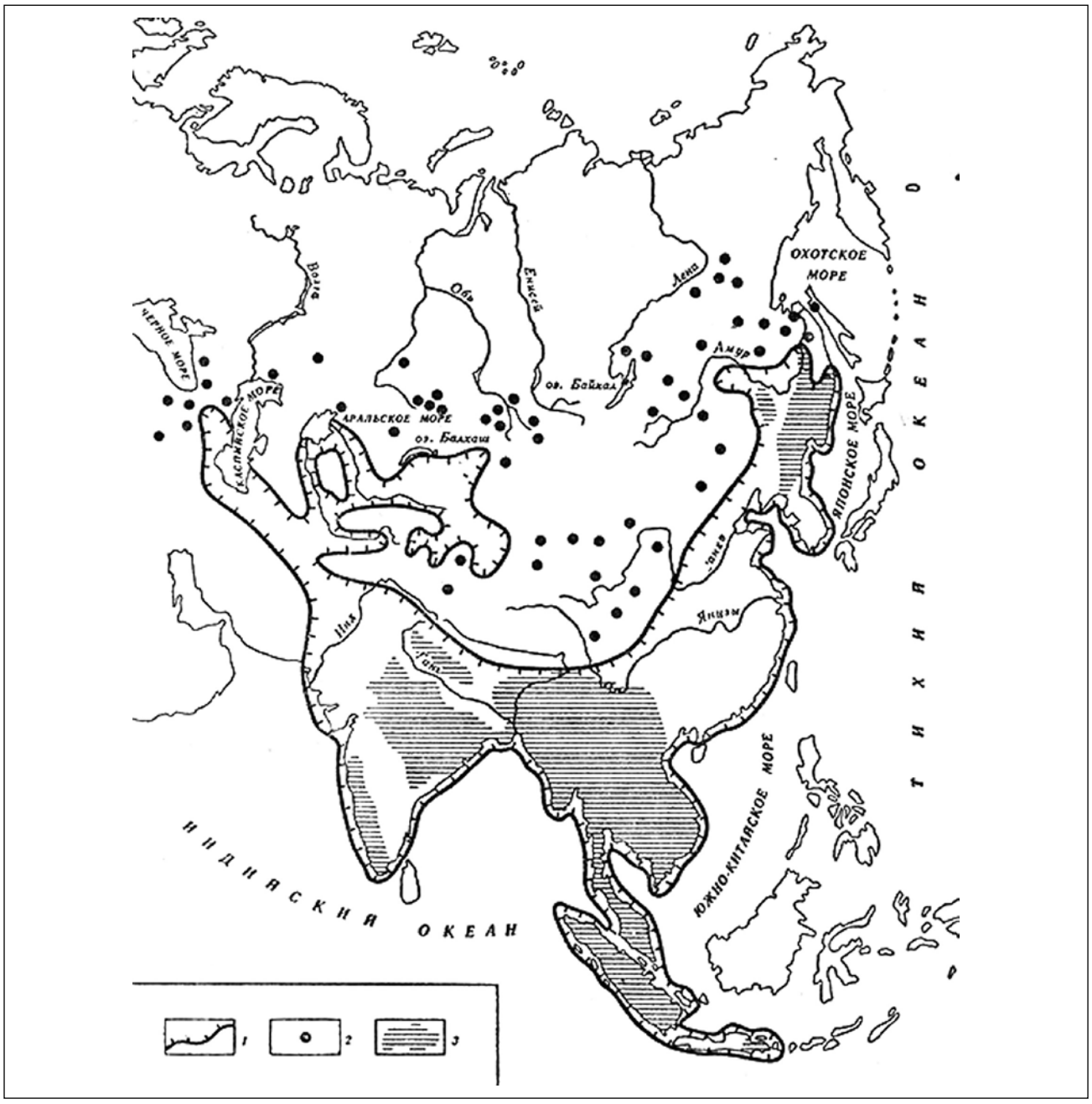


Рис. 9. Восстановленный ареал тигра.

причём Индра и Сома называются буйволами в самых древних частях памятника. Именно в древнейшей (V.29.7–8; VI.17.11) и древней (VIII.77.10; VIII.12.8) частях РВ сообщается о *массовом приготовлении мяса буйволов для Индры*, чему в индоарийском воинском культе созвучны грандиозные царские жертвоприношения буйволов с убийством 100, 300 и даже 1000 животных. В самой поздней мандале упоминается *борьба с буйволом оружием с металлическим наконечником* (X.60.3) — а этот сюжет имеет прямое соответствие на табличках ЗХ с изображением убийства буйвола копьём–гарпуном (M-492C, -1430A).

По используемой образности якобы привнесённая на субконтинент ригведийская религия — идеально чисто-буйволиная даже по сравнению с т.н. аборигенными культами буйвола. Для индоариев характерен глубоко развитой *культ буйвола* на всех этапах создания РВ. Буйволиная образность РВ относится к древнейшей, как минимум до-ЗХ-эпохе (Rhd-241–247) (Allchin, 1982. P. 163, 165; Possehl, 2002. P. 143; Kenoyer, 2010. P. 41–55) и отражает наиболее раннюю стадию развития культа буйвола у автохтонных индоарийских племён.

Образы принадлежащих к одному виду *Bos frontalis* и отличающихся характерным

идущим от загривка до середины спины «всхолмлением» (мускульным заплечным наростом вдоль хребта над лопатками) и потому сейчас уже слабо различаемых *гаура* и *гаяла* неоднократно встречаются во всех хронологических слоях РВ и — часто — в культуре ЗХ.

Между существительными **go** «бык» и **gaura** «бык–гаур» и прилагательным **gaura** «беловатый, желтоватый, красноватый, сверкающий, светлый, рыжеватый» (Mayrhofer, 1956. P. 350–351; Елизаренкова, 1999. С. 649) наблюдается несомненная этимологическая связь. Именно название быка–гаура — *эндемика Южной Азии* — стало в индоевропейских языках обозначением (одомашненного) крупного рогатого скота вообще (ИЕ *gwōus) и было разнесено индоевропейцами за пределы Индостана по всей Евразии и в т.ч. проникло в шумерский и китайский языки (Encyclopedia, 1997. P. 134–135). По данным генетики, происходящими от одной материнской линии являются эндемики Южной Азии *гаур*, *зебу*, *гаял* (Geer, 2008. P. 83–84, 88–92) и домашние коровы (*Bos taurus*) (Guolong, 2007. P. 413–419). Гаур и гавая упомянуты вместе в одном сообщении в самой середине фамильного ядра РВ (IV.21.8), где речь идёт, скорее всего, об одном и том же персонаже. Имя быка–гавая **gavaya** М. Майрхофер считает производным от **go** (Mayrhofer, 1956. P. 331). Т.е. в ригведийском языке есть три термина для обозначения *трёх видов крупного рогатого скота* (два из которых —эндемики Индостана) — *Bos gaurus* (gaura), *Bos taurus* (go) и *Bos gavaeus* (gavaya), — происходящих от одного корня, давшего название крупного рогатого скота в индоевропейских языках за пределами Южной Азии (ИЕ *gwōus). Словом **go** обозначается в РВ не только бык *Bos taurus*, но и бык–зебу (VIII.20.19–21) и буйвол (X.189.1–2).

Гауров изображали на скалах и в пещерах в мезолите–халколите к юго-востоку от долин Инда и Сарасвати. В предгорьях Виндхья в Бхимбетке в Мадхья-Прадеш есть 22 трёхцветных рисунка гаура, см. также изображение из скального укрытия в долине реки Била (Tiwari, 2000. P. 16–18, 112, Ill. 22, 115 & 164. Table 7.4). На ряде изображений на печатях из Мохенджодаро периода ЗХ наличие на спине животного небольшого «всхолмления» может передавать специфический горб гаура (M-1079, -1081, -1083, -1085, -1093). В Чанхударо нашли печать со сценой соития Бога–гаура и Богини–Земли, образующих Божественную Чету (Пуруши и Шакти) (по Ф.Р. Олчину) (Possehl, 2009).

Прямые параллели этим археологическим данным имеются в РВ. Её I мандала гласит: «буйволица (gaurī́) замычала, создавая потоки воды, став одноногой, двуногой, четырёхногой, восьминогой, девятиногой, тысячесложной на высшем небе. Из неё моря вытекают. Этим живут четыре стороны света. Оттуда вытекает непреходящее. Им живет всё» (I.164.40–42). Видимо, именно эта корова–*гаури* упоминается в двух одинаковых сообщениях об освобождении Васу привязанной за ногу коровы–*гаури* (IV.12.6=X.126.8). Тайное имя жертвенного жира (=язык *Дэвов*=пуп Бессмертия (IV.58.1)) извергает четырёхрогий бык–гаур (IV.58.2) — великий *Дэва*, вошедший в смертных (IV.58.3). Когда Индра раскрывает шири Горы, он находит в укрытии именно быка–гаура (IV.21.8). Индра уподобляется быку–гауру (I.16.54; VIII.4.3; VIII.45.24). Идущие вместе с Индрой–быком коровы–гаури (I.84.10), — милые дойные коровы Индры, — поторапливают его Ваджру–пращу, ласкаясь к нему, и смешивают Сому (I.84.11), чтут поклонением его силу и следуют его многочисленным обетам, чтобы быть его первой мыслью (I.84.12). Агни (X.51.6) и Ашвины (V.78.2; VII.69.5; VIII.87.1, 4) уподобляются гаурам. Ваю пьёт светлое молоко или молоко гаура (gaurásya páyas) (X.100.2). Сома покоится на [шкуре] быка–гаура (gaurī́) (IX.12.3).

Гауры упомянуты во всех основных хронологических слоях РВ: в мандале I — 3 раза (I.16.5; I.84.10; I.164.41), в мандале IV — 3 раза (IV.12.6; IV.21.8; IV.58.2), в мандале V — 2 раза (V.29.11; V.78.2), в мандале VII — 2 раза (VII.69.6; VII.98.1), в мандале VIII — 4 раза (VIII.4.3; VIII.45.24; VIII.87.1, 4), в мандале IX — 1 раз (IX.12.3) и в мандале X — 3 раза (X.51.6; X.100.2; X.126.8). Это явно и недвусмысленно указывает на южно-азиатскую прародину носителей индоевропейских диалектов и как минимум до-ЗХ датировку РВ.

Образ горбатого быка–зебу часто встречается в (пре)хараппской культуре. Остатки костей и глиняные фигурки говорят о том, что

уже в Период I в Мергархе (ок. 7000 до н.э.) горбатый бык был одомашнен и стал доминирующей формой разводимого скота (Jarrige J.–F., 2008. P. 143, 151).

В южной части долины Инда на поселениях культуры Амри, период Амри ID которой по радиоуглеродным датировкам приходится на 3000–2500 гг. до н.э., найдены *терракотовые фигурки зебу и сосуд с изображением зебу* (Shaffer, 1996. P. 267–268, fig. 8) (рис. 10). В Хараппе на Рави в до-ЗХ-ких слоях Фаз Рави и Кот Диджи найдены фигурки зебу, в т.ч. с отверстиями в горбе для ношения на шее на шнурке или украшенные орнаментами (источник:https://www.harappa.com/indus2/108.html;https://www.harappa.com/figurines/32.html).

В Белуджистане, к западу от Инда зебу изображали на керамике Тогау на стадии 3-раннее (4000–3600 до н.э.) в линию на внешней поверхности верхней части или внутренней поверхности тела сосуда. Такая керамика распространилась по Белуджистану, и при этом общие схожие мотивы росписи использовались на сосудах различной формы. На стадии 3-позднее (3600–3200 до н.э.) появилась керамика Нал, и горбатых быков рисовали непрерывно на керамике с этого периода до стадий 4 (т.е. керамика Кветты, 3200–2800 до н.э.) и 6 (т.е. керамика Кулли, 2400–1900 до н.э.) (Shudai 5. P. 105, 107). Памятники Фазы Кулли (2400–1800 до н.э.) найдены на всех юго-восточных и южных окраинах Белуджистана, и основная декоративная черта их керамики — центральный фриз из натуралистичных изображений зебу (Shaffer, 1996. P. 262, 261; fig. 6; Uesugi, 2013) (рис. 11; см. также описание, классификацию и цветные фотографии рисунков на сосудах горбатых быков культур Белуджистана в хронологическом порядке: керамика Кили Гул Мохаммад, 5000–4000 до н.э.; Konasukawa; керамика Нал, Shudai 1; керамика Кулли, Shudai 2).

Изображения быков–зебу найдены на печатях и табличках из Мохенджодаро, Хараппы, Калибангана (M-256–265, -318, -328, -437, -1101–1123; H-83–86, -585–586, -699B–700B; K-32, -66A) и Фарманы (округ Рохтак, штат Харьяна, в бассейне р. Дришадвати, Чаутанг) (Shinde, 2008b. P. 103 & 104. Fig. 106), на печати из медного сплава из Наушаро (Art, 2003. P. 412). Терракотовые фигурки зебу нашли в Мохенджодаро (Dani, Thapar, 1996. P. 300), Каранпуре (округ Ханумангарх, Раджастхан) на р. Дришадвати (Prabhakar, Majid, 2014. P. 38–39), в Фармане (Shinde, 2008a. P. 147. Fig. 80; Shinde, 2008.2. P. 95–96. Fig. 92–94), в Ракхигархи (Indian, 2003. P. 63. Plate 49; Nath, 2014. P. 225) и в Хуласе в междуречье Ямуны и Ганги (Dikshit, Excavations. Plates IV–V (Pd I)). Зебу изображён на сосуде из Наушаро (2600–2500 гг. до н.э.) (источник: https://www.harappa.com/blog/grand-and-rare-zebu-bull-motif). Изображение пары противостоящих зебу найдено на сосуде из Фарманы (Shinde, 2008b. P. 80. Fig. 73.1 & 84. Fig. 79).

Горбатые быки изображаются в халколитической наскальной живописи к юго-востоку от долин Инда и Сарасвати начиная с 2500 до н.э. Сюда относятся: 1) изображение горбатого быка с лирообразными рогами, ведомого вооружённым топором человеком, и сцены убийства фигурой с топором другого человеческого персонажа, из Чиббар Нулла; 2) рисунки быков–зебу с огромными рогами из Налдеха; 3) изображение пары зебу в упряжке из Райсен-Рамчаджа (источник: https://www.harappa.com/blog/prehistoric-rock-paintings-and-ancient-indus-motifs-0).

В погребениях в Санаули (Западный Уттар-Прадеш, к востоку от Ямуны) в переходных от ЗХ к ПХ слоях нашли терракотовые фигурки быков–зебу и крышки сосудов с фигуркой зебу на них (Sharma, 2006. P. 169–170, 176; Plate 18b, c). Из Уттар-Прадеша происходит бронзовая композиция из двух зебу, поддерживающих платформу, на которой стоит коленопреклонённая женщина (2000–1750 до н.э.) (источник: https://www.harappa.com/blog/visit-metropolitans-indus-collection).

Данные (пре)хараппской археологии замечательно соотносятся с сообщениям РВ. В ней *горбатые быки–зебу* упомянуты как *упряжные животные* (I.184.3) *колесницы–ратхи* Ашвинов (I.46.3; IV.44.2), у которых также есть грозный (V.73.7) горбатый бык–зверь (V.75.4) золотистого цвета (I.181.5); трёхгорбым (I.121.4) быком–зебу (VIII.45.14) именуют Индру; Маруты описаны как лижущие друг другу горбы (VIII.20.21) горбатые быки золотистого цвета (II.34.11); Вишну называют широкошагающим горбатым быком–

зебу (III.54.14); влага Сомы характеризуется как горбатый бык–зебу (IX.67.8), как и Агни (X.8.2); гонкам на колеснице–*ратхе* (X.102.1, 2, 6, 11) с запряжённым в неё горбатым быком (X.102.7) посвящён целый гимн РВ. Слово **kakúd/kakúbh** буквально означает «вершина» (Mayrhofer, 1956. P. 135), и поэтому Т.Я.Елизаренкова в некоторых случаях переводит соответствующие термины как «высоко вздымающийся» (VIII.45.14), «выдающиеся» (II.34.11), «великан» (III.54.14) и «выдающийся» (VIII.6.48; IX.67.8). Но даже если отбросить все эти «спорные» употребления слова **kakúd/kakúbh** в РВ, оставшихся всё равно достаточно для следующих выводов: 1) быки–зебу упомянуты во всех основных хронологических слоях Самхиты (I мандала — 4 раза (I.46.3; I.121.4; I.181.5; I.184.3), IV мандала — 1 раз (IV.44.2), V мандала — 2 раза (V.73.7; V.75.4), VIII мандала — 1 раз (VIII.20.21) и X мандала — 2 раза (X.8.2; X.102.7)); 2) в 9 случаях из 10 образ зебу используется для описания (атрибутов) Дэвов (Агни (X.8.2) и его форм — Ашвинов (I.46.3; I.181.5; I.184.3; IV.44.2; V.73.7; V.75.4), Индры (I.121.4) и Марутов (VIII.20.21) — причём все они относятся к числу *исконно индоарийских, а не якобы аборигенных неарийских объектов поклонения*; 3) быки–зебу на протяжении всего времени создания РВ использовались как *упряжные животные в колесницах* (I.46.3; I.184.3; IV.44.2; X.102.7).

По мнению сторонников теории вторжения/переселения ариев в Южную Азию, конная колесница была основным средством ведения войны у индоариев и обеспечила им превосходство перед туземцами (Парпола, 2014. С. 58–61, 66). Однако из четырёх случаев упоминания упряжных горбатых быков в трёх они описаны везущими именно колесницу–*ратху*, причём все три упоминания относятся к разным хронологическим слоям памятника: одно встречается в фамильном слое (IV.44.2), второе — в позднем вступительном цикле (I.46.3), третье — в самом позднем (X.102.1, 2, 6, 7, 11). В двух из трёх случаев упоминания *запряжённая быками–зебу колесница–ратха принадлежит Ашвинам или якобы «Владеющим лошадьми/конями»*, которых А. Парпола объявляет «обожествлённым экипажем колесницы из двух человек, воина и его возничего» (Парпола, 2014. С. 61–64, 66). Но имя Ашвин правильнее переводить как «обладатель быстрых» (Encyclopedia, 1997. P. 274), откуда частое обыгрывание корня во фразах «быстрые *ашвы*» (āśú aśvā (V.58.1), āśu áśviyam (V.6.10; VIII.6.24; VIII.31.18)), «быстрейшие *ашвы*» (āśú aśvatamāḥ) (V.41.4) и др.), и не более того, поскольку по РВ колесницу–ратха Ашвинов везут не только горбатые быки (I.46.3; IV.44.2), но также птицы (I.46.3; I.118.4, 5; V.75.5–6), осёл (I.34.9; VIII.85.7), *бык* и крокодил или речной дельфин (I.116.18). Это решительно противоречит как теории вторжения/переселения ариев в Индию (Aryan Invasion/Immigration Theory, AIT), так и представлению о том, что ригведийская *ратха* была именно двуконной колесницей[1].

Замечательное подтверждение данных РВ об использовании зебу в упряжке колесницы — относящаяся к эпохе ПХ бронзовая колесница с парой горбатых быков из клада в Даймабаде (округ Ахмеднагар, Махараштра, левый берег р. Правара, притока р. Годавари) (Yule, 1985. P. 30–31; Honour, Fleming, 2005. P. 52, fig. 2.24). Даймабадский клад состоит из статуэток двух зебу в упряжке, слона, носорога и буйвола — все они изображались именно хараппцами (Dhavalikar, 1982. P. 361–366). Ещё Х. Моде указал, что три животных Даймабадского клада (слон, носорог и буйвол) изображены на печати с образом «Пашупати» (M-304) (Mode, 1980–1981. P. 273). По А.Я. Щетенко, у стоящего на влекомой парой зебу колеснице возницы показан фаллос в напряжённом состоянии, а в правой руке он держит стрекало (Щетенко, 2005. С. 216). Мы не можем согласиться с этим автором в том, что колесничий изображает Пушана (Щетенко, 2005. С. 218), потому что РВ неоднократно утверждает, что тягловыми животными его колесницы являются *козлы* (I.138.4 — 2 раза; VI.55.3, 4 и 6; VI.57.3; VI.58.2; IX.67.10; X.26.8). А вот Индра описывается ездящим на буланых быках (vr̥ṣabhyāṃ vahase háribhyām) (V.36.5). Именно у Индры в РВ тысяча мошонок или яиц с мощной мужской силой (VI.46.3), именно он именуется «прыскающим» или «брызжущим» семенем быком (vr̥ṣan, vr̥ṣabhá и vr̥ṣṇí) чаще всех в источнике (Семененко, 2016. С. 257–260), именно его призывают опуститься на лоно (I.104.1; VII.24.1; X.99.2).

Да, у Пушана есть погоняющее к цели скот (VI.53.9) гибкое стрекало, которым он размахивает (VI.58.2); но и Индра погоняет врагов *стрекалом* (X.42.5). Кроме того, необязательно, что в руке у колесничего изображено именно стрекало — по описанию У. Сингха, «мужчина... держит длинную загнутую на обоих концах палку» (Singh, 2008. P. 231). А *крюк* — ещё один атрибут Индры (III.45.4; VIII.17.10; X.44.9); причём Индра носит свою энергию–Шакти как длинный крюк (X.134.6). На колеснице из Даймабада перед возницей сидит *собака* — в ней можно видеть вестницу Индры Сараму (X.108), дети которой Сарамейи в РВ называются псами (X.14.10). Состав Даймабадского клада (зебу, слон, носорог, буйвол) заставляет видеть в его вознице Пашупати или Господина Существ — это (позднее, начиная с АВ) эпитет Рудры–Шивы. Но в РВ Рудра называется Шивой только 1 раз (X.92.9). *Индра же часто именуется Шивой* в самых ранних слоях памятника (II.20.3; VI.45.17; VII.19.10; VIII.63.4; VIII.93.3; VIII.96.10), Рудра носит типичные эпитеты Индры — Ваджродланный (II.33.3), Марутовый (I.114.11; II.33.6), Многообразный (II.33.9 — ср. VI.47.18), Сидящий на троне (II.33.11 — ср. VI.20.9), — и его атрибуты — лук и стрелы (II.33.10; V.42.11; VII.46.1; X.125.6 — ср. I.33.3; I.84.11; VIII.77.7, 11; X.48.4; X.83.1=X.84.6; X.96.6; X.103.3). Индра сравнивается с *пастухом* (gopā́), погоняющим стада скота (paśu) (V.31.1); см. также: «Как пастух (paśupā́) для стада скота (paśváḥ), хозяином обернись для нас, Индра» (VI.19.3). Индру именуют являющимся самым лучшим Шивой по отношению к скоту (śivátamāya paśváḥ índrāya) (VIII.96.10). Индра же именуется исполненным Пушаном или Пушановым (pūṣaṇvā́n vajrin (I.82.9), pūṣaṇváte índrāya (I.142.12), pūṣaṇváte te vr̥trahā́ (III.52.7)). Поэтому мы полагаем, что *культ Индры*(–Шивы) соответствует культу (пре)хараппского рогатого бога–владыки животных (M-304) и рогатого лучника (M-582B–588B, -1540B), и что именно Индру изображает возница запряжённой парой горбатых быков колесницы из Даймабадского клада.

В мифе РВ об убийстве Вритры постоянно упоминается Семиречье северо-запада Индостана: «о Индра, ты выпустил для бега семь потоков» (I.32.12); «убив Змея, пустил струиться семь рек… Индра» (II.12.3); «выпустил семь рек для бега… Индра!» (II.12.12); «Ты убил Змея, перекрывшего поток. Змея, разлегшегося через семь потоков, ты разбил ваджрой по бессуставью. Ты пустил течь, о Индра, замкнутые реки» (IV.19.2–3 и 5); «Индра сделал для человека, что воды полились. Он убил Змея, пустил течь семь рек, раскрыл отверстия, которые были словно заперты» (IV.28.1); «он убил Змея, выпустил течь семь рек» (X.67.12). Но так же описаны и *конкретные притоки Инда*: «Из лона гор жадно спешат вперед Випаш[–Беас] и Шутудри[–Сатледж] со (своей) водой. Отправленные Индрой, вы движетесь к океану… Когда вы слились, набухая волнами, одна из вас входит в другую… Индра с ваджрой в руке пробуравил русло. Он разбил Вритру, запруду рек… он разрубил Змея. Ваджрой он разбил ограды. Двинулись воды, ища выхода» (III.33.1–2 и 6–7). Т.е. физический денотат образа Семи Потоков — прорыв из Гималаев семи рек долин Инда–Сарасвати, а борьба Индры с Вритрой символизирует освобождение рек из ледникового плена в горах (Iyer, 1911. P. 3–5 & 32–33; Chauhan, 1999. P. 37 & 43). Радиоуглеродное датирование почв ледниковых морен Тибета и Гималаев показало периоды роста их ледников ок. 3600–3300 гг. до н.э., что *датирует оформление основного мифа РВ временем вскоре после ~3300 г. до н.э.* (Соломина, 2007. С. 169–173) С этим соотносятся данные о резком возрастании уровня сброса воды в реках Северо-Западного Индостана между 3600 и 2100 гг. до н.э. (Fagan, 2011). Первые укреплённые поселения Рахман Дхери, Хараппа, Кот Диджи, Калибанган появляются как раз между 3300 и 2800 гг. до н.э. (Chakrabarti II.1, 2014. P. 91–92; Coningham, Young, 2015. P. 160–165). РВ упоминает *крепости* во всех своих хронологических слоях (Семененко, 2009), что не противоречит её датировке периодом до ЗХ.

Таковы лишь некоторые соображения, указывающие на возможность размещения первичного очага носителей ИЕ-языков на стыке Ирана, Афганистана, Средней Азии и Индостана.

1 См. специальную статью в этом же издании — *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т. Я. Елизаренковой. Т. 1. Книги I–VII. М., 2005.

Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т. Я. Елизаренковой. Т. 2. Книги VIII–XII. М., 2007.

Атхарваведа (Шаунака): В 3-х тт. / Пер., вступ. ст., комм. и прил. Т. Я. Елизаренковой. Т. 3. Книги XIII–XIX. М., 2010.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Древние цивилизации от Египта до Китая. ВДИ. 1937–1997. М., 1997.

Герценберг Л. Г. Краткое введение в индоевропеистику. СПб., 2010.

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006.

Дубянский А.М. Протоиндийская религия // Древо индуизма. М., 1999.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I // Древние цивилизации от Египта до Китая. ВДИ. 1937–1997. М., 1997.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. II // Древние цивилизации от Египта до Китая. ВДИ. 1937–1997. М., 1997.

Елизаренкова Т.Я. Об Атхарваведе // Атхарваведа. Избранное / Перевод Т.Я. Елизаренковой. М., 1976.

Елизаренкова Т.Я. Язык и стиль ведийских риши. М., 1993.

Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы V–VIII / Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1999. С. 526–731.

Елизаренкова Т.Я. Комментарий // Атхарваведа (Шаунака). В 3 т. / Перевод. с ведийского, вступительная статья, комментарий и приложение Т.Я. Елизаренковой. Т. 1. Книги I–VII. М., 2005. С. 375–558.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древне-индийское védi-: глубинный смысл и этимология. Ритуальные истоки комплекса «знание — рождение» // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 3: Индийские и иранские языки. Кн. 1. М., 2009.

Жизнь животных в шести томах. Т.6. Млекопитающие, или Звери. Позвоночные. Vertebrata / Под ред. С.П. Наумова, А.П. Кузякина. М., 1971.

Иванов В.В. Хеттский язык. М., 2001.

Иванов В.В. К истории значений санскритского *mleccha* // Иванов В.В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2: Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии. М., 2008. С. 563–570.

Парпола А. Праарийская религия, Насатьи и колесница // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014.

Ригведа. Т. 1. Мандалы I–IV / Перевод Т.Я. Елизаренковой. М., 1989.

Ригведа. Т.2. Мандалы V–VIII / Перевод Т.Я. Елизаренковой. М., 1995.

Ригведа. Т. 3. Мандалы IX–X / Перевод Т.Я. Елизаренковой. М., 1999.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

Семененко А.А. О ригведийских крепостях (*pur*) // Учёные записки. Колледж «Номос». Вып. VI. Воронеж, 2009. С. 65–89.

Семененко А.А. Об однорогом быке в Ригведе и хараппской культуре // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж, 2016. С. 257–260.

Семененко А.А. Тантра Веды. Воронеж, 2017 // https://www.academia.edu/30977919.

Соломина О.Н. Голоценовые колебания ледников Северной Евразии в глобальном контексте // Оледенение Северной Евразии в недавнем прошлом и ближайшем будущем / Отв. ред. В.М. Котляков. М., 2007.

Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000.

Шлейхер А. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индогерманских языков. СПб., 1865.

Щетенко А.Я. Проблема датировки клада культовых предметов из Даймабада (Индия) // Западная и Южная Сибирь в древности: Сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2005.

Agrawala P.K. Goddesses in Ancient India. New Delhi, 1984.

Allchin B., Allchin R. The rise of civilization in India and Pakistan. Cambridge, 1982.

Allchin F.R. Language, culture and the concept of ethnicity // Allchin F.R. et al. The archaeology of early historic South Asia: the emergence of cities and states. Cambridge, 1995.

Allchin F.R. The end of Harappan urbanism and its legacy // Allchin F.R. et al. The archaeology of early historic South Asia: the emergence of cities and states. Cambridge, 1995.

Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 2007.

App U. William Jones's Ancient Theology // Sino-Platonic Papers. No 191 / Ed. V.H. Mair. July, 2009.

Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus / Eds. Aruz J. Wallenfels R. NY, 2003.

Atharva-Veda Saṃhitā. Śaunaka Recension [On the basis of the editions: Gli inni dell' Atharvaveda (Saunaka) / translit. a cura di Ch. Orlandi. Pisa 1991; and Atharva Veda Sanhita / Eds. R. Roth, W.D. Whitney. Berlin 1856] // http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/av/avs/avs.htm.

Bisht R.S. Excavations at Dholavira (1989-90 to 2004-2005). 2015 // http://asi.nic.in/pdf_data.

Bomhard A.R. Indo-European and the Nostratic Hypothesis. Charleston, 1996.

Bomhard A.R. A Comprehensive Introduction to Nostratic Comparative Linguistics (With Special Reference To Indo-European). Vol. I. 2nd ed. Charleston, 2015.

Bryant E.F. The quest for the origins of Vedic culture: the Indo-Aryan migration debate. NY, 2004.

Chakrabarti D.K. II.1. Name, Origin and Chronology of the Harappan Civilization // History of Ancient India. Vol. II. Protohistoric Foundations / Eds. D.K. Chakrabarti, M. Lal. New Delhi, 2014.

Chakrabarti D.K. II.4.12. Art // History of Ancient India. Volume II. Protohistoric Foundations / Eds. D.K. Chakrabarti, M. Lal. New Delhi, 2014.

Chauhan D.S. Mythological Observations and Scientific Evaluation of the Lost Sarasvati River // Memoir Geological Society of India. No. 42. 1999.

Child V.G. The Aryans. A Study of Indo-European Origins. L., 1926.

Coningham R., Young R. The Archaeology of South Asia: From the Indus to Asoka, c. 6500 BCE–200 CE. NY, 2015.

Corpus of Indus Seals and Inscriptions. 1. Collections in India / Eds. J.P. Joshi, A. Parpola. Helsinki, 1987.

Corpus of Indus Seals and Inscriptions. 2. Collections in Pakistan / Eds. S.G.M. Shah, A. Parpola. Helsinki, 1991.

Dales G.F., Kenoyer J.M. Summaries of Five Seasons of Research at Harappa (District Sahiwal, Punjab, Pakistan), 1986–1990 // Harappa Excavations 1986–1990. A Multidisciplinary Approach to Third Millennium Urbanism / Ed. R.H. Meadow. Madison, Wisconsin, 1991.

Dani A.H., Thapar B.K. The Indus Civilization // History of civilizations of Central Asia. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. / Eds A.H. Dani, V.M. Masson. 2nd impression. Paris, 1996.

Dhavalikar M.K. Daimabad Bronzes // Harappan Civilization. A Contemporary Perspective / Ed. G.L. Possehl. New Delhi, 1982.

Dikshit K.N. Excavations at Hulas (1978–1983) (from Harappan times to Early Medieval). New Delhi: Archaeological Survey of India // http://asi.nic.in/pdf_data/hulas_excavation_report_new.pdf.

During Caspers E.C.L. Harappan Trade in the Arabian Gulf in the Third Millenium B.C. // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. Vol. 3. Proceedings of the Sixth Seminar for Arabian Studies held at the Institute of Archaeology. London 27th and 28th September 1972. L., 1973.

During Caspers E.C.L. Sumer, Coastal Arabia and the Indus Valley in Protoliterate and Early Dynastic Eras: Supporting Evidence for a Cultural Linkage // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 22. No. 2. May, 1979.

During Caspers E.C.L. The Indus Valley 'Unicorn': A Near Eastern Connection? // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 34, No. 4. 1991.

Dutta B.Ch. Rupar: The ancient town of Harappan settlers in east Punjab // Ethnos: Journal of Anthropology. Vol. 35. №1–4. 1970.

Encyclopedia of Indo-European Culture / Eds. J.P. Mallory, D.Q. Adams. L.; Chicago, 1997.

Fagan B. Elixir: A Human History of Water. L.; Berlin; NY; Sydney, 2011.

Geer van der A.E. Animals in Stone: Indian Mammals Sculptured Through Time. Leiden, 2008.

Gimbutas M. The Balts. L., 1963.

Gimbutas M. Proto-Indo-European culture: the Kurgan culture during the fifth, fourth and third millennia BC // Indo-European and Indo-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference Held at the University of Pennsylvania / Eds. G. Cardona, H.M. Hoenigswald, A. Senn. Philadelphia, 1970.

Gimbutas M. The three waves of the Kurgan people into Old Europe, 4500–2500 B.C. // Archives suisses d'anthropologie generale (Geneve). 1979. № 43(2).

Guolong M. et al. Phylogenetic Relationships and Status Quo of Colonies for Gayal Based on Analysis of Cytochrome b Gene Partial Sequences // Journal of Genetics and Genomics. Vol. 34(5). 2007.

Honour H., Fleming J.A World History of Art. 7th ed. L., 2005.

Indian Archaeology 1997-1998. A Review. New Delhi, 2003.

Indian Archaeology 1998-1999. A review. New Delhi, 2004.

Iyer Paramasiva T. The Riks or Primeval gleams of light and life. Bangalore, 1911.

Jarrige C. The figurines of the first farmers at Mehrgarh and their offshoots // Prāgdhārā. No. 18. 2008.

Jarrige J.–F. Mehrgarh Neolithic. Paper presented in the International Seminar on the «First Farmers in Global Perspective», Lucknow, India, 18–20 January, 2006 // Prāgdhārā. No. 18. 2008.

Jones, W. Discourses delivered before the Asiatic Society and miscellaneous papers, on the religion, poetry, literature, etc. of the nations of India. Vol 1, 2. 2nd ed. L., 1824.

Kenoyer J.M. Ornament Styles of the Indus Valley Tradition: Evidence from Recent Excavations at Harappa, Pakistan // Paléorient. 1991. Vol. 17, No 2.

Kenoyer J.M. Shell Trade and Shell Working During the Neolithic and Early Chalcolithic at Mehrgarh, Pakistan // Mehrgarh Field Reports 1974–1985 from Neolithic Times to the Indus Civilization. The Reports of Eleven Seasons of Excavations in Kachi District, Balochistan by the French Archaeological Mission to Pakistan / Eds. C. Jarrige, J.-F. Jarrige, R.H. Meadow, G. Quivron. [Karachi]: The Department of Culture and Tourism, Government of Sindh, Pakistan, in Collaboration with the French Ministry of Foreign Affairs, 1995.

Kenoyer J.M. Culture change during the Late Harappan period at Harappa: new insights on Vedic Aryan issues // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history. L., 2005.

Kenoyer J.M., Heuston K. The ancient South Asian world. NY, 2005.

Khan F., Kox J.R., Thomas K.D. Bannu: A Melting Pot for Cultural Change in the Proto-Historic Period // Indus Valley Civilization. Dialogue among Civilizations. Year 2001. Collection of Papers Presented in the International Colloquium on Indus Valley Civilization at Islamabad (6th–8th April 2001) / Eds. M.A. Halim, A. Ghafoor. Islamabad, 2001.

Klostermaier K.K. A survey of Hinduism. 2nd ed. Albany, 1994.

Klostermaier K.K. A Survey of Hinduism. 3rd ed. Albany, 2007.

Konasukawa A., Shudai H., Endo H., Kimura S. Report on the Survey of the Archaeological Materials of Prehistoric Pakistan, stored in the Aichi Prefectural Ceramic Museum. Part 4: Togau Ware, Kechi-Beg Ware and Other Wares of Prehistoric Pottery of Balochistan // https://www.researchgate.net/publication/273099013_Report_on_the_Survey_of_the_Archaeological_Materials_of_Prehistoric_Pakistan_stored_in_the_Aichi_Prefectural_Ceramic_Museum_Part_4_Togau_Ware_Kechi-Beg_Ware_and_Other_Wares_of_Prehistoric_Pottery_of_B.

Kosambi D.D. Myth and Reality: Studies in the Formation of Indian Culture. Bombay, 1962.

Lal B.B. The Mythical Twins: "Aryan Invasion of India" and "Extinction of the Harappan Culture" // Indus Valley Civilization. Dialogue among Civilizations. Year 2001. Collection of Papers Presented in the International Colloquium on Indus Valley Civilization at Islamabad (6th–8th April 2001) / Eds. M.A. Halim, A. Ghafoor. Islamabad, 2001.

Lal B.B. Can the Vedic people be identified archaeologically? An approach // Indologica Taurinensia. Vol. XXXXI. 2005.

Lassen Ch. Indische Alterthumskunde. 1. Band. Bonn, 1847.

Latham R.G. The Germania of Tacitus. L., 1851.

Latham R.G. The ethnology of Europe. L., 1852.

Latham R.G. The ethnology of India. L., 1859.

Latham R.G. Opuscula. L., Edinburgh, 1860.

Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.

Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindisches. A Concise Etymological Sanskrit Dictionary. Band I: A–TH. Heidelberg, 1956.

McIntosh J. The ancient Indus valley: new perspectives. Santa Barbara, 2008.

Mode H. The Four Quadrupeds — Reflections on Indian Animal Preference // Indologica Taurinensia. The Online Journal of the International Association of Sanskrit Studies. Vol. VIII–IX. Dr. L. Sternbach Commemoration Volume. 1980–1981 // http://www.indologica.com/volumes/vol08-09/vol_08-09_art30_mode.pdf.

Mohenjo-daro and the Indus Civilization. Being an official account of Archaeological Excavations at Mohenjo-daro carried out by the Government of India between the years 1922 and 1927 / Ed. J. Marshall. Vol. III. Plates XV–CLXIV. L., 1931.

Monier-Williams M. Brahmanism and Hinduism. NY, 1891.

Mueller M. Lectures on the science of language, delivered 1861. NY, 1869.

Muir J. Original Sanskrit texts on the origin and progress of the religion and institutions of India. P. 2. L., 1860.

Nath A. Excavations at Rakhigarhi [1997-1998 to 1999-2000]. Archaeological Survey of India, 31.12.2014 // http://asi.nic.in/pdf_data/rakhigarhi_excavation_report_new.pdf.

Nichols J. The epicentre of the Indo-European linguistic spread // Archaeology and Language I. Theoretical and Methodological Orientations / Eds. R. Blench, M. Spriggs. L.; NY., 1997.

Nichols J. The Eurasian spread zone and the Indo-European dispersal // Archaeology and Language II. Archaeological Data and Linguistic Hypotheses / Eds. R. Blench & M. Spriggs. L. & NY, 1998.

Nigam J.S. The Religion of the Harappans in Rajasthan // Cultural Contours of India: Dr. Satya Prakash Felicitation Volume / Ed. V.Sh. Srivastava. New Delhi, 1981.

Parpola S., Parpola A., Brunswig Jr. R.H. The Meluḫḫa Village: Evidence of Acculturation of Harappan Traders in Late Third Millennium Mesopotamia? // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 20. No. 2. May, 1977. P. 129–165.

Pictet A. Les Origines Indo-Européennes ou Aryas Primitifs. Premiére Partie. P., 1859.

Possehl G.L. An Harappan Outpost on the Amudarya: Shortughai. Why was it there? // Indologica Taurinensia. The Online Journal of the International Association of Sanskrit Studies. Vol. XXIII–XXIV. 1997–1998 [http://www.indologica.com/volumes/vol23-24/vol23-24_art05_POSSEHL.pdf].

Possehl G. L. Indus civilization: a contemporary perspective. Walnut Creek, 2002.

Possehl G.L. Indus civilization // The Penguin Handbook of Ancient Religions. L., 2009.

Prabhakar V.N., Majid J.C. Preliminary Results of Excavation at Karanpura, a Harappan Settlement in District Hanumangarh, Rajasthan // Man and Environment. Vol. XXXIX. No. 2. 2014.

Renfrew C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. L., 1987.

Rigveda. Metrically Restored Text / Eds. K. Thomson, J. Slocum // http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/.

Schlegel A.W. Essais littéraires et historiques. Bonn, 1842.

Schlegel F. The Aesthetic and miscellaneous works. L., 1849.

Schrader O. Prehistoric Antiquities of the Aryan Peoples / Translation by F.B. Jevons. L., 1890.

Semenenko A.A. Ploughing in Rigveda // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной заочной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2015 г.). Воронеж, 2015.

Semenenko A.A. Cereals as source of food in Rigveda // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2017 г.). Воронеж, 2017.

Shaffer J.G. Pre-Indus and early Indus cultures of Pakistan and India. Part I // History of civilizations of Central Asia. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. /Eds. A.H. Dani, V.M. Masson. 2nd impr. Paris, 1996.

Shaffer J.G., Lichtenstein D.A. South Asian archaeology and the myth of Indo-Aryan invasions // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history. L., 2005.

Sharma D.V., Nauriyal K.C., Prabhakar V.N. Excavations at Sanauli 2005-2006: A Harappan Necropolis in the Upper Ganga–Yamuna Doab // Purātattva. 36. 2006.

Shinde V., Sinha-Deshpands S., Osada T., Uni T. Basic Issues in Harappan Archaeology // Ancient Asia. Vol. I. 2006.

Shinde V. et al. Exploration in the Ghaggar Basin and excavations at Girawad, Farmana (Rohtak District) and Mitathal (Bhiwani District), Haryana, India // Linguistics, Archaeology and the Human Past / Eds. T. Osada, A. Uesugi. Kyoto, 2008.

Shinde V., Osada T., Sharma M.M., Uesugi A., Uno T., Maemoke H., Shirvalkar P., Deshpande S.S., Kulkarni A., Sarkar A., Reddi A., Rao V. A Report on Excavations at Farmana 2007-2008 // Occasional Paper 6: Linguistics, Archaeology and the Human Past / Eds. T. Osada, A. Uesugi. Kyoto, 2008.

Shudai H., Konasukawa A., Endo H., Kimura S. Report on the Survey of the Archaeological Materials of Prehistoric Pakistan, stored in Aichi Prefectural Ceramic Museum. Pt. 1: Painted Pottery of Nal Ware // https://www.researchgate.net/publication/273064446_Report_on_the_Survey_of_the_Archaeological_Materials_of_Prehistoric_Pakistan_stored_in_Aichi_Prefectural_Ceramic_Museum_Part_I_Painted_Pottery_of_Nal_Ware.

Shudai H., Konasukawa A., Endo H., Kimura S., Ueno T. Report on the Survey of the Archaeological Materials of Prehistoric Pakistan in the Aichi Prefectural Ceramic Museum. Pt. 2: Kulli Ware // https://www.researchgate.net/publication/273064457_Report_on_the_Survey_of_the_Archaeological_Materials_of_Prehistoric_Pakistan_in_the_Aichi_Prefectual_Ceramic_Museum_Part_II_Kulli_Ware.

Shudai H., Konasukawa A., Kimura S., Endo H. Report on the Survey of the Archaeological Materials of Prehistoric Pakistan stored in the Aichi Prefectural Ceramic Museum. Pt. 5: Archaeological Considerations on the Pottery and Cultures in the Pre- /Protohistoric Balochistan // http://library.tsurumi-u.ac.jp/metadb/up/admin/50_4_09_shudai.pdf.

Singh U. A History of Ancient and Early Medieval India: From the Stone Age to the 12th Century. Delhi, 2008.

Thornton C.P. Mesopotamia, Meluhha, and those in between // The Sumerian World / Ed. H. Crawford. L.; NY, 2013.

Tiwari Sh.K. Riddles of Indian Rockshelter Paintings. New Delhi, 2000.

Trautmann Th.R. The Aryan Debate. Oxford, 2005.

Uesugi A. Pottery from Balochistan in Ancient Orient Museum, Tokyo. Pt. 2: the late third millennium BCE // Bulletin of Ancient Orient Museum. Vol. XXXIII. 2013 // https://www.academia.edu/7823764/Pottery_from_Balochistan_in_Ancient_Orient_Museum_Tokyo_Part_2_the_late_third_millennium_BCE.

Vidale M. Growing in a Foreign World: For a History of the “Meluhha Villages” in Mesopotamia in the 3rd Millennium BC // Melammu Symposia 4: Schools of Oriental Studies and the Development of Modern Historiography. Proceedings of the Fourth Annual Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project. Held in Ravenna, Italy, October 13–17, 2001 / Eds. A. Panaino, A. Piras. Milan, 2004. P. 261–280.

Vidale M. The Short-Horned Bull on the Indus Seals: A Symbol of the Families in the Western Trade? // SAA 2003. Proceedings of the 17th International Conference of the European Association of SAA (7–11 July 2003, Bonn) / Eds. U. Franke-Vogt, H.-J. Weisshaar. Aachen, 2005. P. 147–157.

Yule P. Metalwork of the Bronze Age in India // Praehistorische Bronzefunde. Abt. XX. Bd. 8. München, 1985.

А.А. Семененко

О «нестандартных» ригведийских «колесницах» (ратхах)

Специалисты, изучающие происхождение колесного транспорта, сходятся в том, что двухколесная колесница (ригведийск. *ratha*) отличается от двухколесной повозки (ригведийск. *anas*) тем, что в первой колесничий стоит, а во второй — сидит (Jones-Bley, 2000. P. 135; Anthony, 2007. P. 397).

Считается, что древнейший индоарийский текст — Ригведа (далее РВ) (Ригведа, 1989, 1995, 1999; Rigveda) — описывает двухколесную колесницу–ратху с двумя колесничими, запряженную парой истинных лошадей или коней (*Equus ferus caballus*) (Macdonell, Keith, 1912. P. 201–203; Sparreboom, 1985. P. 10–11). Такой вывод можно сделать, например, на основании упоминания ратхи Индры и Кутсы (IV.16.11). Но часто парной упряжкой правит один колесничий (обычно Индра (I.6.2; I.16.2; I.82.1–6; I.84.3, 6; I.100.16; I.111.1; I.161.6; II.18.3; III.35.1–5; III.41.9; III.45.2; V.30.1; V.43.5; VII.23.3; VII.36.4; VIII.1.25; VIII.33.4, 18; VIII.45.39; VIII.98.9; X.23.1–3; X.44.2; X.96.6; X.160.1), также Агни (I.94.10), Савитар (I.35.2–5), Тваштар (VI.47.19), Ваю (VIII.26.20, 23)). Кстати, сразу следует обратить внимание, что подавляющее большинство таких (и других, о чем см. ниже) упоминаний ратхи в РВ относится к сакрально-магической сфере, т.е. к описаниям Дэвов. Поэтому ошибочным изначально и всецело следует считать метод вычленения некой «действительно исторической» информации в ригведийских сообщениях о ратхе по этому критерию.

Наряду с упоминаниями «стандартной» ратхи РВ также содержит значительное число «нестандартных» характеристик ратх всевозможных типов и размеров, что ставит под сомнение уравнение «ратха=пароконная двухколесная колесница с одним(-двумя) колесничим(и)».

Так, в (быстроходную) ратху мог запрягаться только один Ашва (rátham áśvāya takṣan (V.31.4), áśvaṃ ná rathíyaṃ (VIII.103.7), áśvo vóḷhā sukháṃ ráthaṃ) (IX.112.4)) или мощный (táṃ no dāta maruto vājínaṃ rátha) (II.34.7) скакун (átyo ná ráthyo) (II.4.4) и при этом сама ратха могла быть большой и с широкими колесами (áśvaṃ ráthe yuñjanti urucakrá r̥svám) (IX.89.4). В ратху запряжен Ваю (vāyúṃ rathayújaṃ) (V.41.6; X.64.7). Сому запрягают в ратху с тремя (táṃ tripr̥ṣṭhé trivandhuré ráthe yuñjanti yā́tave) (IX.62.17) местами для стояния (ádhi vāṃ sthā́ma vandhúre ráthe (I.139.4), ā́ yāhi arvā́ñ úpa vandhureṣṭhā́s (III.43.1)) — причем даже одно может быть широчайшим (váriṣṭhe vandhúre) (VI.47.9). Также РВ описывает одного Ашву, везущего ратху с одним колесом (rátham ékacakram éko áśvo vahati) (I.164.2), но данное сообщение представляет собой стих–загадку и технологически создание транспортного средства с одним колесом затруднительно.

В то же время вполне реалистично описание ратх, запряженных тройкой буланых (yásya mā haríto ráthe tisró váhanti sādhuyā́) (X.33.5), или с третьим пристяжным животным (práṣṭir vahati róhitaḥ (I.39.6; VIII.7.28), dáśa ráthān práṣṭimataḥ (VI.47.24)). Также описывается запряжка в ратху четырех быстрых (mā́ṃ catvā́ra āśávaḥ śáviṣṭhasya dravitnávaḥ / suráthāso abhí práyo vákṣan váyo ná túgriyam) (VIII.74.14) и упоминается дар из сорока рыжих, запряженных в десять ратх (catvāriṃśád dáśarathasya śóṇāḥ) (I.126.4). Ваю ездит на четырех или шести животных (vāyúr yuṅkte róhitā vāyúr aruṇā́ vāyú́ ráthe ajirā́ dhurí vóḷhave) (I.134.3), Агни — на шести (śyāvā́ ráthaṃ vahato róhitā vā utā́ruṣā́ áha cakre) (II.10.2). Также Ушас ездит на ратхе с несколькими Ашвами (aruṇébhir áśvair ā́ uṣā́ yāti suyújā ráthena (I.113.14), úṣo candrárathā ā́ tvā vahantu suyámāso áśvā (III.61.2), práti dyutānā́m aruṣā́so áśvāś citrā́ adr̥śrann uṣásaṃ váhantaḥ / yā́ti śubhrā́ viśvapíśā ráthena

(VII.75.6), víśve paśyanti uṣásaṃ vibhā́tīm / á́sthād ráthaṃ svadháyā yujyámānam á́ yám áśvāsaḥ suyújo váhanti (VII.78.4)).

Ратху Сурьи возят семь буланых (saptá tvā haríto ráthe váhanti sūriya (I.50.8); áyukta saptá sū́ro ráthasya naptíyaḥ / tá́bhir yāti sváyuktibhiḥ (I.50.9); saptá svásāraḥ suvitā́ya sū́riyaṃ váhanti haríto ráthe (VII.66.15). Еще один стих–загадка описывает семиколесную ратху со стоящими на ней семью возницами, которую везут семь Ашв (imáṃ rátham ádhi yé saptá tasthúḥ saptácakraṃ saptá vahanti áśvāḥ) (I.164.3). В другом месте упоминается семиколесная ратха Сомы–и–Пушана с пятью поводьями (sómāpū́ṣaṇā rájaso vimā́naṃ saptácakraṃ rátham áviśvaminvam / viṣūvṛ́tam mánasā yujyámānaṃ táṃ jinvatho vṛ́ṣaṇā páñcaraśmim) (II.40.3). Само по себе сооружение транспортного средства с семью колесами, предназначенного для семи ездовых животных, проблематично, но важным моментом является то, что оно по-прежнему именуется ратхой. То же самое можно сказать и про ратху Индры с сотней или тысячей волосатых буланых (á́ tvā sahásram á́ śatáṃ yuktā́ ráthe hiraṇyáye / brahmayújo hháraya indra keśíno váhantu) (VIII.1.24) или про ратху Индры–Ваю с тысячей буланых (índrasārathiḥ vā́yo // á́ vāṃ sahásraṃ hháraya índravāyū váhantu) (IV.46.2–3), а также с девяносто девятью и ста (índrasārathiḥ vā́yav á́ candréṇa ráthena yāhí // váhantu tvā yuktā́so navatír náva / vā́yav á́ candréṇa ráthena yāhí // vā́yo śatáṃ hárīṇāṃ yuvásva / utá vā te sahasríṇo rátha á́ yātu pā́jasā) (IV.48.2, 4–5).

Довольно часто РВ описывает ратху Ашвинов с тремя ободами (tráyaḥ paváyo ráthe aśvinā) (I.34.2), из трех частей (aśvinā triṣṭhám vāṃ rátham) (I.34.5), тремя колесами и тремя местами для стояния (trivandhuréṇa trivṛ́tā ráthenā́ yātam aśvinā (I.47.2), á́ vāṃ rátho aśvinā trivandhuró (I.118.1), trivandhuréṇa trivṛ́tā ráthena tricakréṇa suvṛ́tā́ yātam arvā́k (I.118.2), táṃ yuñjāthām yó trivandhuró yás tricakráḥ tridhā́tunā (I.183.1), yó vāṃ rátho trivandhuró / á́ na enā́ nāsatiyópa yātam (VII.71.4), rátho yó vāṃ trivandhuró aśvinā (VIII.22.5), tricakráṃ sukháṃ ráthaṃ suṣádam (VIII.58.3), ráthaṃ tricakráṃ (X.41.1); yád aśvinā pṛchámānāv áyātaṃ tricakréṇa vahatúṃ sūriyā́yāḥ (X.85.14)), в которую запряжены быстрые Ашвы (arvā́ṅ tricakró rátho jīrā́śuvo aśvínor yātu trivandhuró) (I.157.3). Трехколесную ратху создали Рибху (ráthas tricakráḥ pári vartate rájaḥ // ráthaṃ yé cakrúḥ suvṛ́taṃ ávihvarantam / tā́ṃ ū nú asyá sávanasya pītáya á́ vo vājā ṛbhavo vedayāmasi) (IV.36.1–2).

Часто на ратхе вместе с Ашвинами ездит третий персонаж — жена Вимады (nā́satyābhyām yā́v árbhagāya vimadā́ya jāyā́ṃ senājúvā niūhátū ráthena (I.116.1), дочь Сурьи (á́ vāṃ ráthaṃ duhitā́ sū́riyasya (I.116.17), á́ vāṃ ráthaṃ yuvatís tiṣṭhad átra juṣṭvī́ narā duhitā́ sū́riyasya (I.118.5), táṃ vāṃ ráthaṃ aśvinā / yáḥ sūriyā́ṃ váhati (IV.44.1), á́ yád vāṃ sūriyā́ ráthaṃ tíṣṭhad (V.73.5), ádhi śriyé duhitā́ sū́riyasya ráthaṃ tasthau (VI.63.5), ví vāṃ rátho vadhúvā yā́damāno ántān divó bādhate vartaníbhyām // yuvóḥ śríyam pári yóṣāvṛṇīta sū́ro duhitā́ páritakmiyāyām (VII.69.3–4)), госпожа (yuvór áha pravaṇé cekite rátho yád aśvinā váhathaḥ sūrím á́ váram) (I.119.3), некто неназванный (ráthaḥ asmin ádhi tráyo) (IV.45.1), юная жена (á́ yád vāṃ yóṣaṇā rátham átiṣṭhad vājinīvasū aśvinā) (VIII.8.10), Индра (yád índreṇa saráthaṃ yāthó aśvinā) (VIII.9.12), Шундхья (yuvā́m ráthena vimadā́ya śundhyúvaṃ ní ūhathuḥ purumitrásya yóṣaṇām) (X.39.7), невеста Сурья (aśvínā tvā prá vahatāṃ ráthena) (X.85.26).

Три брата Рибху тоже ездят вместе на одной ратхе (saúdhanvanā yuktvā́ rátham úpa devā́ṁ ayātana (I.161.7), á́ vo vā́hiṣṭho vahatu stavádhyai rátho vājā ṛbhukṣaṇo ámṛktaḥ (VII.37.1), ṛ́bhukṣaṇo vājā á́ vo arvā́caḥ krátavo ná yātā́ṃ víbhvo ráthaṃ náriyaṃ vartayantu (VII.48.1)). Также они ездят на одной ратхе с Индрой (índreṇa yātha saráthaṃ suté sácāṁ saúdhanvanā ṛbhavo) (III.60.4).

РВ также упоминает ратху с восемью сидениями или местами для стояния (aṣṭā́vandhuraṃ vahatābhíto ráthaṃ) (X.53.7).

Нередко на одной ратхе находится значительно более трех персонажей — толпа Марутов (śárdho mā́rutam ratheśúbham (I.37.1), maruto ráthenaā́ gata (VIII.20.10)), знамена–озарения Индры (yámiṣṭhāsaḥ sā́rathayo yá indra te ná tvā kétā á́ dabhnuvanti bhū́rṇayaḥ) (I.55.7), Дэвы на широкой ратхе Дакшины (pṛthū́ rátho dákṣiṇāyā ayoji aínaṃ devā́so asthuḥ) (I.123.1), Агни с Индрой и Дэвами

(ágne sukhátame ráthe devā̃m̐ ā́ vaha (I.13.4), yukṣvā́ hí áruṣī ráthe haríto rohítaḥ / tā́bhir devā̃m̐ ihā́ vaha (I.14.12), ā́ yāhi agne arvā́ṅ índreṇa devaíḥ saráthaṃ (III.4.11), aíbhir agne saráthaṃ yāhi arvā́ṅ (III.6.9), rátham ágne tíṣṭha yajatébhiḥ / éhá devā́n vakṣi (V.1.11), agníṃ índreṇa devaíḥ saráthaṃ (V.11.2), ā́ yāhi agne arvā́ṅ índreṇa devaíḥ saráthaṃ (VII.2.11), ā́ víśvebhiḥ saráthaṃ yāhi devaír agne (VII.11.1), suvṛ́tā ráthena ā́ devā́n vakṣi ní (X.70.3)), Родаси с Марутами (jóṣad yád īm asuríyā sacádhyai víṣitastukā rodasī́ / ā́ sūriyéva vidható ráthaṃ gāt (I.167.5), ráthaṃ mā́rutaṃ ā́ yásmin tasthaú sácā marútsu rodasī́ (V.56.8), táṃ vaḥ śárdhaṃ ratheśúbhaṃ tveṣám panasyúm ā́ huve / yásmin sújātā subhágā mahīyáte sácā marútsu mīḷhuṣī́ (V.56.9)), Ашвины с Дэвами (ā́ no devébhir úpa yātam arvā́k sajóṣasā nāsatiyā ráthena) (VII.72.2), Сома с Дэвами (devaír yāhi saráthaṃ) (IX.97.6), Индра с тысячей прежних Отцов–хвалителей Дэвов (índreṇa devaíḥ saráthaṃ dádhānāḥ / sahásraṃ devavandaíḥ páraiḥ pū́rvaiḥ pitṛ́bhir) (X.15.10), Тришока с сотней мужей (ánu triśókaḥ śatám ā́vahan nṛ́ṇā rátho) (X.29.2), Синдху с притоками (tr̥ṣṭā́mayā prathamáṃ yā́tave sajū́ḥ susártuvā rasáyā śvetiyā́ tiyā́ / tuváṃ sindho kúbhayā gomatī́ṃ krúmum mehatnuvā́ saráthaṃ yā́bhir ī́yase) (X.75.6), Манью с Марутами (tváyā manyo saráthaṃ ārujánto hárṣamāṇāso dhr̥ṣitā́ marutvaḥ / tigméṣava āyudhā́ saṃśíśānā abhí prá yantu náro agnírūpāḥ) (X.84.1). Такие сообщения свидетельствуют о том, что под ратхой в РВ подразумеваются и очень большие колесные транспортные средства.

Ашвины с их лучшей (ā́ vāṃ rátho ráthānāṃ aśvinā) (V.74.8) и лучше всего возящей ратхой (vāṃ vā́hiṣṭho aśvinā rátho) (VIII.26.4) характеризуются как лучшие колесничие (suráthā rathī́tama aśvínā (I.22.2), rathíyā rathī́tamā aśvinā (I.182.2)). Но их трехколесную и трехчастную ратху с тремя местами для стояния возит исполненный энергии/силы/мощи (vājíno — типичный эпитет скакового жеребца в РВ!) осел (kúva trī́ cakrā́ trivṛ́to ráthasya kúva tráyo vandhúro yé sánīḷāḥ / kadā́ yógo vājíno rā́sabhasya yéna yajñáṃ nāsatiyopayāthā́ḥ (I.34.9), yuñjā́thāṃ rā́sabhaṃ ráthe vīḷúaṅge vr̥ṣaṇvasū / mádhvaḥ sómasya pītáye // trivandhuréṇa trivṛ́tā ráthenā́ yātam aśvinā / mádhvaḥ sómasya pītáye (VIII.85.7–8). Еще одно сообщение рассказывает о том, что осел выиграл в состязании (tád rā́sabho nāsatiyā sahásram ājā́ yamásya pradháne jigāya) (I.116.2) — указание на участие ослов в колесничных скачках (ásarji vákvā ráthiye yáthājaú) (IX.91.1) или в бегах без колесниц (araśmā́no yé arathā́ áyuktā átyāso ná sasr̥jānā́sa ājaú) (IX.97.20). Также имеется свидетельство того, что ослов ставили в одну упряжку (букв. «у дышла») с мощными скакунами (úpāsthād vājī́ dhurí rā́sabhasya) (I.162.21). Индра в РВ тоже именуется лучшим колесничим (ráthena rathī́tamo (VI.45.15), índraḥ rathī́tamo rathī́nām (VIII.45.7), rathī́tamo (VIII.61.12), rathī́tamam (VIII.99.7)). Но из одного стиха следует, что Индра ездит на огромной ратхе с запряженным в нее мощным (vājíno — типичный эпитет скакового жеребца в РВ!) ослом или, по крайней мере, то, что мощные ослы запрягались в огромные ратхи (párā yāhi maghavann ā́ ca yāhi índra bhrātar ubhayátrā te ártham / yátrā ráthasya br̥ható nidhā́naṃ vimócanaṃ vājíno rā́sabhasya) (III.53.5).

Здесь весьма интересна гипотеза Т.В.Гамкрелидзе–Вяч.В. Иванова о том, что «в древних культурах с преимущественным использованием ‘осла’ появившаяся позднее ‘лошадь’ обозначается как особая разновидность ‘осла’, что естественно связано и с самим внешним обликом этих животных (особенно древних малорослых лошадей). Характерно, что шумеры называют лошадь ‘ослом гор’ (ANŠE.KUR.RA), а в некоторых языках для обозначения ‘осла’ и ‘лошади’ применяется одно и то же слово: ср. абхазско-адыгские названия ‘осла’–‘лошади’: абх. ачу ‘лошадь’, ачада ‘осел’; адыг. шу ‘лошадь’, шу-ду ‘осел’ и др. Отсутствие в общеиндоевропейском явно реконструируемой формы для ‘осла’ (при наличии ‘осла’ на значительной части территории доместикации лошади, где должны были находиться и племена, говорившие на диалектах индоевропейского языка) можно было бы объяснить более ранним употреблением слова *ek[h]uos и в значении ‘осел’ (наряду со значением ‘дикая лошадь’, ‘лошадь’)» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 564).

Как уточняет С.В. Кулланда, «в шумерском термином anšu (с различными уточня-

ющими словами) обозначались все эквиды: ослы, онагры, лошади и мулы» (Кулланда, 2010. С. 82. Прим. 5). А с армянского производное от *ek[h]uos слово eš переводится как «осел» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 544. Прим. 1.).

Термин aśva в РВ означает «быстрое существо», что подтверждается постоянной игрой слов в выражениях типа «быстрый/быстрые Ашва/Ашвы» (āśúm áśvam (I.117.9; VII.71.5), áśvaiḥ āśúbhiḥ (V.55.1), āśúaśvā (V.58.1), āśúbhiḥ áśvebhir (VIII.5.7), áśvebhiḥ āśúbhiḥ (VIII.13.11), áśvāso āśávo (X.78.5), áśvaṃ āśúm (X.107.10), áśvā āśávaḥ (X.119.3)), «быстрейшие Ашвы» (āśúaśvatamāḥ) (V.41.4), «быстро-Ашвость» (āśuáśviyam) (V.6.10; VIII.6.24; VIII.31.18).

В единственном подробном описании жертвоприношения Ашвы в РВ говорится (перевод Т.Я. Елизаренковой): «Топор наталкивается на тридцать четыре ребра коня, приносящего награды, товарища богов» (cátustriṃśad vājíno devábandhor váṅkrīr áśvasya svádhitiḥ sám eti) (I.162.18). Но у истинной лошади евразийских степей (*Equus ferus caballus*) на два ребра больше — тридцать шесть (Singh, 2010. P. 18; Kazanas, 2010. P. 127–128).

Дискуссии между археологами и палеозоологами по вопросу об использовании одомашненных лошадей (*Equus ferus caballus*) в Северо-Западной Южной Азии ранее 1700 г. до н.э. до сих пор продолжаются (Bryant, 2003. P. 115, 169–174; Kenoyer, 2005. P. 43; Lal, 2005. P. 69–71; Bryant, 2005. P. 487–489).

А по скорости на роль ригведийского Ашвы могут претендовать не только истинные лошади (*Equus ferus caballus*), но и эндемики Северо-Западного Индостана — *кианги* и *кхуры*. Например, с точки зрения сторонников исхода индоевропейцев и ариев из Индии «протоиндоевропейское [слово] **ekwos* также вполне могло изначально обозначать северо-западного южно-азиатского *hemonius khur*, которое затем было перенесено на другие виды эквидов выходящими индоевропейскими племенами, покидающими афганскую/южно-азиатскую прародину» (Bryant, 2003. P. 117).

В частности, Экаи Кавагути, путешествовавший по Тибету в 1900–1902 гг., писал: «Кианг — это имя, данное тибетцами дикой лошади их северных степей. Точнее это подвид осла, такого же большого по размеру, как и крупная японская лошадь. По масти он красновато-коричневый, с черной шерстью на хребте и черной гривой и с белым животом. По всем внешним признакам это обыкновенная лошадь, за исключением его хвоста с пучком. Это сильное животное, и оно чрезвычайно быстрое. Его никогда не встретишь поодиночке, но всегда двойками или тройками, если не стадом из шестидесяти или семидесяти. Его научное название — *Equus hemionis*, но по большей части оно именуется своим тибетским именем, которое обычно произносится как kyang по-английски» (Kawaguchi, 1909. P. 131–133) (рис. 1).

Согласно современной классификации, *Equus kiang* наряду с шестью другими ответвлениями (*E. asinus* (ослом), *E. burchellii*, *E. caballus* (лошадью), *E. grevyi*, *E. hemionus* (полуослом) и *E. zebra*) входит в род *Equus*. Хотя его ближайшим родственником является *Equus hemionus*, кианг выше и крупнее его и по данным генетики отделился от него около 500 тыс. лет назад. Даже сейчас в ареал кианга входят Северный Пакистан, Ладакх и Сикким (St-Louis, 2009. P.1–11)

В пользу кианга говорит тот факт, что РВ неоднократно сообщает о добыче Дэвами Ашв в горах (yuváṃ tád índraś ca soma ūrvám áśviyaṃ góḥ / ā́dardṛtam ápihitāni áśnā riricáthuḥ kṣā́ś cit tatṛ́dānā́ (IV.28.5), tád vīríyaṃ vo maruto mahitvanáṃ / ánaśvadāṃ yán ní áyātanā girím (V.54.5), ayáṃ nidhíḥ ádribudhno góbhir áśvebhir vásubhir níṛṣṭaḥ / rákṣanti tám paṇáyo yé sugopā́ (X.108.7)).

Рис. 1. Equus kiang

Вторым кандидатом на роль ригведийского Ашвы является *Equus hemionus khur* — эндемик Афганистана, Пакистана, Пенджаба, Раджастхана и Гуджарата. Он развивает скорость до 80 км/ч, имеет песчаную, красновато-серую, желтовато-коричневую или бледно-ореховую масть, с темной гривой и полосой, идущей от головы по шее и хребту до основания хвоста с пучком (Sharma, Kulshreshtha, Sharma, 2013. P. 199–200) (рис. 2).

Вот как описывается это животное: «Кхур… это туземная дикая лошадь субконтинента Южная Азия… Кхуры быстрее любых одомашненных лошадей, достигают максимальной скорости 70 км/ч и могут бежать со скоростью 50 км/ч на протяжении часа, не потея. Кхуры легендарны из-за своей способности бежать быстро и неутомимо долгое время; они обгоняют большинство лошадей» (Geer, 2008. P. 259–260).

Считается, что кианг приручить нельзя, в то время как кхуры приручаются в детстве, но не используются в упряжке (Ghosh, 1990. P. 4; Geer, 2008. P. 261). Но следует помнить о том, что в РВ как везущие ратху описываются, причем весьма часто, (именуемые Ашвами!) птицы (vā́m rátho víbhiṣ pátāt (I.46.3), nā́satyā bhujyúm ūhathuḥ pataṃgaíḥ tribhī́ ráthaiḥ (I.116.4), ā́ vā́m ráthaṃ yuvatís tiṣṭhad átra / pári vām áśvā vápuṣaḥ pataṃgā́ váyo vahantu aruṣā́ abhī́ke (I.118.5), rathíyā víbhiś aśvinā ní yātho // ā́ vā́m narā áśvāsaḥ váyo vahantu aśvinā (V.75.5–6), ā́ vā́m váyo áśvāso váhiṣṭhā nāsatiyā vahantu / prá vā́m rátho asarji (VI.63.7), yád vā́m rátho víbhiṣ pátāt (VIII.5.22), éhá vām pruṣitápsavo váyo vahantu parṇínaḥ (VIII.5.33)), в частности, орлы (ā́ vā́m rátho aśvinā śyenápatvā (I.118.1), ā́ vā́m śyenā́so aśvinā vahantu ráthe yuktā́sa āśávaḥ pataṃgā́ḥ / yé aptúro diviyā́so ná gṛ́dhrā abhí práyo nāsatiyā váhanti (I.118.4)), или шимшумара, т.е. дельфин или крокодил (rátho vā́m śiṃśumā́raś ca yuktā́) (I.116.18) (Елизаренкова, 1989. С. 613). Это говорит о том, что в данном тексте изображение того или иного существа как тянущего ратху никак не связано с одомашненностью или дикостью этого существа или реальной возможностью его использования в качестве ездового/тяглового. С другой стороны, Геродот указывает (История, VII.86.111), что в войске Ксеркса «индийские… всадники… ехали не только верхом на конях, но и на колесницах, запряженных конями и дикими ослами» (Геродот, 1972. С. 336) или онаграми (onoi agrioi, т.е. *Equus hemionus onager*, индийской разновидностью которого как раз и является *Equus hemionus khur*) (Cooley, 1844. P. 285–286).

Рис. 2. Equus hemionus khur

В пользу кхура говорит тот факт, что его кости найдены на западном берегу Инда в прехараппских, харапских и постхараппских слоях памятников Мергарха, Рана Гундаи, Наушаро, Сибри, Пирак, Сор Дам/Нал, Балакот, в Гуджарате в Суркотаде и Рангпуре во всех слоях, в Дхолавире и Шикарпуре в Каче и в Кунтаси и Роджди в Катхиаваре (Geer, 2008. P. 260–261; Parpola, Janhunen, 2010. P. 435).

Помимо Ашв и осла в ратху Ашвинов могли запрягать горбатых быков–зебу — одного (ugró vā́m kakuhó yayíḥ śṛ́ṇvé yā́meṣu saṃtaníḥ / yád vā́m dáṃsobhir aśvinā átrir narāvavártati (V.73.7), suṣṭúbho vā́m vṛṣaṇvasū ráthe vā́ṇīcī ā́hitā / utá vā́m kakuhó mṛgáḥ pṛ́kṣaḥ kṛ́ṇoti vāpuṣó (V.75.4)) или больше (vacyánte vā́m kakuhā́so jūrṇā́yām ádhi viṣṭápi / yád vā́m rátho víbhiṣ pátāt (I.46.3), aśvinā váhanti yát kakuhā́so ráthe vām (IV.44.2)).

Также РВ описывает ратхи, везомые быками — Ашвинов (aśvinā revád uvāha

sacanó rátho vāṃ vr̥ṣabháś ca śiṃśumā́raś ca yuktā́) (I.116.18), Ушас (br̥hadrathā́ br̥hatī́ viśvaminvā́ uṣā́ jyótir yachati ágre áhnām // eṣā́ góbhir aruṇébhir yujānā́ ásredhantī rayím áprāyu cakre) (при этом ратха Дэви именуется огромной (br̥hadrathā́)) (V.80.2–3), упоминается дар из двадцати запряженных попарно в ратхи быков (dvayā́m̐ agne rathíno viṃśatíṃ gā́ vadhū́mato maghávā máhya samrā́ṭ / abhyāvartī́ cāyamānó dadāti) (VI.27.8).

Серия сообщений о быках как запрягаемых в ратху встречается в гимнах РВ к Индре. Термин «бык» в этих случаях передан в Самхите происходящими от одного глагольного корня -varṣ- «дождить», «изливать» (Елизаренкова, 1999. С. 683, 686) словами vŕ̥ṣā, vr̥ṣabháḥ и vr̥ṣṇíḥ. Т.е. изначально эти синонимы значили «(о)прыск(ив)ающий», «обрызгивающий», «струящий». В РВ подразумевается, что «*vr̥ṣan-* букв. «испускающий семя», *vr̥ṣabha-*» (Елизаренкова, Топоров, 1999. С. 503). Авторы ригведийских гимнов во всех хронологических слоях памятника неоднократно обыгрывают эту этимологическую связь (перевод Т.Я. Елизаренковой): «О Индра и Агни, сев с одной целью, вы, два быка (vr̥ṣaṇā́), залейте себя дождем (vr̥ṣethām) быка (vŕ̥ṣṇaḥ) — сомы!» (I.108.3); «Они ярко сверкали, как капли дождя (vr̥ṣṭáyaḥ) из грозовой тучи, когда Рудра породил вас, о Маруты с золотыми пластинками на груди, бык (vŕ̥ṣa) — в чистом вымени Пришни» (II.34.2); «Самодержцы, грозные быки (vr̥ṣabhā́), хозяева неба и земли — Митра–Варуна, очень подвижные. С пестрыми тучами вы приближаетесь к грому. Волшебною силой Асуры вы заставляете небо излиться дождем (varṣayatho)» (V.63.3); «Дайте нам, о Маруты, дождь (vr̥ṣṭím) с неба! Сделайте, чтоб били ключом потоки жеребца (vŕ̥ṣṇo áśvasya)!» (V.83.6); «О Индра-Варуна, самого сладкого быка (vŕ̥ṣṇaḥ)-сому излейте в себя дождем (vr̥ṣethām), о два быка (vr̥ṣaṇā́)!» (VI.68.11); «О вы, украшенные каплями дождя (vr̥ṣadañjayo)! Принесите бычьей (vŕ̥ṣṇe) стае марутовой жертвенные возлияния — мощно выезжающей (vŕ̥ṣaprayāvaṇe)!» (VIII.20.9); «Кто правит дождем (vr̥ṣṭér) отсюда, рыжеватый бык (vŕ̥ṣā)» (IX.74.3); «Как будто капли дождя (vr̥ṣṭáyaḥ) барабанят из грозовой тучи, когда движется Синдху, громко ревя, словно бык (vr̥ṣabhó)» (X.75.3); «Сразу, о бык (vr̥ṣañ), плесни (vr̥ṣasva) себе в живот!» (X.96.13); «С двойною силой, невредимый пусть приедет Индра — бык (vŕ̥ṣā) на паре буланых коней к налитому соку! Из поднесенного меду, выжатого на коровьей шкуре, сразу наливай (vr̥ṣasva) себе!» (X.116.4)

Второе наблюдение заключается в том, что слово śŕ̥ṅga «рог» употребляется в РВ весьма редко — всего 30 раз (I.32.15; I.33.12; I.140.6; I.154.6; I.163.9 и 11; II.39.3; III.8.10 — 2 раза; IV.58.2 и 3; V.1.8; V.2.9–12; V.43.13; V.59.3; VI.16.39; VII.19.1; VII.55.7; VIII.17.13; VIII.60.13; VIII.86.5; IX.5.1–2; IX.15.4; IX.70.7; IX.87.7; IX.97.9; X.28.2; X.48.10; X.86.15; X.155.2). Из них 19 раз (или 63%) — в стихах/контекстах с синонимичными (как показывает их постоянное сопоставление и обыгрывание в одних стихах и фразах (см. далее)) словами vŕ̥ṣā, vr̥ṣabháḥ и vr̥ṣṇíḥ (vŕ̥ṣeva… bhīmó ná śŕ̥ṅgā (I.140.6), gā́vo bhū́riśr̥ṅgā… vŕ̥ṣṇaḥ (I.154.6), cátuḥśr̥ṅgo gaurá… catvā́ri śŕ̥ṅgā… vr̥ṣabhó (IV.58.2 и 3), sahásraśr̥ṅgo vr̥ṣabhás (V.1.8), śíśīte śŕ̥ṅge… tuvigrī́vo vr̥ṣabhó (V.2.9–12), tridhā́tuśr̥ṅgo vr̥ṣabhó (V.43.13), tigmáśr̥ṅgo vr̥ṣabhó (VII.19.1), sahásraśr̥ṅgo vr̥ṣabhó (VII.55.7), śr̥ṅgavr̥ṣo (VIII.17.13), śíśāno vr̥ṣabhó yathā… śŕ̥ṅge dávidhuvat (VIII.60.13), vŕ̥ṣā… śŕ̥ṅge śíśāno (IX.5.1–2), eṣá śŕ̥ṅgāṇi dódhuvac chíśīte yūthíyo vŕ̥ṣā (IX.15.4), vr̥ṣabhás… śŕ̥ṅge śíśāno (IX.70.7), vŕ̥ṣā vŕ̥ṣṇe… tigmé śíśāno mahiṣó ná śŕ̥ṅge gā́ gavyánn abhí (IX.87.4–7), tigmáśr̥ṅgo… vŕ̥ṣā… vŕ̥ṣā… mahiṣáś… máhīmé asya vŕ̥ṣanā́ma (IX.97.9–13, 40–41, 54), vr̥ṣabhás tigmáśr̥ṅgo (X.28.2), tigmáśr̥ṅgaṃ vr̥ṣabháṃ (X.48.10), vr̥ṣabhó ná tigmáśr̥ṅgo antár yūthéṣu (X.86.15)). Ср. также (пер. Т.Я. Елизаренковой): ví tigména vr̥ṣabhéṇā púro ‘bhet «острым быком рассекал он крепости» (I.33.13); āśúḥ śíśāno vr̥ṣabhó ná bhīmó «быстрый, страшный, словно бык, оттачивающий [рога. — восстанавливается по śíśāno (см. выше). — А.С.]» (X.103.1). Такое словоупотребление наблюдается во всех хронологических слоях памятника и указывает на то, что на всех стадиях создания Самхиты суще-

ствительные–синонимы vŕ̥ṣā, vr̥ṣabháḥ и vr̥ṣṇíḥ означали не просто «испускающих семя самцов», но более конкретно «брызжущих семенем самцов–с–рогами», т.е. быков, в т.ч. гаура и буйвола.

Третье наблюдение, подкрепляющее данный вывод, состоит в том, что в одном контексте с терминами vŕ̥ṣā, vr̥ṣabháḥ и vr̥ṣṇíḥ во всех хронологических слоях текста РВ употребляются слова, обозначающие именно крупный рогатый скот, включая эндемиков Южной Азии — зебу, гауров и буйволов.

Наиболее многочисленны и показательны в этом отношении конктексты упоминания слова vr̥ṣabháḥ (перевод Т.Я. Елизаренковой): «Бык (vr̥ṣabháś) Индра… извлек коров (gā́) из мрака… Острым быком (tigména vr̥ṣabhéṇā) рассекал он крепости… о Индра… ты помог сражающемуся быку (vr̥ṣabhám) Дашадью… Ты помог безрогому быку (vr̥ṣabhám) в тугрийских, в завоевании страны… — быку (gā́m)» (I.33.10, 13–15); «У пестрой (pŕ̥śniṃ) дойной коровы (dhenúṃ) и у быка (vr̥ṣabhám)… он выдаивает (dukṣata) молоко (páyo)» (I.160.3); «Проломи для нас загоны для коров (gotrā́), о господин коров (gopate), коров (gā́ḥ)! … О бык (vr̥ṣabha)… будь нам хорошим дарителем коров (godā́ḥ)!» (III.30.21); «Бык (vr̥ṣabháḥ) собрался благодаря поэтической силе. Индра — Бхага, его (asya) коровы (gā́vaḥ) дают награды» (III.36.5); «Вот оно этого быка (vr̥ṣabhásya), коровы (dhenór). Именами они измерили особенность, присущую корове (góḥ)» (III.38.7); «Велики силы мужества, о Индра, у тебя, воинственного быка (vr̥ṣabhásya)... Ты велик, о буйвол (mahiṣa), бычьими силами (vŕ̥ṣṇiyebhir)» (III.46.1–2); «Телка (gr̥ṣṭíḥ) породила… крепкого быка (vr̥ṣabháṃ) Индру. Необлизанного (árīḷhaṃ) теленка (vatsáṃ) мать бегать, кто сам себе ищет путь. И мать оглянулась на буйвола (mahiṣám): «Те боги, о сын, тебя подводят». Тогда сказал Индра» (IV.18.10–11); «О Индра и Варуна, станьте вы любовниками этой молитвы, словно два быка (vr̥ṣabhéva) — у коровы (dhenóḥ)! Пусть она доится (duhīyad) для нас, словно пошла она на пастбище (yávaseva gatvī́), великая корова (gaúḥ) с тысячью струй молока (páyasā)!» (IV.41.5); «Создавая теленка (vatsáṃ), зародыша растений. Едва родившись, бык (vr̥ṣabhó) сразу же громко ревет (roravīti)» (VII.101.1); «Восхваляйте лишь Индру–быка (vŕ̥ṣaṇaṃ) у выжатого сомы и исполняйте гимны постоянно! Бросающегося с ревом, словно бык (vr̥ṣabháṃ), нестареющего быка (gā́ṃ)!» (VIII.1.1–2); «Замычали (ávāvaśanta) молитвы в связи с семенем быка (vr̥ṣabhásya), сына, теленка (vatsásya), матери» (IX.19.4); «Бык влезает на коров» (ā́ tiṣṭhati vr̥ṣabhó góṣu) (IX.96.7); «Агни же наш перворожденный закона в древние времена, бык и корова» (vr̥ṣabháś ca dhenúḥ) (X.5.7); «Громким ревом бык (vr̥ṣabhó) оглашает две половины мироздания. Он достиг крайних пределов самого неба. Бык (mahiṣó — букв. «буйвол». — А.С.) возрос в лоне вод» (X.8.1); «Возрадовался младенец, бык (vr̥ṣabháḥ) горбатый (kakúdmān), непреждевременный теленок (vatsáḥ) мощно взревел» (X.8.2); «Окрепнув, теленок (vatsó) нападает на быка (vr̥ṣabháṃ)» (X.28.9); «Подходившие довели его, что он взревел, помочился, бык (vr̥ṣabhám) посреди состязания. Благодаря этому Мудгала выиграл в борьбе за награду тысячу и сотню хорошо выпасенных. В громыхающую был запряжен бык (vr̥ṣabhó). Ее длинноволосый колесничий (sā́rathir) непрерывно понукал. Кусочки навоза неистового запряженного, бегущего вместе с повозкой (sahā́nasa), попадали в Мудгалани. И он, знающий, отбил у нее планку. Он запряг туда вола, прилагая уменье. Индра поддержал господина коров (pátim ághniyānām): горбатый (kakúdmān) мчался галопом. Счастливо ехал обладатель стрекала, с волосами, заплетенными косой, привязывавший деревяшку к ремню. Совершая мужественные подвиги перед лицом многих людей, видя коров (gā́ḥ), он набирался сил. Посмотрите-ка на это самое, запряженное вместе с быком (vr̥ṣabhásya)» (X.102.5–9); «Сын молодой коровы (gārṣṭeyó) — бык (vr̥ṣabhó), соединился с коровами (góbhir)» (X.111.1).

Рассмотрим аналогичные контексты vŕ̥ṣā и vr̥ṣṇíḥ (перевод Т.Я. Елизаренковой): «Только тот может взойти на эту колесницу — быка (vŕ̥ṣaṇaṃ), находящего коров (govídam)» (I.82.4); «Сладкий мед, находящийся в самой середине, пьют коро-

вы–гаури (gauríyaḥ), которые, идя вместе с Индрой — быком (vr̥ṣṇā), опьяняются для красоты… Ласкаясь к нему, эти пестрые (pŕśnayaḥ) смешивают сому, милые дойные коровы (dhenávo) Индры» (I.84.10–11); «Мы хотим отправиться в эти ваши обители, где многорогие (bhū́riśr̥ṅgā) неутомимые коровы (gā́vo). Ведь именно оттуда мощно сверкает вниз высший след далеко идущего быка (vr̥ṣṇaḥ)» (I.154.6); «Кровные, которые ищут силу быка (vr̥ṣṇa), узнают в нем зародыша, поклоняясь. Дойные коровы (dhenávo) мыча (vāvaśānā́) быстро направляются к сыну» (III.57.3); «Вот этот могучий лик могучих, который прежде всего сопровождает утренняя корова (gaúḥ). Я нашел тайно сияющего на месте закона, быстро устремляющегося, быстрого. И вот, сверкая пастью перед родителями, он вспомнил о тайном милом (молоке коровы) Пришни. На высшем месте матери, находясь вблизи коровы (gór), язык быка (vr̥ṣṇaḥ), протянутого пламени» (IV.5.9–10); «Юношей, быков (vr̥ṣṇaḥ), чистых хорошенько воспой самой новой хвалебной песнью, о Собхари, как пашущий быков (gā́)! … Как белых быков (vr̥ṣṇaś), самых прославленных, превозноси же Марутов хвалебной песнью! Как быки (gā́vaś) облизывают друг другу горбы (kakúbho), о Маруты, одинаково яростные, родственны общим происхождением» (VIII.20.19–21); «Этого быка (vr̥ṣaṇaṃ) соедини с коровами (góbhir)» (IX.6.6); «Бык (vr̥ṣā)… жаждущий коров (gavyúr)... взревел» (IX.27.3–4); «Трехспинный бык (vr̥ṣā) заревел навстречу коровам (gā́)» (IX.71.7); «Бык (vr̥ṣā) золотистый... взревел навстречу коровам (gā́)» (IX.82.1); «Рыжий бык (vr̥ṣā) громко заревел коровам (gā́)» (IX.97.13); «Мужественные (vr̥ṣaṇo) буйволы (mahiṣā́) сошлись с кобылицами (árvatībhiḥ)» (X.5.2). Т.о. в РВ синонимичные слова vr̥ṣā, vr̥ṣabháḥ и vr̥ṣṇíḥ обозначают не просто «самцов–осеменителей», но «быков–осеменителей».

С другой стороны, они противопоставляются кастратам как самцы (vr̥ṣṇo vádhriḥ pratimā́nam búbhūṣan (I.32.7), vr̥ṣāyúdho ná vádhrayo níraṣṭāḥ (I.33.6), vr̥ṣeva vádhrīmȓ abhí vaṣṭi ójasā (II.25.3), vr̥ṣā yád ājíṃ vr̥ṣaṇā síṣāsasi codáyan vádhriṇā yujā́ (X.102.12)), — кастрировать могли и Ашв (vadhriaśvā́ya (VI.61.1), áśvānām ín ná vr̥ṣṇām // gā́vo ná yūthám úpa yanti vádhraya úpa mā́ yanti vádhrayaḥ (VIII.46.29–30), vadhriaśvásya (X.69.1, 2, 5, 11, 12), vadhriaśváḥ (X.69.4, 10), vādhriaśvotá (X.69.5), vādhriaśva (X.69.9, 12)) — но термин vr̥ṣabháḥ в этих противопоставлениях не встречается.

Также РВ часто сополагает термины, обозначающие Ашв и быков — vr̥ṣaṇaśvásya (I.51.13), áśvasya vr̥ṣṇaḥ (I.116.7), áśvam vr̥ṣaṇaṃ (I.118.9), vr̥ṣṇo áśvasya (I.164.34, 35), áśvāsaḥ vr̥ṣaṇo (I.181.2), vr̥ṣaṇā áśvā (III.35.3), vr̥ṣṇo áśvasya (V.83.1), áśvāso vr̥ṣaṇo (VI.29.2), vr̥ṣabhir áśvaiḥ (VII.69.1), vr̥ṣaṇo áśvair (VII.71.3), áśvāso yé te vr̥ṣaṇo (VIII.1.9), vr̥ṣaṇaśvéna (VIII.20.10), áśvā iva vr̥ṣaṇas (VIII.23.11), áśvānām ín ná vr̥ṣṇām (VIII.46.29) — что, по Т.Я. Елизаренковой, указывает на племенных жеребцов или жеребцов–производителей/ осеменителей. Опять-таки, обращаем внимание на то, что слово vr̥ṣabháḥ в таких выражениях почти не употребляется.

Проведенный анализ позволяет сделать хорошо обоснованный вывод о том, что из трех терминов для обозначения самца–осеменителя и быка в РВ — vr̥ṣā, vr̥ṣṇíḥ и vr̥ṣabháḥ — последний (vr̥ṣabháḥ) с наибольшей степенью вероятности означает не просто самца, но именно быка–осеменителя. Соответственно в тех контекстах, где обыгрываются все три данных слова и нет упоминаний Ашв, термин vr̥ṣabháḥ является ключевым указателем на то, что речь идет о быках, а не о конях.

Рассмотрим только эти случаи (везде перевод Т.Я. Елизаренковой), которые представляются несомненными. «Те, что твои мужественные быки (vr̥ṣaṇo vr̥ṣabhā́sa), о Индра, кони (átyāḥ) с мужественной колесницей (vr̥ṣarathāso) — садись на них, приезжай на них сюда!» (I.177.2). Как указывает Т.Я. Елизаренкова, «в этом и в следующем стихе обыгрываются слова, объединяющие в себе значения «мужественный» и «бык» (*vr̥ṣaṇ-*, *vr̥ṣabhá-*)» (Елизаренкова, 1989. С. 656). Предыдущий стих гласит: «Бык (vr̥ṣabhó) людей Индра, приезжай сюда ко мне с помощью, запрягши (yuktvā́) пару буланых (hárī) коней (vr̥ṣaṇā́)!» (I.177.1) В следующем стихе говорится: «Взойди на мужественную (vr̥ṣaṇaṃ)

колесницу (ráthaṃ). Мужественный (vṛ́ṣā) Сома выжат для тебя. Запрягши (yuktvā́), на двух быках (vṛ́ṣabhyāṃ), о бык (vṛṣabha) народов, на двух буланых конях (háribhyāṃ) приезжай прямо ко мне!» (I.177.3) Четвертый стих заканчивается словами: «Распрягай здесь пару буланых коней (ví mucā hárīhá)!» (I.177.4) Мы имеем совершенно четкое, дважды повторяемое указание источника, что речь идет именно об упряжке из двух быков (vṛṣabhā́sa (I.177.2), vṛ́ṣabhyāṃ (I.177.3)). Оно подкрепляется дополнительно употреблением синонимичного слова (vṛ́ṣaṇā́) (I.177.1). Называется буланая масть животных (hárī (I.177.1, 4), háribhyāṃ (I.177.3)), но булаными в РВ именуются теленок и быки (см. ниже). Скакуном также может именоваться молодой бычок (átyaṃ vṛ́ṣā śíśur) (V.44.3) и буланый бык (krī́ḷan hárir átiyaḥ syandate vṛ́ṣā) (IX.80.3); (быстро везущий) бык неоднократно сравнивается со скакуном (átyo ná vóḷhā raghúvartanir vṛ́ṣā (IX.81.2), átyo ná hyānó abhí vā́jam arṣavṛ́ṣā) (IX.86.3)), при этом упоминается буланая масть быка (átyo ná krī́ḷann asarad vṛ́ṣā háriḥ (IX.86.44), háriḥ átiyo ná vājī́ // sám mātṛ́bhir ná śíśur vāvaśānó vṛ́ṣā (IX.93.1)).

В следующих трех стихах снова, как отмечает Т.Я.Елизаренкова, «обыгрывается слово «бык» (*vṛṣabhá-*, *vṛ́ṣaṇ-*), другие значения — «самец», «производитель». В РВ бык символизирует мужскую силу» (Елизаренкова, 1989. С. 674): «Ведь все несут… дерзкому быку (vṛṣabhā́ya)... Как бык (vṛ́ṣā) принеси себе жертву возлиянием…! Пей сому, Индра, при бычьей (vṛṣabhéṇa) вспышке! Очищается чаша быка (vṛ́ṣṇaḥ), волна сладкого для питья быка (vṛṣabhā́ya), чья пища — бык (vṛṣabhā́nnāya). Быки — два адхварью (vṛ́ṣaṇādhvaryū́), быки (vṛṣabhā́so) — давильные камни, они выжимают быка (vṛ́ṣaṇaṃ)–сому для быка (vṛṣabhā́ya). Бык (vṛ́ṣā) — твоя ваджра, а также бык (vṛ́ṣā) — твоя колесница, быки (vṛ́ṣaṇā) — два буланых коня (hárī), бык (vṛṣabhā́ṇi) — оружие. О бык (vṛ́ṣabha), ты владеешь быком (vṛ́ṣṇo) — пьянящим напитком. Насыться, о Индра, сомой–быком (vṛṣabhásya)» (II.16.4–6). Таким образом, Т.Я. Елизаренкова игнорирует контекст и необоснованно переводит hárī «два буланых» как «два буланых коня».

Интересно, что в аналогичной ситуации в другом случае Т.Я. Елизаренкова не делает подобной необоснованной экстраполяции: «Бык (vṛ́ṣā)–небо да усилит тебя, быка (vṛ́ṣaṇaṃ)! Бык (vṛ́ṣā), ты ездишь на паре буланых (háribhyām) быков (vṛ́ṣabhyāṃ). Ты наш бык (vṛ́ṣā) с колесницей–быком (vṛ́ṣarathaḥ)… О обладатель бычьей силы духа (vṛ́ṣakrato), как бык (vṛ́ṣā)… поддержи в бою!» (V.36.5).

Но затем идут три стиха с обыгрыванием всех трех терминов: «Пусть привезут тебя быки (vṛ́ṣaṇo), буланые кони (hárayo), запряженные в бычью колесницу (vṛ́ṣarathāso) с бычьими поводьями (vṛ́ṣaraśmayó), скакуны (‘tyāḥ) (о них см. выше), устремленные к нам, быки (vṛ́ṣaṇo)… прекрасно запряженные, — для бычьего (vṛ́ṣṇe) опьянения! Для тебя, о бык (vṛṣan), быки (vṛ́ṣaṇo) вошли в деревянный сосуд… О Индра, тебе, могучему быку (vṛ́ṣṇe vṛṣabhā́ya), подносят Сому из соков, выжатых быками (vṛ́ṣabhiḥ). Ты бык (vṛ́ṣāsi) неба, бык (vṛṣabháḥ) земли, бык (vṛ́ṣā) рек, бык (vṛṣabhá) стоячих вод. Для тебя, быка (vṛ́ṣṇe), набухла капля, о бык (vṛṣabha)» (VI.44.19–21). Здесь Т.Я. Елизаренкова снова игнорирует контекст и именование скакунами (‘tyāḥ) быков (vṛ́ṣaṇo) и превращает буланых (hárayo) в «буланых коней».

«Твоя колесница… приезжай на ней… Пусть быстро мчатся сюда твои буланые кони, жеребцы, на которых ты ездишь (tū́yam ā́ te hárayaḥ prá dravantu yébhir yā́si vṛ́ṣabhir)» (X.112.2). Здесь указывается, что Индра ездит на буланых (hárayaḥ) быках (vṛ́ṣabhir), но Т.Я. Елизаренкова превращает их в буланых коней–жеребцов.

Ашвы в РВ часто именуются булаными (прямые именования — háriaśvena (II.17.3), háriaśvaprasūtāḥ (III.30.12), dháriaśvasya (III.31.3), háriaśva (III.32.5; III.44.2; IV.35.7; VII.19.4; VII.21.1; VII.22.1, 2; VII.24.4; VII.32.15; VII.37.5; VIII.66.4; VIII.90.3; X.104.3, 5; X.128.8), háriaśvam (III.36.4; VIII.21.10), dháriaśva (III.36.9; VIII.48.10), háriaśvo (III.44.4), háriaśvāya (III.52.7; VII.25.5; VII.31.1, 12), áśviyānāṃ hárīṇāṃ (VIII.25.23), háriaśvaṃ (VIII.53.2), áśvā hárayaś (IX.78.2); упоминания hari в одном контексте гимна с aśva — I.84.2–3, 6; I.174.4–6; I.175.1, 4; III.30.2, 6, 12; III.32.1, 5; III.35.1–5, 7;

III.52.7; IV.33.10; IV.35.5, 7; V.31.2, 4–5, 9–10; V.33.2–3; VII.19.4,6,7; VII.24.3–4; VII.25.4–5; VII.32.4, 12, 15; VII.37.4–5; VIII.1.9, 24, 25, 31; VIII.13.10–11, 23, 27, 31; VIII.21.6, 10; VIII.34.1, 9, 12; VIII.53.2, 8; X.104.1, 2, 3, 5, 6 — 2 раза).

Хотя и намного реже, но все-таки неоднократно и в разных хронологических слоях текста булаными называются теленок (vatsám hárir) (I.95.1) и бык (hárito vr̥ṣā (III.44.4), vr̥ṣā hárih (VII.10.1; IX.5.9; IX.19.3; IX.27.6; IX.86.44), vr̥ṣā hárir (IX.2.6; IX.101.16), vr̥ṣāṇaṃ vr̥ṣabhir yatáṃ // sáṃ rūpaír ajyate hárih (IX.34.3–4), sá sutáḥ pītáye vr̥ṣā sómaḥ pavítre arṣati // sá pavítre vicakṣaṇó hárir arṣati dharṇasíḥ (IX.37.1–2), hárir akrān yajatáḥ saṃyató mádo nr̥mṇā́ śíśāno mahiṣó ná śobhate // ukṣā́ mimāti práti yanti dhenávo // hárir (IX.69.3–5), ruváti bhīmó vr̥ṣabhás taviṣyáyā śr̥ṅge śíśāno // hárir (IX.70.7–8), krī́ḷan hárir átiyaḥ syandate vr̥ṣā (IX.80.3), vr̥ṣā hárī abhí gā́ acikradat (IX.82.1), yádī pavítre ádhi mr̥jyáte hárih // vr̥ṣā pavítram áti eti róruvat (IX.86.6–7), hárir vr̥ṣā (IX.86.11), vr̥ṣā váneṣu áva cakradad dháriḥ (IX.86.31), hárih átiyo ná vājī́ // sám mātr̥bhir ná śíśur vāvaśānó vr̥ṣā (IX.93.1), tigmáśr̥ṅgo dívā hárir dádr̥śe (IX.97.9)). Также РВ упоминает коровий загон, украшенный булаными [коровами] (gotráṃ hariśríyam) (VIII.50.10). Буланым также именуется лев (siṃháṃ ayā́saṃ hárim) (IX.89.3). Т.о. только учет контекста употребления слова hari (на уровне гимна) позволяет установить, идет ли речь об Ашвах или о быках. Но для перевода РВ Т.Я. Елизаренковой характерно постоянное необоснованное расширение значения слова hari «буланый→буланый конь» даже в тех гимнах, в которых нет каких-либо сообщений о конской природе именуемых по масти животных (Индры) — мы насчитали 156 подобных случаев экстраполяции (I.3.6; I.5.4; I.6.2; I.7.2; I.20.2; I.28.7; I.33.5; I.35.3; I.52.8; I.54.3; I.55.7; I.56.1; I.61.16; I.62.13; I.63.2, 9; I.76.3; I.81.3, 4; I.101.10 — 2 раза; I.111.1; I.121.8; I.161.6; I.162.21; I.165.3, 4; I.167.1; I.173.13; I.181.5; I.191.10, 11, 12, 13; II.11.6, 7, 17; II.18.3, 4, 5, 6, 7; III.42.1; III.43.2, 3, 4, 6; III.44.1, 5; III.47.4; III.49.2; III.50.2; III.51.6; III.60.2; IV.15.7, 8; IV.16.1, 11, 21; IV.17.21; IV.19.9, 11; IV.20.2, 11; IV.21.11; IV.22.7, 11; IV.23.11; IV.24.11; IV.29.1; IV.32.15; IV.46.3; IV.48.5; V.27.2; V.30.1; V.36.2, 4; V.40.4; V.42.4; V.43.5; V.56.6; VI.17.2; VI.19.6; VI.20.9; VI.22.3; VI.23.1, 4; VI.40.1, 3; VI.41.3; VI.44.10; VI.57.3; VII.20.4; VII.23.3; VII.28.1; VII.29.1, 2; VII.36.4; VIII.2.13, 27; VIII.3.17; VIII.4.11, 14; VIII.6.36, 42, 45; VIII.12.15, 25, 26, 27, 28; VIII.24.3, 5, 14, 17; VIII.33.4, 11, 12, 14; VIII.40.9; VIII.45.39; VIII.46.1; VIII.49.8; VIII.50.7, 8, 10; VIII.61.3; VIII.65.4; VIII.69.5; VIII.70.7; VIII.98.9; VIII.99.2; IX.67.4; IX.101.16; IX.105.5; IX.109.21; X.23.1, 2, 3; X.44.2; X.49.2, 11; X.61.22; X.93.8; X.94.9; X.96.1, 2, 6, 9, 10, 13; X.112.2, 4; X.114.9; X.116.4; X.160.1). Особо оговорим, что из этого списка исключены гимны с описанием буланых с применением термина keśín/ kéśavant «волосатый» (I.10.3; I.16.4; I.82.6; III.41.9; VIII.14.12; VIII.17.2; VIII.32.29 и VIII.93.24 — hiraṇyakeśiyā «с золотыми гривами»), который Т.Я. Елизаренкова переводит как «гривастый» или даже «пышногривый». Также исключены гимны, в которых волосы (háribhir mayū́raromabhiḥ) (III.45.1) или хвосты буланых сравниваются с павлиньими (hárī mayū́raśepiyā) (VIII.1.25) или с птичьими (hárī yásya suyújā vívratā vér árvantā ánu śépā / ubhā́ rajī́ ná keśínā) (X.105.2)

Иногда буланые именуются скакунами (árvadbhir háribhir (X.96.7, 8), hárī árvantā (X.105.2)), но скакун в РВ дважды описывается как обладатель золотых рогов (hiraṇyaśr̥ṅgo… árvantam (I.163.9), arvan táva śr̥ṅgāṇi víṣṭhitā purutrā́ (I.163.11)); в одном случае скакун изображается оттачивающим острые рога как буйвол, желающим коров и бросающимся на коров (árvā tigmé śíśāno mahiṣó ná śr̥ṅge gā́ gavyánn abhí) (IX.87.7); в другом говорится, что самцы–буйволы сошлись со скакунихами (vr̥ṣaṇo sáṃ jagmire mahiṣā́ árvatībhiḥ) (X.5.2). Т.е. в оставшихся 156 случаях упоминания РВ везущих ратху Индры буланых (hárī) под ними могут подразумеваться не только Ашвы, но и (горбатые) быки.

Мы перечислили те случаи, в которых везущие ратху Индры животные описываются как быки с применением термина vr̥ṣabháḥ, который, как показывает анализ его употребления в РВ, практически всегда означает быка–осеменителя. Но в источнике можно найти еще несколько описаний ратхи

Индры, в которых тоже могут фигурировать не жеребцы, а быки, потому что в контексте нет однозначных указаний на конскую природу везущих ратху животных (перевод Т.Я. Елизаренковой):

«Приезжай… на двух буланых конях (háribhyām)! … Индра… единодушный с булаными конями (háribhir), быстро приезжай! … А привезут тебя эти два мужественных (vr̥ṣaṇā) буланых коня (hárī)… хорошо выезженных (sudhúrā), с прекрасными членами (suáṅgā)… Пусть твои мощные (br̥hánto) запряженные (hárayo) буланые кони, о Индра… привезут тебя» (III.43.2, 3, 4, 6). При переводе этого гимна Т.Я.Елизаренкова четыре раза добавляет к упоминаемой в тексте буланой масти животного слово «конь», отсутствующее в оригинале, и игнорирует именование буланых быками (vr̥ṣaṇā).

«Адхварью! Выпусти ты струиться Сому! Индра хочет пить. Вот сейчас он запряг пару бычьих буланых коней (yuyuje vr̥ṣaṇā hárī) и приехал… Адхварью, выжимайте сому для Индры, стоящего на колеснице (ratheṣṭhā́ya)! Любимая бычья пара (vr̥ṣaṇā) буланых коней (hárī) пусть привезет Индру к красножелтому, к деятельным!» (VIII.4.11, 13–14) В данном случае буланые быки (vr̥ṣaṇā hárī) дважды оказываются у Т.Я. Елизаренковой «парой бычьих буланых коней» или «бычьей парой буланых коней», чего нет в источнике.

«Пей, пой… для Индры… кто привержен паре буланых коней (háriyor)… Ты и правда, в самом деле, бык (satyám itthā́ vr̥ṣéd asi), с бычьим порывом (vr̥ṣajūtir)… Ведь быком (vr̥ṣā)… ты слывешь вдалеке, как бык (vr̥ṣo) известен вблизи. Быки (vr̥ṣaṇas) — твои поводья, бык (vr̥ṣā) — золотой кнут, бык (vr̥ṣā) — колесница… быки — пара буланых коней (vr̥ṣaṇā hárī), бык (vr̥ṣā) — ты сам … Бык (vr̥ṣā) — выжимальщик пусть выжмет тебе! О бык (vr̥ṣann), бросающийся вперед, принеси! Бык (vr̥ṣā) послал бежать быка (vr̥ṣaṇaṃ) по рекам для тебя, о правящий парой буланых коней (sthātar harīṇā̃m)… Пусть привезут тебя, стоящего на колеснице, буланые кони (hárayo), запряженные в колесницу» (VIII.33.4, 10–12, 14). Здесь Т.Я. Елизаренкова четырежды переводит «буланых» как «буланых коней», привнося в текст отсутствующую в нем коннотацию.

«Меня причислили к богам под именем Индры… Я [правлю] парой буланых коней, мужественных, рвущихся в разные стороны, быстрых (aháṃ hárī vr̥ṣaṇā vívratā raghū́)… Так Индра вдохновил богов, мужей… Все эти [дела] твои, о повелитель буланых коней (harivaḥ)…» (X.49.2, 11). Хотя Т.Я. Елизаренкова считает упоминаемых здесь буланых конями, никаких указаний на это нет, в то время как животные именуются быками (vr̥ṣaṇā).

По данным РВ быков запрягали и в повозки (ánasvantā māmahe me gā́vā (V.27.1), gā́m anaḍvā́haṃ yá ā́vahad ánaḥ (X.59.10), asyā ána āsīd śukrā́v anaḍvā́hāv āstāṃ // gā́vau te sāmanā́v itaḥ (X.85.10–11)), но сообщение о запрягании для боя отважного быка (dhr̥ṣṇúṃ yád ráṇe vr̥ṣaṇaṃ yunájan) (VI.67.11) трудно трактовать иначе как указание на использование его для запряжки в боевую ратху. Быки возят Апам Напата (nápātam apā́ṃ vr̥ṣaṇo yáṃ váhanti) (I.186.5).

Не только (горбатые) быки, но даже коровы могли запрягаться в ратху — «сосет корова, жаждущая славы мать щедрых Марутов, возница колесниц запряженная» (gaúr dhayati marútāṃ śravasyúr mātā́ maghónām / yuktā́ váhnī ráthānām) (VIII.94.1) (пер. Т.Я. Елизаренковой).

Пушан в РВ описывается как наилучший колесничий (rathī́tamaṃ (VI.55.2), rathī́tamaḥ (VI.56.2, 3)), у которого не повреждается колесо, не падает кузов и не шатается обод (pūṣṇáś cakráṃ ná riṣyati ná kóśo áva padyate / nó asya vyathate pavíḥ) (VI.54.3) — но при этом его Ашвами, возящими его ратху, являются козлы (ajāśuva (I.138.4 — 2 раза; VI.55.3), pūṣáṇaṃ ajā́śuvam (VI.55.4), ā́jāsaḥ pūṣáṇaṃ ráthe vahantu (VI.55.6), ajā́ anyásya váhnayo (VI.57.3), ajā́śuvaḥ pūṣā́ (VI.58.2), ajā́śuvaḥ pūṣā́ (IX.67.10), ā́ te ráthasya pūṣann ajā́ dhúraṃ vavr̥tyuḥ (X.26.8))!

Таким образом, мы увидели, что, по данным РВ: 1) в ратху может быть запряжено разное число животных — одно, два, три, четыре, шесть, семь, восемь и более; 2) она может предназначаться для перевозки разного числа «колесничих» — одного, двух, трех, четырех, семи, девяти и более; 3) в нее могут запрягаться различные животные — Ашвы (*Equus ferus caballus* и/или *Equus kiang* и/или *Equus hemionus khur*), ослы, быки, горбатые быки–

зебу, коровы, козлы; 4) описание в качестве упряжных животных никак не свидетельствует об одомашненности, ибо в качестве запрягаемых описываются также птицы и дельфин или крокодил; 5) ратха может иметь разное число колес (от одного до семи) и мест для стояния; 6) ратха может иметь различные размеры.

Сейчас археологи реконструируют два центра возникновения двуконных двухколесных колесниц ок. 2000 г. до н.э. — сирийско-закавказский (Littauer & Crouwel, 1979. P. 68–72; Горелик, 1985. С. 183–184; Горелик, 1993. С. 63, 133, 135, 163, 195–196; Jones-Bley, 2000. P. 135–139; Рысин, 2007. С. 212–213; Моисеев, 2011. С. 248–249; Raccidi, 2012. P. 605–623; Кайзер, 2014. С. 430; Григорьев, 2015. С. 58–61, 110–111, 126–127; Рысин, 2015. С. 388–389) и южно-уральский (Генинг, Зданович, Генинг, 1992; Кузьмина, 1994. С. 165–166; Kuzmina, 2003. P. 217, 223–224; Anthony, 2007. P. 371, 374, 397–403; Kuz'mina, 2007. P. 110–111; Бочкарев, Кузьмина, Кузнецов, Усачук, 2010. С. 344–345; Новоженов, 2012. Кн. 2. С. 184–185; Новоженов, 2012. С. 285; Новоженов, 2014. С. 462; Кузнецов, 2017. С. 39–54). Но археологические и антропологические следы миграции носителей культур этих двух регионов в сер. V–II тыс. до н.э. в область Северо-Западного Индостана, ограниченную Гималаями на севере, устьями Инда и Сарасвати (совр. эфемерной Сарсути–Гхаггар–Хакры–Нары) на юго-западе, долинами Кабула, Куррама и Гомала на северо-западе и междуречьем Ямуны и Ганги на северо-востоке — т.е. на территорию реконструированного ареала ригведийских ариев, совпадающего с ареалом Прехараппы, Ранней и Зрелой Харапы — отсутствуют.

Еще в двух теориях ареал БМАК рассматривается как возможный регион–посредник для проникновения ариев на северо-запад Индостана. Согласно В.И. Сарианиди, развивающему идеи Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванова о прародине индоевропейцев на Армянском нагорье, арии проникли оттуда на восток в Южную Среднюю Азию, создали здесь БМАК и далее двинулись в Индию (Сарианиди, 1990. С. 97, 99–101; Sarianidi, 2007. P. 130–139; Сарианиди, 2010. С. 18–20, 106; Сарианиди, 2012. С. 11–12, 28). Согласно второй теории носители Андроновской культурно-исторической общности проникли в ареал неиндоевропейской БМАК, «арьянизировали» по языку ее население и передали ему свой развитый колесничный комплекс, а затем уже ставшие ариями носители БМАК мигрировали в Южную Азию и стали индоариями (Witzel, 1995. P. 113–114; Отрощенко, 2010. С. 165 и 168–169). Правда, следует оговориться, что один из авторов этой теории Дж.П. Мэллори сейчас не находит ее доказательной (Mallory, 2010. P. 78–79; Mallory, 2013. С. 150–151), как и К. Ламберг-Карловский (Lamberg-Karlovsky, 2005. P. 171). Т.е. обе эти теории рассматривают БМАК как основу для формирования археологических культур Северо-Западной Индии, ассоциируемых с ариями.

Однако есть основания полагать, что обе эти теории ошибочны, поскольку: 1. БМАК не распространилась восточнее западного берега Инда (Possehl, 2002. P. 231) на корневые области индоариев — Пенджаб и Доаб (Междуречье) Ямуны и Ганги. В них археологическая и антропологическая преемственность прослеживается с Прехараппы (Бхиррана) через Раннюю, Зрелую и Позднюю Хараппу и культуру серой расписной керамики до рубежа II–I тыс. до н.э., т.е. через столетия после исчезновения самого БМАК (Encyclopedia, 1997. P. 414–415; Kenoyer, 2005. P. 23–26, 30–32; Singh et al., 2013. P. 53–54; Deshpande-Mukherjee, Sen & Rao, 2016. P. 248–251). 2. Интенсивные раскопки памятников БМАК не выявили никаких свидетельств использования его создателями боевых колесниц сирийско-закавказского либо степного типа (Сарианиди, Дубова, 2010. С. 145–150, 153–155; Новоженов, 2016. С. 362–367). 3. Теория андроновского и вообще степного давления на БМАК опровергается: по археологическим данным, степняки столетиями мирно сосуществовали с южно-среднеазиатскими земледельцами и занимали их территории только после того, как они сами покидали их из-за пересыхания рек (Дубова, 2008. С. 201 и 205; Кожин, 2012. С. 210–212; Алекшин, 2013. С. 214–215; Алекшин, 2014. С. 87–89).

Таким образом, РВ отражает еще одну — помимо сирийско-закавказской и южноуральской — самобытную традицию изготов-

ления разнообразных колесных транспортных средств (ратха, анас)[1].

Нарисованной на основе анализа ее данных об этом картине вполне соответствует накопленная наукой археологическая информация, обобщенная Д.М. Кенойером (Kenoyer, 2004. P. 87–106). Он сообщает, что глиняные модели бычьих повозок (найдены фигурки зебу) с ходовой частью с полой рамой (hollow frame chassis) появляются в долине Инда с 3500 до н.э. в Фазе Рави, и именно они являются прототипом современных повозок Пенджаба (рис. 3). В Фазе Кот Диджи (2800–2600 до н.э.) создаются новые типы моделей повозок, расписанных колес и различных типов фигурок животных с колесами (при сохранении повозок с ходовой частью с полой рамой (найдено четыре фрагмента) фиксируются еще три новых типа — овальные повозки с низкими боковыми стенками (обнаружено два экземпляра), фургон с четырьмя столбиками (four posted carriage) и повозка с длинной узкой ходовой частью (chassis) с низкими стенками по бокам и двумя рядами отверстий по бокам для крепления элементов оси (axle pieces), — всего найдено 7 терракотовых фрагментов повозок и 17 колес).

А с началом Зрелой Хараппы (2600–1900 до н.э.) происходит резкое увеличение числа типов

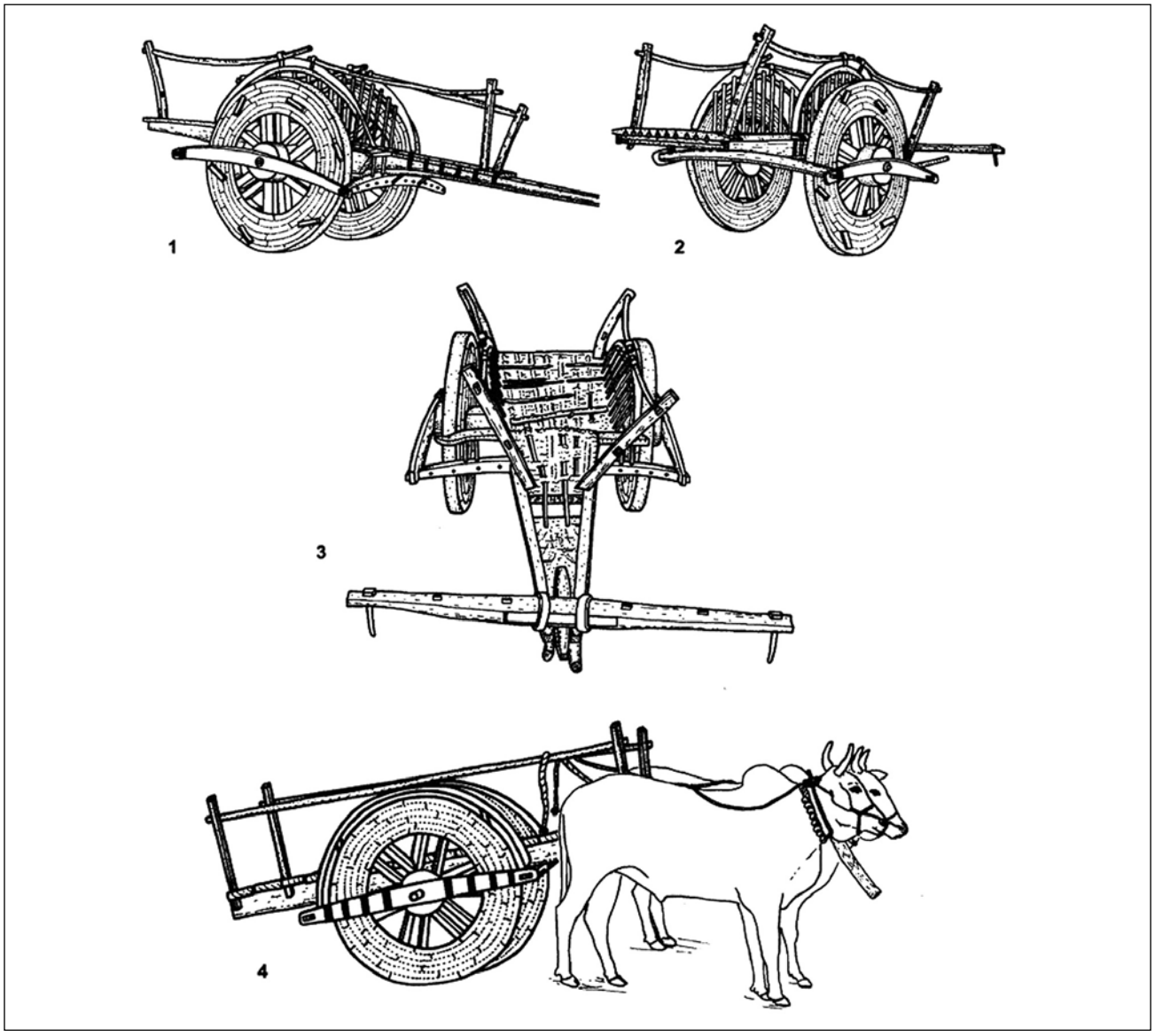


Рис. 3. Пенджаб, повозка с полой рамой.

1 Уже после написания данной статьи автор получил информацию об обнаружении остатков колесниц на кладбище Санаули (ок. 2000 г. до н.э.), оставленном носителями автохтонной в Уттар Прадеше археологической культуры охряной керамики или культуры медных кладов (источник: https://frontline.thehindu.com/arts-and-culture/heritage/article24923891.ece/photo/4/.»

моделей терракотовых повозок и колес (включая изображения колес со спицами, цельных и с вырезанными выемками) в Хараппе и на других памятниках по всему Индскому региону. Примечательно, что, как указывает Д.М. Кенойер относительно раннехараппских повозок Фазы Кот Диджи (2800–2600 до н.э.), некоторые из них весьма малы и могут изображать транспортные средства, которые использовались одним седоком для гонок (racing) или быстрого передвижения. Проводя этнографические параллели, Д.М.Кенойер указывает, что в современном Синде специализированные гоночные повозки с парой молодых быков (рис. 4) используются на местных состязаниях и пустые повозки часто мчатся по шоссе с молодыми мальчиками, стоящими на повозке как древний колесничий.

Еще больше глиняных и бронзовых моделей повозок разных типов обнаружено в слоях Зрелой Хараппы (2600–1900 до н.э.) — преобладают повозки с ходовой частью с цельной рамой (solid frame chassis), но также встречаются повозки с различными полыми рамами и повозки с отделениями (в т.ч. с навесами). Для зрелого хараппского периода Д.М. Кенойер выделяет восемь основных типов повозок, а из приводимых им иллюстраций (рис. 5. Модели повозок (Зрелая Хараппа)). следует, что хараппцы умели создавать двухколесные повозки девяти типов, а также четырехколесные повозки.

М. Спарбум признает, что «судя по числу миниатюрных моделей повозок, очевидно изготовленных на месте, которые были обнаружены на различных хараппских памятниках... нельзя исключить того, что *хараппцы создали некую разновидность повозки для ведения боевых действий* (курсив мой. — *А.С.*)» (Sparreboom, 1985.

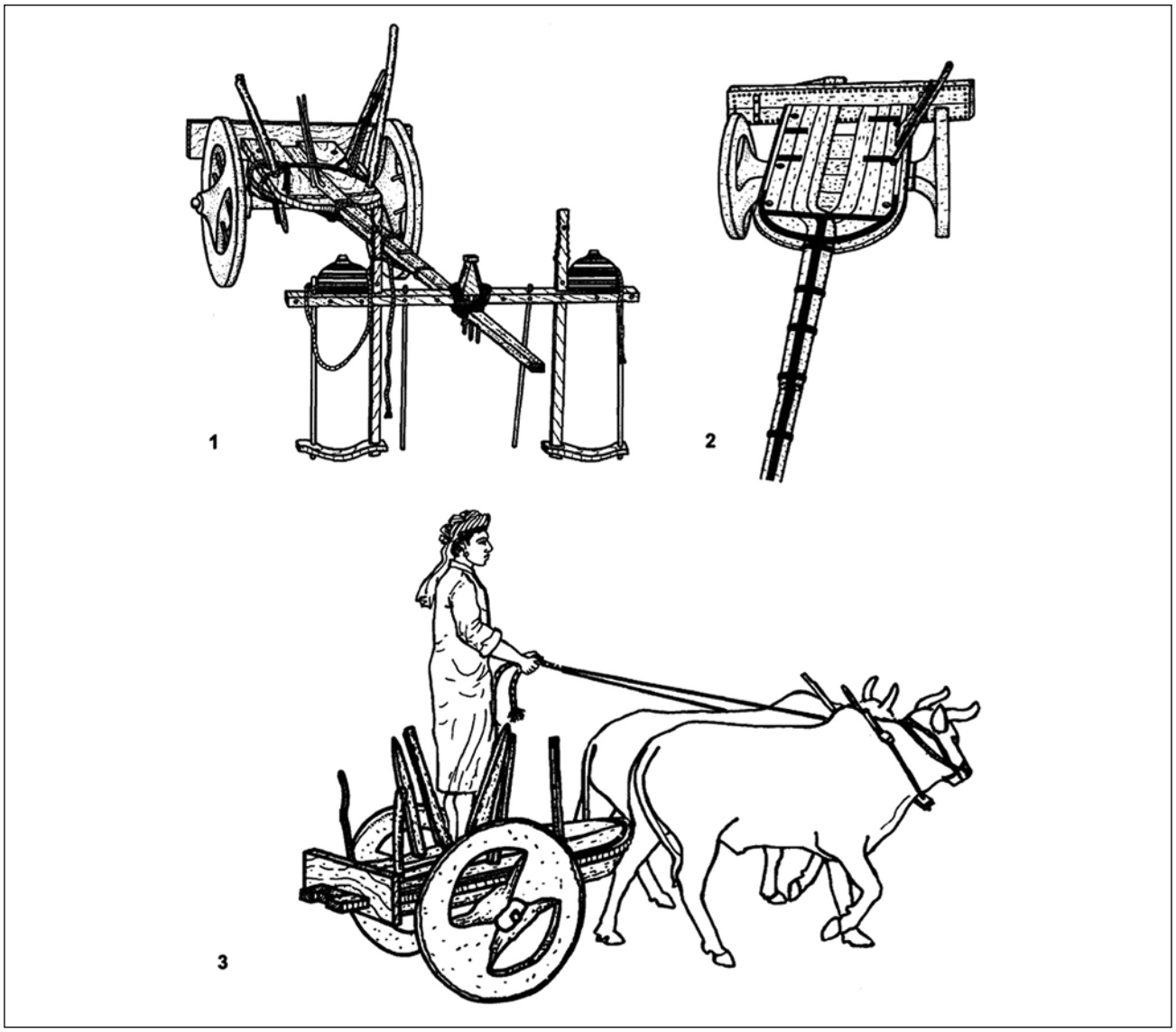


Рис. 4. Синд, повозка с цельной рамой.

P. 4). Он также указывает, что в некоторые модели легких повозок из Хараппы и Мохенджодаро (2500–2000 до н.э.) запряжены животные, которые очень похожи на лошадей (Sparreboom, 1985. P. 91). В Мохенджодаро найдено семь терракотовых статуэток эквидов (Parpola, Janhunen, 2010. P. 435). Это могут быть фигурки, если не лошадей/коней, то кианга или кхура (второе вероятнее, поскольку именно его кости найдены на хараппских памятниках), что соответствует данным РВ об использовании в упряжке Ашв или «быстрых существ».

Замечательное подтверждение данных РВ об использовании зебу в упряжке ратхи — относящаяся к эпохе Поздней Хараппы бронзовая колесница с парой горбатых быков и стоящим возничим из клада в Даймабаде (округ Ахмеднагар, Махараштра, левый берег р. Правара, притока р. Годавари) (Yule, 1985. P. 30–31; Honour, Fleming, 2005. P. 52. Fig. 2.24). Даймабадский клад состоит из статуэток двух зебу в упряжке, слона, носорога и буйвола (рис. 6) — все они изображались именно хараппцами (Dhavalikar, 1982. P. 361–366). Еще Х. Моде указал, что три животных Даймабадского клада (слон, носорог и буйвол) изображены на печати из Мохенджодаро (M-304) с образом «Пашупа-

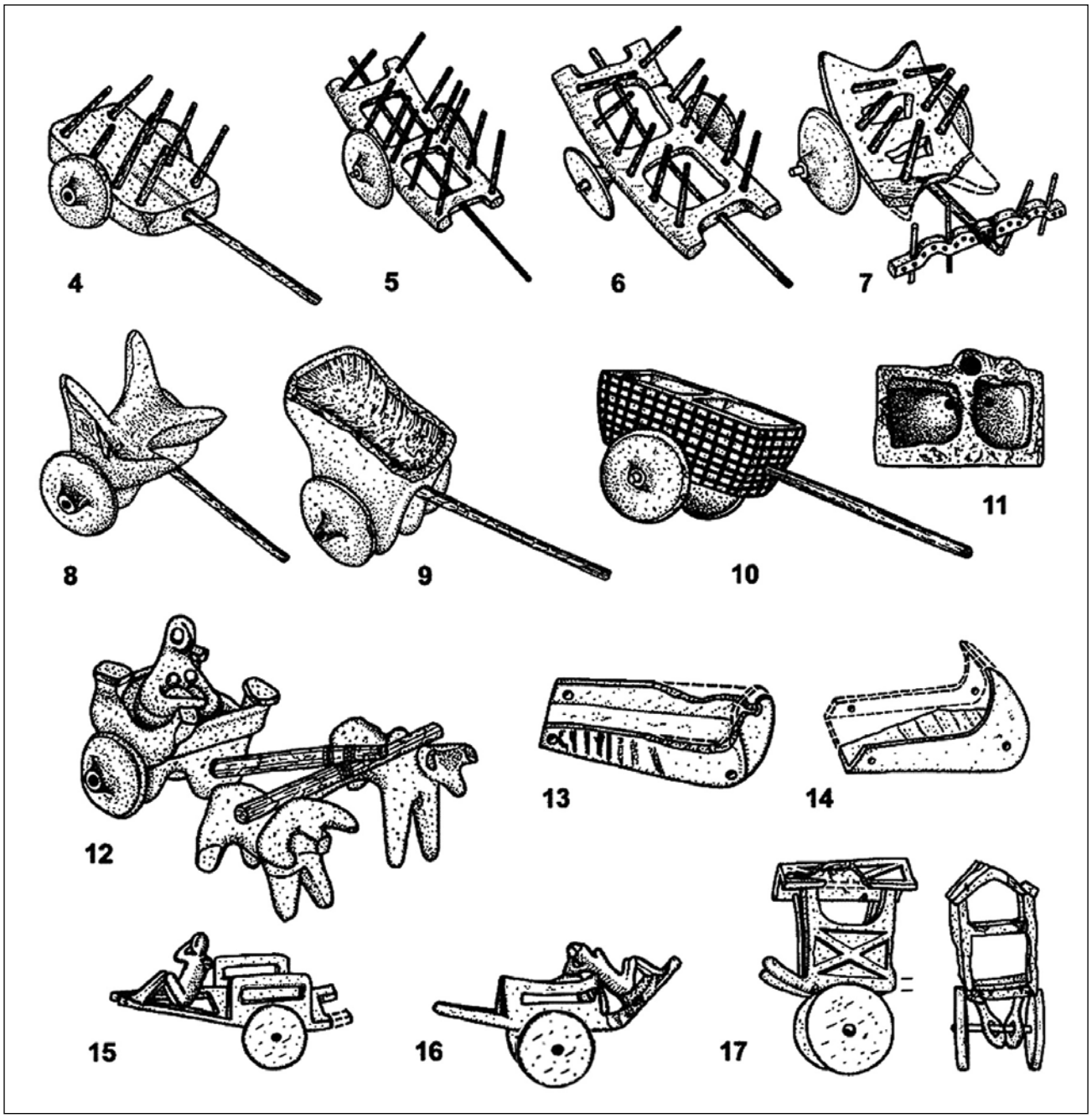


Рис. 5. Модели повозок (Зрелая Хараппа).

Рис. 6. Даймабадский клад.

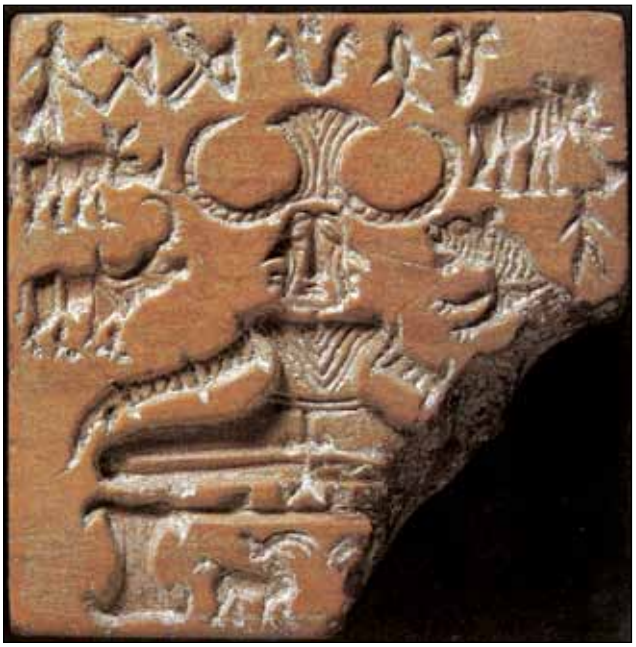


Рис. 7. Мохенджодаро, печать М-304

ти» (Mode, 1980–1981. P. 273) или Master of Animals (Kenoyer, 2010) (рис. 7). Считать все это простой случайностью или совпадением невозможно.

Как подчеркивает А.Я. Щетенко (рис. 8–10), «кузова у повозки нет, что уже предполагает ее иное назначение, чем применение для бытовых, хозяйственных нужд (перевозка людей, грузов и пр.). Это колесница, предназначенная для одного человека, судя по размерам площадки, на которой стоит возничий. Ее особенностью является переднее предохранительное приспособление — перила, состоящие из двух вертикальных изогнутых массивных прутьев с отогнутыми вперед верхними концами, напоминающими головки змей. Их нижние части опираются на стилизованные птичьи головки и соедине-

Рис. 8. Даймабадская колесничная упряжка, вид сбоку

Рис. 9. Даймабадская колесница

Рис. 10. Даймабадская упряжка зебу

ны перемычкой, образующей в центре тупой угол… Перила имеют также два горизонтальных прута, прикрепленных к ним: верхний прут прямой, а нижний — в форме угла. Предохранительное приспособление далее укреплено двумя наклонными прутьями, верхние концы которых соединены с верхним вертикальным прутом. Их нижние концы, образующие острый угол треугольника, вместе упираются в спину животного, стоящего на передке повозки» (Щетенко, 2007. С. 132). Т.е. перед нами исключительно легкая колесница для гонок и боя, запряженная парой горбатых быков. В данном случае отнесение Даймабадского клада к гораздо более позднему (вторая половина II тыс. до н.э.) по сравнению со эпохой создания РВ (за несколько веков до 2600 г. до н.э.) (Семененко, 2015. С. 216–222. Semenenko, 2016. С. 362–366; Семененко, 2017. С. 81–91) временем лишь доказывает устойчивость еще ригведийской традиции применения зебу в легких двухколесных боевых ратхах — даже через несколько столетий после всеми признаваемого начала использования истинной лошади на субконтиненте.

ЛИТЕРАТУРА

Алекшин В.А. Бусины-пряслица Алтын-депе и вопросы хронологии древнеземледельческих памятников Центральной Азии // АВ. Вып. 19. СПб., 2013.

Алекшин В.А. Степная керамика эпохи бронзы в слоях древнеземледельческих поселений подгорной полосы Копетдага // Записки ИИМК. СПб., 2014. № 9.

Бочкарев В.С., Кузьмина Е.Е., Кузнецов П.Ф., Усачук А.Н. Основные итоги изучения возникновения и распространения колесничества // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. II. Тбилиси, 1984.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992.

Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л., 1972.

Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетий до н.э. // Древняя Анатолия. М., 1985.

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. IV тыс. – IV в. до н.э. М., 1993.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Изд-е 2-е доп. Челябинск, 2015.

Дубова Н.А. Антропология Гонур Депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов. Барнаул, 2008.

Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы I–IV. Издание подготовлено Т.Я. Елизаренкова. М., 1989.

Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы V–VIII / Издание подготовлено Т.Я. Елизаренкова. М., 1999.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII / Издание подготовлено Т.Я. Елизаренкова. М., 1999.

Кайзер Э. О происхождении ранних колесниц в Евразии // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сборник памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014.

Кожин П.М. Лепная керамика кочевников развитого бронзового века в Средней Азии // ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. М., 2012.

Кузнецов П.Ф. О реконструкции древнейших колесниц Евразии // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. Самара, 2017.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Кулланда С.В. «Лошадь» в праиндоевропейском // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.

Моисеев А.В. К вопросу о колесницах эпохи бронзы евразийской степи–лесостепи (происхождение, назначение, значение) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011.

Новоженов В.А. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2.

Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М., 2012.

Новоженов В.А. Андроновская изобразительная традиция в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сборник памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014.

Новоженов В.А. Коммуникации и транспорт страны Маргуш в пространстве и во времени // ТрМАЭ. Т.6. Памяти Виктора Ивановича Сарианиди. М., 2016.

Отрощенко В.В. К вопросу об этнической принадлежности населения срубно-андроновского блока культур // Индоевропейская история в свете новых исследований: сборник научных статей (Сборник трудов конференции памяти проф. В.А. Сафронова). М., 2010.

Ригведа. Т. 1. Мандалы I–IV / Перевод Т. Я. Елизаренковой. М., 1989.

Ригведа. Т. 2. Мандалы V–VIII / Перевод Т. Я. Елизаренковой. М., 1995.

Ригведа. Т. 3. Мандалы IX–X / Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1999.

Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации // АВ. Вып. 14. М., 2007.

Рысин М.Б. Обзор новых публикаций по проблемам хронологии и связей триалетской культуры Южного Кавказа // АВ. Вып. 21. СПб., 2015.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М., 2010.

Сарианиди В.И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // ТрМАЭ. Т.4. Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. М., 2012.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди [ТрМАЭ. Т.3] / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб., 2010.

Семененко А.А. О культе Ригведы и Махабхараты в связи с их датировкой // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж, 2015.

Семененко А.А. О датировке Ригведы и Атхарваведы // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 2(12). 2017.

Щетенко А.Я. К проблеме интерпретации клада культовых предметов из Даймабада (Центральная Индия) // Искусство и религия древних обществ. Сборник научных статей. Луганск: Изд-во «Світлиця», 2007.

Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 2007.

Bryant E.F. The quest for the origins of Vedic culture: the Indo-Aryan migration debate. NY, 2003.

Bryant E.F. Concluding remarks // The Indo-Aryan Controversy. Evidence and inference in Indian history / Eds. E.F. Bryant, L.L. Patton. L.; NY, 2005.

Cooley W.D. Larcher's Notes on Herodotus: Historical and Critical Comments on the History of Herodotus from the French by P.H. Larcher. Vol. II. New edition, with corrections and additions. L., 1844.

Deshpande-Mukherjee A., Sen A., Rao L.S. Human–Animal Interactions during the Harappan Period in the Ghaggar Region of Northern India: Insights from Bhirrana // Bones and Identity. Zooarchaeological Approaches to Reconstructing Social and Cultural Landscapes in Southwest Asia / Eds. N. Marom, R. Yeshurun, L. Weissbrod, G. Bar-Oz. Oxford, 2016.

Dhavalikar M.K. Daimabad Bronzes // Harappan Civilization. A Contemporary Perspective / Ed. G.L. Possehl. Warminster, 1982.

Encyclopedia of Indo-European culture / Eds. J.P. Mallory, D.Q. Adams. L.; Chicago, 1997.

Geer van der A.E. Animals in Stone: Indian Mammals Sculptured Through Time. Leiden; Boston, 2008.

Ghosh A. An Encyclopaedia of Indian Archaeology. Vol. I. Subjects. Leiden; NY; Kobenhavn; Koeln, 1990.

Honour H., Fleming J. A World History of Art. 7th ed. L., 2005.

Jones-Bley K. The Sintashta "Chariots" // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements. Eurasian Bronze and Iron Age / Eds. J. Davis-Kimball, E.M. Murphy, L. Koryakova, L.T. Yablonksy [BAR (British Archaeological Reports) International Series 890]. L., 2000.

Kawaguchi E. Three Years in Tibet. Adyar, 1909.

Kazanas N. The Rgveda pre-dates the Sarasvati-Sindhu Culture // Vivekananda Kendra Patrika. A distinctive Cultural Magazine of India (A Half-Yearly Publication). Vol.40. No.1. 79th Issue [Aryan Invasion Theory. Fabrications and Fallouts. Vol. I]. 2010.

Kenoyer J. M. Die Karren der Induskultur Pakistans und Indiens (Wheeled Vehicles of the Indus Valley Civilization of Pakistan and India) // Bad und Wagen: Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa (Wheel and Wagon — origins of an innovation) / Eds. M. Fansa, S. Burmeister. Mainz am Rhein, 2004.

Kenoyer J.M. Culture change during the Late Harappan period at Harappa: new insights on Vedic Aryan issues // The Indo-Aryan Controversy. Evidence and inference in Indian history / Eds. E.F. Bryant, L.L. Patton. L.; NY, 2005.

Kenoyer J.M. Master of Animals and Animal Masters in the Iconography of the Indus Tradition // The Master of Animals in Old World Iconography / Eds. D.B. Counts, B. Arnold. Budapest, 2010.

Kuzmina E.E. Origins of Pastoralism in the Eurasian Steppes // Prehistoric steppe adaptation and the horse / Eds. M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle. Cambridge, 2003.

Kuz'mina E.E. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden; Boston, 2007.

Lal B.B. Aryan invasion of India: perpetuation of a myth // The Indo-Aryan Controversy. Evidence and inference in Indian history / Eds. E.F. Bryant, L.L. Patton. L.; NY, 2005.

Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and language: the case of the Bronze Age Indo-Iranians // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history / Eds. E.F. Bryant, L.L. Patton. L., 2005.

Littauer M.A., Crouwel J.H. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Leiden; Koeln, 1979.

Macdonell A.A., Keith A.B. Vedic Index of Names and Subjects. Vol. II. L., 1912.

Mallory J.P. The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda // Индоевропейская история в свете новых исследований: сборник научных статей (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова). М., 2010.

Mallory J.P. Twenty-first century clouds over Indo-European homelands // Вопросы языкового родства: Международный научный журнал. М., 2013. № 9.

Mode H. The Four Quadrupeds — Reflections on Indian Animal Preference // Indologica Taurinensia. The Online Journal of the International Association of Sanskrit Studies. Vol. VIII–IX. Dr. L. Sternbach Commemoration Volume. 1980–1981 // http://www.indologica.com/volumes/vol08-09/vol_08-09_art30_mode.pdf.

Parpola A., Janhunen J. On the Asiatic wild asses (Equus hemionus & Equus kiang) and their vernacular names // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. [ТрМАЭ. Т. 3] / Ред. П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова. СПб., 2010.

Possehl G.L. Indus civilization: a contemporary perspective. Walnut Creek, 2002.

Raccidi M. Chariot terracotta models from Tell Arbid // Polish Archaeology in the Mediterranean 21 (Research 2009). 2012.

Rigveda. Metrically Restored Text / Eds. K. Thomson, J. Slocum // http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/.

Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

Semenenko A.A. Arable Farming of Vedic Indo-Aryans According to Atharvaveda Shaunakiya and Samhitas' Dating // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы международной заочной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов на иностранных языках (Россия, Воронеж, апрель 2016 г.). Воронеж, 2016.

Sharma B.K., Seema Kulshreshtha, Shailja Sharma. Historical, Sociocultural, and Mythological Aspects of Faunal Conservation in Rajasthan // Faunal Heritage of Rajasthan, India: General Background and Ecology of Vertebrates. Vol. I / Eds. B.K. Sharma, Seema Kulshreshtha, A.R. Rahmani. NY, 2013.

Singh R.N., Petrie C.A., Joglekar P.P., Neogi S., Lancelotti C., Pandey A.K., Pathak A. Recent Excavations at Alamgirpur, Meerut District: A Preliminary Report // Man and Environment. Vol. XXXVIII(1). 2013.

Singh Sh. Vedic Culture and its Continuity: New Paradigm and Dimensions // Vivekananda Kendra Patrika. A distinctive Cultural Magazine of India (A Half-Yearly Publication). Vol.40. No.1. 79th Issue [Aryan Invasion Theory. Fabrications and Fallouts. Vol. I]. 2010.

Sparreboom M. Chariots in the Veda. Leiden, 1985.

St-Louis A., Côté S.D. Equus kiang (Perissodactyla: Equidae) // Mammalian Species. No 835. 2009.

Witzel M. Early Indian history: linguistic and textual parametres // The Indo-Aryans of Ancient South Asia: language, material culture and ethnicity / Ed. G. Erdosy. Berlin; NY, 1995.

Yule P. Metalwork of the Bronze Age in India // Praehistorische Bronzefunde. Abt. XX. Bd. 8. München: C.H. Beck, 1985.

Э.А. Мурадова

Система ирригации в Юго-Западной Туркмении

Земледелие, являясь основой палеоэкономики древнеземледельческих культур, играло существенную роль в историческом развитии социально-этнических общностей. Важнейшим средством в становлении и развитии земледелия являлось орошение. Исследователи (Лисицына Г.Н., Кесь А.С., Костюченко В.П.), изучавшие историю земледельческого хозяйства в комплексе с археологическими, геоморфологическими, почвенными и палеоботаническими методами, выделяют несколько этапов.

На территории Туркменистана истоки земледелия следует связывать с джейтунской культурой, поселения которой расположены на северной подгорной равнине Копетдага. Изменение характера орудий труда, возделывание земли для искусственного выращивания злаков и других растений, разведение домашнего скота изменило уклад жизни и хозяйства древних людей и ознаменовало переход от присваивающего хозяйства к производящему. В неолитическое время для орошения полей использовались естественные водные источники. Наблюдается переход от простейшего, неполивного (лиманного) земледелия к орошаемому.

Специфика природной среды аридных зон предполагала становление поливного земледелия. Освоение в энеолите субаэральной дельты реки Теджен привело к появлению значительного числа поселений в Геоксюрском оазисе. Древнеземледельческие общины этой эпохи использовали как паводковые воды, так и простейшие по своей конструкции ирригационные системы (Лисицына, 1970. С. 116). Три параллельных друг к другу канала, выведенных из крупного бокового дельтового протока, являлись ирригационной сетью центрального поселения Геоксюрского оазиса. Сеть мелких арыков, отходившая от этих каналов и вытянутая узкой полосой вдоль оросительной системы, подавала воду непосредственно на поля (Костюченко, Лисицына, 1973. С. 7).

Создание сложных ирригационных систем относится к эпохам развитой и поздней бронзы и раннего железа (Намазга V-VI, культура архаического Дахистана). Существенные изменения в материальной культуре и экономике оседлых земледельцев способствовали дальнейшему их развитию и процветанию. Исследователи отмечают значительное расширение географического ареала оседлоземледельческих культур. Происходит освоение субаэральной дельты Мургаба и низовьев р. Атрек. Это соответственно привело к увеличению площади орошаемых земель (Лисицына, 1972. С. 14).

В силу специфики климатических условий и других природных факторов история становления и развития земледелия как важнейшей производящей отрасли хозяйства несколько отличалась в Юго-Западной Туркмении. Растительность Юго-Западной Туркмении позволяет отнести ее к Прикаспийскому кругу Туранской пустынной провинции (Кесь, Костюченко, Лисицына, 1980. С. 4). Прикаспийский регион был одним из центров становления земледельческого хозяйства (Лисицына, 1978. С. 8-10). В долинах рек Сумбар и Чандыр, открытых к Каспийскому морю, влажный климат благоприятствует росту субтропической растительности.

Использование воды р. Атрек отмечалось уже в арабских письменных источниках. На Атреке выше устья р. Сумбар была построена плотина. Вода из водохранилища с помощью акведука перебрасывалась через Сумбар и поступала на равнину восточнее Чата (Бартольд, 1965. С. 121). Заселив эту территорию в конце II тыс. до н.э., оседло-земледельче-

ские племена использовали и приспособили рельеф местности для орошаемого земледелия. Об интенсивном освоении этих земель свидетельствуют сохранившиеся остатки древних поселений, антропогенно измененные почвы, искусственные каналы. Остатками древних оросительных каналов и арыков являются валы, характерные элементы антропогенного рельефа древнедельтовых равнин, таких как Мисрианская и Чатская.

Исследованиями археологических памятников и прилегающих к ним древних русел и каналов на Мисрианской равнине установлены три хронологические группы памятников, соответствующие трем площадям освоения равнины. Выявлена развитая система каналов – основа древнего орошения (Массон, 1954; 1956; 1969). Самая древняя земледельческая культура Юго-Восточного Прикаспия, названная культурой архаического Дахистана и относящаяся к I площади освоения, занимала территорию на юге и юго-востоке Мисрианской равнины (Массон, 1956. С. 388). Площадь крупных поселений этой культуры (Мадаудепе, Тангсикыльджа, Чыглык-депе, Изат-кули) составляла несколько десятков гектаров. Поселения этой культуры снабжались водой при помощи сети каналов, сохранившихся в виде валов, идущих в различных направлениях. Валы, раскопанные севернее Геокчик-депе и к югу от поселения Изат-кули, имели высоту соответственно 1,13 м и 2 м при ширине оплыва 14 м и 24 м. Прослежены древние берега каналов. Русла и дно каналов в виде чередующихся тонко отмученных глинистых и песчаных натеков (Массон, 1969. С. 98).

В западной и частично центральной части Мисрианской равнины, входящей во вторую площадь освоения, расположены памятники раннего средневековья (V—VIII вв. н.э.). Магистральный канал, расположенный почти параллельно средневековому каналу, подававшему воду в Мисриан, проходил с юга на север. Хвостовая часть этого канала, разветвляясь на ряд русел, снабжала водой сильно укрепленную Шаудуз-калу, городок Ханлыдепе и Акча-калу (Массон, 1969. С. 103-104).

Восточная и частично центральная часть Мисрианской равнины, являющаяся третьей площадью освоения, представлена памятниками развитого средневековья (IX—XV вв. н.э.) (Массон, 1969. С. 105-107).

В 1969-1971 гг. изучение древних земледелия и ирригации на территории Юго-Западной Туркмении проводили специалисты из Института археологии и Института географии АН СССР. Существовавшая система дельтовых русел и протоков Атрека отразилась на рельефе Мисрианской и Чатской равнин, имеющий естественное и антропогенное происхождение (рис. 1). Основное русло Атрека занимает относительно более высокое положение и прослеживается почти беспрерывно от верховий до низовий дельтовой равнины. На месте главного магистрального канала и его ответвлений образовалась система антропогенных валов, называемых Шахдюз. Широтное направление основной гривы, характерной для верховий Чатской равнины, плавно меняется и поворачивает на северо-запад и на Мисрианской равнине смещается к востоку, следуя дальше в север-северо-западном, а в низовьях – в западном направлениях. У северной границы Мисрианской равнины «эта русловая грива разветвляется на ряд более мелких грив, которые образуют как бы самостоятельную небольшую дельту, простирающуюся до абсолютных отметок 4–6 м» (Кесь, Лисицына, 1975. С. 123).

Крупные русловые гривы, имеющие сначала юго-западное, а ниже по течению преимущественно западное и затем северное направления, начинают ответвляться в верховьях дельты от основной русловой гривы. С ними связаны и антропогенные валы, имеющие ответвления и образующие отдельные оросительные системы. Объем стока Атрека и Сумбара не давал возможности одновременного функционирования многочисленных дельтовых протоков. Существовала определенная последовательность в их функционировании. Исследователи выделяют четыре отдельные локальные дельты, составляющие единую Мисрианскую дельтовую равнину (Кесь, Лисицына, 1975. С. 123; Кесь, Костюченко, Лисицына, 1980. Рис. 5).

Геокчикская, северная локальная дельта, фиксируется в самых низовьях главной русловой гривы, от которой основной магистральный вал Шахдюз разделяется на систему валов-каналов, имевших северо-западное

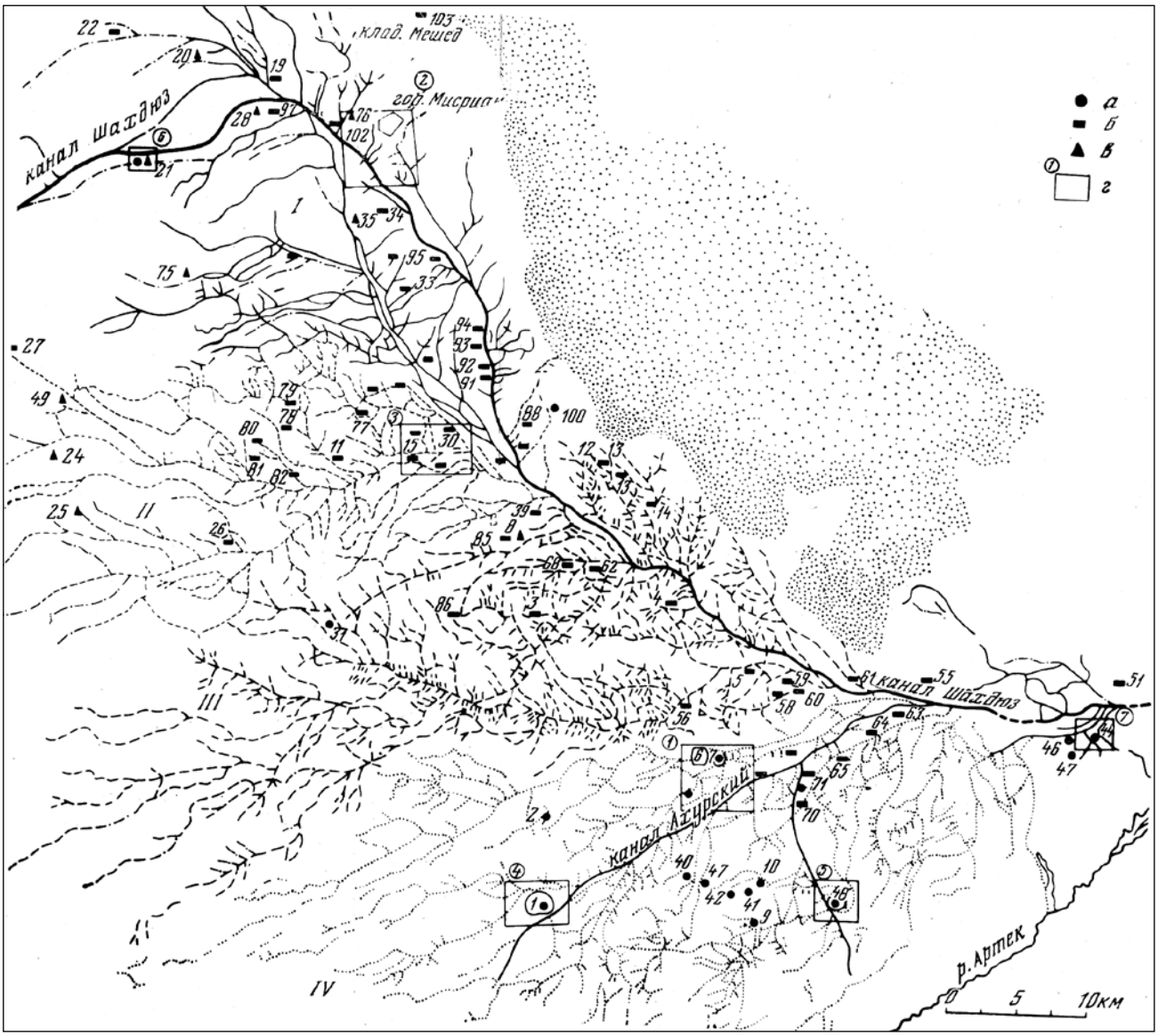


Рис. 1. Схема дельтовых русловых грив и валов-каналов Мисрианской и Чатской древнедельтовых равнин. Памятники: а — времени архаического Дахистана; б — развитого средневековья; в) — раннего средневековья (индекс Д опущен, оставлены цифровая нумерация памятников); г — граница ключевого участка и его номер. I–IV – локальные дельты Атрека: I – Геокчинская; II – Рустамкалинская; III – Изаткулинская; IV – Ахурская. (по: Кесь, Лисицына, 1975. Рис. 2. С. 121).

и западное направления. На абсолютной отметке около 20-25 м располагаются верховья этой дельты.

Рустамкалинская дельта наблюдается южнее. На отметках около 30 м находятся ее верховья, направление рукавов преимущественно западное. На отметках около 50 м начинается третья локальная дельта, Изаткулинская, располагающаяся ещё южнее. Направление главного рукава западное, а отходившие от него протоки направлялись на северо-запад и юго-запад.

Ахурская локальная дельта, являющаяся самой южной, «берет начало на отметках около 60 м, в месте, где Шахдюз, меняет направление с широтного на северо-западное. Ее главные рукава имеют юго-западное направление, почти совпадающее с направлением современной долины Атрека. Все эти локальные дельты по размерам площади очень близки между собой» (Кесь, Лисицына, 1975. С. 123).

Крупные магистральные каналы, составляющие основное звено крупных локальных оросительных систем, отводились от канала Шахдюз под острым углом. Ахурский, Бенгуванский, Изаткулинский магистральные каналы состоят из каналов, которые по своим размерам и строению подразделяются на оросители первого и второго порядка и густую

арычную сеть. По русловым гривам основных проток локальных дельт, как правило, прокладывались каналы.

Магистральные каналы, сложные по своей конструкции, расположены на господствующих элементах рельефа, обычно приурочены к гребням русловых гривов и прирусловых валов. Значительные площади полей, располагавшиеся на пологих склонах русловых грив или прирусловых валов, зависели от этих каналов. Орошение производилось самотеком, оросителями первого и второго порядка, а также с помощью арыков. Арычная сеть имеет в плане самый разнообразный рисунок в зависимости от характера орошения и размеров орошаемых полей.

Оросительные системы периода архаического Дахистана и средних веков принципиально не отличаются. Наблюдается однотипность основных принципов устройства разновременных ирригационных сооружений. Существенные различия намечаются в конфигурации полей. Исследования показали, что такыровидные почвы и такыры зарастающие развиты в зоне интенсивной ирригации, на участках древних полей. Разветвленная сеть ирригационных каналов и связанных с ними полей характеризует уровень орошаемого земледелия.

Орошаемые поля располагались вдоль магистральных каналов и каналов1-го порядка, образуя полосы культурных земель различной ширины от 700–800 м до 2,5 км. Эти полосы располагаются в непосредственной близости от поселений (Кесь, Костюченко, Лисицына. 1980. С. 82). Условия микрорельефа, почвенный покров и ассортимент высевавшихся на них сельскохозяйственных культур обусловливали размеры и конфигурацию полей. Участки полей площадью 400 × 400, 300 × 400, 300 × 300 и 250 × 250 м (у Мадау-депе), 150 × 90, 100 × 120 м (у Тильки-депе) и другие (аналогичных размеров) использовались, насколько можно судить, под посевы зерновых культур — пшеницы и ячменя. Отпечатки их семян обнаружены в сырцовых кирпичах памятников времени архаического Дахистана (Кесь, Лисицына, 1975. С. 134).

Существенные различия отмечены в конфигурации полей архаического Дахистана и средних веков. Для архаического Дахистана характерны крупные посевные площади с размером полей 300 × 300, 250 × 350 м (Кесь, Костюченко, Лисицына. 1980. С. 101).

В средние века около городов, крупных и мелких поселений и непосредственно около отдельных сельских усадеб размещаются как значительные по площади посевные участки, так и мелкие, обычно объединенные в массивы, где каждое поле имело размеры 20 × 20 м (максимально 50 × 50 м). Эти поля окантурены слабо заметными в рельефе валиками, главным образом насыпными. Видимо, участки засевались рисом или огородными культурами. Углы валиков были разомкнуты с целью пропуска воды. Это давало возможность одновременно орошать весь массив в целом.

На Мисрианской и Чатской равнинах отмечены площади, на которых хорошо прослеживаются следы грядовых посадок. Исследователи предполагают их принадлежность бывшим виноградникам, аналогии которых зафиксированы на территории древнего Хорезма. Площадь двух таких виноградников, отмеченных южнее средневекового городища Кичикесик составляет соответственно 200 × 100 м и 300 × 110 м, при размерах грядок 7,5 × 1,5 м и расстоянии между ними 0,9 × 1,0 м.

Характер и устройство сооружений, с помощью которых Шахдюз получал воду из Атрека, вызывает множество дискуссий. Обеспечение существования крупного земледельческого оазиса, каковым являлся древний Дахистан, требовало постоянного и притом достаточно мощного источника воды. Ориентировочные подсчеты показали, что одновременно орошалось более 100 тыс. га земель (Кесь, Лисицына, 1975. С. 134). При орошении этих древних земель использовались в основном воды Сумбаро-Атрекской системы, поступавшие в оазис по магистральному каналу. Воды временного стока также использовались древним населением Мисрианской и Чатской равнин, однако восстановленная сеть древних валов никак нельзя связывать с этим использованием.

Эта сеть – «остатки сложной оросительной системы, объединенной в общий ствол, берущий начало ниже слияния рек Сумбара и Атрека» (Кесь, Лисицына, 1975. С. 135).

Следует отметить, что в аридных зонах очень интенсивно развивалась ирригационная техника, свидетельством чего является использование в V тыс. до н.э. вод Тигра, Евфрата и Нила. Мощные водоподъемные сооружения достоверно известны уже во времена Хаммурапи (1792–1750 до н.э.).

Археологические материалы свидетельствуют о том, что племена, населявшие территорию в бассейне рек Сумбара и Атрека, вели оседло-земледельческое хозяйство. Установлено, что в средние века на территории Дехистана проживало не менее 180 тыс. чел. Сосредоточенные вокруг поселений поля, разделенные на небольшие участки валиками, значительное число каменных зернотерок свидетельствуют о возделывании зерновых культур, известных по отпечаткам растений на сырцовых кирпичах. Палеоботанические исследования показали, что древние земледельцы возделывали такие злаки, как пленчатый многорядный ячмень и пшеницу (Лисицына, 1978. С. 92). Древние орошаемые земли, сосредоточенные только в Бенгуванском оазисе, составляли около 2 тыс. га (Лисицына, 1972. С. 51). Орошение было искусственным.

Разнообразие форм глиняных сосудов, найденных на поселениях культуры архаического Дахистана, свидетельствует о многообразии способов переработки и хранения продуктов земледелия. На этих поселениях часто встречаются ладьевидные каменные зернотерки, ступки и пестики (Мурадова, 1991. С. 71-96). Для уборки урожая и других земледельческих работ, видимо, применялись орудия из металла. На Изат-кули найдены кремневые вкладыши, являющиеся составной частью жатвенных орудий — серпов, форма которых неизвестна (Мурадова, 1991; 2010). Обеспечение водоснабжением крупных средневековых населенных пунктов, таких как Мисриан, Рустем-кала, Ахур и др., требовало создания крупных водохранилищ и других специальных сооружений, следы которых пока не найдены на территории Мешед-Мисрианской и Чатской равнин.

Изучение земель древнего орошения на Мешед-Мисрианской, или Мисрианской, и Чатской равнинах, картирование оросительных систем и изучение принципов устройства оросительных сооружений, а также специальные почвенно-геоморфологические исследования позволили констатировать факт существования древнейшей ирригационной системы в Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. М.: Наука, 1965.

Кесь А.С., Костюченко В.П., Лисицына Г.Н. История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении. М.: Наука, 1980.

Кесь А.С., Лисицына Г.Н. Древние оросительные сооружения Юго-Западной Туркмении (по материалам работ 1969—1971 гг.) // СА. 1975. № 1.

Костюченко В.П., Лисицына Г.Н. Некоторые особенности развития ирригационного земледелия в аридной зоне // Проблемы освоения пустынь. 1973. № 4. С. 5-12.

Лисицына Г.Н. 1970. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке // КСИА. Вып. 122. 1970. С. 114-117.

Лисицына Г.Н. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении // УСА. Вып.1. Л.: Наука, 1972.

Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия Южной Туркмении. М.: Наука, 1978.

Массон В.М. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Известия Академии наук Туркменской ССР. 1954. № 2.

Массон В.М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // ТрЮТАКЭ 7. Ашхабад, 1956. С. 385-458.

Массон В.М. Древнее орошение на Мисрианской равнине // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М.: Наука, 1969. С. 96-110.

Мурадова Э.А. Поселения архаического Дахистана. Ашхабад, Ылым, 1991.

Мурадова Э.А. Раскопки в западной части поселения Изат-кули // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарианиди. ТрМАЭ. СПб: Алетея, 2010. С. 214-226.

Вопросы этнографии народов Средней Азии

Я. Тиркишова

Народная культура: традиции и современность

Туркмены и их предки освоили и одухотворили пространство одной из величайших пустынь мира – Каракумов. Каракумы занимают площадь 350 тыс. кв.км, то есть большую часть всей территории страны. Каракумы тянутся от предгорных равнин Копетдага и склонов Паропамиза на юге до Хорезмской низменности на севере и от долины Амударьи на востоке до старого русла Узбоя на западе. Только с востока и юга ее окаймляют плодородные оазисы подгорной полосы Копетдага и речных долин Амударьи, Мургаба и Теджена.

Жизнь туркмен протекала в знойной пустыне, в долинах, расположенных на разной высоте, в ущельях, на склонах горных массивов. Ландшафт Туркменистана бесконечно разнообразен. Знойно-влажные субтропики, величественные горные панорамы, блистающие вечными снегами, грохочущие реки и водопады, лесные массивы, синева чистейших озер в каменных оправах. Просторы Каракумов кажутся почти безграничными, лишь вдали расстелились широкие степи, видны линии речной долины... Цветущие поляны чередуются с выжженными солнцем полынными предгорьями, зеленые луга – с тенистыми узкими каньонами, поросшими непроходимыми зарослями грецкого ореха, жимолости, барбариса. Много выше простирается необозримое царство снежных барсов и архаров. И все это — Туркменистан, своей эпической красотой, загадочностью и труднодоступностью издавна притягивающий исследователей, путешественников, художников и туристов.

Туркменский народ, чья история уходит истоками вглубь тысячелетий, является наследником и приемником культур многих народов, населявших эту огромную территорию. Здесь возникали и рушились кочевнические и земледельческие цивилизации, смешивались, взаимно обогащая друг друга, различные культуры, религии, политические влияния. Через территорию современного Туркменистана в древности проходил Великий шелковый путь, связывавший народы Азии, Европы и Африки, история которого сегодня так занимает востоковедов всего мира.

Памятники древней и средневековой культуры Туркменистана ныне весьма широко представлены в коллекциях туркменских музеев. На протяжении многих веков наши предки сохраняли связи с тысячелетним периодом культурного развития, с заветами древних и средневековых текстов, перешедшие в устные сокровищницы народной памяти. Туркменский народ создал мощный пласт народного устно-поэтического творчества, богатейший изобразительно-пластический фольклор с многообразными декоративно-прикладными формами.

Туркменская культура, сформировавшаяся в относительно замкнутом пространстве, хотя и в условиях широких экономических

и культурных связей, отличается стойкой этнической самобытностью, хотя при этом она достаточно тесно соприкасается с культурой других соседних народов. Туркмены жили в непосредственном и гармоническом контакте с природой, в едином с нею пространственно-временном ритме. От этого ритма зависели сезонные передвижения отар, земельные работы, весь жизненный процесс кочевников и земледельцев. Природа формировала не только быт, но и духовный склад народа, его нравственное отношение к миру, эстетический вкус.

Исключительное значение в системе традиционного фольклорного искусства принадлежит устно-поэтическому творчеству, венчаемому грандиозным героическим эпосом «Гёроглы», теперь включенного в список нематериальных памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, и до сих пор необыкновенно популярным в народе, продолжающим жить и в первозданной форме, и в новых трансформациях. В образе Гёроглы отражены все те лучшие качества, которые всегда высоко ценились туркменским народом, - бесстрашие, воинское мастерство и доблесть, верность своему слову и славным обычаям предков, гостеприимство. Здесь же воспет и образ боевого коня, верного спутника отважного богатыря. Слава коня совершенно равна славе Героглы, ровно половина мощи героя заключалась в его коне. Хотя сами певцы-сказители, как правило, были неграмотными, но, обладая исключительной памятью, они знали и исполняли огромное количество фольклорных и литературных произведений. В создании, сохранении и популяризации национального эпоса исключительно велика роль туркменских *бахши* – певцов, музыкантов и сказителей. Бахши заучивали тексты наизусть, подвергали их своеобразной обработке и распространяли в более широкой аудитории. Обладая исключительной памятью, они знали и исполняли огромное количество фольклорных и литературных произведений. «Гёроглы» и другие туркменские дестаны несли в народ и *кыссачи* – грамотные чтецы, число которых было весьма незначительно. Эта «океано-подобная» эпопея, отразившая весь исторический путь туркмен с древнейших времен до позднейших этапов, бытовала в виде грандиозного песнопения, исполняемого одним мастером (*дессанчы-бахши*), который сочетал в себе дар поэта-импровизатора, певца и драматического актера. Обладая исключительной памятью, они знали и исполняли бесконечное множество фольклорных и литературных произведений. Это единство поэзии, музыки и исполнительства достигало такого воздействия, что нередко рождало у слушателей галлюцинации: видения битв, ураганов, землетрясений и т.д. О талантах знаменитых дессанчы багши ходили легенды.

Эпос «Героглы» — высшее, но не единственное творение поэтического фольклора туркмен. Он находился как бы в окружении не менее десятка малых эпических поэм. Кроме того, в народе бытовал обширный пласт песен – лирических, трудовых, обрядовых, назидательных – различных сатирических и юмористических жанров, пословиц, поговорок и прочих малых форм словесной культуры.

Своеобразна музыкальная культура туркмен, отразившая образ жизни и особенности мироощущения, историю и психологию народа. Туркменский инструментальный и песенный фольклор отличаются импровизационной гибкостью, эпической повествовательностью, широким диапазоном интонационных и ритмических приемов. Туркменская музыка легко ассоциируется с конкретными образами. В ней видятся бескрайние пески, горные дали, степи и холмы; слышится гул сражений, топот копыт, грохот водопадов и горных рек, нежное журчание ручейков, голос ветра, крики птиц. За сердце хватают

Рис. 1. Почтовая марка СССР «Героглы». 1990 г.

протяжные, полные поэтической грусти лирические песни, полны артистического задора искрометные наигрыши на дутаре. Дутар и прежде, и теперь – самый любимый инструмент туркмен.

Мощный и наиболее канонизированный пласт туркменской традиционной культуры составляет высокоразвитое, богатое различными видами и формами декоративно-прикладное искусство, тесно связанное с народным бытом и зодчеством. При кочевом образе жизни у туркмен не было необходимости воздвигать стационарную архитектуру из долговечных строительных материалов. Исключения составляют возводимые уже в мусульманское время мечети и медресе, мемориальные и фортифицированные сооружения. Материалом для них служили сырцовый и жженый кирпич, пахса, камень. Эта линия архитектуры связана с традициями развитых городских цивилизаций Средней Азии.

Основное достижение народного зодчества туркмен – это удобное, совершенное по конструктивно-функциональным качествам переносное жилище – *ак ой* – юрта, которая представляет собой самостоятельное, обусловленное спецификой уклада жизни туркменского народа звено в мировой архитектурной практике. Туркменская юрта ак ой отличается куполообразной крышей, нарядностью внешнего вида и внутреннего убранства. Своей выверенной в веках формой и архитектоникой она поразительно вписывается в ландшафт. Юрта ак ой функционально приспособлена под жизненный ритм природы, легко меняет систему воздухообмена и освещения в зависимости от смены времен года, дня и ночи. В верхней части купола имеется специальное отверстие – *туйнук*. Через него отводится дым очага, поступает воздух. Летом туйнук не закрывается, и в теплые ночи сквозь него можно видеть звезды. В жару открывается и нижний ярус войлочного покрытия.

Процесс создания юрты довольно сложен и требует мастерства. Им в совершенстве владеют народные архитекторы – *агач усса*, деревянных дел мастера. Каркас вертикальной и купольной частей туркменской юрты ак ой

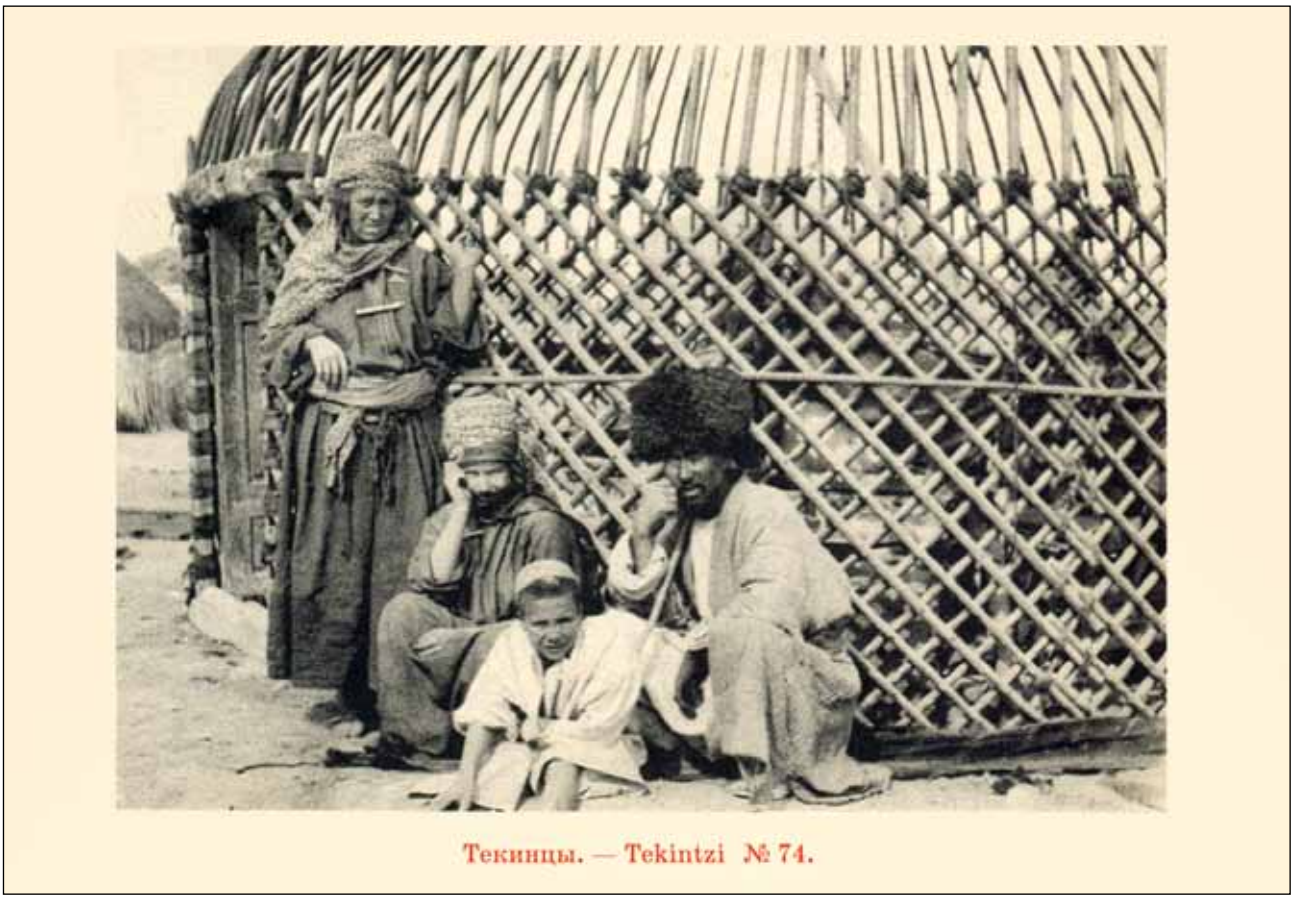


Рис. 2. Деревянная основа юрты. Почтовая открытка «Текинцы». 1903 г.

Рис. 3. Новый дом рабочего-нефтяника и юрта. г. Кумдаг. Западный Туркменистан. 1956 г. Фото Ш. Аннаклычева

сооружается из особых пород тала с применением старинных технологий. Собирается юрта без единого гвоздя. Когда каркас готов, начинается женский труд по утеплению и украшению жилища. Оно покрывается выкроенным по форме и сшитым войлоком со съемными частями, а интерьер ее заполняется необходимыми в быту предметами из войлока, шкур, кожи, шерсти, дерева.

Внутреннее убранство туркменской юрты – это стройный, гармоничный по сочетанию пользы и красоты ансамбль, богатый мир декоративно-прикладных форм и орнаментики, свидетельствующий о высоких художественных традициях народа. Здесь нет мебели в привычном понимании слова. В юрте просторно (ее диаметр обычно бывает от 4 до 8 м), и в то же время она заполнена удобными и красивыми вещами. Вошедшему в юрту гостю прежде всего бросится в глаза обилие основного красного цвета в разнообразных оттенках, а также эффект мягких, благородных фактур. Стены и пол юрты плотно закрыты слоями крупных и мелких ковровых изделий.

Особое внимание привлекает занимающее видное место панно *дуебашлык* – свадебное украшение верблюда. Сшитое их матерчатых ромбиков основное поле оформлено широкой каймой, богато расшитой растительным орнаментом. Такой предмет являлся оберегом и своеобразным «архивом» семьи. Сначала им украшали верблюда в свадебной процессии, затем его вешали на стене, у почетного места для гостей в юрте – *тор*. Сюда прикреплялись первые волосы каждого ребенка этой семьи после торжественного обряда сбривания по достижении им годовалого возраста. Член семьи, уходящий в дальнюю дорогу, оставлял здесь деталь своей одежды. Считалось, что это охраняло его в пути от бед и ненастий, давало всей семье здоровье, достаток и благополучие. Композиционным центром в юрте издавна утвердилась выставка-склад постельных принадлежностей, ковров, циновок. Проста и скульптурно выразительна кухонная утварь: большие деревянные миски *керсен* и *окара*, темные кожаные сосуды *тулум* и *янлык*, предназначенные для масла и сиропов. Отдельное место в пространстве юрты занимает богато украшенный резьбой, металлом и другими видами декора сундук – хранилище семейных ценностей и реликвий. В строго определенных местах размеще-

Рис. 5. Тумар – амулетница, женское нагрудное украшение. Серебро, позолота, сердолик. Текинцы. XIX век. Из коллекции Историко-краеведческого музея Марыйского велаята.

ны чабанские и охотничьи доспехи, оружие, конское снаряжение. По стенам развешаны всевозможные красочно декорированные большие и малые ковровые мешки – *чувалы* и *торбы,* столь необходимые в кочевом быту.

Весь этот житейский мир вещей народные мастера одухотворяли узорами, выработав сложную систему основных мотивов и выверенных в веках приемов декора, который, как правило, с большим тактом взаимодействует с предметной формой, не разрушая плоскостности или объемности предмета, но, напротив, выявляя и подчеркивая их.

В декоративном убранстве юрты доминирующее положение, конечно, занимают изделия из овечьей и верблюжьей шерсти – самого доступного в кочевых условиях материала, все свойства и тонкости которого народные художники использовали максимально. Кроме ковров туркмены широко использовали различные виды войлочных изделий. Самый распространенный вид постилочной кошмы – *гулли кече*. Ее декор с плавным рисунком крупных и мелких орнаментальных форм делается путем введения окрашенной шерсти в одноцветный войлок (черный, белый, коричневый, серый, бежевый и др.) и многочасового укатывания и трамбования. Изображение получается своеобразным – с мягко светящимися цветами – красным, синим, оранжевым, коричневым, которые проникают друг в друга на стыках. Узоры спокойные, имеют композиционную схему с обязательной каймой и равномерным заполнением поля орнаментом.

Традиционна в туркменском искусстве вышивка. Ею украшали предметы интерьера юрты, одежду, головные уборы. Украшенный вышивкой туркменский национальный костюм сам по себе составляет целую область народной культуры. Старинные туркменские вышивки отличает благородство цветовых сочетаний, полученных органическими красителями, преобладание растительных

форм орнамента (ветви, листья, цветы, плоды). В узоры вышивок вплетались иногда изображения живых существ – фигурки козлов, верблюдов, птиц, сцены перекочевок.

Туркмены владели и многими другими видами декоративно-прикладного искусства. Здесь были развиты традиции ворсового ковроделия. Выделывалась и декорировалась тисненным или выдавленным узором кожа. Резьбой по дереву украшались двери юрты, сундуки, седла и музыкальные инструменты.

Особая отрасль народного творчества – художественная обработка металла – насечка по серебру, штамповка, чеканка, ажурная просечка резьбой, зернью, цветной эмалью. Эти приемы применялись для украшения сбруи, стремян, седел, оружия, и деталей одежды. С глубокой древности ювелиры-*зергяры* создавали такие изделия как круглые серебряные кольца, браслеты, серьги, великолепные ажурно-объемные накосные, височные и нагрудные украшения с излюбленными на Востоке камнями – сердоликом и бирюзой. Эти крупные с матовым блеском серебра вещи великолепно оттеняли смуглую кожу и сочетались с кроем, силуэтом и своеобразной пластикой туркменской национальной одежды.

Туркменская орнаментика, имеющая самобытные достижения и древние истоки, подобно узорам других народов сочетает реалистическую основу с философско-космологической и обереговой символикой. Многие элементы туркменского декора, развившиеся из образов природных реалий до абстрактно-понятийных форм, имеют стойко закрепленные в сознании мастеров значения и названия: «рога барана», «глаза птицы», «хвост собаки», «цветок абрикоса», «бегущая волна».

Но в то же время, орнаментальные формы – знаки того, что нельзя увидеть непосредственно. В туркменской орнаментике распространены солярные знаки, вихревая розетка, символ солнца и животворящей силы природы; сложно стилизованная дре-

Рис. 6. *Шельпели гульякачанга*

вообразная фигура, «древо жизни», древнейшие изображения простых геометрических фигур – круга, квадрата, ромба, треугольника, зигзага.

Туркменский узор имеет свои черты – особое значение растительных и зооморфных форм, отсутствие строгой симметрии в узоре, выбор ведущих цветов (красный, желтый, белый и черный), связь цветопостроения, техники и характера узора с древней и средневековой культурой региона.

В культурной жизни современного Туркменистана судьбы отдельных видов народного искусства складываются по-разному. Некоторые из них угасают с уходом старого быта, другие видоизменяются, трансформируются, врастают в современную жизнь и культуру. Продолжает жить эпос «Героглы», обогащаясь новыми эпизодами и формами бытования. Теперь он стал достоянием не только туркменской, но и мировой культуры. Индустриальное строительство вытесняет юрту, но она широко используется на различных национальных праздничных торжествах. Отдельные виды традиционного декоративно-прикладного искусства перекочевали в современные городские квартиры, оживив их предметно-пространственную среду. Народные бахши исполняют старинные и новые мелодии в самодеятельных коллективах, по радио и телевидению. Своими путями врастает в профессиональные формы искусства туркменский фольклор. Народная поэзия и музыка – бесценный кладезь мастерства, питательная почва для развития дарований современных туркменских литераторов, композиторов, исполнителей.

В Туркменистане сформировалась сильная плеяда художников-ювелиров, керамистов, на эстетические чувства и пластическое видение которых наложила печать неповторимого своеобразия эпическая традиция туркмен. Туркменские мастера современного прикладного искусства, остро чувствуя выразительные возможности старинных форм, в своих работах смело вводят в традиционные сюжеты новые свободные ритмы и цветосочетания, будто оживляя дух эпоса и народных поэм. Живые формы традиционного народного искусства широко включены в сегодняшнюю реальность туркменской культуры, пропитаны духом нашего времени.

Т. Нобатов

Дутара дивное звучание

С древнейших времен регионы Центральной Азии находились на перекрестке дорог, где встречались разные племена с самобытными культурами, образуя очаги всесторонних взаимовлияний. Через территорию современного Туркменистана в древности проходил Великий шелковый путь – мост связи культур и торговых интересов Китая и Рима, Индии и Африки, арабских стрна и Европы. Здесь возникали и рушились государства, смешивались, взаимно обогащая друг друга, различные культуры, религии, политические влияния.

Богата и разнообразна музыкальная культура туркмен, отразившая образ жизни и особенности мироощущения, историю и психологию народа. Туркменский инструментальный и песенный фольклор отличаются импровизационной гибкостью, эпической повествовательностью, широким диапазоном интонационных и ритмических приемов.

Музыка для туркмен – это искренний рассказ о тревогах и радостях, страданиях и счастье, о красоте души и волнениях сердца, это обличенная в звуки жизнь народа. Она способна успокоить и вылечить душевные раны, влить в человека жизненную энергию. Поэтому туркмены слушают музыку с благоговением и восхищением, нередко доходящим до экстаза. Туркменская музыка легко ассоциируется с конкретными образами. За сердце хватают протяжные, полные поэтической грусти лирические песни, полные артистического задора искрометные наигрыши на **национальном струнном инструменте** *дутаре*. Такая музыка формировала не только быт, но и душевный склад народа, его нравственное отношение к миру, эстетический вкус.

Рис. 1. Дутар – национальный струнный музыкальный инструмент (Предмет из коллекции Историко-краеведческого музея Марыйского велаята).

Множество народных преданий и легенд связано с происхождением самого дутара. В одной из них говорится о пастухе Бабагамбаре, который пас крылатого коня Дульдуля. Дульдуль, как гласят древние предания, мог перелетать через горы и реки. Согласно легенде, Бабагамбар вырезал из тутовника инструмент, напоминавший дутар, натянул на него шелковые струны и стал играть. Так родился дутар. Все живое в округе завораживали его волшебные звуки. В этой дивной музыке струн виделись бескрайние пески, горные дали, степи, перекаты холмов, слышался гул сражений, топот копыт, грохот водопадов и горных рек, нежное журчание ручейков, голоса ветра, крики птиц. До сих пор, согласно народным представлениям, покровителем всех музыкантов *бахши* считается Бабагамбар.

В Ёлотенском этрапе Марыйского велаята находится могила Бабагамбара. На ней растет дерево, которое по очертаниям напоминает дутар. Выросшее на могиле дерево у туркмен являлось свидетельством святости погребенного. У такого дерева давались клятвы, проверялась виновность или невиновность ответчика. Понимание исключитель-

ного отношения туркмен к святому дереву на могиле, скорее всего, кроется в круге архаичных представлений, связанных с образом древа жизни — *Омур дарагты*, универсальной концепцией, которая в течение длительного времени определяла модель мира.

Все необыкновенные явления природы считались местами священными, освященные пребыванием святого покровителя. Дерево, одиноко растущее в пустыне, или растение с необыкновенными кривыми ветвями служили предметом поклонения, нередко служили местом ночевок. Каждый, проезжая, навязывал на это дерево лоскуток от одежды, ленты, бросал деньги, приносил в жертву животных. Старики уверяют, что, когда ломается и валится ураганом такое большое дерево, из него течет кровь. Большое несчастье может поразить человека, если он нанесет повреждение подобным деревьям. Из многих традиций известны мифы о деревьях, истекающих кровью, испускающих крики боли или негодования.

Дутар и прежде, и теперь – самый любимый инструмент туркмен. А какая же музыка без музыканта, который с этим инструментом может искусно обращаться. Это в его виртуозных руках дутар умеет смеяться и плакать, приводя слушателей в восторг и заставляя неотрывно внимать **народному исполнителю бахши** — певцу-сказителю древних **народных эпосов — *дестанов*. Их искусство** с незапамятных времен пользуется в стране почетом и уважением. Их имена всегда на слуху, а история жизненного пути овеяна тайнами и нередко обрастает легендами.

Однако задача **бахши** не только игра на дутаре, его главное предназначение – пение. Сильный голос исполнителя и тихое, мерное звучание инструмента – две составляющие успеха национальной песни, поэтому и в наши дни ни одно **торжественное событие или праздник в Туркменистане без бахши**.

Сегодня, благодаря огромным усилиям, предпринимаемым Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым, богатейшее историко-культурное наследие туркменского народа открывается всему миру и становится наиболее эффективным и действенным средством в деле возрождения духовности и сохранения бесценных свидетельств минувших эпох.

Рис. 2. Мастер по изготовлению дутаров Азат Нурыев (Марыйский велаят Туркменистана). Фото из архива Историко-краеведческого музея Марыйского велаята.

Я. Тиркишова

Украшения древних богинь

Желание быть красивой, улучшить свою внешность было присуще женщине с давних времен. Каждое поколение определяло свой идеал красоты. Предки современных туркмен были тонкими ценителями красоты и эстетики, о чем свидетельствуют археологические находки, дошедшие до наших дней. Вполне естественно, что древний человек использовал только то, что было создано самой природой, т.е. отполированные природой камни, раковины, зубы и кости животных. В качестве материала могли выступать и плоды растений, которые были оберегами от дурного глаза и в то же время должны были передать носящему его человеку свои свойства, в частности, изобилие и плодородие. Украшения помещали в погребения, стремясь воздать последние почести усопшему и отогнать от него злые силы.

Туркменская земля – очаг древнейших цивилизаций Востока, внесших значительный вклад в развитие мировой культуры, хранилище многих не разгаданных поныне тайн. Большую известность получили выдающиеся открытия в Древней Маргиане, сделанные знаменитым археологом Виктором Сарианиди в последние десятилетия. Это высокохудожественные изделия из камня, металла, слоновой кости и, конечно, глины, которая служила сырьем для умелых гончаров и скульпторов, создавших тончайшие керамические сосуды изысканных форм и фигурки божеств языческого пантеона, и, конечно же, поражающие своим великолепием, ювелирные украшения, многие из кото-

Рис. 1. Джейтун. Ожерелье.
Экспозиция Историко-краеведческого музея Марыйского велаята

Рис. 3. Гонур-депе. Фаянсовые(?) браслеты в экспозиция Историко-краеведческого музея Марыйского велаята

Рис. 4в. Гонур-депе. Бусы из погр. 3525

рых хранятся в Историко-краеведческом музее Марыйского велаята.

Через тысячелетия Древняя Маргиана пронесла всю свою магически-религиозную силу, воплощенную в ювелирных изделиях, которые носили в определенный момент и на определенных частях тела. Ювелирные украшения всегда пользова-

Рис. 5А, 5б, 5в — Современные туркменские украшения. Серебро, позолота, сердолик, бирюза. Конец XX – начало XIX вв. Из коллекции Историко-краеведческого музея Марыйского велаята.

лись спросом среди всех социальных слоев общества, что определялось не только их эстетикой, но и рядом функций, связанных с обычаями и обрядами. Ранее главными были сакральная и магическая функции изображений, предметов, сейчас, в первую очередь, обращают внимание на эстетику. Что же касается соответствия украшений социальному статусу – так ли далеко мы ушли от них? В первую очередь, поражает возраст этих ожерелий, диадем, браслетов и серег – многим из них, по меньшей мере, 4-5 тысяч лет. Но нередко встает вопрос: как безвестным мастерам древности удавалась создавать такую красоту? Тонкость и изящество работы, мастерство бросаются в глаза, несмотря на следы неумолимого времени...

В древности некоторые части человеческого тела, например, грудь, считались особыми, скрытыми, священными. Талисман или ювелирное изделие, которое носили на груди, всегда защищало сердце. Люди были убеждены в том, что сердце гораздо «важнее» головного мозга, что оно является источником жизни, источником всех вещей. К одним из самых древних украшений можно отнести бусы. Бусы носили как в качестве украшения, так и для сообщения определенной информации. Например, женщина надевшая бусы из плодов растений, символизировала тем самым желание к продолжению рода. Но настоящий расцвет этот тип украшений получило именно в эпоху бронзы.

Знатные маргианские красавицы носили целые воротники, «нагрудники» бус, которые делали из полудрагоценных камней и золота. Самыми популярными были сердолик, лазурит, бирюза и агат. Сочетание синего лазурита с золотом было чрезвычайно удачно, что заметили уже в древности. С большим вкусом камни подбирались один к одному, изящно прораба-

тывались украшенные орнаментом или сделанные из тончайшей золотой фольги. Не менее популярными были бусы из обожженного камня, гипса и бронзы.

Женщины давно украшают свои волосы заколками. И женщины Древней Маргианы имели в своем распоряжении различные украшения для волос. Это мастерски выполненные заколки и различные диадемы в форме ободков. Диадемы изготавливались из бронзы, реже серебра и золота. Они были длиной 35-50 см и шириной 2-3 см. Украшались геометрическим орнаментом, выполненным пуансон-методом, состоящими из углублений в виде точек. Разнообразные заколки для волос были из серебра, кости, украшенной резьбой, а также из бронзы с наборным навершием, нередко из лазурита и сердолика. Кроме вполне утилитарного значения – поддерживать и фиксировать прическу – эти украшения были и статусными предметами, обозначающими социальное положение женщины. Характерно, что заколками для волос пользовались и мужчины.

Значение серег нашло отражение в очень древней легенде о мудреце, который понимал язык птиц. Это мудрец получил знание от змей, которым он спас жизнь. В благодарность за это змеи очистили уши человека, когда он спал, что было очень важно, т. к. уши были «вратами, через которые в человека входили и выходили духи». Поэтому, этнографические данные показывают, что серьги играли роль не только украшений, но и амулетов. Они часто имели формы колец или полусфер. В Древней Маргиане найдены также изысканные золотые серьги в форме полушарий с рельефным рисунком.

Надо обратить внимание, что серьги, бусы или браслеты, найденные в Маргиане, выглядят очень современно. Эмоционально выразительные, отличающиеся гармоничным сочетанием форм, стиля и декора. Они представляют собой яркую страницу истории искусства, входят в сокровищницу национальной культуры. Узоры и орнаменты, которые представлены на украшениях, будут повторяться в течение многих веков – от древности до современности.

Список сокращений

АВ	—	Археологические вести, Санкт-Петербург.
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.
КСИА	—	Краткие сообщения института археологии АН СССР. М.: Наука.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука
СА	—	Советская археология. М.: Наука.
ТИЭ	—	Труды Института этнографии АН СССР. М.: Наука
Тр МАЭ	—	Труды Маргианской археологической экспедиции.
Тр ХА/Э	—	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
Тр ЮТАКЭ	—	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УСА	—	Успехи Среднеазиатской археологии. Л.: Наука.
SAA	—	South Asian Archaeology

Научное издание

Труды Маргианской археологической экспедиции

Том 7

Исследования Гонур-депе в 2014-2015 гг.

Редакционная коллегия
Надежда Анатольевна Дубова (главный редактор),
Елена Вадимовна Антонова, Руслан Гельдыевич Мурадов,
Роберт Мидхатович Сатаев, Алексей Алексеевич Тишкин

Рецензенты

Кирчо Любовь Борисовна, доктор исторических наук
Багашев Анатолий Николаевич, доктор исторических наук

Москва 2018

Топографические работы, карты, схемы – В. Артемьев, К. Шадурдыев
Фотографии (кроме авторов статей) – В. Артемьев, М. Беглиев, Н.А. Дубова

На второй странице обложки помещена схема расположения основных памятников Ближневосточного региона и сопредельных территорий; на третьей – схема расположения раскопов Гонур Депе.

On the second page of the cover is placed layout of the main archaeological sites of the Middle East region and adjacent areas, on the third – layout of the excavation areas of Gonur Depe.

Пояснительная записка к схеме расположения археологических раскопов Гонур Депе

Центральной частью памятника является дворцово-храмовый комплекс, получивший изначально название «Гонур1» или «Северный Гонур».

Некрополь (или Большой некрополь Гонура, Главный некрополь Гонура) расположен на левом берегу р. Мургаб, приблизительно в 350 м к юго-западу от центральной части дворцово-храмового комплекса Гонура, центром которого является дворец.

Теменос (или Южный Гонур) находится приблизительно на таком же расстоянии к югу от дворцово-храмового комплекса.

Раскопы 1-4 находятся на территории Дворца Северного Гонура. На схеме они не идентифицированы.

Раскоп 5 ограничивается с юга северным фасом кремлевской стеной, а с севера – соответствующим же фасом второго ряда стен – «стеной каре».

Раскоп 6 находится к западу от кремлевской стены в пределах «стены каре».

Раскоп 7 – в тех же пределах с юга, а также с востока. Северо-восточной границей раскопа 7 является территории Храма огня.

Раскоп 8 выделен на южном берегу большого южного бассейна Гонура. На территории этого же раскопа, в юго-восточной части, находится и царский некрополь, выделенный в виду его важности в отдельный раскоп. Небольшая часть его, представленная лишь небольшим числом помещений к северу от царского некрополя на восточном берегу Главного южного бассейна и несколькими десятками погребений, не имеет четкой границы с восточной частью Раскопа 9 и южной частью Раскопа 18.

Раскоп 9 находится на северном берегу большого южного бассейна Гонура. Его северной границей является южный фас «стены каре». На востоке эта территория практически сливается с южной частью Раскопа 18 и северо-восточной частью Раскопа 8.

Раскопы 10 и 11 помещаются соответственно на северо-западе и северо-востоке между северным фасом «стены каре» и обводной стеной.

Раскоп 10а расположен рядом с запада за обводной стеной в непосредственной близости от нее.

Раскоп 12 расположен на юго-запад от центральной части комплекса, слегка обособленно от других раскопов и, по всей видимости, за пределами обводной стены.

Раскоп 13 лежит на юго-запад, а раскоп 14 – на запад от центральной части, но в пределах обводной стены.

Раскоп 15 – небольшая территория на юго-востоке Гонура, между восточной частью раскопа 9 и царским некрополем.

Раскоп 16 – обособленная территория на юго-западе Гонура. Она лежит далее на юг и запад от раскопа 12 за пределами всех стен. Эта территория по мере усыхания одной из проток древнего Мургаба практически соединилась с восточной частью Главного некрополя Гонура.

Раскоп 17 расположен к северу от центрального северного входа в комплекс за пределами обводной стены.

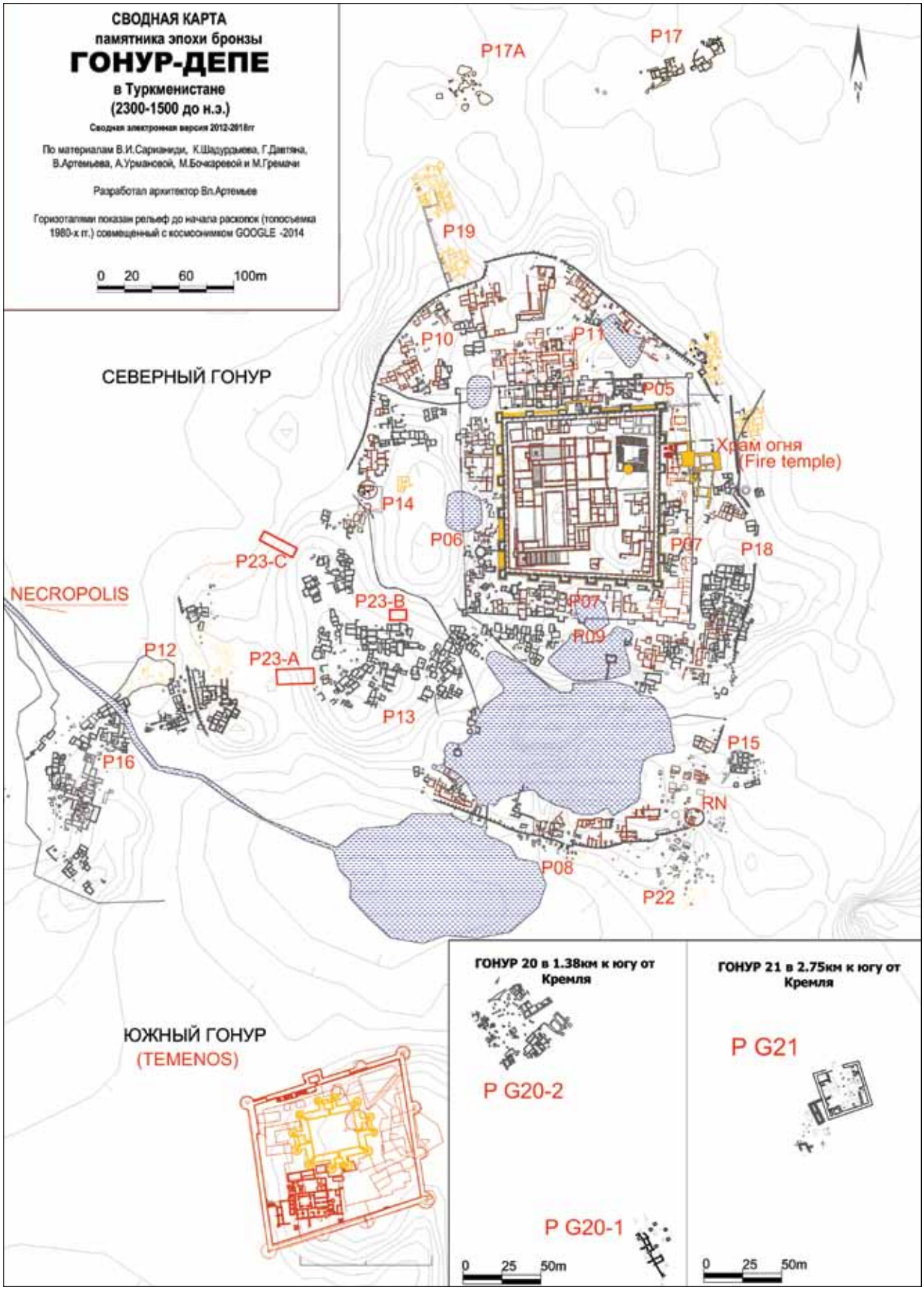
Раскоп 17а находится за пределами обводной стены к северо-западу от центральной части Гонура между раскопами 19 и 17.

Раскоп 18 выделен на восточном фасе комплекса между «стеной каре» и обводной стеной.

Раскоп 19 – территория на северо-западе центральной части, за пределами обводной стены.

Раскоп 22 – площадь на юго-востоке памятника, к югу от царского некрополя.

Гонур 20 и Гонур 21 – сателлитные поселения к югу от центральной части памятника.


СВОДНАЯ КАРТА
памятника эпохи бронзы
ГОНУР-ДЕПЕ
в Туркменистане
(2300-1500 до н.э.)
Сводная электронная версия 2012-2018гг
По материалам В.И.Сарианиди, К.Шадурдыева, Г.Даутяна, В.Артемьева, А.Урмансевой, М.Бочкаревой и М.Гремячи
Разработал архитектор Вл.Артемьев
Горизонталями показан рельеф до начала раскопок (топосъемка 1980-х гг.) совмещенный с космоснимком GOOGLE -2014
0 20 60 100m
N
P17A
P17
P19
P10
P11
P05
СЕВЕРНЫЙ ГОНУР
Храм огня
(Fire temple)
P14
P06
P07
P18
P23-C
NECROPOLIS
P23-B
P07
P09
P12
P23-A
P13
P15
P16
RN
P08
P22
ГОНУР 20 в 1.38км к югу от Кремля
P G20-2
ГОНУР 21 в 2.75км к югу от Кремля
P G21
ЮЖНЫЙ ГОНУР
(TEMENOS)
P G20-1
0 25 50m
0 25 50m

9 785899 301506